

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖИ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И.ВЕРНАДСКОГО»**

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

III Международный симпозиум

(8 – 12 июня 2019 г.)

Сборник научных статей

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р 89

*Рекомендовано к печати Ученым советом факультета славянской филологии
и журналистики Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(протокол № 4 от 11 апреля 2019 г.)*

Рецензенты:

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор
(ОГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск);

Анжела Григорьевна Шилина, доктор филологических наук, профессор
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь);

Редакционная коллегия:

Г.Ю. Богданович, доктор филологических наук;

В.В.Орехов, доктор филологических наук;

Е.Я. Титаренко, доктор филологических наук (*ответственный редактор*);

Т.А.Ященко, доктор филологических наук;

Т.В. Аржанцева, кандидат педагогических наук;

Е.М. Шахова, кандидат филологических наук;

Р.Н. Гусейнова (*технический редактор*).

Р 89 **Русский язык в поликультурном мире** : сборник научных статей
III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко.
В 2-х т. Том 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 452 с.
ISBN 978-5-907162-63-1 (т. 1)
ISBN 978-5-907162-62-4

В сборнике представлены научные статьи по докладам участников III Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», состоявшегося в рамках XIII Международного фестиваля «Великое русское слово» (Республика Крым, г. Ялта). В статьях освещаются дискуссионные вопросы развития русского языка в эпоху глобализации, социо- и этнопсихолингвистики; анализируются лингвокреативные тенденции в сфере коммерческой и городской номинации, а также проблемы политической, юридической и медиалингвистики, методики организации ассоциативного эксперимента в изучении национального языкового сознания, теории и практики лингводидактики, методики преподавания русского языка как иностранного, лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907162-63-1 (т. 1)
ISBN 978-5-907162-62-4

© Авторы публикаций, 2019
© ИТ «АРИАЛ», 2019

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ. ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

КРЕОЛИЗАЦИЯ КАК ЯДЕРНЫЙ ПРИЗНАК СОВРЕМЕННОГО КРЫМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т.А. Ященко, Е.Л. Ященко

t-yashchenko@yandex.ru, el.leon.yashchenko@gmail.com

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»

(Симферополь)

Сама тема семиотической сложности текста не является новой для лингвистических, психолингвистических, лингвопрагматических и лингвополитологических исследований рубежа XX – XXI вв. (Е.Е. Анисимова, Л. Барден, А.А. Бернацкая, М.А. Бойко, Н.С. Валгина, М.Б. Ворошилова, О. В. Пойманова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.)

При параллельном использовании в современных работах обширного ряда терминологических сочетаний (дикодевая структура; поликодовый, семиотически сложный, негомогенный, составной, видеовербальный, креолизованный текст) наиболее корректным представляется термин *креолизованный текст*. В своем исследовании мы опираемся на определение Е.Е.Анисимовой, трактующей креолизованный текст как «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [1, с.72].

История изучения креолизованного текста в целом, а также отдельных его разновидностей с достаточной полнотой представлена в монографии М.Б.Ворошиловой [2]. Современные работы по креолизованному тексту базируются на самом разнообразном материале: художественный текст, с особым выделением киносценария (Ю. М. Лотман, Ю.Г. Цивьян, Е.Е. Анисимова, Г.Г. Слышкин, Н.В. Ваншунина); политический текст, с включением политической карикатуры и когнитивной политической метафоры (А.П. Чу-

динов, Н.М. Чудакова, Н.А. Купина, М.Б. Ворошилова, Ю.А. Антонова); рекламный текст (Д.П. Чигаев, А.В. Чербаков, Л.Г. Феценко, Г.Г. Почепцов); тексты культурологической направленности (Ю.А. Колодная, Д.А. Удод, М.Б. Шинкаренкова), а также тексты профессиональной онлайн-коммуникации (Н.К. Радина).

Между тем, насколько нам известно, краеведческие тексты, представляющие несомненную ценность с точки зрения приемов и прагматической направленности креолизации, до настоящего времени не являлись объектом специальных исследований, в этом и заключается **новизна** нашей работы. **Актуальность** исследования обусловлена заметным ростом интереса в современном социуме к сфере краеведческой информации, связанной с Крымом, о чем свидетельствуют увеличение количества соответствующих изданий и рост их тиражей.

Рамки статьи позволяют остановиться на характеристике только одного из жанров крымских краеведческих текстов – путеводителя, который представляет особый интерес в нескольких аспектах: 1) креолизация текста путеводителя обусловлена особенностями самого жанра; 2) современные путеводители активно используют разнообразные формы и технологии презентации невербальной информации; 3) степень и технологии креолизации путеводителя определяются не только его коммуникативными задачами (преобладание когнитивной или прагматической направленности), но в определенной мере и временем его создания.

Последняя из перечисленных характеристик, на наш взгляд, соотносится с определением хроноцентризма в качестве одного из ядерных признаков крымского краеведческого дискурса (КД), наряду с традиционно выделяемыми локоцентризмом, культуроцентризмом и антропоцентризмом. Хроноцентризм трактуется нами следующим образом: а) наличие временной перспективы в представлении объекта краеведческого нарратива; б) влияние идеологием определенного исторического периода на систему ценностей, реализованную в КД (подробнее этот вопрос рассматривается в наших работах, посвященных крымскому краеведческому дискурсу) [10, 11].

В предыдущей публикации по креолизации крымского краеведческого текста [12] были представлены результаты анализа невербальной составляющей двух путеводителей по Крыму: Шарль Монтандон «Путеводитель путешественника по Крыму» (издан в Одессе на французском языке в 1834 г.; издан в переводе на русский язык в 2011 г.) [6] и Григорий Москвич «Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму с Приложением» [7].

Если говорить о путеводителях по Крыму нового поколения, они, естественно, отличаются большим разнообразием технологий представления невербальной составляющей и увеличением ее объема в общем тексте. Но при этом мы не можем вполне согласиться с положением О.В. Поймановой о том, что многие тексты современных путеводителей могут быть отнесены к изобразительно-центрическим: «с ведущей ролью изображения, вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует его» [8, с.67].

По нашим наблюдениям, невербальная составляющая преобладает только в таких разновидностях крымских краеведческих текстов, как справочник-путеводитель, примером которого является «Крым – 2017» [4], издание преимущественно рекламного характера, но содержащее при этом историческую и актуальную краеведческую информацию о полуострове. К изобразительно-центрическим текстам относятся также разнообразные туристические рекламные проспекты.

Если использовать классификацию возможных отношений между компонентами креолизованного текста М.Б.Ворошиловой [2, с.35 – 37], можно отметить, что в целом для современных печатных путеводителей по Крыму характерны тексты с перекрестной корреляцией, когда семантика и прагматика вербального и невербального компонента частично перекрывают друг друга; тексты с параллельной корреляцией, когда наблюдается почти полное совпадение между семантикой и прагматическим потенциалом вербального и невербального компонента; с поддерживающей корреляцией, когда в целях передачи информации один из компонентов поддерживает семантику второго.

Переходим к анализу печатных изданий путеводителей. Среди путеводителей последнего 5-летия особой популярностью пользуются классические путеводители из международной серии «Оранжевый гид. Крым» [3] и «Красный гид. Крым» [5]. Известно, что

серия «Оранжевый гид» предполагает большой объем информации, а для серии «Красный гид» характерно выделение Топ-достопримечательностей. «Оранжевый гид. Крым» представляет уникальные туристические маршруты с использованием приемов перекрестной корреляции (информация вербальной составляющей перекрывается информацией вклеенной в книгу карты, схемами маршрутов и т.д.). Привлекают внимание разнообразные предложения для путешественников с учетом сезона, погоды и индивидуальных интересов. Многие пользователи отмечают ценность раздела «Праздники в Крыму», для которого характерна параллельная корреляция разных семиотических систем. С точки зрения креолизации следует отметить оригинальность такого приема, как включение дополнительного видеоряда, связанного с «кинематографическим Крымом». Так, например, лестница, ведущая к храму Свято-Успенского монастыря (окрестности Бахчисарая), именуется «Гамлетовской», так как именно здесь И.Смоктуновский в роли Гамлета произносил известный монолог «Быть или не быть...» (фильм режиссера Григория Козинцева, 1964 г.). В данном случае можно отметить удачность использования приема интерпретативной корреляции, когда устанавливается особый тип связи на ассоциативной основе.

В путеводителе «Крым. Красный гид» [5] активно используются разные семиотические коды подачи информации: как прямая денотативная соотнесенность элементов, или прием параллельной корреляции (вербальный текст о туристическом объекте, его фотографическое изображение и место на карте), так и непосредственное включение в вербальный текст невербальных семиотических знаков: стрелки, указывающие на страницы с соответствующей информацией, пиктограммы в инструкции «Как пользоваться книгой»; цветовой фон как своеобразный навигатор, указывающий на определенный регион (Южный берег – светлосиреневый цвет, Севастополь – бирюзовый, Степной и Горный Крым – желтый).

В последнем случае отмечается прием поддерживающей корреляции. Удачно выстроен Топ-25 (основные достопримечательности) в сочетании краткой вербальной информации и цвето-цифрового обозначения на карте.

Остановимся еще на одном оригинальном приеме креолизации крымского краеведческого текста, который представлен в издании «Путеводитель по старой Ялте: Ялта конца XIX – начала XX века в открытках» [9]. Сама по себе технология использования ретро-фотографий в краеведческих публикациях разных жанров не является новой. Но авторы книги, о которой идет речь, пошли своеобразным путем: в текст, разумеется, включаются фотографии Ялты рубежа веков, но центральное место занимают почтовые открытки с ялтинскими видами (самая ранняя из известных открыток Ялты относится к 1895 г.).

На фотографиях и открытках (часто с указанием фамилий их авторов) запечатлены важные события в жизни Ялты и Крыма, представленные в авторском тексте. Так, по поводу одной из открыток находим весьма интересную, но не известную широкому читателю информацию: «На открытке «Вид на Ялту с западной стороны» – над морем маленький, похожий на стрекозу самолет. Эта открытка напоминает нам о том, что Крым был колыбелью российской авиации (...) в 1910 году была основана Севастопольская авиационная школа отдела Воздушного флота, или Качинская школа летчиков. В августе 1913 года Николай II и его семья прибыли на отдых в Крым. В Севастополь приветствовать императора «прилетела на ньюпортах» группа летчиков из Качи. Можно предположить, что фото для этой открытки было сделано осенью того же 1913 года» [9, с.18]. В данном случае не только достигается максимальное воздействие на читателя посредством комбинирования вербальной и невербальной составляющих, но и расширяется информация по теме пребывания императорской семьи в Крыму, которая вызывает в последнее время большой интерес в массовом сознании.

Авторы путеводителя, обращаясь к прецедентным феноменам русской культуры и умело используя органичное сочетание визуального материала открытки с текстом, «погружают» читателя в атмосферу «чеховской Ялты». Так, например, по поводу открытки «Ялта. Павильон парижской кондитерской Флорена» в путеводителе сообщается, что это бывший павильон кондитерской Верне, «который был чрезвычайно популярен, особенно после того, как Чехов поместил туда персонажей рассказа «Дама с собачкой» [9, с.25].

Благодаря этому уникальному изданию читатель получает возможность не только увидеть запечатленные современниками виды

Ялты ушедшей эпохи, но и прочитать реальные рукописные тексты, принадлежавшие авторам «открытых писем» (на наш взгляд, весьма оригинальный и психологически обоснованный прием креолизации текста). По содержанию это обычные письма, которые пишутся из мест отдыха и лечения, но в самом строе этих писем, в их стилистике, в манере обращения к адресатам и, пожалуй, даже в почерке – сохраняется «аромат» безвозвратно ушедшей эпохи.

Особыми приемами сочетания различных семиотических систем, находящихся в отношениях взаимодополнения (перекрестная корреляция) пользуются создатели видеосюжетов краеведческого характера. Покажем это на примере сюжета «Отдых в Крыму», выложенного на ютубе [13] (количество просмотров 1215). Вербальная составляющая сюжета представлена дикторским аудиотекстом и топонимическими номинациями на карте Крыма. Невербальные знаки: видеоряд, панорамная карта, аэрофотоснимки, графические знаки (стрелки, шрифтовые выделения), цифровые данные (расстояния между объектами, высота над уровнем моря, глубина водоемов, количество населения, количество экспонатов в музеях, даты основания ойконимов и возведения определенных объектов). Последнему из перечисленных видов информации (например, первое упоминание о Херсонесе, о возведении Судакской крепости) уделяется особое внимание: данные аудиотекста дублируются графической цифровой информацией и подкрепляются дополнительными способами графического выделения (гарнитура шрифта, подчеркивание, рамочное выделение).

Таким образом, внимание адресата акцентируется на уникальности и древности культуры Крымского полуострова, что представляет несомненную привлекательность для туристов. Взаимодействие различных семиотических систем, включая приятное музыкальное сопровождение, не только способствует успешной работе когнитивных механизмов усвоения информации, но и усиливает рекламную составляющую креолизованного текста.

Таким образом, считаем, что есть достаточно оснований для утверждения, что креолизация текста относится к числу ядерных характеристик современного крымского краеведческого дискурса, главным назначением которого является органичное взаимодействие между адресантами, адресатами и самим Крымом.

Исследование краеведческого текста с точки зрения приемов креолизации способствует расширению представлений о его хроноцентризме.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71-79.
2. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. / М.Б. Ворошилова; Урал. Гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.
3. Киселёв, Д.В. Крым: путеводитель / Д.В. Киселёв - 8-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2017. - 352 с. (Оранжевый гид).
4. Крым. Справочник-путеводитель 2017. – ИД «Комсомольская правда»: М., 2017. – 96 с.
5. Кульков Д.Е. Крым / Д.Е. Кульков. – Москва: Эксмо, 2015. – 128 с. (Красный гид).
6. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. / пер. с франц. – К., Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
7. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издательство: Редакция "Путеводителей" (Санкт-Петербург), 1912. – 288 с.
8. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
9. Путеводитель по старой Ялте: Ялта конца XIX-начала XX века в открытках / Сост. Ткачук О.П., Петренко Л.В., Ливицкая З.Г. – Симферополь: Н. Орианда. 2016. – 132с.
10. Яценко Т. А. Хроноцентризм как ядерный признак крымского краеведческого дискурса // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 2 / Л.Ю. Андреева, В.П. Ачилова, Е.Л. Ачилова, Г.Ю. Богданович и др.; [под ред. Г.Ю. Богданович]. – Симферополь: ИТ «АРЕАЛ», 2018. – С. 98-122.
11. Яценко Т.А. Лингвокогнитивный анализ крымского краеведческого дискурса // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 87-95.
12. Яценко Т.А., Яценко Е.Л. Креолизованное представление Крыма в путеводителях XIX – начала XX в.в. // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и культур: VI Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2018 г.): Труды и материалы / Под ред. В.В. Орехов, Е.Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 41-44.
13. https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=E1b0lfrcDKs

ВЛАСТЬ И АВТОРИТЕТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКИХ¹

Н.В. Уфимцева

nufimtseva@yandex.ru

ФГБУН Институт языкознания РАН

(Москва)

Кто не ищет власти, тот не боится и лишиться её.

Прп. Алексей Голосеевский

Для нормального развития культуры необходим общий запас культурных ценностей, инвентарь культуры, который должен транслироваться следующим поколениям через традицию.

Носителем традиции является этнос, а сама традиция рассматривается как комплекс культурных парадигм [1]. Понятие традиции, в свою очередь, связывается с представлением о культурном ядре («центральной зоне культуры») – относящемся к коллективному бессознательному. Именно наличие этого ядра обеспечивает согласованность поведения всех членов данного этноса в определенных, являющихся знаковыми для данной культуры, ситуациях.

По мнению Н.М. Лебедевой, «ценности, доминирующие в обществе – это главный элемент культуры, и ценностные приоритеты индивидов реализуются в основных целях поведения. С другой стороны, опыт повседневной жизни в меняющихся экологических и социополитических условиях напрямую влияет на ценности. Таким образом, ценности хорошо подходят для анализа изменений, происходящих в культуре и личности в ответ на исторические и социальные изменения» [2, с. 73].

Ориентируясь на тип мотивации в 80-х гг. XX-го века С. Шварц, на основе результатов Международной программы по сравнительному (кросс-культурному) изучению ценностей выделил десять групп ценностей: **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Заботливость, Традиции, Конформизм, Безопасность** [3; 4]. Дальнейший анализ показал, что «десять типов ценностей располагаются на двух биполярных осях: **Открытость к изменениям (ценности**

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

самостоятельности и стимуляции) – **Консерватизм** (*безопасность, конформность и традиции*) и **Акцент на себе** (*власть и достижение*) – **Акцент на других** (*универсализм и заботливость*)» [2, с. 75].

В исследованиях отечественных этнических психологов в 90-х гг. прошлого века отмечается важность для русских таких ценностей, как *терпение, страдание, смирение, жертвенность*, в отличие от таких ценностей, как *труд, достижение успеха* [5]; *коллективизм, справедливость, ориентация на лучшее будущее, ориентация на быстрое решение жизненно-важных проблем* [6]. Н. Лебедева и Е. Павелко отмечают сильную тенденцию к сохранению «таких базальных ценностей русской культуры, как *коллективизм и феминность* наряду с возникновением и развитием у молодых поколений россиян ценностей *индивидуализма и маскулинности* (амбициозность, мотивация достижения)» [7, с. 99]. Более позднее исследование Н.М. Лебедевой показало, что русские респонденты (школьные учителя и студенты) демонстрируют большую согласованность в отвержении таких ценностей, как *власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе* [2].

Понятие «Власть» входит в число основных измерений социальной стратификации общества, в связи с этим встает вопрос, как формировались представления о власти в образе мира русских и почему столь солидарны носители русской культуры в отвержении этой ценности.

Власть, а, значит, возможность подчинять своей воле, управлять или распорядиться действиями других людей, предполагает необходимость высокого личного статуса носителя этой власти, его авторитетность. При этом, «власть на Руси всегда осознавалась не как предмет тщеславных вождельных, награда самым наглым, хитрым и беспринципным бойцам политического ринга, не как бездонная кормушка для чиновников и бюрократов, но как религиозное служение заповедям справедливости и добра, как «Божие тягло» [8, с.136]. Иметь власть означало «владеть, обладать», власть предполагала «мощь» и «силу» как социальное понятие, которое осмыслялось как дар Бога, «поскольку власть освящалась именем Бога» [9, с. 30].

В нашей культуре, по мнению К. Касьяновой [5], основными свойствами высокого личностного статуса являются полная бескорыстность и строгое соблюдение моральных правил, умение отказываться от собственных целей и планов в пользу целей и планов коллектива (общества), как бы полная несамостоятельность. Способом же проверки наличия высокого личностного статуса, культурным архетипом является отказ от должности. Следовательно, еще одним архетипом нашей культуры можно признать не обязательное совпадение высокого личностного статуса и высокой должности, и постоянную необходимость занимающему высокую должность лицу подтверждать свой личностный статус.

Если мы обратимся к результатам массовых ассоциативных экспериментов, представленных в РАС [10] (данные 1994 г.), ЕВРАС [11] (данные 2008-2011 гг.), СИБАС [12] (данные 2008-2011 гг.), УРРАС [13] (данные 2008-2011 гг.) и базе данных КРАС [14] (данные 2016-2017 гг.), то увидим, что реакции на слово-стимул **власть**² - *портит человека* (РАС), *портит* (ЕВРАС), *портит, губит* (СИБАС); *портит, портит человека, портить, зло* (УРРАС); *губит* (КРАС) - подтверждают выводы, сделанные социологами в 2001 г. Анализ ответов респондентов показал, что россияне считают, что власть портит человека (47,2%), обеспечивает порядок (24,0%), подавляет (10,2%). Согласуется с этим и представление о жизненном успехе – только 1% респондентов в социологическом исследовании связали его с обладанием властью и 2% с высокой должностью [15, с. 169].

Это еще раз подтверждает, что высокий личностный статус и высокая должность по-прежнему не требуют своего совпадения для носителей русской культуры, и носитель русской культуры в первую очередь стремится приобрести высокий личностный статус, а не власть, поскольку жизненный успех для 37% респондентов – это уважение окружающих [15, с.175]. Это мы видим и по данными ассоциативных экспериментов (см. таблицу 2), поскольку для всех респондентов, опрошенных в разных регионах РФ, **авторитет** – это прежде всего *уважение* и его надо *заслужить*.

² Здесь и далее полужирным шрифтом набраны слова-стимулы, курсивом – слова-реакции.

Таблица 1.

РАС ВЛАСТЬ	ЕВРАС ВЛАСТЬ	СИБАС ВЛАСТЬ	УРРАС ВЛАСТЬ	КРАС (Крым) ВЛАСТЬ
Советов 19, Советам 9, деньги, народу, сила 3	сила 45; деньги 42; президент 29; народа 24; народу 15; политика 13; народ 11; закон, правительство 10; государство 9; король 7; демократия, зло, коррупция, Путин, царь 6; над миром 5; абсолютная, богатство, влияние, денег, короля, монарха, президента 4; в руках, возможность, закона, имущих, ложь, Медведев, могущество, монархия, огня, ответственность, получить, царя 3;	сила 46, деньги 33, президент 27, народа 25, народу 18, государство 13, политика 11, управление 9, правительство, Путин 8, народ, царь 6, закон, зло, могущество, президента 5, король, монархия, ответственность, плохо, советов, страна 4, безграничная, большая, иметь, корона, коррупция, монарх, моя, над миром, политик, полная, продажная, страх, трон 3	деньги, сила 37; народа, президент 21; народу 18; Путин 13; закон, народ 10; царь 9; государство, коррупция 8; богатство, зло, король, правительство, правление, политика 6; в руках, имущие, монарх, над миром 4; государственная, единая Россия, люди, мощь, моя, мир, ответственность, портит, царя 3	деньги 13, президент 9, коррупция 8, народа 8, народ 7, государство, народу, политика 6, Путин 5, жестокость, король, короля, корона, ответственность, правительство, сила 3

Таблица 2.

РАС АВТОРИ- ТЕТ	ЕВРАС АВТОРИТЕТ	СИБАС АВТОРИТЕТ	УРРАС АВТОРИТЕТ	КРАС АВТОРИТЕТ
большой 9, умный 3, власть, высокий, дурак, лидер, личность, портрет, уважение, упал, учителя, я 2	уважение 44; лидер 20; личность 16; власть 13; главный 11; крутой, отец 10; большой, родители 9; бандит, криминал, мама, человек 8; местный, папа, человека, я 7; учителя 6; важность, важный, высокий, глава, зона, лучший, мнение, мой, нет, тюрьма, учитель 5; вор, вор в законе, криминальный, начальник, непререкаемый, почет, родителей, сила 4; в законе, влиятельный, заслужить, начальника, пахан, пример 3	уважение 49; лидер 25; главный 19, власть 18; человек 11; бандит, сила 8; криминальный, папа 7; вор, мама, непоколимый, отец 6; вор в законе, зона, личность 5; босс, в законе, высокий, криминал, начальник, положение, уважаемый 4; в обществе, глава, заслужить, кумир, местный, мнение, мой непререкаемый, нет, президент, пример, родители, сильный, учитель, человека, я 3;	уважение 44, лидер 20, власть 19, криминал 13, человек 10; высокий, главный, президент 9; мама, папа, родители 8; вор, криминальный, местный 7; начальник, отец 6; бандит, большой, в группе, зона 5; глава, личность, непререкаемый, подорван, учителя, человека, я 4; босс, в законе, вор в законе, друг, кумир, магазин, мой, начальника, нет, растет, сильный, старший, статус 3;	уважение 19, лидер 8, власть, мама, родители 6; главный, отец, папа, человек 4; глава, зона, мой, нет, я 3; в семье, важный, вор, заработать, заслужить, криминальный, кумир, личность, начальник, превосходство, семьи, семья, сильный, учитель, человека 2

Можно сделать вывод, что в настоящее время в сознании наших респондентов **власть**, прежде всего, ассоциируется с **силой**, этой силой являются *деньги*, а носителем власти является *президент*. Несколько особняком стоят молодые крымчане, в сознании которых **власть** связана непосредственно с *деньгами*, с *президентом* и с *коррупцией*, а *сила* – является реакцией не частотной.

Литература

1. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. – 448 с.
2. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века. // Психологический журнал. Т. 21, №3, 2000. – С. 73-87
3. Schwartz, S. H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology, Orlando, FL: Academic, 1992, Vol.25. – P. 1-65.
4. Schwartz, S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? //Journal of Social Issues, 1994, 50. – P. 19-45.
5. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.
6. Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа. // Этническая психология и общество / ред. Н.М. Лебедева – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. – С. 115-119.
7. Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского Психологического Общества, Т.4, Вып.1, Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. – С. 99-100.
8. Митрополит Иоанн (Снычев). Власть // Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – С.136-137.
9. Вендина Т.А. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик. 2002. – 334 с.
10. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.Т. I–2, М.: Аст-Астрель, 2002. – 782 с., 991 с.
11. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь – ЕВРАС. М.:ИЯз РАН-ММА, т. 1, 2018. – 542 с.
12. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь – СИБАС. М.: СО ИФ РАН-ММА, Т. 1, 2014. – 537 с.
13. Черкасова Г.А., Харченко Е.В. Русская региональная ассоциативная база данных УрРАС. Код доступа: <http://iling-ru/main/publications/urras>
14. Русская региональная ассоциативная база данных КРАС. Код доступа: <http://assoc.iling-ran.ru/research/>
15. Базовые ценности россиян. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ³

М.А. Пильгун

mpilgun@iling-ran.ru

ФГБУН Институт языкознания РАН,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(Москва)

В докладе представлены результаты исследования семантической трансформации понятия «власть» у носителей русского языка в диахроническом аспекте.

Эмпирическим материалом для исследования послужили памятники письменности и современные тексты, исторические и современные словари, а также данные Национального корпуса русского языка, социальных сетей (ВКонтакте, Фейсбук, Живой журнал) и др.

Цель данной работы: анализ представлений и трактовок понятия *власть* в русской языковой картине мира в диахроническом аспекте.

В работе применялись междисциплинарный подход, а также автоматический анализ текста, построение ассоциативной и семантической сетей, контент-анализ в интерпретации [4], [13]. Наряду с традиционными психолингвистическими методиками, применялись новые, например, на основе использования Больших данных [7]. Разнообразие применяемых методов объясняется интегрированным характером цели, поставленной в данной работе.

В качестве инструментария использовалась технология TextAnalyst2.0. Программа TextAnalyst2.0. позволяет проводить различные процедуры: в процессе анализа данных формируется общая семантическая сеть, из которой извлекается тематическая структура. Полученный на основе семантической сети перечень наиболее значимых понятий и концептов (имеющих наивысший ранг), несущих основную смысловую нагрузку, позволяет опреде-

³ Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ "Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)" (19-012-00295 А)

лить ядро информации и наиболее важные для акторов семантические акценты. Кроме того, данная технология позволяет проводить ассоциативный поиск.

Выделение тематической структуры выбранного контента помогает описать его содержание в виде иерархии связанных тем и подтем, отражающих основные концепты и соответствующих узлам сети понятий. Возможно создание иерархической тематической структуры, выявления базовой темы и установления связей с подтемами, которые формируют разноуровневые семантические сети.

Контент анализируется с точки зрения связности тематического дерева, выделяются тематические кусты, появившиеся в результате изменения порога по весу связей в сети понятий (разрыв более или менее сильных связей).

Результаты ассоциативного поиска, полученные с помощью TextAnalyst2.0., позволят делать выводы о семантических акцентах и имплицитных смыслах, заложенных авторами контента.

Анализ сетевого контента позволил проанализировать особенности функционирования понятия **власть** в языковом сознании носителей современного русского языка. Различным аспектам сетевого взаимодействия посвящено огромное количество исследований. В последнее время интерес различных ученых направлен на изучение динамики коммуникационных процессов в сетевой среде, соотношения он-лайн и оф-лайн взаимодействия, влияния социальных сетей на реальную жизнь пользователей. Так, на материале англоязычного сектора Фейсбука можно сослаться на исследование Miller [8], посвященное анализу глубокого воздействия сети Фейсбук на реальную жизнь пользователей. Латентно-семантический анализ психологических особенностей 304 акторов Фейсбука был проведен Garcia, [Sikström](#) [2], формирование впечатления по профилю в Фейсбуке исследовали Hall, Pennington and Lueders [3]. Анализу влияния Интернета на политическую активность голландцев посвящена работа Kruikemeier, Noort, Vliegthart and Vreese [5], (см. также [10], [6] и многие др.)

Представленное исследование проводилось на основе междисциплинарного анализа, позволяющего наиболее полно раскрыть синкретичность и многоаспектность онлайн взаимодей-

ствия. Междисциплинарный подход является наиболее распространенным в современных исследованиях, посвященных анализу веб-среды (см, например, [1], [9], [11], [12] и др.).

Формальный анализ был выполнен поэтапно, сочетая количественные и качественные методы анализа.

Диахронический анализ функционирования понятия **власть** в различных дискурсах и функционально-речевых аспектах позволил продемонстрировать динамику восприятия власти в языковом сознании носителей русского языка, сделать некоторые выводы о современном состоянии российского общества.

Анализ данных выявил значительные семантические изменения и негативную динамику восприятия понятия *власть* носителями русского языка. Негативная коннотация, закрепившаяся за лексемой *власть*, связана с усиливающейся бюрократизацией управления государством.

Литература

1. Fuchs Ch. Digital Labour and Karl Marx. New York: Routledge. – 2014. – 408 p.
2. Garcia D., [Sikström](#) S. The Dark Side of Facebook: Semantic Representations of Status Updates Predict the Dark Triad of Personality // Personality and Individual Differences, 2014, 67. – pp. 92-96.
3. Hall, J. A., Pennington, N., Lueders A. Impression management and formation on Facebook: A lens model approach // New Media & Society. – 2014. – № 16. – P. 958-982.
4. Krippendorff, K. (2012). Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012. – 456 p.
5. Kruikemeier, S, Noort, G. van, Vliegenthart, R., Vreese, C. H de Unraveling the effects of active and passive forms of political Internet use: Does it affect citizens' political involvement? // New Media & Society. – 2014. – № 16. –P. 903-920.
6. Ledbetter, A.M. and Mazer, J. P (2014). Do online communication attitudes mitigate the association between Facebook use and relational interdependence? An extension of media multiplexity theory // New Media & Society. – 2014. – № 16. –P. 806-822.
7. Lérique, S., Roth, C. (2018) The Semantic Drift of Quotations in Blog-space: A Case Study in Short-Term Cultural Evolution. Cognitive Science 42 (2018) 188–219. DOI: 10.1111/cogs.12494
8. Miller D. Tales from Facebook. – Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 2014. – 241 p.

9. Sauter, T (2014). 'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. – P. 823-839.
10. Tufekci, Z. and Wilson, C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square // *Journal of Communication* – 2012. – № [62 \(2\)](#) – P. 363–379.
11. [Verboord](#), M. The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. – P. 921-940.
12. Lipschultz, J. H. *Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics*. – New York and London: Routledge, 2014 – 268 p.
13. White D.M., Marsh, E.E. (2006). Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 2006, 1(55). – P. 22–45.

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПЕЙОРАТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ЧИНОВНИК»)⁴

О.В.Балясникова

o.balyasnikova@iling-ran.ru

ФГБУН Институт языкознания РАН

(Москва)

«Единицы, характеризующиеся наличием негативной эмоциональной коннотации (пейоративы), представляют собой один из наиболее ярких и культурно маркированных фрагментов лексической системы языка» [4]. Наиболее отчетливо пейоративная оценка проявляется в значении слов, характеризующих человека, в частности внешность, а также его социальную (профессиональную) деятельность, обусловленную позицией по отношению к ресурсам, материальным благам, с чем связан характер выполнения им своих трудовых обязанностей.

Пейоративная оценка лиц по их профессиональной деятельности часто обуславливается действием различных социальных стереотипов. При этом оценивается несоответствие характера этой деятельности некоему более или менее определенному образцу (ответственности, порядочности, внимательности и т.д.).

⁴ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00295 "Структура и содержание представлений о человеке, государстве и власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)"

В нашей работе [1] с помощью метода семантического дифференциала было показано, что отрицательная оценочность, точнее тяготение оцениваемой единицы (слова) к отрицательно-оценочному полюсу семантического пространства, может быть обнаружена в значении ряда «нейтральных» лексем. Применение указанного метода продемонстрировало, что к полюсу отрицательной оценки тяготеют номинации лиц, профессиональная деятельность которых связана с политикой.

Обозначение государственного служащего словом «чиновник» подразумевает элемент пейоративной оценки, зафиксированной, в частности, в толковых словарях, например в [2]:

Чиновник – государственный служащий. *Ч. таможни. Полицейский ч. Мелкие чиновники. 2.* Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ. *Бездушные чиновники. Уничижит. Чиновничшко. Уничиж. Чиновничий; Чиновнический; Чиновный.* [2, с. 1480].

Из приведенного фрагмента видно, что отрицательная характеристика госслужащему дается по факту проявления в его деятельности бюрократии: см. *Бюрократ – должностное лицо, пренебрегающее сутью дела ради формальных правил; формалист, функционер. Разг.* [2, с. 108].

В толковании БТС устанавливается синонимия терминов чиновник и государственный служащий. Составительские иллюстрации при этом указывают скорее на мелких чиновников, с которыми обычно взаимодействует обычный человек. Во втором значении чиновник предстает как бюрократ и формалист. Словарное толкование значения слова «бюрократ» свидетельствует, что это тот же формалист.

Обратившись к ассоциативным словарям, можно увидеть, что с точки зрения обыденного сознания представление о чиновнике несколько иное, хотя связь *чиновник – бюрократ* остается устойчивой. Слово «чиновник» вызывает ассоциации с литературными произведениями, где оно часто встречается (цифры обозначают процентное содержание (неединичных) реакций, данных на стимул):

Чиновник – бюрократ 41,3, Гоголь 10,9, отказы – 8,7, вор, государственный, деньги, нос, ревизор, служащий, стол, толстый, чин 4,3 [5].

Отмеченная выше связь сохраняется далее, в ЕВРАС [3] (2000-е гг.) (цифры обозначают процентное содержание (неединичных) реакций, данных на стимул):

Чиновники: бюрократия 7,6; власть 7,0; коррупция 5,9; бюрократы 5,7, взяточники 4,3; взятки 4,0; воры 3,8; взятка 3,5, деньги 2,7; богатые, люди 2,4; государство, злые; политика, правительство 2,2; бюрократ, козлы 1,9; гады, продажные 1,4; администрация, вор, Думы, дураки, жадные 1,1, беспредел, Гоголь, Госдума, госслужащие, зло, ложь, начальники, олигархи, плохие, сволочи, суки, толстые 0,8; бандиты, в Думе, воруют, враги, грязь, депутат, документы, Дума, Жириновский, закон, история, лживые, мрази, мужчина, мэр, мэрия, начальник, обманщики, партия, подлецы, рабочие, решили, служащие 0,5.

Ниже представлено ассоциативное поле наиболее частотной реакции на стимул «чиновники»:

Бюрократия: политика 7,3; чиновники 6,3; бумаги 4,9; власть 4,3; бумага 4,1; деньги, плохо 3,5, взятки, Россия; чиновник 3,3; коррупция, 3,0; аппарат, волокита, в стране, 2,7; бумажки 1,9, демократия, зло 1,6; партия, правительство 1,4; взятка, история, не знаю 1,1; беспредел, везде, в России, государство, обман, страны 0,8; аристократия, буржуи, буржуй, бюрократ, бюрократия, взяточничество, воровство, враг, вред, гадость, депутат, депутаты, достала, жадность, жесть, жизнь, ЖЭК, злость, коммуняки, ложь, Маяковский, надоела, надоело, нарушение, нет, политики, произвол, проклятая, справки, страна, чиновников 0,5.

Ср. с данными ассоциативного словаря, составленным по материалам, которые были получены коллегами в Республике Крым:

ЧИНОВНИКИ: власть 10,4; воры 9,6; коррупция 8,8; взятка, деньги 5,6; люди, правительство 4,8; - 4,0; богатые, взятки, воруют, вранье, ложь 3,2; бюрократия, государство, депутаты, зло 2,4; богатый, бюрократ, вор, врут, местные, плохие, плохо, политика, политики, рабочие, разные, управляющие, хитрые 1,6.

БЮРОКРАТИЯ: деньги 10,6; власть, чиновник 9,8; политика 8,3; плохо 5,3; бумага, процветает, страна 3,8; -, взятки, государство, зло, коррупция, Россия 3,0; бумаги, в стране, везде, правительство, чиновники 2,3; аристократия, взятка, документы, жизнь, история, надоела, нет, обман, сложно, страны 1,5.

Обобщая данные ассоциативных словарей, можно заполнить основные семантические зоны гештальта, представляющего ассоциативное значение стимула «чиновник»:

Сфера деятельности – власть, политика, государство, правительство, Госдума, мэрия, аппарат.

Конкретные должности – депутаты, администрация, начальники, олигархи.

Особенность деятельности – коррупция, взятки, воровство.

Объекты – бумаги, деньги.

Место – Россия, страна.

Характеристика – злые, богатые, продажные, плохие и др.

Внешние признаки – толстые и т.д.

В числе реакций на стимул «чиновник» зафиксировано значительное количество пейоративов. Для определения их значимости и веса в общей структуре ассоциативного значения мы объединили реакции по следующему принципу: 1) семантически близкие слова, 2) слова с дейктическим значением, 3) пейоративные номинации, 4) пейоративные характеристики. Первые две группы указывают на денотат, вторые маркируют оценочность (пейоративность) стимульного слова. Отметим, что положительно-оценочных номинаций и оценок в ассоциативных полях стимула содержится немного.

Таким образом, структура ассоциативного поля может быть представлена следующим образом:

ЕВРАС	Региональный Ассоциативный словарь (Республика Крым)
	Чиновники
бюрократия/бюрократы 13,3	воры/воруют/вор 14,4
пейоративная номинация: 9,0	власть 10,4
взяточники/взятки 8,3	коррупция 8,8 взятка/взятки 8,8
власть 7,0	вранье/ложь/врут 8,0
коррупция 5,9	бюрократия/бюрократ 4
воры/вор/воруют 5,4	пейоративные характеристики 4,8

пейоративная характеристика 4,1 пейоративные номинации 2,4

Бюрократия

чиновники/чиновник/чиновников страна / в стране / страны / везде / Россия 12,9
10,1

бумага/бумаги 9,0

чиновник/чиновники 12,1

Россия/в России/

деньги 10,6

в стране/страны/страна/везде 8,9

пейоративная номинация 7,5

власть 9,8

политика 7,3

политика 8,3

взятка/взятки/взяточничество 4,9

бумага/бумаги/документы 7,6

власть 4,3

взятки/взятка 4,5

пейоративная характеристика 4,5 коррупция 3,0

деньги 3,5

обман/ложь 1,3

коррупция 3,0

Данные свидетельствуют, что в обыденном языковом сознании чиновник не просто бюрократ и мелкий государственный служащий, а представитель верхушки государственной политической власти, чья деятельность связана с воровством и взяточничеством. Ассоциативное значение интересующего нас слова в ЕВРАС содержит большое количество отрицательно-оценочных реакций. Анализ содержания ассоциативного значения лексемы «бюрократия» демонстрирует его существенное отличие от значения, описанного в толковом словаре.

В заключение сделаем примечания, которые касаются перспектив дальнейшего исследования.

Примечание 1. Полагаем, что предложенные обобщения позволяют продемонстрировать и региональные различия в структуре ассоциативного поля, что особенно важно, если сопоставляются данные на одном языке.

Примечание 2. Принципы, которые были использованы для объединения слов-реакций, предполагают выявление «усредненного» (как факта обыденного языкового сознания) денотативного и коннотативного значения слова-стимула. Для описания ассоциативного значения в региональном ракурсе значимыми являются зоны «эго» и «локус», которые целесообразно выделять особо.

Примечание 3. Оценочная лексика в числе ассоциатов для конкретных целей может быть ранжирована по нескольким основаниям и описана отдельно.

Примечание 4. Возможным и даже желательным представляется в связи со сказанным подсчет и включение в общую статистику единичных реакций испытуемых.

Литература

1. Балясникова О.В., Нистратов А.А. «Свои» и «чужие» в современной России: опыт исследования // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей. М. – Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. – С. 119 – 132.
2. БТС: Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (гл. ред.). С.-Пб.: Норинт. 2000.
3. ЕВРАС: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. Т.1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018.
4. Кулешова М.Л. Пейоративные названия лиц со значением внешних/физических признаков в словенском и сербском языках // Славянский альманах, 2015, №1–2. – С. 304–314.
5. РАС: Русский Ассоциативный Словарь. / Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М., 1992–1996.

О КРИЗИСЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНО-ЯЗЫКОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КРЫМУ)⁵

Р.Н. Гусейнова

Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Одной из проблем современного общества является проблема формирования национального самосознания как составляющей идентичности человека. Поддерживая концепцию Ю.В. Бромлея о социальной природе происхождения этноса [1, с.10-11], мы пола-

⁵ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00295/19 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

гаем, что национальный образ, возникая на константах этнокультуры, трансформируется в разные формы идентичности, предполагающие «превращение» индивида в этнофора, то есть носителя определенных культурных и языковых традиций.

По нашему мнению, на формирование культурно-языковой личности влияют сразу два зачастую взаимозаменяемых в русском языковом сознании социальных явления – *нация* и *национальность*. Смещение данных понятий объясняется, в первую очередь, схожестью их дефиниций. Так, в рассмотренных нами словарных статьях в обозначении термина «*национальность*» дана прямая ссылка на слово «*нация*» [3; 4; 5, с.251; 6, с.145, 8, с.346].

«Национальность 1. см. национальный. 2. В нек-рых сочетаниях: то же, что и нация. 3. Принадлежность к какой-н. нации, народности. По национальности украинец» [3, с.387]».

«Нация, -и, ж. 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В некоторых сочетаниях: страна, государство. Организация Объединённых Наций. II прил. национальный, -ая, -ое. Национальные интересы. Национальное равноправие» [4, с.978].

Оба понятия, имея единый денотат, характеризуются наличием следующих признаков: система противопоставления «*мы-они*», часто заменяемая на «*свой-чужой*»; существование общей исторической родины, основанной на принципе территориальности; единый язык и культурно-ценностные ориентиры [7, 245-248].

Отличительной же чертой, разделяющей понятийное содержание двух определений, является не достаточно закрепленный в языковом сознании факт гражданства, характеризующий слово *нация*. Ввиду того, что оба термина предстают важнейшими составляющими самоопределения индивидуума, по нашему убеждению, необходимо четкое разведение данных понятий.

Нация – исторически сложившаяся общность представителей различных этнических групп (*национальностей, народностей*), сформированная на базе единства территории, экономических процессов, «общего языка» и культурных традиций.

Национальность – общность представителей одной этнической группы, отличающейся от других этнических групп особенностями языка, национально-культурных традиций, а также наличием самосознания, непротиворечащего мировоззрению других этносов, участвующих в формировании единой нации.

Ввиду того, что в современном мире постоянно мигрирующих этносов сложно сохранить, а порой и проследить их «чистоту», появляется возможность либо возникает потребность выбора национальной идентичности.

На наш взгляд, осознание *нации* должно базироваться на факте рождения и/или длительного проживания на территории определенного государства (закон почвы). На выбор же *национальности*, как правило, влияет использование в семье национально-культурных традиций и языка конкретного этноса, поскольку ее определение основано на факте рождения от представителей определенных этнических групп (закон крови) [6, с.146].

С проблемой этнического самоопределения, как правило, сталкиваются прежде всего молодые люди, находящиеся в процессе личностного формирования.

На проблему самоэтноидентификации молодежи в Крыму наше внимание было обращено во время проведения ассоциативного эксперимента, направленного на изучение языкового сознания крымчан (социальная группа – студент) [2, с.133-138]. При заполнении информативной строки у анкетированных возникали трудности с определением собственной национальности.

В рамках проведения исследования к моменту написания данной статьи опрошено 3315 студентов, из которых 2478 человек идентифицировали себя русскими, 837 – представителями других национальностей. Отметим, что в графе ‘национальность’ респондентами были указаны 24 этнические группы, что составляет малую часть этносов, представленных, по данным последней переписи населения, в Крыму (175 национальностей) [9]. Во время проведения **первого анкетирования** часть опрошиваемых определила свою этническую принадлежность как «*крымчанин*»/«*крымчанка*», «*россиянин*»/«*россиянка*». Небольшая часть студентов отсекала от названия национальности «*крымский татарин*»/«*крымская татарка*» первое слово, дописав его сразу после уточняющего вопроса о месте рождения.

Некоторые студенты, осознавая свою национальную принадлежность, не были в ней окончательно уверены. Ассоциируя себя изначально с несуществующей этнической группой, они с легкостью заменили ее по просьбе опрашивающих: *гражданин мира (еврейка), человек (русская), православная (русская), хотелось бы быть итальянцем (русский)*.

Отметим, что во избежание подобных ситуаций каждый раз перед анкетированием проводилась разъяснительная работа, после которой большинство студентов не испытывало затруднений с определением национальности, однако некоторая часть по-прежнему не готова была идентифицировать себя с одним этносом. Очевидно, ориентируясь на национальную принадлежность близких родственников, свою этническую идентичность они определили перечислением нескольких этносов: *украинка, еврейка, русская; грек, еврей; крымская татарка, грузинка; полька-русская; белоруска/еврейка; украинец/еврей; крымская татарка + русская; 50% казанка + 50% турчанка; 75% украинка + 25% русская; неизвестно (украинец, русский)*.

Небольшая часть студентов отказалась от национальной самоидентификации, что проявилось в следующих определениях: *австриец, датчанин; восточный славянин; православная, мусульманин; никакая, строитель*.

С целью подтверждения либо опровержения наличия в молодежной социальной группе проблемы, связанной с определением национального самосознания, был проведен дополнительный опрос. Анкетироваемым предлагалось ответить на два вопроса: *1. Какой национальности Вы себя относите? 2. Нужна ли национальность современному человеку?*

Из 188 студентов не смогли определиться со своей этнической принадлежностью трое. *Русскими* себя идентифицировали 115 респондентов, при этом двое из них подчеркнули свою 100% этничность (*русская полностью, русская чисто*), в трех случаях наряду с русской национальностью перечислены другие национальные группы (*русская, литовка; русская, немка, украинка; русская, украинка, еврейка*). Численность представителей других национальностей распределилась следующим образом: *крымские татары (27); украинцы (25); евреи (3); армяне (2); белорусы, итальянцы, цыгане, чеченцы (по 1)*.

Ряд студентов не справился с определением своей национальной принадлежности, что проявилось в следующих реакциях: *славяне (3), мусульмане (2), россияне (2), крымчане (1), много национальностей (1)*. Как видим, в качестве критериев при национальном самоопределении были использованы место рождения, место проживания, этноязыковая группа и вероисповедание.

На второй вопрос 124 респондента ответили положительно, 57 – отрицательно, 7 человек затруднились с ответом. Иными словами, в то время как более 33% опрошенных посчитали национальность архаическим явлением, почти 67% респондентов, будучи уверенными в важности национального самоопределения, воспринимают себя носителями конкретной либо конкретных этнических групп.

Как видим, дополнительный опрос подтвердил наличие кризиса в вопросе самоэтноидентификации у представителей молодого поколения.

В разрешении данной ситуации представляется исключительно важной совместная работа общественно-национальных организаций с государственными структурами, занимающимися языковой политикой в стране. Если деятельность первых должна способствовать популяризации национально-языковых культур в собственных этносах, то задача вторых – проводить сбалансированную языковую политику, направленную на развитие не только «общего» языка, являющегося языком этнического большинства, но и на развитие языковых традиций всех этнических групп независимо от численности их представителей.

В заключение отметим, что под национальной идентичностью нами понимается самоотождествление индивидуума с определенной этнической общностью, предполагающей высокую степень интериоризации культурно-ценностных норм страны рождения и/или проживания. Иными словами, на формирование национального самосознания человека влияют культурно-языковые традиции как собственного, так и государствообразующего этноса.

На наш взгляд, сформированное в полиэтничном обществе понимание факта принадлежности каждого индивидуума одновременно к двум общностям – *нации* и *национальности*, позволит сконсолидировать нацию, сохранив ее национальное многообразие.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография : научная монография / Ю.В.Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 285 с.
2. Гусейнова Р.Н. Национальность и родной язык: проблемы самоидентификации молодежи (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) / Р.Н. Гусейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки, – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 57–66.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный /Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус.яз., 2000. в 2 т. – 1209 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
5. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русс.яз.,1986. – 600с.
6. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. редактор В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. - М.: 2006. 312 с.
7. Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В, Смирнов, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. – М : Праксис, 2004. 0 464 с.
8. Толковый словарь современного русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. – М. :Аделант, 2014. – 800с.
9. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: URL:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html. – Дата доступа: 11.01.2019.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ КРЫМЧАН (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «КРЫМСКИЙ МОСТ»)

Е.А. Коновалова

lkon55@mail.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»

(Симферополь)

Изучение языкового сознания в момент протекания формирующих его процессов является целью исследования. Распространено мнение (А.А. Потемня, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных), что языковое сознание может быть исследовано только как продукт про-

шедшей, бывшей деятельности [1, с.114]. Мы считаем, что изучение нового слова, фоновое значение которого находится в стадии формирования, позволит описать процессы, протекающие во время становления части языкового сознания. Под языковым сознанием понимают опосредованный языком образ мира той или иной культуры, то есть совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира [2, с. 162]. Проводимое исследование позволит описать все стадии формирования нового понятия.

Материалом исследования послужил опрос крымских студентов в период с февраля по май 2018 года до открытия Крымского моста. Материал исследования отражает первоначальное представление о новом объекте. Полученные данные в ходе свободного ассоциативного эксперимента позволят в будущем понять механизм формирования национально-культурного фона языковой единицы и исследовать формирование картины мира как части языкового сознания.

Проанализировано 354 анкеты, опрос испытуемых продолжается. В результате на слово-стимул «Крымский мост» получено 659 реакций, из которых 267 повторяющихся слов-реакций и 392 слова, представленные единичным упоминанием. Так как лексические ассоциации зависят от различных факторов, для анализа были отобраны анкеты тех участников эксперимента, которые не были на Крымском мосту. Таким образом, проведенное исследование отражает языковое сознание крымчан по отношению к данному объекту.

В свободном ассоциативном эксперименте испытуемый должен ответить на стимул первым пришедшим в голову словом. Этот способ позволяет описать не только значение слова, но и его лексический фон. Метод ассоциативного эксперимента широко используют для изучения языкового сознания [3].

Лексическое значение слова описано на официальном сайте <https://www.most.life/>: Крымский мост – мост через Керченский пролив.

Лексический фон участвует в формировании ассоциативного поля. Самые частотные ассоциации являются частью лексического значения и поэтому легко предсказуемы: *море* – 44,6%, *дорога* – 44,4%, *машины* – 29,4%.

В ассоциативном поле нами выделены следующие векторы (основные направления, по которым происходит ассоциирование слова). Самым многочисленным по количественному признаку оказался вектор, описывающий мост. Можно выделить несколько групп реакций. Это реакции парадигматические, ассоциации, принадлежащие к тому же семантическому полю и являющиеся синонимами: *мост* — 8,2%, *сооружение* — 1,7%, *открытие* — 4,2%.

Реакции, описывающие конструкции моста: *арка* — 4,2%, *сваи* — 2,8%, *опоры* — 1,1%, *балки* — 0,8%. В этой группе синтагматические ассоциации образуют словосочетания: *арка* — *красивые, две*; *балки* — *белые*. Морфологические варианты слова: *арка* — 4,2%, *арки* — 1,1%; *опоры* — 0,6%, *опора* — 0,6%.

Реакции, описывающие материалы строительства: *железо* — 5,9%, *металл* — 12%, *металлоконструкции* — 2,5%, *бетон* — 2,5%.

Реакции, характеризующие мост: *красота* — 12,4%, *большой* — 9,3%, *длинный* — 8,8%, *новый* — 7,9%, *огромный* — 2,8%, *дорогой* — 2,5%, *масштабность* — 2,3%, *долгожданный* — 1,7%, *важный* — 1,4%, *высокий* — 1,4%, *надежный* — 1,1%, *самый* — 0,8%, *грандиозность* — 0,8%, *надежность* — 0,8%, *ожидание* — 0,8%, *широкий* — 0,8%, *крепкий* — 0,6%, *массивный* — 0,6%, *современный* — 0,6%.

Реакции, которые дают характеристики мосту как проекту: *проект* — 5,4%. Синтагматические ассоциации: *огромный, масштабный, грандиозный, большой, не очень удачный, не нужный*.

Реакции, описывающие предыдущее средство передвижения через Керченский пролив: *паром* — 7,1%, *переправа* — 5,1%, *порт* — 1,7%, *очередь* — 1,4%.

Реакции, связанные с мостом: *мост* — 8,2%, *открытие* — 4,2%, *вид* — 2,3%, *технологии* — 1,7%, *сооружение* — 1,7%, *достопримечательность* — 0,8%, *вода* — 6,8%, *кот* — 6,5%.

В этой группе синтагматические ассоциации: *открытие* — *достоинное, необходимое, востребованное*; *вид* — *красивый, из окна*; *технологии* — *русские, новые, высокие*; *сооружение* — *большое, металлическое, в Крыму*; *достопримечательность* — *красивая*; *вода* — *окружен водой, мост над водой*; *кот* — *Мостик, Крымчик, рыжий, милый, знаменитый*.

Реакции, обозначающие эмоциональное отношение к мосту: *удобно* — 5,4%, *долго* — 3,7%, *быстро* — 3,4%, *событие* — 1,7%, *гордость* — 1,7%, *чудо* — 1,1%, *мечты* — 1,1%, *величие* — 0,8%, *комфорт* — 1,1%, *безопасность* — 0,8%, *мощь* — 0,8%, *радость* — 0,8%, *страх* — 0,8%.

К вектору «транспорт» можно отнести реакции, характеризующие виды транспорта: *машины* — 29,4%, *автомобиль* — 6,8%, *транспорт* — 5,6%, *поток* — 4,8%, *автобусы* — 4%, *грузовики* — 2%, *камаз* — 1%.

Синтагматические ассоциации, которые вместе со словом-реакцией образуют словосочетания: *машины* — *большое количество, много, поток, нависший, путешествие*.

Реакции, имеющие отношение к транспорту: *бензин* — 2%, *грузы* — 0,8%, *транспортировка* — 0,8%, *транспортное сообщение* — 0,8%.

Синтагматические ассоциации: *бензин* — *дорогой*.

В векторе «дорога» можно выделить два вида: автомобильное сообщение и железнодорожное сообщение. Реакции, описывающие автомобильное сообщение: *дорога* — 44,4%, *пробки* — 10,5%, *путь* — 7,3%, *движение* — 4,2%, *асфальт* — 3,4%, *трасса* — 2,8%, *сообщение* — 2%, *передвижение* — 1,7%, *проезд* — 1,4%, *водители* — 0,8%, *ездить* — 0,8%, *загруженность* — 0,8%, *шоссе* — 0,8%, *магистраль* — 0,8%, *въезд* — 0,6%, *аварии* — 0,6%.

Синтагматические ассоциации характеризуют как с положительной стороны: *дорога* — *ровная, новая, качественная, хорошая, быстрая, домой, первая нормальная, длинная, к родителям; пробки* — *сокращение, меньше, без пробок*, так и с отрицательной: *дорога* — *разбитая, платная; пробки* — *наличие, на въезде в Симферополь, в городе, на дорогах, из-за стройки*.

Синтагматические ассоциации: *путь* — *открытый, новый, близкий путь в Россию, на материк; движение* — *активное, автомобилей; трасса* — *Таврида, загруженная*.

Вектор «железнодорожное сообщение» включает слова-реакции: *поезд* — 9,9%, *железная дорога* — 5,9%, *вокзал* — 0,6%.

Вектор «географические термины и понятия» включает реакции, называющие *материк* — 16,4%, *полуостров* — 5,1%, *пролив* — 3,7%, *страна* — 2%, *континент* — 0,6%.

Парадигматические отношения ассоциации, принадлежащие тому же семантическому полю и являющиеся синонимами: *материк*

— *материковая часть*. Синтагматические ассоциации: *связь с материком, соединение с материком, путь на материк*.

Ассоциативное поле организовано 659 словами-реакциями, выраженными именами существительными, субстантивированными прилагательными, прилагательными, наречиями, глаголами, числительными, местоимениями, словосочетаниями. Выявлены и невербальные реакции. Составлена классификация понятийных систем, выявлены наиболее актуальные для местных жителей лексико-семантические и субъективно-эмоциональные слова-реакции. Реакции-словоформы преобладают над реакциями-словосочетаниями.

Формальная структура ассоциативного поля представлена именами существительными — 225, именами прилагательными — 16, наречием — 4, глаголами — 3, числительными — 2, местоимениями — 1.

Большинство слов-реакций являются нарицательными именами существительными — 207. Из них самые частотные: *море* — 44,6%, *дорога* — 44,4%, *машины* — 29,4%, *материк* — 16,4%, *туристы* — 14,4%, *связь* — 13,6%, *возможности* — 13,3%, *красота* — 12,4%, *стройка* — 11%, *путешествие* — 11%, *пробки* — 10,5%, *поезд* — 9,9%, *строительство* — 9,9%, *деньги* — 9,6%, *мост* — 8,2%, *путь* — 7,3%, *паром* — 7,1%, *автомобиль* — 6,8%, *вода* — 6,8%, *развитие* — 6,8%, *кот* — 6,5%, *железная дорога* — 5,9%, *железо* — 5,9%, *корабли* — 5,6%, *соединение* — 5,6%, *транспорт* — 5,6%, *проект* — 5,4%, *будущее* — 5,1%, *переправа* — 5,1%, *полуостров* — 5,1% и др. Наричательные существительные представлены тремя субстантивированными прилагательными: *отдыхающие* — 1,4%, *приезжие* — 0,8%, *выходные* — 0,6%.

Собственные имена представлены в небольшом количестве — 15: *Керчь* — 28,8%, *Россия* — 21,8%, *Крым* — 13,6%, *Путин* — 13,3%, *Краснодар* — 7,6%, *Тамань* — 2%, *Черное море* — 1,4%, *Крымская весна* — 1,4%, *РФ* — 1,4%, *Украина* — 1,4%, *Азовское море* — 1,1%, *Москва* — 1,1%, *Европа* — 1,1%, *Таврида* — 1,1%, *Сочи* — 0,6%.

Наречия отражают синтагматические отношения (эмоционально-оценочного вида): *удобно* — 5,4%, *много* — 4,8%, *долго* — 3,7%, *быстро* — 3,4%.

Имена прилагательные представляют ассоциаты на уровне грамматических отношений (синтагматические ассоциации): *большой* — 9,3%, *длинный* — 8,8%, *новый* — 7,9%, *огромный* — 2,8%, *дорогой* — 2,5%, *долгожданный* — 1,7%, *важный* — 1,4%, *высокий* — 1,4%, *надежный* — 1,1%, *широкий* — 0,8%, *крепкий* — 0,6%, *массивный* — 0,6%, *современный* — 0,6%, *тяжелый* — 0,6%, *голубой* — 0,6%.

Глаголы относятся к синтаксически синтагматическим ассоциациям: *уехать* — 1,1%, *ездить* — 0,8%, *ехать* — 0,6%. Числительные — *2018* — 1,7%, *2014* — 0,6%. Местоимение: *самый* — 0,8%.

Изучение формирования ассоциативного поля неологизма позволит описать соотношение реального мира и его отражения в сознании человека.

Литература

1. Красных В.В. Основы психолингвистики. М.: Гнозис, 2012. — 333 с.
2. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики. — М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С. 162—174.
3. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. 2014. №4 (38). — С. 193—198.

РУССКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: ДОБАВЛЯЕМ ДВА НОВЫХ РЕГИОНА — КРЫМ И ДОНБАСС⁶

Г.А. Черкасова, А.Ю. Филиппович

gacherk@mail.ru, annafil@bk.ru

ФГБУН Институт языкознания РАН, ФГБОУВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана»
(Москва)

В 2008–2013 гг. региональные ассоциативные опросы на русском языке среди русских были проведены одновременно в Европейской части России, на Урале и в Сибири. В конце 2016 г. к эксперименту по 1000 стимулам первого этапа подключился новый

⁶ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

регион России — Республика Крым. В конце 2018 г. начался опрос на Донбассе.

В статье представлены результаты эксперимента в Крыму, который организован аналогично ранее проведенным в других регионах России [1, с.7–8]. Чтобы учитывать специфику республики, в анкету к параметрам: *пол, возраст, родной язык, город, специальность, дата*, добавлены: *национальность* и *сколько лет проживаете в Крыму*.

Приведем некоторые параметры опрошенных респондентов и характеристики сформированной Базы Данных «Крым».

Из планируемых 5000 испытуемых в настоящее время опрошена почти половина (2413), но в базу данных занесено 2114 анкет.

Распределение количества испытуемых по возрасту представлено в следующей таблице, которая показывает, что 60% опрошенных — это первокурсники, которым 17 и 18 лет.

Распределение испытуемых по возрасту

Возраст	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Количество	785	529	292	222	128	61	33	17	15	29	3

Более половины опрошенных — 1234, указали Симферополь как место жительства (рождения). Всего в анкетах указано 58 разных мест.

Для введения в БД «Крым» отбирались анкеты испытуемых, указавших национальность *русский*, родной язык *русский* и период проживания в Крыму *не менее 10 лет*.

Используя специально разработанную информационную технологию [2, с. 184–185], в базу данных «Крым» введены 1102 анкеты, заполненные женщинами, и 1012 — мужчинами. После удаления непрочитанных реакций в БД осталось 209 807 записей. Количество реакций по конкретным стимулам колеблется от 202 до 215. Сформированная база Прямого ассоциативного словаря содержит 94285 элементов.

Сопоставим полученные промежуточные результаты с данными опроса Европейской части России (ЕВРАС), опубликованными в [1]. Для сравнения будем использовать не абсолютные частоты пар «стимул–реакция», а относительные частоты или доли.

В базе данных «Крым» сейчас выявлено 26087 разных реакций. Самым частотным ассоциатом стал *человек*, который получен на 408 стимулов 4873 раза. Две реакции *дом* и *жизнь* даны на 296 стимулов соответственно 1338 и 916 раз. Затем идут ответ *мир*, вызванный 218 стимулами 901 раз, и *деньги*, порожденный 209 стимулами 1674 раза и т.д. Половина реакций, точнее 13657, были даны один раз на один стимул. Еще 2000 ответов также порождены единственным стимулом с частотой в паре от 2 до 80 раз.

Сопоставив 167596 пар «стимул–реакция» БД ЕВРАС с 94285 парами БД «Крым», выявлены 44035 совпавшие, что составляет почти 47%. В таблице приведен фрагмент наиболее частотных повторившихся пар в порядке убывания доли по Крыму.

Ранг Крым	Стимул	Реакция	Доли (%)		Ранг ЕВРАС
			Крым	ЕВРАС	
1	зонтик	<i>дождь</i>	61,46	47,5	12
2	тратить	<i>деньги</i>	55,61	59,7	4
3	внешний	<i>вид</i>	52,86	54,88	5
4	расческа	<i>волосы</i>	51,44	45,16	15
5	иностраный	<i>язык</i>	50,24	61,17	3
6	запирать	<i>дверь</i>	49,76	31,5	63
7	неправда	<i>ложь</i>	48,34	62,45	2
8	кислый	<i>лимон</i>	47,12	37,87	25
9	суббота	<i>выходной</i>	46,01	43,25	18
10	скорый	<i>поезд</i>	43,6	72,5	1
11	возмещать	<i>ущерб</i>	42,45	49,91	8
12	вернуться	<i>домой</i>	41,63	39,07	22
13	самый	<i>лучший</i>	40,38	33,27	50
14	столовая	<i>еда</i>	40,19	32,72	55
15	водить	<i>машину</i>	39,90	37,96	24
16	прислать	<i>письмо</i>	39,52	48,15	10
17	русский	<i>язык</i>	39,15	52,13	6
18	приехать	<i>домой</i>	38,86	34,64	44
19	слушать	<i>музыку</i>	38,65	25,65	145
20	товарищ	<i>друг</i>	37,91	43,07	19
21	сверло	<i>дрель</i>	37,74	40,71	20
22	покорный	<i>слуга</i>	37,32	33,46	49

23	монополия	<i>игра</i>	37,32	21,22	246
24	назвать	<i>имя</i>	37,26	45,98	13
25	надутый	<i>шар</i>	36,67	36,55	35
26	шаг	<i>вперед</i>	36,62	28,94	105
27	лучший	<i>друг</i>	36,02	32,65	57
28	атомный	<i>реактор</i>	36,02	29,45	100
28	образование	<i>высшее</i>	35,71	45,20	14
30

Для Крыма на первом месте стоит пара **зонтик – дождь**, полученная от 61.46% опрошенных, а в ЕВРАС эта пара находится на 12 строке, так как её ассоциировали 47.5% респондентов. Самая же частотная пара ЕВРАС **скорый – поезд** (72,5%) занимает у крымчан 10-ю позицию в представленном списке. Можно особо отметить пару **монополия – игра**, которая со времени опроса ЕВРАС 2008–2013 гг. поднялась с 246 строчки на 23 для опроса в Крыму.

Приведем теперь наиболее частотные не повторившиеся в двух опросах ответы. В Крыму следующие 33 пары «стимул–реакция» получены с долей более 3%:

1. наш – <i>Крым</i> 23.33;	18. мост – <i>Керченский</i> 4.72;
2. шутка – <i>минутка</i> 15.39;	19. безумие – <i>искра</i> 4.39;
3. спектакль – <i>окончен</i> 11.74;	20. телефон – <i>айфон</i> 4.26;
4. партия – <i>Регионов</i> 10.68;	21. лев – <i>против</i> 4.25;
5. мало – <i>половин</i> 10.0;	22. рука – <i>лицо</i> 4.23;
6. мост – <i>Крымский</i> 8.49;	23. доброта – <i>честность</i> 4.23;
7. жизнь – <i>боль</i> 8.09;	24. житель – <i>Крыма</i> 4.21;
8. одиночество – <i>сволочь</i> 7.18;	25. слава – <i>Украине</i> 3.86;
9. река – <i>Салгир</i> 6.67;	26. пассивный – <i>доход</i> 3.81;
10. родина – <i>Крым</i> 6.64;	27. мост – <i>Крым</i> 3.77;
11. гора – <i>Ай-Петри</i> 6.22;	28. голос – <i>дети</i> 3.37;
12. кремль – <i>Россия</i> 5.26;	29. гора – <i>Медведь</i> 3.35;
13. институт – <i>КФУ</i> 5.24;	30. рубль – <i>гривна</i> 3.33;
14. город – <i>Симферополь</i> 5.24;	31. сторона – <i>добро</i> 3.32;
15. зима – <i>близко</i> 5.16;	32. процветание – <i>в единстве</i> 3.3;
16. лицо – <i>рука</i> 4.81;	33. мост – <i>Керчь</i> 3.
17. папа – <i>может</i> 4.78;	

Почти половина приведенных реакций – это характерные для Крыма имена собственные, названия. Три пары: **партия Регионов**, **слава Украине**, **рубль – гривна**, наверное, можно отнести к «украинскому наследию». Еще часть: **папа–может**, **голос–дети**,

телефон – айфон, **одиночество** – сволочь, появились только в последние годы.

Частотные пары ЕВРАС, не встретившиеся при опросе в Крыму:

1. гладкий – шелк9.39;	15. палка – бить4.1;
2. лес – темный6.58;	16. проходимец – негодяй4.1;
3. президент – Медведев6.0;	17. болото – топкое4.07;
4. год – 20085.52;	18. ковер – палас4.07;
5. штраф – милиция5.5;	19. экономный – хозяин3.92;
6. коварство – и любовь5.4;	20. стараться – усердие3.74;
7. богач – олигарх5.3;	21. злой – дух3.72;
8. лошадь – белая5.14;	22. богатый – олигарх3.71;
9. поле – русское5.1;	23. игла – наркоман3.58;
10. лагерь – пионерский4.96;	24. подлец – сволочь3.56;
11. копейка – магазин4.89;	25. город – Саратов3.56;
12. двойной – форсаж4.65;	26. зонтик – от дождя3.53;
13. сильный – пол4.6;	27. надеяться – на удачу3.51.
14. глаза – очи4.25;	

Так как опрос в Европейской части РФ проводился с 2008 г., это породило ответы: **президент–Медведев** (6.58%) и **год –2008** (5.52%). Изменение названия *милиция* на *полиция* определило строку 5. Отсутствие пар **лес – темный** и **болото – топкое**, вероятно, вызвано восприятием природы крымчанами. Ассоциация *олигарх*, встретившаяся дважды в 7 и 22 строке, ни разу не встретила в реакциях крымчан. Отметим ещё отсутствующее сочетание **зонтик –от дождя**, при этом **зонтик – дождь** является самой частотной парой при опросе в Крыму.

Если сопоставить величины долей или процентов, то стоящая на первой строке пара **наш–Крым** дана почти каждым четвертым испытуемым (23.33%), а в ЕВРАС первую пару **гладкий –шелк** породил только менее чем каждый десятый (9.39%). Всего пять пар, не встретившихся в ЕВРАС, в ассоциациях крымчан имеют доли более 10%.

Рассматривая ассоциации крымчан, приведем ответы, связанные с Крымом, Россией и Украиной. Ниже даны соответствующие реакции, для которых приведено количество вызвавших их стимулов и (в скобках) количество испытуемых, указавших соответствующую реакцию. Например, первый ассоциат *Крым* был получен на 51 стимул от 139 испытуемых, а последний *Ще не вмерла Украины* дана одним отвечавшим.

Крым 51 (139); Крыма 12 (32); в Крыму 5 (5); крымский 3 (3); Крымский 2 (20); крымская 3 (4); в Крым 2 (2); Северо-Крымский 1 (4); из Крыма, Крымская Правда, Крыму, не в Крыму, нет снега в Крыму, Сокровищница народов Крыма 1 (1).

Россия 74 (341); России 41 (204); в России 8 (13); российский 5 (15); российская 3 (3); Единая Россия 2 (11); не в России 2 (2); россиянин 2 (2); Российская 1 (16); Российское 1 (2); в Россию, в состав России, врагов России, игрок сборной России, почта России, России!!!, российские, российское, Российской Федерации, Россию, Россию с колен, Россия 24, Россия на карте мира, россияне, сборная России 1 (1).

Украина 19 (35); Украины 4 (12); Украине 1 (8); украинец, украинский 1 (2); в Украине, на Украине, не Украине, Украиной, украинская, украинская Рада, украинский канал, Украину, Ще не вмерла Украины 1 (1).

Взгляд на размеры абзацев и приведенные количественные показатели показывают, что ассоциаций, связанных с Россией, существенно больше, чем других. Чтобы увидеть, какие стимулы вызвали реакции, можно посмотреть обратный словарь в Информационной системе по адресу <http://assoc.iling-ran.ru/research>, задав логин research и пароль NYAZmsk1984. После входа в систему нужно обязательно выбрать следующие параметры: Опрос – Крым, 04.2017, русский и Регион – Крым.

Приведем в заключение словарные статьи стимула **наш**, которые сформированы по опросу в Крыму и в Европейской части России. Следующие характеристики приведены в конце словарной части: <всего опрошено> + <кол-во разных реакций> + <кол-во отказов от ответа> + <кол-во единичных реакций> + <кол-во повторившихся реакций>. В статьях жирным шрифтом выделены реакции, совпадающие со стимулами, а повторяющиеся ассоциаты отмечены курсивом светлым и жирным. Без выделений даны «оригинальные реакции», например, первый ответ для Крыма *Крым* 49 (23.3) и *класс* 18 (3.3) для ЕВРАС.

НАШ

КРЫМ: Крым 49 (23.3); *дом* 26 (12.4); *мир* 14 (6.7); *ваш, общий* 11 (5.2); *друг* 8 (3.8); *мой, человек* 5 (2.4); *двор, кот, край, президент, ребенок* 3 (1.4); *город, родной, свой, семья, собственность, сын*, твой, университет 2 (0.95); *близкий*, боец, *брат*, вам, *воин*, воли, *вуз, герой, гимн*, группа людей, *день*, его, *живой*, *земляк*, и *ваш, кандидат*, квас, кубрик, лимон, *личный, мальчик*, молодец, *ответ, отец*, отче, *палец*, пес, победитель, *путь*,

*родина, рука, рядом, сад, сброд, свое, секрет, собственный, сок, сосед, состав, союз, стол, Сычев, талант, труд, учитель, фильм, флот, чей-то, шанс*1 (0.48); **210+71+0+50+35**

ЕВРАС: дом 86 (15.8); *ваш 35* (6.4); *человек 29* (5.3); *город, общий 28* (5.15); *мир 26* (4.8); *друг, свой 21*(3.9); *мой 20*(3.7); класс **18** (3.3); *край 12*(2.2); *ребенок 10*(1.8); *родной, язык 9* (1.6); *президент 7*(1.3); *университет 6* (1.1); гипермаркет **5**(0.9); *двор, кот, сад, собственность, чужой, шанс 4* (0.7); *гимн, день, институт, коллектив, район, свои, собственный, сосед, флаг 3*(0.55); век, **выбор, герой, долг, земляк, компания, личный, мальчик**, марш, мое, наше, одноклассник, отряд, портвейн, **разговор, союз 2**(0.4); автомобиль, адрес, актер, активист, бог, **брат**, вес, взвод, **взгляд**, возраст, *воин, враг, всеми любимый, вуз, выбор!*, выход, **голос**, декан, депутат, **знакомый**, зять, идеал, их, *кандидат, книга, колхоз, командир, король, красный, круг, курс, лес, любимый, магистр, народ, наш, наша Russia, наших, ничей, обобщение, образ, общее, общежитие, общество, особняк, ответ, отечественный, папа, паровоз, пацан, подходящий, полк, портной, праздник, предмет, приятель, продукт, путь, Раша, регион, Родина, Россия, русский, сад большой, семья, совет, соотечественник, стиль, сторож, супермаркет, сын, телевизор, товарищ, торговый центр, труд, универ, Уралмаш, учитель, факультет, филфак, хозяин, шар 1*(0.2); **544+130+9+82+35**

Словарные статьи показывают, что почти все реакции с долей более 2 встретились в двух опросах. К приведенным выше оригинальным ассоциатам следует добавить только *язык 9* (1.6).

В заключение можно отметить, что сопоставление двух опросов показало, что ассоциативные значения слов-стимулов в целом совпадают, хотя есть и региональные различия.

Литература

1. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции.– М.: Московская международная академия, 2018. – 544 с. Т. II. От реакции к стимулу.– М., 2019. – 688 с.
2. Черкасова Г.А., Филиппович Ю.Н., Филиппович А.Ю. Информационная технология сопоставительного анализа ассоциативного языкового сознания носителей разных культур // VIII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Сб. науч. докл. / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев. – Симферополь: ИП Минакир И.Л., 2017. – С. 182–186.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

А.И. Кириллова

shchelkova@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище»
(Донецк)

Понятие языкового сознания затрагивает важную область психолингвистических явлений, в которых лингвистические проявления неразрывно связаны с содержанием сознания человека. Язык военного специалиста – это обобщенный результат развития военного дела, отражение познавательной и практической деятельности военных кадров, а также отражение их картины мира в речевой мыслеформе.

Актуальность исследования обусловлена предположением, что существует определенная специфика реализации мышления в форме языкового выражения представителями конкретных профессий, в частности военнослужащими.

Цель данной работы – изучение влияния профессиональной принадлежности на образы сознания военных специалистов.

На сегодняшний день в психолингвистической науке существуют различные трактовки термина «языковое сознание». Исследования таких ученых, как Е. Ф. Тарасов, Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева и др. посвящены этому вопросу .

Е.Ф. Тарасов считает, что языковое сознание – это «совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Функционирование языкового сознания связано с механизмами порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психическими механизмами, обеспечивающими процесс речевой деятельности человека» [3]. Согласно определению Ю.Н. Караулова, «языковая личность (сознание) – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [1, с. 38].

Учитывая ориентированность на профессиональную направленность, в данной работе мы делаем акцент на концепцию Г.В. Кубиц, по утверждению которой «профессионализация языковой личности представляет собой процесс формирования профессионального языкового сознания личности, которое связано с полным и совершенным овладением профессиональным языком» [2, с. 10].

Материалом для настоящей работы послужили данные, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного на базе Донецкого высшего общевойскового командного училища (ДонВОКУ) среди курсантов 1–4 курсов.

Для отбора и анализа материала использовались такие методы, как наблюдение, метод экспертной оценки, метод моделирования (в частности, моделирования ассоциативных полей).

В эксперименте испытуемым предлагалась анкета, разработанная исследовательской группой лингвистов под руководством доктора филологических наук, профессора Н.В. Уфимцевой, содержащая около 100 слов-стимулов. Испытуемые должны были записать (в течение 15 минут) на специальном бланке слова-реакции на предложенные слова-стимулы. Перед началом эксперимента давалось несколько установочных слов-стимулов с тем, чтобы участвующие в эксперименте «вошли» в него [4, с. 124]. Было отобрано 120 анкет для установления ассоциативного поля. Нами фиксировался первый ответ-реакция на слово-стимул.

Отмечается следующее идиомное распределение слов-реакций:

1. Профессиональный сленг (*увал, ПХД, ротный, залёт*);
2. Профессиональная лексика элементов военного управления (*строй, доводить, приказ, караул*);
3. Индивидуальная (одиночная) реакция, например слово-стимул *воскресенье*, ответ-реакция – *церковь* (у 1-го из 120 испытуемых), тогда как в 80% полученных ответов данный стимул имеет следующее ассоциативное поле (рис. 1).

Рис. 1. Ассоциативное поле слова-стимула *воскресенье*

Следует отметить, что важным элементом в формировании профессионального языкового сознания является среда, в которой находится индивид. Военские части можно определить как закрытое пространство, в котором существуют свой распорядок дня, свои законы (уставы) для его формирования, свои специфические процессы существования. Для курсантов на начальном этапе их определения в этой социальной реальности одним из ключевых компонентов, формирующих их профессиональное языковое сознание, является процесс обучения, где формируются все необходимые профессиональные компетенции.

Например, установленное уставом единоначалие дает четкое профессиональное направление в цепочке ответов-реакций (например, *начальник – командир – 69%* испытуемых, *офицер – 21%*, *злой – 10%*; *армия – дисциплина – 48%* и т.д.).

В процессе проведения эксперимента также было выявлено, что курсанты, обучающиеся по военной специальности «Боевое применения мотострелковых подразделений на БМП», показали самый большой процент невалидных анкет (около 11%) по причине непонимания/незнания значения многих слов (например *повеса, лаконичный, вдовий* мн.др.).

Выводы. Анализ взаимосвязи мышления и языка имеет важное методологическое значение и демонстрирует влияние военной деятельности на сознание индивида. Сравнительно-сопоставительная интерпретация ассоциативных полей с позиций психолингвистики дает возможность смоделировать:

- актуальное для военного содержание значения слова;
- вероятные направления понимания слова в тексте;
- профессиональную специфику организации ассоциативного поля.

Данная статья является первой ступенью изучения профессионализации языкового сознания военных специалистов и предполагает продолжение работы над представленной темой с расширением методов исследования.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 261 с.
2. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. к. филол. н. Челябинск, 2005. – 258 с.
3. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html (дата обращения: 25.02.2019)
4. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ АНСАМБЛИ КРЫМСКИХ WEB-САЙТОВ

С.С. Дикарева

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Постановка задачи

Цель данного исследования состоит в анализе мультимодальности и семиотических ансамблей как интегративных категорий социальной семиотики и теории коммуникации. Рассматриваются перспективы новой платформы развития социальной семиотики в интеграции с лингвистической теорией интернет-коммуникации [1]. Материалом лингвистического анализа служат семиотические ансамбли дизайна региональных web-сайтов в аспекте кросскультурной динамики сетевого пространства Крыма.

Изучение семиотических ансамблей интернет-коммуникации (текст, изображение, звучащая речь, виртуальные туры и др.) выполнено в рамках проекта «Крымский региональный корпус русской коммуникации». Лингвистическая концепция проекта и эмпирический материал представлены С. С. Дикаревой и С. Г. Чернобривец в главе коллективной монографии «Современная картина мира: крымский контекст» [2].

Терминологический потенциал лексемы *ансамбль*

По данным Национального корпуса русского языка, лексема *ансамбль* характеризуется достаточно разнообразной сферой употребления. Приведём результаты поиска в основном подкорпусе НКРЯ [<https://ruscorpora.ru>. Дата обращения 03.04.2019].

Объем основного подкорпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов. Поиск в корпусе: **ансамбль**, режим поиска: лексико-грамматический. Найдено 1 587 документов, 3 688 вхождений. Распределение по годам (частота на миллион словоформ): начало употребления 1800-е годы, пик употребления 1940-е годы, новый пик 2000-е годы. Сфера функционирования: публицистика (74.78%), художественная литература (13.83%), учебно-научная (8.27%), электронная коммуникация (1.00%) и др. Ниже приводится пример употребления лексемы *ансамбль* в письмах Д. С. Лихачева.

Д. С. Лихачев. Письма о добром и прекрасном (1985) *Письмо тридцать седьмое. Ансамбли памятников искусства Каждая страна – это ансамбль искусств*. [<https://ruscorpora.ru>. Дата обращения 03.04.2019].

В данном примере синтаксическая единица *Ансамбли памятников искусства* соответствует термину *архитектурный ансамбль*.

Обратимся к данным терминологических словарей. На сайте тематических толковых словарей «Глоссарий.ru» по запросу *ансамбль* найдено 9 словарных статей [URL: <https://glossary.ru>, дата обращения 03. 04. 2019]. Найденные словарные статьи связаны гипертекстовыми ссылками с глоссариями более высокого ранга (гиперонимами): *Вокальное искусство/ Здания/ Камерные музыкальные произведения/ Музыканты/ Объекты озеленения/ Садово-парковое искусство/ Сценическая игра/ Формы оперной музыки/ Эстрадное искусство*. Рассмотрим статьи (1) и (2).

Статья (1). *От фр. Ensemble – целое. Ансамбль – совокупность зданий, образующих единую архитектурную композицию. В архитектуре различают ансамбли, создаваемые в течение длительного времени при учете основного первоначального замысла, и ансамбли, осуществляемые целиком по единому замыслу и в одном архитектурном стиле.* **Переход** [Здания]

Статья (2). *От фр. Ensemble – согласованность. Ансамбль – в театральном искусстве стройность и согласованность игры актеров. Ансамбль служит раскрытию замысла сценического произведения, осуществлению стилевого единства спектакля, возникает в результате длительной работы актеров в одном коллективе или в результате их принадлежности к одной художественной школе. Различают внешний ансамбль – слияние воедино всех компонентов спектакля: декорации, цвета, света, звука, ритма и др., и внутренний ансамбль – общий идейный замысел, определяющий трактовку характеров, взаимодействие игры всех актеров.*

Переход [Сценическая игра].

Гипертекстовые связи терминов визуализируются в виде формулы глоссария, которая наглядно представляет ближайшее окружение термина: составляющие его статьи и подглоссарии, а также вхождения в глоссарии более высокого ранга и глоссарии-соседи (см. рисунок 1).

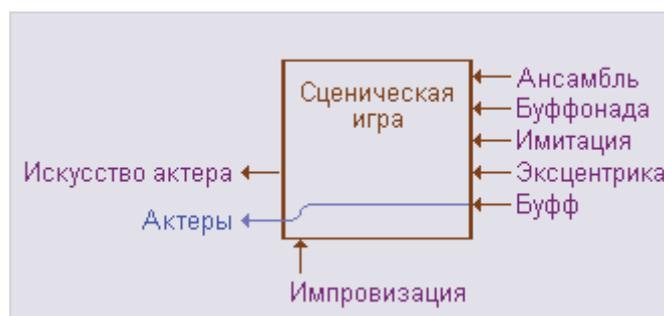

Рисунок 1. Формула глоссария «Сценическая игра»

На наш взгляд, термин *семиотический ансамбль* как согласованность знаковых систем ассоциируется с глоссарием «сценическая игра».

Семиотические ансамбли web-сайтов Крыма

Мультимодальные коммуникативные процессы изучаются и реализуются в проектах по мультимодальной лингвистике под ру-

ководством А. А. Кибрика [3]. Как категория социальной семиотики мультимодальность анализируется в работах Гюнтера Кресса [4], [5]. В частности, обсуждаются принципы использования множества семиотических ресурсов в разных сообществах как модусов (modes) для конструирования смысла сообщения (making meaning). В качестве образца мультимодального ансамбля (комплекса модусов) Г. Кресс приводит дизайн интернет-сайта.

Для анализа семиотических ансамблей крымских сайтов была выполнена паспортизация интерфейса и контента. Параметры паспортизации: Титульное название, Тип web-сайта, адрес (адреса), Язык (языки) интерфейса, Язык (языки) контента, Горизонтальное меню, Вертикальное меню, Глубина гипертекста, Интерактив, Цветовая гамма, Изображения, Аудио, Видео, Баннеры, Примечания.

Например, титульное название сайта на русском и английском языках: ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ. Государственный историко-археологический музей-заповедник. The State Museum Reserve “Tavric Chersonese”; адрес : URL: <https://chersonesos-sev.ru/>, дата обращения 03.04.2019; язык (языки) интерфейса: опция: Выбрать язык: Предлагается перевод навигационного меню и частично контента сайта на 93 языка: русский, азербайджанский, албанский, амхарский, английский, арабский, армянский, африканс, баскский, белорусский. бенгальский и др. **ВЫБРАНЫ:**

Русский

Главная/ События/ Музей/ Научная работа/ Детям и молодёжи/ Экспозиция и выставки/ Посетителям/ Документы.

Украинский

Головна / Події/ Музей/ Наукова робота/ Дітям та молоді/ Експозиції та вистави/ Відвідувачам/ Документи.

Белорусский

Галоўная / Падзеі/ Музей/ Навуковая праца/ Дзецям і моладзі/ Экспазіцыі і выставы/ Наведвальнікам/ Дакументы

Болгарский

Основен/ Събития/ Музей/ Научната работа/ Децата и младжите/ Изложения и панаири/ Посетители/ Документы.

Чешский

Hlavní/ Děnní/ Muzeum/ Vědecká práce/ Děti a mládež/ Expozice a vystavy/ Návštěvníkům/ Dokumenty.

Английский

The main*/Developments*/ Museum/ Science work/ Children and youth/ Expositions and exhibitions/ Visitors/ Documents.

Таким образом, перечисленные параметры соответствуют различным семиотическим ансамблям, которые используются для привлечения внимания посетителя ресурса.

Литература

1. Дикарева С. С. Сценарное моделирование диалогических систем. Принципы лингвистической теории: монография. 2-е изд., перераб. и дополн, Симферополь: «ДиАйПи, 2015. 310 с.
2. Дикарева С. С., Чернобривец С. Г. Проект «Крымский Региональный корпус русской коммуникации»: лингвистическая концепция и эмпирический материал / С. С. Дикарева, С. Г. Чернобривец // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 31- 44.
3. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика [Электронный ресурс] [https://iling-ran.ru/kibrik/Multimodal@Cog_Studies.2010.pdf]. Дата обращения 30.03.2019.
4. Кресс, Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности, пер. с англ. Т.Ш. Адильбаев, И. В. Фомин/ Г. Кресс// Политическая наука, 2016, № 3. — С. 77-100.
5. Kress, Gunther. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. L.: Routledge, 2010 — xvi, 212 p.

ТОПОНИМИКА КРЫМСКОГО РЕГИОНА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А.Я. Мартынюк

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Взаимодействие языка и культуры в современном языкознании представляется актуальной темой, для исследования которой применяются различные научные подходы.

В частности, вполне закономерным представляется появление лингвокультурологического направления, изучающего взаимодействие языка и культуры, – значительное событие, фиксирующее современные тенденции развития научного познания, поскольку «язык – это путеводитель в «социальной действительности», который «приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [6, с. 261].

Безусловно, язык не существует вне культуры, и данное утверждение не вызывает сомнения у лингвистов. Так, В. А. Маслова утверждает, что язык тесно связан с культурой: язык не только называет то, что есть в культуре, не только выражает её, формирует культуру, прорастая в неё, но и сам развивается в культуре [4, с. 25]. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры, выступает как средство реализации культуры. Восприятие языка в качестве феномена культуры предполагает учёт особенностей «национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры» [1, с. 66].

Лингвокультурология изучает язык именно как феномен культуры, рассматривает языковые факты сквозь призму национальных особенностей и ментальности; языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений. С помощью лингвокультурологического подхода к исследованию языковых единиц возможно систематизировать гуманитарные знания, более продуктивно применять их для осознания сущности используемых носителем языка речевых средств. Согласно определению В.А. Масловой, «лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [4, с. 9]. По мнению В.В. Красных, «лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [3, с. 12]. Лингвокультурологию можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX века и опирающимся на глубокие научные традиции. Большой вклад в ее развитие внесли В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б.Л. Уорф и др. Данный термин приобрел популярность в отечественной лингвистике благодаря работам фразеологической школы В.Н. Телия, а также исследованиям А.Д. Арутюновой, Г.Ю. Богданович, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Е.О. Опариной, Ю.С. Степанова, С.Г. Тер-Минасовой, В.М. Шаклеина, Т.А. Яценко и других исследователей.

Период конца XX – начала XXI века характеризуется возросшим научным интересом к исследованиям в области ономастики в

целом и топонимики в частности, пониманием важности для лингвистики поиска ответов на различные вопросы, стоящие перед топонимикой (греч. *topos* - место + *онута* - имя, название) – отраслью языкознания, занимающейся изучением географических наименований (топонимов), выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального значения слов, от которых они образованы.

Интерес к осмыслению географических названий появился на самых ранних этапах цивилизации. Ещё античные историки и географы пытались объяснить тот или иной топоним в известной древним грекам населенной части мира. Научный период топонимики в России начался лишь в XIX в. В 1812 году появляется статья А.Х. Востокова «Задача любителям этимологии», где впервые сформулирована точка зрения на возникновение гидронимов Ладога, Волга, Днепр, Дон, Оскол и многих других. Н.Н. Надеждин в работе «Опыт исторической географии русского мира» (1837) связывает изучение топонимов с историей расселения славян и соседних народов. Н.Н. Надеждину принадлежат крылатые слова: «Топонимика – это язык Земли». В области разработки общих проблем топонимии известны работы Р.А. Агеевой, О. Е. Афанасьева, Э.М. Мурзаева, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, Г.П. Смолицкой, А. В. Суперанской, В.И. Супруна, О.Н. Трубачева и других.

Учёные отмечают, что топонимия возникла на стыке трёх самостоятельных наук – географии, истории и языкознания, так как географические названия отражают исторические условия и языки народов, природные особенности территорий. Однако, как пишет А.В. Суперанская, «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются. Только лингвистическими методами могут быть проверены гипотезы относительно происхождения ряда географических названий» [7, с. 3].

Топонимы, относящиеся к лексико-грамматическому классу существительных и являющиеся одним из важных компонентов лексической системы любого языка, всегда привлекали внимание филологов. По мнению В.В. Молчановского, топоним является вместилищем знаний о стране, хранителем и трансформатором ис-

торико-культурной информации об этносе: «Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций» [5, с. 5]. По мнению исследователей, топонимия – это уникальная подсистема языка, «часть культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование» [2, с.51]. Топонимия любого региона содержит сведения о важнейших этапах истории материальной и духовной культуры народа, сформировавшего ее. В нашем исследовании под топонимами понимаются географические наименования любых, от крупных до небольших, естественно-природных или искусственно созданных человеком объектов на сухопутной или водной территории Земли, формирующие исторически, социально и культурно обусловленные географические названия.

Топонимикон как совокупность географических названий является плодотворным объектом исследований для целого ряда научных дисциплин. Результаты топонимических исследований находят свое применение в различных областях гуманитарного знания: лингвистике, лингвокультурологии, этносоциолингвистике, истории, географии и многих других

Топонимия Крыма – совокупность географических названий, включающая наименования природных и культурных объектов на территории Республики Крым и отражающая особенности исторического развития полуострова: пребывание здесь в разное время множества различных народов, их взаимосвязь, взаимодействие культур, языков, смену общественных укладов. Непосредственно изучению топонимики Крыма посвящены труды Ю.А. Беляева, И. Л. Белянского, В. А. Бушакова, А.В. Васенко, Х. Ф. Исхаковой, И. Н. Лезиной, А.Ю. Полкановой, Ю.А. Полканова, А. В. Суперанской, С.М. Усеинова и других исследователей.

История Крыма замечательна сосуществованием многих народов и народностей, пёстрым переплетением их интересов, веры, обычаев, традиций. Издавна Крым населяли разные народы – тавры, киммерийцы, скифы и сарматы, греки, римляне, хазары, татары, караимы, крымчаки. После присоединения Крыма к России его земли заселили русские, украинцы, немцы, чехи. Каждая из наций и народностей несла свои культурные и этнические особенности, оставила память о себе в тех или иных географических

названиях и именах, о которых не дошло никаких материальных свидетельств.

Крым – один из богатейших регионов с точки зрения истории и культуры. В свое время здесь жили древние греки, византийцы, монголы, татары и другие народы. Многообразная судьба полуострова нашла своё отражение и в топонимике.

У каждого крымского этноса существовали именованные природные объекты, наиболее значимых для жителей определенной местности. Часть топонимов, принадлежавшая исчезнувшим языкам, была стерта из памяти людей и с течением времени заменена названиями, данными более поздними народами. Другие топонимы продолжали существовать, но в большинстве случаев их исконное название искажалось, и теперь можно только предполагать, какому народу они принадлежали и как звучали в оригинальном варианте. На формирование крымских топонимов влиял и образ жизни народов, населявших в разное историческое время территорию полуострова.

Большинство названий объектов Крыма имеют греческое (*Симеиз, Ялта, Инкерман, Меганом, Форос, Ливадия, Гаспра, Симферополь, Севастополь, Феодосия, Плака, Евпатория* и др.) и тюркское происхождение (*Бахчисарай, Джанкой, Казантип, Коктебель, Алушка, Балаклава* и др.).

В советский период путем переименования большинству населенных пунктов Крыма были даны русскоязычные названия. (*Арбузовка, Заозерное, Малиновка, Приятное свидание, Приветное, Солнечная долина, Уютное* и др.). Бесспорно, новейшие социально-политические реалии могут послужить (и, вероятно, послужат) причиной новых переименований, прямо или косвенно связанных с меняющимся политическим вектором региона.

Таким образом, формирование топонимической картины мира является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку топонимы обладают безусловной этнокультурной значимостью и интегративным статусом, а топонимическая система отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса.

Литература

1. Богданович Г.Ю. О лингвокультурной ситуации в полиэтничной среде // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2004. №49. Т. 1. – С. 83- 87.

2. Керт Г. М. Топонимия в современном мире // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. – С. 48-54.
3. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : лекционный курс. Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация. Дисс. канд. педагог. наук. М., 1984. – 201с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – С. 259-265.
7. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. – 182 с.

**ЯЗЫК КАК СПОСОБ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ
КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ:
НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ ДИАСПОРЫ В КРЫМУ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОЭКСПЕДИЦИИ 2018 г.)**

Л. И. Никонова, С. Д. Трибушина, Т. Н. Охотина

congress7@list.ru

ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»
(Саранск)

Крым издревле являлся полилингвокультурным регионом (термин Г. Ю. Богданович [2]). На сегодняшний день здесь проживает более 170 национальностей, каждой из которых присущи собственный язык, традиции и обычаи. В условиях всемирной глобализации и универсализации степень сохранности особенностей этнической культуры во многом зависит от владения родным языком, т. к., по словам В. П. Фурмановой, он «выступает как элемент культуры, служащий для мышления и общения, а также для передачи культурной информации из поколения в поколение» [8, с. 29]. С. А. Арутюнов отмечал, что некоторые культурные явления могут существовать только в языковой форме [1, с. 7].

Описанное выше касается и одного из миноритарных языков Крымского полуострова – мордовского. В 2018 году для изучения местной мордовской диаспоры была организована экспедиция под руководством доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой [4]. Мордовскоговорящее население здесь составляет 397

чел. из 1338 представителей мордовской диаспоры в Республике Крым и 91 чел. из 267 в г. Севастополе (2014) [3]. В. П. Шостка отмечает, что «языком своей национальности свободно владеют 13,6 % мордвы» [9, с. 125]. Мордовский язык здесь служит для внутринационального общения в пределах мордовской диаспоры, внутрисемейного общения в ряде семей, где оба супруга владеют соответствующими языковыми навыками, для передачи последующим поколениям традиционных знаний и осуществления обрядов, сохранившихся среди мордовского населения Республики Крым и г. Севастополь. Постепенное снижение уровня владения родным языком среди представителей мордовской диаспоры приводит к утрате элементов традиционной культуры, что особенно ярко проявляется в условиях полилингвокультурного региона, где доминирующее и унифицирующее значение имеет русский язык не только в качестве одного из государственных, но он является, по словам Е. Я. Титаренко и Р. Н. Гусейновой, «фактором», объединяющим все население полуострова, служащим для внесемейного общения [6, с. 60]. Согласно переписи 2014 года, на русском языке говорит 85 % всего населения. Среди представителей мордовского народа владение русским языком составляет почти 100%. В связи с чем в русско-мордовских и украинско-мордовских семьях необходимости в изучении дополнительно мордовского (мокшанского и эрзянского) языка супругов не возникает в силу того, что в данном случае русский язык становится языком внутрисемейного общения. Например, в семьях Сурковых и Девятаевых общаются на русском языке в силу отсутствия у одного из супругов навыков владения мордовским языком [5]. Среди опрошенных семей муж или жена не мордовской национальности часто не говорят на родном языке супруга, но понимают его. Например, Л. Н. Четыркина из г. Севастополя понимает язык мужа, В. В. Романова знает отдельные общеупотребительные слова [5]. Внутрисемейное общение на мордовском языке в смешанных семьях встречается редко. Так, в семье Старчковых жена, украинка по национальности, хорошо говорит на родном языке мужа. Они общаются на нем в быту и разговаривают с внуками [5].

На уровень сохранности языка влияет проживание членов диаспоры в городской или сельской местности, их гендерная принадлежность. Традиционно уровень владения родным языком

выше среди мордвы, проживающей в сельской местности, чем в городской, почти в два раза. Это свидетельствует о лучшей сохранности традиционной культуры в условиях сельской среды. По данным переписи 2014 года, здесь проживает 271 носитель мордовского языка [3].

Сходная тенденция отмечается на гендерном уровне в Республике Крым: мордовским языком владеют 248 лиц женского пола и 149 мужского. В г. Севастополе количество владеющих родным языком мужчин и женщин среди мордвы примерно одинаковое – 44 и 47 чел., соответственно [3]. В мордовской традиционной культуре женщины выполняли воспитательную функцию на первых этапах взросления детей, обеспечивая преемственность поколений. Так, в семье Сиркиных мордовским языком владеют один из сыновей и все внуки, а другой сын освоил родной язык матери на уровне понимания.

В опрошенных смешанных семьях, проживающих вне исконных территорий, дети редко полностью владеют родным языком родителей. В условиях, когда внутрисемейное общение воспроизводится на двух языках, русском и мордовском, язык усваивается частично, дети понимают по-мордовски, но навыками разговорной речи не обладают. Например, дети Сурковых, сын Романовых, дочь Власовых и др.

Язык как носитель и транслятор культурной информации рассматривается в научной практике Н. И. Толстым, который отмечает взаимосвязь культуры и языка [6, с. 27]. Одним из элементов традиционной культуры мордвы, сохранившихся в Крыму, является национальная кухня. На языковом уровне она отражается в использовании мордовских названий для обозначения традиционных блюд. Во многих семьях готовят *катфань прякинеть* (мордовские пельмени), *лям* (густой картофельный суп с мясом, морковью и луком), *салма, салмат* (галушки из пресного теста, тушеные с кислой капустой, яйцами и мясом), *тёракат* (большие пельмени), *чапамо ловца* (кислое молоко), *щеня* (селянка из внутренностей), *шенявкст* (тушеная капуста с мясом), *шин гирь ям* (овощной суп) и др. Большинство опрошенных пекут традиционные мордовские пшеничные блины *пача, пачат*. Следует отметить, что большая часть респондентов озвучивает названия, соответствующие своей субэт-

нической принадлежности, мордва-мокша или мордва-эрзя, и диалектным формам, характерным для местности, из которой они родом. Это ярко отражается в названии наиболее распространенного традиционного блюда *сёмара, тёмарат, тёмара, цюморот* (отваренная в тесте хамса) и др. [5].

Мордовский язык также частично сохраняется при исполнении традиционных семейных и детских обрядов. Так, на мордовском языке в красном углу молятся Богу при выписке младенца из роддома, при выпадении у ребенка первого зуба, его заворачивают в хлебный мякиш и выкидывают через левое плечо со словами: «*Владонди сиень пий, а шиеати цилень пий*» (Мышка, дай мне серебряный зуб, возьми себе плохой (кривой) зуб) [5] и др.

Среди мордовского населения полуострова Крым сохраняются и традиции народной медицины, которые содержат лексику мордовского языка. В данном случае это отражено в названиях средств биологического происхождения (травы, средства животного происхождения), которые употребляют в обиходе представители мордовской диаспоры. Например, в лечебных целях используется *ашо пря* (ромашка), *нартемс* (полынь), *палакс* (крапива), *прянь сярдема тише* (тысячелистник), *воск шта* (прополис), *лофца* (молоко), *чапамо ловца* (кислое молоко) и др. [5].

Таким образом, сохранение традиционной культуры мордвы во многом зависит от уровня сохранности языка. Это особенно актуально для семей, проживающих вне исконных территорий. Языковые навыки лучше сохраняются в сельской среде у представительниц женского населения. В опрошенных семьях дети чаще владеют знаниями языка и особенностей этнокультуры матери или бабушки, чем отца. В мордовскоязычной среде Крыма в быту употребляются названия этнических блюд, лекарственных средств народной медицины (растительного и животного происхождения), тексты, сопровождающие некоторые традиционные обряды (преимущественно детские) и др.

Литература

1. Арутюнов С.А. Народы и культура: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. – 247 с.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.

3. Итоги переписи населения в Республике Крым и г. Севастополь // Управление государственной службы по Республике Крым и г. Севастополь: официальный сайт: [Электронный ресурс]: URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/census_and_researching/census/crimea_census_2014/score_2010/ (дата обращения: 15.01.2019).
4. Никонова Л.И., Трибушина С.Д., Охотина Т.Н. Культура межнационального взаимодействия: по результатам этноэкспедиции в Республику Крым и Севастополь // Саранск, 2019. – С. 10–15.
5. Полевой материал авторов: Власова З.М., 1951 г. р., с. Белоглинка Симферопольского р-на; Девятаев Н.С., 1984 г. р., г. Балаклава; Сетяева Н.В., 1936 г. р., г. Симферополь; Сиркина Г.А., 1947 г. р., г. Севастополь; Старчков В.М., 1960 г. р., г. Симферополь; Суркова Т.И., 1964 г. р., г. Севастополь; Четыркина Л.И., 1966 г. р., г. Севастополь и др.
6. Титаренко Е.Я., Гусейнова Р.Н. Исторический вектор развития в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. – С. 58–66.
7. Толстой Н.И. О предмете этнопсихолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании этнографии. Л.: Наука, 1983. – 252 с.
8. Фурманова В.П. Межкультурные коммуникации и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск, 1993. – 124 с.
9. Шостка В.П. Мордва // Энциклопедия народов Крыма. Симферополь: Доля, 2016. – С. 125–128.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)

С.С. Нередкова, И.Г. Скиба

svetner05@mail.ru

ГО ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Владимира Даля»

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А Дидоренко»
(Луганск)

Языковая картина мира – это отраженное в языке представление определенного социума об окружающей действительности.

Говоря о языковой картине мира современного Донбасса, следует учитывать, что, даже находясь исторически в составе раз-

личных государств, народ Донбасса, как некое отдельное лингвокультурное сообщество, по своим ментально-лингвальным определяющим всегда входил в единое пространство Русского мира, общеславянского мира как части Святой Руси. По нашему мнению, именно эта принадлежность во многом определила возможность раскола общества на оппозиционные категории «свой : чужой» по признаку самоидентификации с русским или «нерусском» миром и в этом контексте, в свете военных событий 2014 года, позволила подтвердить, что это понимание всегда было и остается неотъемлемой частью философии коллективного сознания Донбасса, отраженной посредством русского языка.

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью языковой картины мира современного Донбасса (научные работы В.И. Теркулова, И.А. Соболевой). В условиях социальных потрясений (вооруженного конфликта) важным является исследование не только собственно лингвистических средств, но и контекста метанаучных убеждений, ценностей, разделяемых определенным социумом.

По мнению политологов, современное постсоветское пространство стало ареной для многочисленных вооруженных конфликтов, опасность которых заключается прежде всего в том, что решения, принимаемые мировым сообществом для их урегулирования, малоэффективны, и зачастую отвечают интересам не жертв вооруженных конфликтов, а их инициаторов. М.Ю. Сейранян справедливо отмечает, что анализ конфликтогенного дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно включает исследование факторов его возникновения, моделей поведения непосредственных участников, их социально-личностных характеристик, социально-идеологических условий. Для лингвиста конфликт представляет интерес в аспекте его вербальной экспликации, обусловленной взаимодействием внешних факторов [4, с. 37–38].

В условиях военного конфликта на Донбассе актуализируется необходимость объективного экспертного анализа возникающих конфликтогенных текстов. Именно посредством лингвистических экспертиз при исследовании конфликтогенного дискурса становится возможным получение ответа на вопросы: содержит ли сайт, скриншот, книга отдельные слова, фразы, возбуждающие

ненависть, вражду, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка или принадлежности к какой-либо социальной группе.

Важным при проведении лингвистической экспертизы является использование соответствующих лингвистических методик:

1. *дискурс-анализа*, позволяющего учитывать различные факторы проявления конфликта, выявлять отношения между предложениями и высказываниями на микроуровне и макроуровне, определять вербальные маркеры конфликтности;

2. *интент-анализа*, позволяющего реконструировать интенции, т. е. направленность сознания говорящего в момент речи, в актуальной ситуации общения;

3. *контекстной экспликации понятийно-семантических и логических связей* (выявление компонентов положительной или отрицательной оценки путем семасиологического анализа словосочетаний; анализ коммуникативно-смыслового (логико-понятийного) содержания высказывания путем соотнесения исследуемого текста с понятийно-языковой ситуацией).

Задачей лингвистической экспертизы является установление того, содержат ли отдельные слова, фразы, словосочетания, побуждающие ненависть либо вражду, а также унижающие достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группе. В центре исследования – выявление фиксированных показателей (маркеров) речевого конфликта на различных языковых уровнях: лексическом, лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом.

Экспертные группы лингвистов прослеживают тенденции конфликтогенных текстов относительно ситуации в Донбассе с 2014 по 2018 год. Объем исследуемого материала составил текст книги В. Шкляра «Черное солнце» (на 110 страницах), скриншоты из социальной сети Facebook (на 22 листах), платформы «ВКонтакте» (контент-страницы на 55 листах, 15 скриншотах), web-сайта <http://sokrytoe.org/> (300 заголовков). Позволим себе поделиться некоторыми наблюдениями, остановившись на наиболее показательных общих составляющих анализированных материалов.

1. Тексты содержат ложную фактическую информацию и выраженную суггестивную направленность.

1.1. Книга В. Шкляра «Черное солнце» содержит искажение концептуальных символов и понятий с целью распространения недостоверной информации, героизирует бойцов батальона «Азов», чем оказывает негативное воздействие на целевую аудиторию (читателей). Например, о бойцах националистической группировки «Азов», именуемой в тексте книги как «*брати азовські*» от имени главного героя Гризло «*справдешнього націоналіста*» ведется повествование в русле их мировоззренческой концепции. Трактовка понятия «националист» и «нацист» в тексте книги представлена в такой формулировке: «*націоналістами називають людей тільки за те, що вони розмовляють своєю мовою*»; «*а якщо ці самолюбці ще й хочуть, щоб із ними також говорили по-їхньому, тоді бери вище – це вже нацисти, расисти чи щонайменше фашисти*».

В словаре С.И. Ожегова термин «национализм» определяется как идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим; проявление психологии национального превосходства; «фашизм» – идеология воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на уничтожение демократии и развязывание войны, а «нацизм» – как германский фашизм. Таким образом, автор книги «Черное солнце» сознательно подменяет понятия. Понимание такой авторской позиции позволяет нам более точно определить идеологическую основу анализируемого текста и его суггестивную направленность.

1.2. Тексты web-сайта <http://sokrytoe.org/> содержат высказывания о непроверенных фактах и информации, которая направлена на формирование у читателя эмоции страха. Например: *Русский фашизм – это когда скрывают количество умерших и заболевших гриппом в Луганске, а Русские люди убеждают себя в том, что это нормально, и в Украине, вероятно, хуже, чем у них. СПИД, сифилис, туберкулез, гепатит, герпес, стафилококк, гонорея, вирусные пневмонии, свиной грипп – вот небольшой список эпидемий, накрывших Луганщину за год с небольшим; шокирующее число умерших от эпидемии – 1500 жителей.*

2. Ряд оценочных высказываний носит крайне жесткие, открыто угрожающие общепринятым ценностям суждения, отчет-

ливо прослеживаются признаки унижения человеческого достоинства по отношению к жителям Донбасса и самой территории. Фиксируем следующие номинации (web-сайт <http://sokrytoe.org/>, платформы «ВКонтакте»):

2.1. *Быдлороссы, донбасоссы, донбосяне, донбоссята* (суффикс *-ат-* образует формы множественного числа имени существительного, обозначающего детёнышей и НЕ взрослых особей);

2.2. *Псевдореспублики, квазигосударство* (приставки *псевдо-* и *квази-* означают «мнимый», «ненастоящий», указывает на неполноценность ЛНР как государства); *Луганда, Лугандон* (слово, образованное от названия города *Луганск* и слова *гондон*, имеющего следующее толкование: разг. *презерватив*; грубо выражает крайне неприязненное отношение к лицу мужского пола); «*лнр*», «*днр*» (графическое выделение слов (кавычки) придает словам дополнительное значение и используется с экспрессивно-оценочной целью, указывая на переносное значение понятия); «*рЭс-публика*», «*рЫспублика*» (графическое выделение отдельной буквы в слове для выражения подчеркнуто пренебрежительно-ироничного к самому слову и значению, содержащемуся в нем).

В проанализированных заголовках (web-сайт <http://sokrytoe.org/>) для усиления экспрессивного воздействия на читателя автор использует оппозицию (противопоставление) в заголовках *Россия (оккупанты): Донбасс (быдло), где Россия и жители России – враги для жителей Донбасса, например: Как Россия имеет Русских Донбасса; Донбасс: Россияне гонят местное Русское быдло на убой; Зверства Русских палачей на Донбассе*. В единичных случаях автор подчеркивает, что жители Донбасса представляют опасность для жителей РФ, например: *Всё лучшее "братьям": как "лнр" в Россию наркоту и оружие продает; ФСБ создает в Донецке «мавзолей» для трупов российских солдат*.

3. В текстах представлена негативная информация о группе лиц, объединенных по общему территориальному признаку, содержатся высказывания оскорбительного характера по отношению к определенной национальности, многочисленные уничижительные характеристики русского народа, отдельных его представителей, образующие синонимические ряды с разным уровнем негативной коннотации: «*непритомна чернь*», «*рило*», «*алкаші-хулігани*», «*сепаратистська сволота*» («Черное солнце»); «*вата*»,

«мясо», «сепар», «сепарская морда» (платформы «ВКонтакте»); *существа, быдло, дегенераты, упыри из даунбаса* (автор называет жителей Донбасса даунами: Синдром Дауна – одна из форм геномной патологии); *цена всем этим новороссиям, русским мирам и путинным, георгиевским лентам и советским союзам* (обобщенные собирательные названия самостоятельных понятий и собственных имен имеют дополнительную негативно окрашенную коннотацию, являются оскорбительной по отношению к перечисленным выражениям) – web-сайт <http://sokrytoe.org/>.

Нами также было проведено социолингвистическое исследование 300 заголовков раздела *Украина против Рашизма* категории *Новости из «Быдлороссии»* (web-сайт <http://sokrytoe.org/>), результаты которого, по нашему мнению, являются достаточно показательными. Заголовков, содержащих названия ДНР, ЛНР, Новороссия, населенных пунктов Донбасса, зафиксировано 177, что составляет 59% от общего количества заголовков в этой подкатегории, из них явно оскорбляющих достоинство жителей Донбасса – 62 (35,03 %). В 212 заголовках данной подгруппы (70,67 %) содержатся слова *русский, российский, россиянин (не)*, из них 119 (56,13%) с явной негативной оценкой по отношению к русским и 52 (24,53%) со скрытой негативной оценкой, негативный смысл которых раскрывается при прочтении статьи (контекстуально). Проведенный анализ позволяет констатировать, что, по статистическим данным, 80,6% заголовков данной категории вызывают у читателя ненависть, вражду по признакам национальности, унижают достоинство русского человека.

Это еще раз подтверждает, что языковую ситуацию современного Донбасса следует отнести к конфликтогенной, с наивысшей степенью проявления языковой агрессии в 2014–2015 годах (в период наиболее активных боевых действий), которая проявляется и в более поздних исследованиях, хотя и может носить более скрытый (контекстуальный) характер.

Литература

1. Йоргансен, Марианне В., Филипс, Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – 2 изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 200 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е издание, М.: Высшая школа, 1993. – 944 с.
3. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
4. Сейранян М.Ю. Основные подходы к анализу конфликтного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета, серия «Лингвистика». № 6 – Москва: Изд-во МГОУ, 2010. – С. 37–40.
5. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – 112 с.

СЛОВА-РЕАКЦИИ НА СЛОВО-СТИМУЛ «УЧИТЕЛЬ» В РЕЧИ ДОНЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Н. Стебунова

alla.stebunova@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

В центре современных лингвистических исследований находятся вопросы о том, как человек отражает окружающий его мир, как преломляет его в своем сознании и как репрезентирует эту познавательную деятельность и познанную действительность в языке. В связи с этим особый интерес вызывают принципы организации единиц лексикона, которые позволяют человеку «понимать воспринимаемое слово и находить в памяти именно то слово, которое наиболее полно соответствует замыслу его высказывания» [1, с. 8].

Считается, что лексикон представляет собой упорядоченную систему, в которой полученная информация организуется, хранится и откуда легко извлекается при необходимости. Как утверждает Е. С. Кубрякова, в основе этой системы лежат ассоциации [1, с. 11]. Однако ассоциации к одному и тому же слову могут быть различными. Представление о высокой информативности ассоциативных связей слова послужило причиной появления экспериментальных исследований, призванных выявить принципы внутренней организации лексикона человека.

Наша работа выполнена в рамках проекта «Этнокультурные

исследования языкового сознания», проводимого Центром межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева, под руководством доктора филологических наук, профессора Н.В. Уфимцевой.

Цель нашего исследования – раскрыть психологически реальное содержание лингвокультурного концепта «учитель» через моделирование его структуры с помощью ассоциативных вербальных реакций информантов на слово *учитель* в анкетах проводимого нами свободного ассоциативного эксперимента.

Эксперимент, использующий метод свободных ассоциаций, дает ответ на вопрос о принципах связей слов друг с другом и их расположении в сознании носителей того или иного языка.

Данный эксперимент состоит в следующем: испытуемый должен отреагировать на предлагаемое ему слово-стимул словом-реакцией.

Связи, возникающие в сознании человека в данный момент, носят ассоциативный характер. Сами слова-стимулы – это не вопросы, а своего рода пусковые механизмы для актуализации ассоциативных связей.

В качестве **материала** для анализа послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, который проводился в 2018 году в группе информантов-студентов разных направлений подготовки высших учебных заведений города Донецка в возрасте от 17 до 22 лет (980 человек).

Список стимулов для ассоциативного эксперимента был составлен научной группой Н.В. Уфимцевой с учетом двух основных принципов [3, с. 98]. Прежде всего в список вошли лексические единицы, репрезентирующие наиболее значимые (применительно к задачам нашего исследования) образы языкового сознания русскоязычной молодежи г. Донецка. Другой принцип составления списка предусматривал учет семантических и морфологосинтаксических особенностей слов-стимулов, что позволяло бы не только описать значение отдельного стимульного слова, но и выявить компоненты его смысла, реализуемые в рамках типовой синтаксической модели, где интересующая нас лексема (или ее синонимы) могла быть как стимулом, так и реакцией.

Проведенный эксперимент позволил нам исследовать ментальный опыт испытуемых, отражающий накопленные знания,

впечатления, ощущения, эмоции и представления, поэтому, сгруппировав ассоциации информантов по общности смысла, мы интерпретировали их как когнитивные признаки компонентов концепта «учитель».

Эксперимент показал многообразие когнитивных признаков понятийного компонента концепта «учитель»: «объект обучения и воспитания» (19,3%) – «тот, кто преподает, обучает» (19,1%) – «тот, кто наставляет, воспитывает» (16,9%) – «профессия» (16%) – «место обучения» (12%) – «предмет обучения» (9,1%) – «средства обучения» (4,8%) – «форма организации обучения» (2,8%).

Профессиональное назначение учителя представлено когнитивными признаками «тот, кто преподает, обучает»: *педагог* (10%) – *преподаватель* (4%) – *препод* (0,4%) – *работник школы* (0,2%) и «тот, кто наставляет, воспитывает»: *наставник* (11,4%) – *воспитатель* (2,8%) – *советчик* (0,4%) – *классный руководитель* (0,2%) и др.

Незначительное количество реакций показывает, что информантам-студентам установка на какую-либо учебную дисциплину не присуща, хотя отдельные реакции (названия школьных дисциплин) отражают специальный характер деятельности учителя: математика, русский язык и литература, немецкий и английский языки, физкультура, химия и др.

Для более успешного усвоения предметного материала учитель использует средства обучения. В немногочисленных ассоциациях названы материальные средства: *тетради* (2,1%) – *доска* (1,8%) – *книга* (1,2%) – *учебник* (0,5%). Когнитивный признак «форма организации обучения» представлен ассоциациями *урок* (2,6%) – *домашнее задание* (0,2%).

Когнитивный признак «качества характера» (19,6%) мы соотнесли с оценочной шкалой «хорошо – плохо». Информанты назвали в основном положительные качества (95,2%): *благородный* – *внимательный* – *доброжелательный* – *добрый* – *интересный* – *отличный* – *справедливый* – *строгий* – *хороший*, а отрицательные качества (*зануда* – *отстой* – *плохой*) представлены незначительно (3,9%).

В реакциях «уровень интеллекта» (17,3%), соотносимых со шкалой «умный – глупый», преобладает положительная оценка

(98,9%): *грамотный – знающий – мудрый – умный – эрудированный*. Отрицательная характеристика отсутствует, но зафиксирована ассоциация *чокнутая* (0,2%), которая эмоциональна и представляет оценку интеллектуального уровня, отклоняющуюся от нормы.

Когнитивный (метонимический) образ (36,7%) «отсылает к материальному миру, из которого он черпается» [2, с. 221], и концепту «учитель» русское когнитивное сознание приписывает образы предметного мира. Когнитивные признаки «атрибуты» (21,7%) и «метонимические образы» (15%) отражают перенос на учителя наименований тех предметов, которые его окружают в процессе деятельности, являются его профессиональной принадлежностью (атрибутами): *журнал – костюм – мел – очки – портфель – ручка – указка* и др.

Исследование лингвокультурного концепта «учитель» на основе ассоциативного эксперимента позволило нам предположить, что ядром содержания лингвокультурного концепта «учитель» является следующее: учитель – это человек – 11,8%, работающий в школе – 10,5% для учеников – 11,8%, наставник – 11,4%, педагог – 10%, добрая – 4,7%, умная – 3,6%, хорошая – 3,4%, женщина – 4,7%, с указкой – 5,8% и мелом – 5%, которая помогает – 21,7% и учит – 17,4%.

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, позволяя получить данные о специфике сознания молодых носителей языка.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Стернин, И. А. Структура концепта / И. А. Стернин // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 10. – 312 с.
3. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. / Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. : Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М. – Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ ИЛИ РЕГУЛЯРНЫЕ, КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДО- ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ?*

Д. П. Войводич

dojcily@mail.ru

Философский факультет Новисадского университета
(Нови-Сад, Сербия)

В предлагаемой работе предпримем попытку в общих чертах рассмотреть различные примеры модального употребления глагольных форм настоящего-будущего времени СВ в русском и других славянских языках, вызывающие некоторые затруднения при истолковании и описании их аспектуально-темпоральных характеристик.

В русских грамматических исследованиях особое внимание привлекало употребление форм будущего времени СВ типа: (1) *Посмотрите, что делает заяц: прыгнет и приляжет, прыгнет и приляжет*, или (2) *Все тихо: волна не подыметя, листок не шелохнет* и т.п. Данные и подобные примеры К. С. Аксаков приводил в качестве подтверждения своего мнения о том, что в русском и других славянских языках нет глагольной категории времени (т. е. форм прошедшего, настоящего и будущего времени), так как формы глагола независимы от времени, вследствие чего, например, «формы глагола, часто употребляемые для выражения

* Исследование выполнено в рамках научных проектов № 178002 («Языки и культуры во времени и пространстве») и № 178021 («Описание и стандартизация современного сербского языка»), поддержанных Министерством образования и науки Республики Сербии. Статья представляет часть более обширного исследования аспектуально-темпоральных отношений в славянских языках. Поскольку многие из вопросов по данной теме были уже раньше предметом нашего анализа (см., в частности, [6; 7; 8; 22]), мы будем рассматривать их лишь в той мере, в какой они являются необходимыми для подтверждения общих сведений и выводов об употреблении презентных форм СВ. Также и экземплификация, и литература по этой теме приводятся в статье выборочно.

будущего, не могут назваться формами будущего времени, ибо часто употребляются и в прошедшем, и в настоящем» [1, с. 11]. После К. С. Аксакова настоящие и подобные типы употребления форм СВ очень часто были предметом ожесточенных лингвистических споров не только во второй половине XIX, но и на протяжении всего XX в. (ср. [22]).

Так, например, А. М. Пешковский [12, с. 126–127] и ряд других лингвистов (ср., в частности, [4, с. 156–157]) утверждали, что данный тип употребления СВ относится к актуальному (конкретному) настоящему, так как СВ реализуется на фоне (в контексте) актуального настоящего, выраженного презентной формой НСВ в момент речи. В противоположность им А. В. Бондарко [3, с. 220–223] и некоторые другие лингвисты, усматривают в этих примерах неактуальное настоящее, причем в примере (1) – абстрактное настоящее, в котором акты повторения действия, взятые каждый в отдельности, не обладают временной локализованностью, хотя и относятся к моменту речи (отметим, что они представляют лишь проявление постоянной способности субъекта совершать определенные действия в любой момент, в том числе и в момент наблюдения говорящего, способствующего их актуализации), а в примере (2) – модальное употребление СВ (как один из видов неактуального настоящего, отражающий лишь невозможность реализации действия в момент речи).⁷

Подобные споры возникали и в связи с «общеславянским» синкретическим употреблением презентной формы СВ в отрицательных «апеллятивных» высказываниях-вопросах (с приглашением выполнить действие) типа: (3) *Почему ты не придешь?* [‘приходи!’] (ср. также украинский, чешский, польский, сербский

⁷ Сходное модальное употребление СВ встречается и в других славянских языках; ср. следующие примеры в русском, чешском и словенском: *Одни кости, и как он полз, не постигну я* (Б. Полевой); *Я этого не пойму!* / (чешск.) *Já to nepochopím* [‘я этого не смогу понять’]; (словенск.) *Ne pride več sama do zdravnika, je prešlaba* [13, с. 322] [‘она не сможет больше прийти сама к врачу, потому что слишком слаба’; букв. <рус.> *‘не придет’>]. В данном случае к актуальному настоящему, соответственно к моменту речи относится, как это справедливо заметил А. В. Бондарко, «не процесс осуществления действия, а выражение невозможности его осуществления» [3, с. 221]. Поэтому такому употреблению презенса СВ полностью соответствует термин А. А. Зализняка *презент напрасного ожидания* [9]. Иначе говоря, в данном контексте формой презенса СВ выражается негативное (потенциальное) содержание – ‘неудачная/безуспешная попытка выполнить действие/достичь определенного результата’ (ср. также [10, с. 80, 83; 11]).

(в т.ч. и хорватский, босняцкий и черногорский), болгарский и словенский эквиваленты: *Чому ти не пријдеш?* / *Proč ne přijdeš?* / *Dlaczego nie przyjdiesz?* / *Зашто не дођеш?* / *Защо не дойдем?* / *Zakaj ne prideš?*).

Одни лингвисты рассматривали данное употребление СВ как актуальное настоящее (см., в частности, [4, с. 157]), в то время как большинство исследователей вслед за А. Мусичем [19] подчеркивали, что презентная форма в данном случае имеет не временное значение, а модальное, хотя ее употребление непосредственно связано с моментом речи (см., в частности, [3, с. 110–111; 17, с. 121–126]; см. также [7; 22], где приведена более подробная литература об этом).⁸

Особый интерес в данном аспекте вызывает статус презентной формы СВ в перформативном употреблении, в котором производимое слово (презенс) совпадает с действием (в смысле ‘*dictum est factum*’) (ср., в частности, [2, с. 203, 215; 5; 6; 8; 14; 15; 16, с. 177–188; 20]). В севернославянских (западно- и восточнославянских) языках настоящее употребление возможно лишь от нескольких глаголов речи, обладающих, как правило, футуральной (проспективной) пропозициональной валентностью. Такой перформативной способностью отличаются, например, русские глаголы *попросить*, *(по)советовать*, *поспорить*, *пожелать* и т. п. и их эквиваленты в других севернославянских языках. Ср.: (4) *Попрошу* [‘прошу’] *вас минутку помолчать* (М. Булгаков) / (польск.) *Poproszę* [‘proszę cię’)], *aby pani na chwilę przestała mówić* (М. Bułhakow); (5) *Поспорю* [‘спорю’] *с тобой, что он не придет на собрание* / (польск.) *Założę się* [‘zakładam się’] *z tobą, że on nie przyjdzie na zebranie*.

Южнославянские языки в этом отношении ведут себя по-разному: а) в словенском презентная форма СВ (используемая иногда, как и в севернославянских языках, в качестве футурума СВ, не-

⁸ Иными словами, речь идет о неактуальном настоящем, в котором, наряду с формально выраженным каузальным отношением, выражается и абстрактное значение глагольного действия, а также и волюнтаривное отношение (как нежелание адресата прийти) и, вместе с тем, приглашение (как косвенная прескриптивность с оттенком ожидания). Здесь, как мы уже раньше отметили [7, с. 579], налицо разобщенность действия с моментом речи (вследствие чего форма СВ не имеет значения настоящего актуального или будущего времени) и неопределенность времени завершения действия.

смотря на то что наряду с ней существуют регулярные (грамматизированные) футуральные формы СВ и НСВ) употребляется наравне с презентной формой НСВ (причем она, в отличие от такой же формы в севернославянских языках, образуется от большинства глаголов речи, в том числе и от огромного количества перформативных, независимо от того, идет ли речь об их проспективном или ретроспективном пропозициональном характере). Ср. (проспективное употребление): (6) *Obljubim* [‘obljubljam ti’; ‘обещаю тебе’ / (польск.) ‘obiecuję ci’; букв. *‘пообещаю тебе’/ (польск.) ‘obiecam ci’], *da bom prišel jutri spet* (‘что приду завтра опять’) [13, с. 320]; (7) *Prekličem* [‘preklicujem’; ‘отказываюсь’ / (польск.) ‘odstępuję’; букв. *‘откажусь’/ (польск.) ‘odstąpię’] *udeležbo v simpoziju* (‘от участия в симпозиуме’); ср. также (ретроспективное употребление): (8) *Lahko se vam samo zahvalim* [‘zahvaljujem’; ‘благодарю <могу только поблагодарить’; букв. *‘поблагодарю’] *za vaše delo* (‘за ваш труд’); б) в сербском (соответственно в хорватском, босняцком и черногорском), болгарском и македонском перформативное употребление данной формы СВ не встречается; ее эквивалентом в этом значении является футурум СВ (образующийся, как и севернославянский презенс СВ, лишь от перформативов с проспективной семантикой); ср. сербские эквиваленты примеров (4) и (5): (4а) *Zamolihu* [‘молим’] *vas da umuknete na trenutak* (наш пер. Д.В.); (5а) *O(n)kladihu se* [‘кладим се’] *s tobom da on neће doћи na sastanak*.

В заключение еще раз отметим, что ни в одном из приведенных примеров употребляемые формы СВ не относятся к актуальному настоящему (несмотря на то, что они формально

⁹ Словенские лингвисты (ср., в частности, [21, с. 327]) считают, что их презенс СВ, который в перформативном употреблении (т.наз. *praesens effectivum*) используется наравне с презенсом НСВ, относится к актуальному настоящему (*praesens indicativum*). Мы считаем, что здесь все же речь идет не об актуальном настоящем (как это можно было бы заключить на основании ситуации в словенском и севернославянских языках), а о синонимических корреляциях презенса НСВ (как темпорально немаркированной формы, употребляющейся во всех синтаксических позициях) и других грамматических форм с семантико-синтаксическим признаком проспективности, какими являются, в первую очередь, футуральные формы СВ (севернославянский и словенский презенс СВ, южнославянский футурум СВ) и формы сослагательного наклонения. Это значит, что и презенс НСВ употребляется в качестве перформатива только благодаря тому, что обладает признаками проспективной семантики (валентности). На это косвенным образом указывает и невозможность перформативного употребления форм прошедшего времени и южнославянского презенса СВ (кроме словенского), не обладающих признаками проспективности.

реализуются в пределах реальной модальности и настоящего актуального времени момента речи, т.е. в рамках презентно-футуральной перспективы и конкретных высказываний – речевых актов), так как с помощью их на вопрос «Что ты здесь сейчас делаешь?» (выдвинутый еще во второй половине XIX века Фр. Миклошичем [18, с. 274–275] в качестве общего теста на имперфективность (актуальность) глагольного действия) ответить нельзя. Кроме того, действия, выражаемые данными формами, теряют, как правило, временные признаки, а на первый план выдвигаются их модальные оттенки. Даже и в случае перформативного употребления СВ нельзя говорить об актуальном настоящем, так как перформативное действие, несмотря на форму выражения, не имеет конкретно-процессного (актуально-длительного) значения, а наоборот, всегда обладает результативностью [2, с. 239]. Применением перформативной формулы (представляющей собой высказывания, содержащие либо эксплицитно, либо имплицитно глаголы речи в 1 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения, самим произношением которых говорящий выполняет эквивалентные им действия-акты) признак перфективности (СВ) как бы стирается, т. е. морфологические видовые свойства глагольных форм нейтрализуются (поэтому такие формы не могут обозначать будущее время). Кроме того, формы презенса СВ (футурума СВ), а также и все другие перформативные формы теряют и темпоральные характеристики актуального настоящего. Таким образом, остается лишь (атемпоральная) результативность действия, которая, в принципе, совпадает с «качеством действия» и вневременным характером глагольных форм, т. е. с понятиями, отражающими, по сути дела, специфику теоретико-грамматических взглядов К. С. Аксакова на категорию глагола [1], которую можно охарактеризовать как «теорию глагольной вневременности» с оговоркой, что она – несмотря на резкие критические замечания его современников – свою актуальность и значимость сохраняет и в настоящее время.

Литература

1. Аксаков К. С. О русских глаголах. М.: Тип. Л. Степановой, 1855. – 47 с.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
4. Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 160 с.
5. Вимер Б. Употребление совершенного вида в перформативном настоящем // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 3: Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicate. СПб.: Наука, 2014. – С. 90–113.
6. Войводић Д. Futurum effectivum у словенским језицима // Славистика. [Београд]. 1998. Књ. II. – С. 45–52.
7. Войводич Д. Славянский презенс-футурум совершенного вида в отрицательно-вопросительном контексте // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Ред. Р. Бенаккьо. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. – С. 573–583. (Die Welt der Slawen: Sammelbände / Сборники, Bd. 56)
8. Войводич Д. П. Эффективный презенс или эффективный футурум? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида) // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: сборник статей V Междунар. конф. Комиссии по аспектологии МКС / Сост. М. Китадзё. Киото: Изд-во «Tanaka Print», 2015б. – С. 27–33.
9. Зализняк А. А. Презенс совершенного вида в значении ‘презенса напрасного ожидания’ // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. – С. 275–279.
10. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
11. Петрухина Е. В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида // Hrsg. A. Nagórko, S. Heyl, E. Graf. Sprache und Gesellschaft: Festschrift für Wolfgang Gladrow. Frankfurt am Main – Berlin: Peter Lang, 2008, 224–239. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_8_diskussionnie_voprosi_gladr.pdf (Дата последнего обращения: 10.05.2019).
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
13. Плотникова О. С. Словенский язык // Славянские языки / Ред. А. Г. Широкова, В. П. Гудков. М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 289–332.
14. Славкова С. Перформативное употребление глаголов *просить/попросить* и *моля/помоля* в русском и болгарском языках: прагматическая роль вида и времени // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60. № 2. – P. 231–252.

15. Derganc A. Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках // *Filologija*. [Zagreb]. 1993. № 20–21. – S. 67–75.
16. Dickey S. M. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2000. – XII+316 p.
17. Ivić M. *O Vukovom i vukovskom jeziku*. 2., dop. izd. Zemun: Biblioteka XX vek – Beograd: Čigoja štampa, 1997. – 203 s.
18. Miklosich Fr. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Vierter Band: Syntax. Wien: Wilhelm Braumüller, k.k. Hofbuchhändler, 1868–1874. – XII+896 S.
19. Musić A. Značenje perfektivnoga prezenta u negativnim pitanjima u hrvatskom ili srpskom jeziku // *Јужнословенски филолог*. [Београд]. 1913. Књ. I. – С. 27–34.
20. Musić A. Slovenski efektivni prezenat. Rad JAZU. [Zagreb]. 1935. Knj. 253. – S. 165–180.
21. Toporišič J. *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja, 1984. – 740 s.
22. Vojvodić D. Upotreba perfektivnog prezenta u značenju sadašnjosti u ruskom, hrvatskosrpskom i ostalim slavenskim jezicima (?) // *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru*. 1988. Sv. 27(17). – S. 49–60.

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.В.Андросюк
(Словения)

В русской аспектологии двувидовые глаголы изучены и описаны достаточно хорошо, в украинской и словенской грамматике эти глаголы исследованы в меньшей степени. Весь лексический запас двувидовых глаголов распределяется на две неравные по объему группы: исконно славянские по происхождению глаголы и с заимствованными основами. По нашим подсчетам, в русском языке глаголов исконно славянского (в том числе исконно русского) происхождения насчитывается не более 65 единиц [1, с.22].

В современном русском языке в этой группе исконно-славянских (общеславянских), по нашим данным, насчитывается 60 двувидовых глаголов. Как отмечает украинская грамматика, некоторые «дієслова українського походження *дарувати, женити, мовити, клинцювати, колесувати, ночувати, розслідувати* та ін.» «є двовидовими лише історично» [4, с.401]. В том же списке в укра-

инском языке двувиновыми являются 9, а в словенском – 8 глаголов, причем общими во всех трех языках являются только глаголы *крестить, креститься* (укр. *хрестити, хреститися*; слов. *krstiti, krstiti se*). Глаголы *венчать (вінчати), венчаться (вінчатися), исповедовать (сповідати), исповедоваться (сповідатися), казнить (катувати), содействовать (сприяти)* в украинском языке являются непарными глаголами НСВ, в словенском языке таковыми являются глаголы *соответствовать (ustrezati)* и *воздействовать (vplivati)*. Все остальные глаголы имеют видовую пару: например, в укр. яз. – *велеть (наказувати / наказати), воздействовать (впливати / вплинути), использовать (використовувати / використати)* и др.; в слов. яз.: *оборудовать (opremljati / opremiti), положить (ujemati / ujeti), исповедать (spovedovati/spovedati), велеть (velevati/veleti)* и т.д. Глагол *ночевать* в русском языке также, по нашему убеждению, является двувиновым только исторически, сейчас функционирует как глагол НСВ [1].

Двувиновое глаголы с заимствованными основами в русском языке образуются при помощи суффиксов – *ирова-* (*-изирова-*), *-ова-*; в украинском – *-ува-/юва-; -изува-/изува-; -ірува-/ирува-; -фікува-* [4, с. 402]; в словенском *-ira-, -ova-*. Словенские исследователи отмечают, что глаголы на – *irati* в своем большинстве – двувиновое [11; 13], что подтверждают и наши наблюдения.

С целью проследить, являются ли двувиновое глаголы русского языка с заимствованными основами также двувиновыми в украинском и словенском языках, нами было произвольно выбрано 70 русских двувиновых глаголов и их соответствия (переводы) в исследуемых языках. В результате получены следующие данные:

видовая характеристика	русский язык	украинский язык	словенский язык
Двувиновое	70	57	60
Непарный НСВ	--	4 <i>пломбувати</i> (пломбировать), <i>хлорувати</i> (хлорировать) и т.д.	2 <i>prenašati po radio</i> (транслировать), <i>pilotirati</i> 1. (<i>avia</i>) (пилотировать).
Непарный СВ	--	1 <i>інфільтрувати</i> (инфильтровать)	--

Имеет видовую пару (суффиксальную или /префиксальную) пару	--	8 <i>відряджати/відрядити</i> (командировать) <i>ізолювати/ізолювати</i> (изолировать), <i>дублювати/продублювати</i> (дублировать) и т.д.	6 <i>posodobiti/posodabljati</i> (модернизировать), <i>razvrstiti/razvrščati</i> (классифицировать), <i>zajamčiti/jamčiti</i> (гарантировать) и т.д.
--	----	---	---

В словенском языке к двувиновым относятся:

А) глаголы общеславянского происхождения: *sepiti* (рус. *делать/сделать прививки*, укр. *робити/зробити щеплення*), *maščevati* (рус. *мстить/отомстить*, укр. *мстити/помститися*), *iti* (рус. *идти*, укр. *іти*) и т.д.;

Б) глаголы с заимствованными основами на *-irati*,

- имеющие соответствующие глаголы в русском и украинском языках, которые в этих языках также являются двувиновыми (*motivirati*: рус. *мотивировать*, укр. *мотивувати*; *izolirati*: рус. *изолировать*, укр. *ізолювати* и т.д.) или только глаголами НСВ (*dirigirati*: рус. *дирижировать*, укр. *диригувати*; *fotografirati*: рус. *фотографировать*, укр. *фотографувати* и т.д.);

- не имеющие соответствующих глаголов в русском и украинском языках: *absolvirati* (пройти курс обучения в гимназии или вузе), *manikirati* (делать маникюр), *maturirati* (сдавать выпускные экзамены).

Основным способом оформления заимствованных глагольных основ на украинской почве являются исконно украинские суффиксы – *ува-* (*-юва-*), наличие которых приводит к ассимиляции заимствованных глаголов, что, как считает С.О.Соколова, отчасти и ведет к утрате их двувиновости [8]. Отмечается и тенденция преодоления двувиновости в украинском языке за счет перфективации (при помощи префиксов *з-/с-*, *за-*, *про-*) [5; 7; 9]. Учитывая тот факт, что грамматическая недостаточность двувиновых глаголов украинского языка является более существенной и может вызывать трудности в понимании [2], он стремится к формальному выражению вида сильнее, чем русский. В словенском языке двувиновость весьма гармонично вписывается в систему языка, количество двувиновых глаголов больше, чем в русском языке (7% от общего количества глагольной лексики [10; 12] по сравнению с 3% в русском языке [6]), и происходит это, на наш взгляд, в силу того, что категория вида в словенском языке характеризуется меньшей степенью обязательности, чем в русском.

Актуальность дальнейших исследований заключается в определении общей словарной базы и тенденций развития двувидовости глаголов в украинском, русском и словенском языках.

Литература

1. Андросюк Н.В. Биаспектив и контекст / Н.В.Андросюк // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. Die Welt Der Slaven Sammelbände · Сборники. Band 56. München – Berlin – Washington/D.C. : Verlag Otto Sagner, 2015. – С.21-34
2. Армированные пластики. Як це буде українською?// Ринок інсталяцій, 2005. - №6 . - С 59 – 60. Режим доступа: <http://msu.kharkov.ua/tc/cons/armir.html>
3. Великий тлумачний словник української мови, базується на 2-ому виданні ВТС СУМ / Голов. ред. В.Т.Бусел, редактори-лексикографи: В.Т.Бусел, М.Д. Василега-Дерибас, О.В. Дмитрієв, Г.В. Латник, Г.В. Степенко. - К.: Ірпінь: ВТФ "Перун", 2005. - 1728 с. Режим доступа: www.slovnyk.net.
4. Граматика сучасної української літературної мови. Морфологія [автори: І.Р.Вихованець, К.Г.Городенська, А.П. Загнитко, С.О.Соколова; за ред. К.Г.Городенської]. - К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – 752 с.
5. Жуйкова М.В. Тенденції розвитку двовидових дієслів у сучасній українській мові. // Український освітній журнал, ч. 2, 1996. – С. 95 – 97.
6. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – М.: Языки русской культуры, 2001.- 280с.
7. Рожанківський Р. Видові перфективи двовидових безпрефіксних дієслів чужомовного походження на *-ува(ти)* // Вісник нац. ун-ту "Львівська політехніка". – 2007. – № 593: Проблеми української термінології. – С. 22–25.
8. Соколова С.О. Видовые оппозиции глаголов в русском и украинском языках (к сопоставительному изучению) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 4. – Москва, 2004.
9. Чубань Т.В. Особливості видової співвіднесеності дієслів у сучасній українській мові: Автор. дис. ...к.ф.н., К., 1997. – 25с.
10. Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki. Elektronska izdaja v 1.0.
11. Priporočila za oblikoslovno označevanje JOS. Dodatek B.2 Glagol. Режим доступа: <http://nl.ijs.si>
12. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska izdaja v 1.0.
13. Toporišič Jože. Slovenska slovnica. Maribor: Obzorja, 2000.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ СОБИРАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»

М. А. Грачев

ma-grachev@mail.ru

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А.Добролюбова

(Нижний Новгород)

Цель статьи: проанализировать использование административных ресурсов В. И. Даля при собирании лексического материала для Словаря. Считается, что В. И. Даль собрал лично 80000 слов для «Толкового словаря живого великорусского языка», а 120 000 лексем выбраны из других словарей, уже изданных. Но вопрос о собирании лексического материала гораздо сложнее. В.И. Даль использовал так называемый организационный ресурс, то есть анкетные данные по языкознанию со стороны Российского географического общества (РГО), членом которого он был. Иначе невозможно понять, почему его лексемы охватывают большую часть России: объехать и собрать весь лексический материал, зафиксированный в словаре, он не мог. Можно предположить, что сырьевого материала, из которого он выбирал слова, было гораздо больше, чем в Словаре, так как он указывал на их бытование в различных губерниях, т.е. одни и те же лексемы использовались в разных местах. Особенно тщательно лексикографом был обработан нижегородский материал. В Нижнем Новгороде для сбора и даже для обработки диалектизмов он привлёк талантливых чиновников, в частности, П. И. Мельникова-Печерского. Грамматическую правку проводил Н. И. Греч на безвозмездной основе [3, С.XXXV].

Будучи начальником канцелярии МВД России, он мог привлечь к сбору фольклорного материала представителей полиции из любого уголка империи, мотивируя это государственными целями. И В.И.Даль не случайно выбрали членом-корреспондентом Академии Наук. Из присланного фольклора он взял себе только собранные слова, пословицы и поговорки (прибаутки), литературные сюжеты. А многое отдал другим исследователям, понимая,

что всё не переработает. Сказки, в том числе и заветные, – А.Н. Афанасьеву, песни – П.В. Киреевскому.

Нельзя не согласиться с предположением М. Бессараб [1, 65], со ссылкой на далевода В. Порудоминского [5, 46], что отделение «языкознание» в РГО ввёл В. И. Даль. Добавим только, что уже тогда (ко времени основания Российского географического общества) В.И.Даль имел большой авторитет, а также важную административную должность в МВД России – начальник канцелярии.

О том, что В. И. Даль использовал лингвистические данные РГО свидетельствует А. Н. Майков. «Достоуважаемый сочлен наш В.И.Даль, – пишет он, – воспользовался рукописями, поступавшими в Отделение, для своего обширного и превосходного «Толкового словаря живого великорусского языка» [4, 55].

Мы можем констатировать, что собиранием диалектологического материала занимались не всегда подготовленные к этому лица: учителя-негуманитарии, священники, старшекласники, врачи, чиновники. Возникает вопрос: почему все программы сбора фольклорного материала, составленные РГО, таинственно исчезли?

Главным недочётом собирания диалектизмов были записи без транскрипции. Можно обвинять в этом В. И. Даля, однако следует учитывать ряд факторов: 1) неразвитость территориальной диалектологии как таковой и, вследствие этого, неразработанность транскрипции как части науки о русском языке. Однако можно было использовать иностранную транскрипцию в качестве подражания. 2) важно учитывать и то, что сбор материала осуществляли лица, далёкие от языковой науки. Но и в настоящее время транскрипция в диалектных словарях нечасто практикуется. Между тем нам кажется, что это одно из главных упущений составителей диалектных словарей. Точно так же и при составлении социолектных лексиконов. В то же время следует отметить, что в зависимости от губерний собиратели диалектного материала различались по своему образованию. Так, по мнению М. Бессараб, корреспондентами–информаторами из Тобольской губернии, приславшими ответы на программы РГО, в основном были сельские священники, действовавшие по запросам консисторий, и учителя. Это объясняется тем, что РГО распространяло программы «по двум ка-

налам – церковного управления (через архиереев) и народного образования (непосредственно через директоров училищ и гимназий)» [1,12], то есть это были собиратели, которые не только знали местные реалии, но и хорошо владели словом.

Мог ли В. И. Даль один собрать 80 тысяч слов и обработать их? В Нижегородской губернии вся удельная контора чиновников трудилась на него [2, 42-48]. Вот как об этом пишет сам В.И. Даль: «Помощников в отделке словаря найти очень трудно, и правду сказать, этого нельзя и требовать: надо отдать безмездно целые годы жизни своей, работая не на себя, как батрак. Таких помощников или сотрудников у меня не было; мало того, по службе и жизни вдали от столиц, даже почти не было людей, с которыми бы можно было отвести душу и посоветоваться в этом деле. (М. Г.: В Санкт-Петербурге они, эти люди, имелись, но не было времени для работы над Словарём. И это признание косвенно подтверждает, что основы (принципы) составления словаря были заложены в Нижнем Новгороде). В сем отношении нельзя не помянуть мне, однако, двух дружески ко мне расположенных людей, в которых я находил умное и дельно сочувствие к своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, бывшего инспектора корпуса в Оренбурге, и П. И. Мельникова, в Нижнем» [3, с. XXXV].

Лингвистические материалы по Нижегородской области были обработаны намного тщательнее, чем материалы по другим губерниям. В.И. Даль лично поручал чиновникам собирание лингвистического материала, а в других губерниях сбором лексем занимались лица, с которыми в силу географических трудностей он не мог общаться. Для материалов, собранных в Нижегородской губернии, характерна конкретизация по уездам, чего нет в других губерниях. Об этом свидетельствуют сокращения в «Толковом словаре живого великорусского языка», см.: *ниж* . – нижегородское, *ниж.-ард.* – слово Ардатовского уезда Нижегородской губ, *ниж.-арз.* – слово Нижегородской губ. Арзамасского уезда, *ниж.-бал.*, *ниж.-блхн.* – слово Балахнинского уезда Нижегородской губ., *ниж.-ветл.* – слово Ветлужского уезда Костромской губ. (прежде Нижегородской губ?), *ниж.-горб.*, *ниж.-грб.* – слово Нижегородской губ. Горбатовского уезда, *ниж.-княг.* – слово Нижегородской губ. Княгининского уезда, *ниж.-лук.* – слово Нижегородской губ.

Лукояновского уезда, *ниж.-мак.* – слово Макарьевского уезда Нижегородской губ., *ниж.-сем.* – слово Семеновского уезда Нижегородской губ., *ниж.-серг.*, *ниж.-срг.* – слово Сергачского уезда Нижегородской губ., *нижег.* – Нижегородское.

Как видим, нижегородский вариант описания диалектизмов полнее и интереснее отразил диалектные особенности, даже с выходом по фонетике на социально-этнографические аспекты. Это связано с тем, что собирал диалектизмы сам В. И. Даль, либо он давал жёсткие инструкции собирателям из своей удельной конторы и перепроверил их, чего он не смог сделать с лексическим материалом других губерний. Фонетический анализ диалектизмов, их ареал помогли пролить свет на ряд социально-этнографических явлений. Так, нижегородские татары, как и мордва, в XIX - нач. XX вв. выступали одним из этнических компонентов русского населения в Нижегородском крае. Элементы татарского языка до сих пор встречаются в местных говорах юго-запада Нижегородской области. Наиболее заметный признак – цоканье как признак мишарского говора (субэтноса татар – мишарей, обитателей Мещеры).

Благодаря тщательному изучению ареала тех или иных диалектизмов В.И. Даль указывает на широкое распространение цокающего говора в Ардатовском, части Арзамасского, Лукояновского, Княгининского и Сергачского уездов современной ему Нижегородской губернии. При этом он подчёркивает, что зона распространения цокающего говора в нижегородских местах является продолжением ареала с таким говором в Тамбовской губернии, где он заходит за Шацк. Следы этого говора он обнаруживает в Горбатовском и Нижегородском уездах. Носителями его также могла выступать обрусевшая мещера. Но цоканье в ряде ардатовских сёл настолько распространено, что трудно определить, где русское население, а где татарское.

В.И. Даль дал подробное описание нижегородских говоров – для других губерний такие подробности отсутствуют. Несомненно, здесь сказался личный сбор слов и непосредственного наблюдения за речью жителей Нижегородчины. По его мнению, существуют три говора: *заволжский*, *запьянский* и *яготский*. *Заволжский* (его В.И. Даль называет ещё и *костромским*) очень бли-

зок к северному диалекту. Второе название (*костромской*) свидетельствует о влиянии на него костромского диалекта и о том, что, возможно, его носителями были костромичи. *Запьянский* говор функционирует южнее реки Пьяны. Его отличительной особенностью, утверждает учёный, является *цоканье* и *чваканье*, что очень характерно для татар-мишарей, т.е. свидетельствует о наличии татарского населения. Третий говор – *яготский* – назван так потому, где жителей зовут *ягунами* – от *яго* вместо *e[во]*

Заметим, что создание словарей условных языков бродячих ремесленников и торговцев (офеней, ходябщиков) также связано с Нижним Новгородом, конкретней с Нижегородской ярмаркой (см. книгу «Несносно честный Даль» [2]).

Подводя итог анализу, можно констатировать, что В. И. Даль при собирании лексического материала для создания «Толкового словаря живого великорусского языка» использовал следующие административные ресурсы: службу начальником канцелярии в МВД России, членство в РГО, также работу управляющим удельными крестьянами в Нижегородской губернии.

Литература

1. Бессараб М. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русское слово. – М., 1972. – 288 с.
2. Грачев М.А. Несносно честный Даль. Нижний Новгород: «Книга»
3. Даль В.И. Напутное слово (Читано в Обществе Любителей Русской Словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: «ТЕРРА-«TERRA», 1994. С.XXXV.
4. Майков А.Н. Двадцатипятилетие Императорского русского географического общества 13 января 1871 г. – СПб., 1872. – 260 с.
5. Порудоминский В. Повесть о толковом словаре. – М., 1981. – 126 с.

**ЛЕКСИКА МЕДИЦИНЫ В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ XVII в.
(НА ПРИМЕРЕ «ЛЕКСИКОНА ЛАТИНСКОГО»
Е. СЛАВИНЕЦКОГО)**

Н.Е. Касьяненко

kasyanenko_natusua@mail.ru

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет
(Донецк)

Среди многообразия словарных трудов, как современности, так и прошлых столетий значительное место принадлежит переводным словарям. Вначале такого рода словарные произведения именовались разговорниками, однако по мере развития словарного дела из них сформировались переводные словари современного типа. Исследователи обращают внимание на то, что переводная лексикография складывалась длительное время, но важной вехой в этом смысле является XVII век, когда, лексикография становится самостоятельной отраслью культурной деятельности и когда, по словам Ю. К. Якимович, начинают складываться «условия для систематической словарной работы» [9, с. 149]. Как считает М.П. Алексеев, в это время появляется «уже довольно много развитых и полных иноязычно-русских лексиконов, распространявшихся в рукописях» [1, с.45].

В числе таковых, безусловно, следует назвать «Лексикон латинский» известного переводчика, писателя, культурного деятеля Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого. Названный рукописный словарь является ценнейшим источником сведений по истории русского литературного языка и славянской лексикографии. Как справедливо замечают современные лексикографы, личность переводчика во многом определяет качество словаря: «точность в отборе эквивалентов переводящего языка, адекватность отбора значений, сам отбор лексических соответствий – все это важно для оценки «выходной» части словаря». Общая же ценность словаря представляет собой сумму достоинств того и другого» [3, с. 500].

Епифаний Славинецкий вошел в историю языковедческой науки не только как лексикограф, переводчик, но и как ученый, много способствовавший своими трудами популяризации науки вообще, не только лингвистической. В связи с этим Ю. К. Якимович, в частности, указывает, что за переводы Е. Славинецкого,

например, «из области медицины и за вклад в создание медицинской терминологии на русском языке его чтут медики» [10, с. 11].

Стоит напомнить, что в то время русская медицинская терминология еще отсутствовала, однако это восполнялось наличием медицинской лексики в словарях общего типа. Сама же медицинская терминология складывалась на протяжении столетий усилиями как практикующих врачей, ученых, так и стараниями переводчиков, деятелей культуры, в том числе и Е. Славинецкого. С учетом этого обращение к рассмотрению медицинской лексики, ее состава, характера фиксации и, главное, особенностей создания русских эквивалентов представляется закономерным и необходимым.

Известно, что существует несколько списков «Лексикона латинского», ни один из которых не является протографом. Однако опубликованным является древнейший из них, датированный 1642 годом. Именно в нем, по мнению В. В. Нимчука, полнее всего сохранен украинский лексический материал, наиболее отчетливо отражающий особенности украинского языка XVII века [6, с. 36]. Учитывая сказанное, выборка фактического материала была сделана по указанному источнику (Здесь и далее иллюстративный материал дается по [4]).

«Лексикон латинский» содержит реестровую латинскую часть и переводную церковнославянскую. Из 27000 слов, составляющих его реестр, на долю медицинской лексики, по нашим подсчетам, приходится около 400 единиц (приблизительно 1,5%).

Диапазон медицинских наименований, закрепленных в лексиконе, достаточно широк. Здесь представлены наименования болезней, в том числе а) глазных: *agreta, tis*, бѣльмо на очи[ю]; *ophthalmia*, *ошиболие*; *mergus, is*, *катара(к)тъ или понуро(к)ъ* б) кожных: *acroschordon*, *брада(в)ка*; *pterygiu[m]*, *вре(д) очни(й)*, *заногтица*; *men-tigo, nis*, *лиша(й)*, *струпи*; в) внутренних: *pht[h]isis*, *сухоти недугъ*; *perip[n]eumonia*, *дихавица*; г) инфекционных *cholera*, *холера*, *немоць*; *atheromata*, *оспица*, *немо(ц) дѣтей*; д) нервных: *catochus*, *одержаніе*, *недугъ*; *incibus, i*, *недугъ внощи душащій*; зафиксированы термины акушерства и гинекологии: *abortus, us*, *суц. и(з)ве(р)женіе плодоношенія*; *citta*, *забаженіе или а(л)чба бreme(н)них*; номинации внутренних органов: *stomach(us)*, *стома(х)*, *сирище*; *cardia*, *се(р)дце*; названия сосудов и нервов: *varices*, *жили отеклие*; *matula, a(e)*, *мочникъ, сосудъ на мочение*;

термины анатомии и физиологии: *cubus*, четверуго(л)ная ко(ст); *frumen, nis*, го(р)тан(ъ), *subacio*, поту течение; *lotium, ii*, мочь, урина, помовение; названия медицинских помещений и врачебных должностей: *archiater*, нача(л)нн(й)ший врач; *clinic(us)*, цһлите(л), вра(ч); *ia[t]raleptos*, ма(с)тоцһлите(л), врач; *valentudinariu(m)*, врачебница.

Большое место в лексиконе занимают названия лекарственных средств, в том числе лечебных трав: *bechi[s]a medicamenta*, на каше(л) враче(в)ства; *calliblepharon*, врачество ω(ч)ное; *cataplasma*, пла(с)ты(р), пля(ст), мазь; *diatreon*, не(р)цовое враче(в)ство; наименования медицинских процедур: *cli[s]mus e(t) clystos*, кли(с)те(р), чищеніе, чи(с)тилище; номинации медицинских инструментов: *gamtoides*, изимало враче(с)кое желһзное; *od[o]ntagra*, клһщи зубня и некоторые другие.

Значительная часть медицинских слов лексикона имеет отношение к хирургическим болезням: *bubonocoele*, кила, про(р)ва; *visceratio*, оброкъ суроваго мяса; *strecoratio*, нагноение.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев рядом с конкретным наименованием присутствует родовое слово, позволяющее квалифицировать данную единицу как медицинскую. Речь идет, прежде всего, о словах *болһзнь*, *немоцъ*, *недугъ*: *болһзнь очи(й)* [с. 120], *гагрена недугъ* [с. 112], *остица*, *немо(щ) дһтей* [с. 95]. В единичных случаях в качестве родового выступает лексема *трудъ*: *hydrops*, *hydropisis*, *пухлина*, *трудъ водны(й)*. Иногда можно наблюдать присутствие двух родовых обозначений, если речь идет о составном термине, где слова *немоцъ* / *недуг* выступают как часть основного наименования: *жо(л)тый недугъ*, *немоцъ* [с.223]. Вместе с тем зафиксированы случаи, когда латинское слово не конкретизировано, а именуется недифференцированно – *немоцъ*: *archostema*, *немоцъ*.

На принадлежность слова к медицинской сфере указывает и опорный компонент *-болие/-болеие* в составе сложных слов, преимущественно калек: *ophthalmia*, *ωчиболие* [с.292]; *angina*, *горта-ноболһние* [с.83]; *holimos*, *утробоболие* [с.219]; *cephal[al]gia*, *сephалеа*, *главоболие* [с.117]; *grauedo,nis*, *тяжкоглавие*, *главоболһние*, *сипание* [с.212].

В качестве родовых выступают и лексемы *цһлба*, *врачба*, *врачевство* в значении ‘лечение, лечебное средство’: *цһлба на отраву*

[с.85], *не(р)цовое враче(в)ство* [с.163], *вра(ч)ба на изве(р)жение плода в чреві мертвого* [с.315] и т.п.

Медицинская лексика у Е. Славинецкого представлена преимущественно существительными. Однако следует назвать заметную часть сложений-причастий с опорными компонентами *-болеющий, -недугующий*: *polypus(us), ноздроболзнующи(й)* [с.321]; *pleuritic(us), богоболе(з)нующи(й)* [с.319]; *iliosus, ятронедугующий* [с.224]; *jecurosus, утробоболзнуючи(й)* [с.224] и др. Иногда подобные номинации, представленные причастием с зависимым словом, носят раздельнооформленный характер: *let[h]argicus, спячкою недугующий* [с.253]; *istericus, жо(л)тою немощию недугующи(й)* [с.223]. Есть в лексиконе и сложения-прилагательные, в которых опорный компонент выражен отглагольным именем: *руколомленіе* [с.120], *составоло(м)леніе* [с.93]. Такого рода образования называют лицо по типу заболевания. Вместе с названной группой в «Лексиконе латинском» присутствуют и другие, оформленные, например, суффиксом *-ик*: *artericus, артери(к), со(с)тавоболh (з)не(н)* [с.93] (ср. современные номинации подобного типа: *язвенник, сердечник, почечник*), или выраженные краткими формами причастий: *gramosus, гноеточив очима* [с. 211].

Среди медицинской лексики словаря немало калек, являющихся поэлементным переводом иноязычного (латинского или греческого) слова: *xerophthalmia, [оче(с)]сухозапаленіе* [с.420]; *intramuranus, средостhн(н)и(й)* [с. 244]; *ha(e)morrhoi[s],dis, кровотокъ, недугъ же(н)скъ* [с. 213]; *ephal[al]gia, cephalea, главоболіе* [с.117].

Переводная часть медицинских слов «Лексикона латинского» содержит немногие заимствования, например: *apoplaxia, апоплеџиа* [с.206]; *ascarides, аскариды, че(р)вие* [с.93]; *cholera, холера, немощъ* [с.121] *melancholia, меля(н)холhя, недугъ* [с. 266]; *epilepsia, епилепсия, недугъ* [с.181]; *gangr[a]ena, гатрена* [с. 206].

Большей частью для перевода латинских медицинских слов автор словаря использует лексику церковнославянского языка, например *влага, глезн, гнои, гортань, жила, краста, ложесна, лядвия, врач, плоть, плюща, уд, цhлити, ятро* и пр. Вместе с тем среди параллельных наименований немало слов народной медицины (в том числе украинских), которая к тому времени имела длительную

историю развития: *дуга (рана), забажение, кила, лишай, понурок, пухлина, суровое мясо, чемер, чемерица, чихавица и др.*

Обращает на себя внимание тот факт, что закономерным для данного словаря является использование в процессе перевода различных реестровых слов одинаковых славянских наименований. Это свидетельствует о несформированности русской медицинской терминологии на данном этапе и указывает в ряде случаев не столько на саму болезнь, сколько на ее основной симптом. В связи с этим известный доктор медицины конца XVIII – нач. XIX века, знаток народных названий Г. Попов писал: «<...> группировка болезней и самые их названия получают в высшей степени неопределенный и общий характер, очень часто обнимая собой заболевания, по своему существу, совершенно разнородных» [7, с.168]. Так, в частности, народным словом *дыхавица (дихавица)*, буквально означаящим ‘одышка’ и являющимся симптомом многих сердечных и легочных заболеваний, Е. Славинецкий переводит различные латинские слова: *synanche, дихавица недугъ* [с. 151]; *dysphna(e)a, дихавица* [с. 172]; *perip[n]eumonia, дихавица* [с.309]. Подобный перевод можно наблюдать и при подборе славянских эквивалентов к латинским словам *pyret(us)* и *emphysodes*. Оба они переводятся словом народной медицины *огневица*, называющим горячку, носящую симптоматический характер, но не называющим конкретное, с точки зрения современной медицины, заболевание.

Некоторые переводы медицинских слов воспринимаются как неточные. Так, в частности латинский термин *condiloma* Е.Славинецкий переводит весьма приблизительно, используя ряд известных ему параллельных номинаций: *чири(й) въ тлх, ши(ш)ка, боля(ч)ка*, в то время как в современной медицинской практике кондилома – это вирусного происхождения бородавка или разрастания на слизистой оболочке. Вообще следует отметить, что использование параллельных наименований при обозначении терминологических понятий станет ведущей чертой специальных словарных трудов XVIII в. Но уже в XVII веке (пусть и не очень активно) наблюдаются заметные проявления этого процесса.

Несмотря на то, что «Лексикон латинский» по типу представляет собой переводной словарь, в нем, помимо перевода термина, присутствуют в отдельных случаях элементы толкового словаря,

целью которых является разъяснение самого понятия. Некоторые из таких толкований с большей или меньшей степенью полноты приобретают характер энциклопедических описаний: *comitialis morbus*, *епили(н)сия*, *неду(г) всѣхъ удесо(в) трясеніе* [с.130]; *epiglossis*, *язычок*, *прохо(д) а(р)тирія или го(р)тани заграждающи(й), да не пища или питне в(ь) плюще сн(й)дутъ* [с.181]; *specium*, *сосудъ враче(с)ки(й), и(м) же глубини ран и(с)кушаютъ* [с.376]. У Е. Славинецкого, как свидетельствует анализ переводной части, зарождаются и элементы описательного перевода: *offa*, *чи(с)тий*, *ки(ш)ка натка(н)на* [с.290]; *epulis*, *dis*, *нарощеніе мяся в(ь) ясна(х) зубных* [с. 182].

В целом в «Лексиконе» Славинецкого отмечены попытки регистрировать вариантность отношений – черты, которая получит активное проявление в словарях XVIII века. Данное явление можно наблюдать и в отношении медицинской лексики. Редко в словаре зафиксированы отсылочные пометы: *epiplexiam*, *зри апроplexia* [с.181].

Кроме того, связь между вариантами реализуется – хотя и в единичных случаях – не отсылками, а использованием пометы вариантности **или**: *tergus*, *is*, *катар(к)ть или понурокъ* [с.268]. В приведенном примере содержится указание на связь между лексическими вариантами, один из которых является иноязычным, книжным, а другой относится к народной славянской лексике. Помета **или** может также фиксировать параллельные наименования, представленные словосочетанием и словом: *entyposis*, *чаша ра(м)ная или лопатка* [с. 179]; *catapo[ti]s*, *orum*, *пимія враче(с)кая или омовенія или и(з)мовенія* [с.114] – в последнем примере присутствуют еще и слова, представляющие словообразовательные варианты.

Подводя итоги сказанному, следует отметить следующее:

1. В переводном «Лексиконе латинском» Е. Славинецкого специальная лексика вообще и медицинская в частности занимает заметное место. При этом ее фиксация сопровождается использованием родового термина.

2. Отбор медицинских слов, включенных в реестровую часть словаря, отражает значимость называемого ими понятия в данной научной сфере, а также степень развития конкретной медицинской

отрасли, обусловленной общим уровнем развития медицинской науки того времени.

3. Перевод Е. Славинецким медицинской лексики с латинского на церковнославянский осуществляется различными способами – подбором имеющегося соответствия в церковнославянском языке или использованием слова народной медицины, а иногда и обоих в составе синонимического ряда. Кроме того, активным приемом перевода является создание сложений с различными опорными компонентами, большей частью представляющих собой кальки.

В заключение следует отметить, что в «Лексиконе латинском» Е. Славинецкий обозначил пути формирования терминологической лексики вообще и медицинской в частности. Своей лексикографической деятельностью он продемонстрировал те ресурсы, которые отражали опыт, веками накопленный медиками, учеными, переводчиками, и из которых впоследствии сформировалась терминология медицины. Этот опыт переводчика при составлении переводных словарей будет позднее использован другими лексикографами, прежде всего, Ф. Поликарповым в его «Лексиконе треязычном», в котором медицинская лексика занимает существенное место, и Н. Максимовичем-Амбодиком, создавшими первые медицинские специальные словари.

Литература

1. Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII века / М. П. Алексеев. – Л.: Наука, 1968. – 155 с.
2. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века / Е. Э. Биржакова / Российская академия наук: Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 212 с.
3. Биржакова Е. Э., Малышева И. А., Кузнецова И. Е. Русская лексикография – XVIII век / Е. Э. Биржакова, И. А. Малышева, И. Е. Кузнецова // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. – М., 2013. – С. 497–520.
4. Лексикон латинський Є. Славинецького // Пам'ятки української мови XVII ст. Серія наукової літератури. – Київ, «Наукова думка», 1973. – С. 61–420.
5. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки / Л. Л. Кутина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 219 с.
6. Німчук В. В. Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською / В. В. Німчук. – Київ: «Наукова думка», 1980. – 304 с.

7. Попов Т. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / В. Попов. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – 404 с.

8. Симоненко А. Е. Из ранней истории описания русской медицинской терминологии / А. Е. Симоненко // Филологические исследования: Сборник науч. работ. – Вып.11. Филология и медицина / Редколлегия: В. В. Федоров (отв. ред.) и др. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – С. 133–169.

9. Якимович Ю. К. Очерк истории переводной лексикографии в России / Ю.К. Якимович // Переводная и учебная лексикография / Сост. В. Д. Уваров. – М., 1979. – С. 149–175.

10. Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело / Ю. К. Якимович. – М.: Наука, 1985. – 160 с.

РУССКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

М.Н. Коннова

mkonnova@kantiana.ru

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»
(Калининград)

В настоящем исследовании ставится цель рассмотреть особенности трансформации праздничной культуры в России сквозь призму имен праздников – исконнорусского существительного *праздник* и заимствованного субстантива *фестиваль*.

Праздник. Для носителей русского языка становление традиционного праздничного календаря связано с принятием христианства. Об этом свидетельствует церковнославянское по происхождению ключевой лексемы – отадъективного существительного *праздник* (*празднѣй* вместо исконно русского *порожнѣй*), а также в характере устойчивого контекстуального окружения, в котором оно встречается в наиболее ранних фиксациях: (1) *Праздѣники же святѣихъ* почъсти, не самъ упивая ся, нѣ алчѣныя и жядѣныя накърѣмляя (Изб. Св., 1076 г.) [10, с. 128].

Христианский праздник, сущность которого идеально освящена, представляет собой «изъятие из обычного хода времени, изменение качества времени; праздник есть начало преобразования жизни» [2, с. 193-194]. Основой христианского праздника выступают прецедентные события Священной истории, представляющие собой незыблемые точки вечности, через которые проходит

вся сотворенная вселенная и к которым человек имеет возможность приобщиться через богослужение [5, с. 160-161]. Празднуемые события не исчезают, «они существуют в вечном мире и продолжают существовать во временном, повторяясь в христианском календаре. Поэтому христианское богослужение не только их “вспоминает”, но считает совершающимися в момент праздника» [3, с. 66].

Метонимическая сопряженность времени и наполняющих его событий проявляется в регулярном функционировании имен праздника в качестве «временных маркеров», создающих образ не абстрактного темпорального потока, но конкретно-личностного времени. Событийная насыщенность каждого дня делает церковный календарь естественной основой времяисчисления, неизменной темпоральной «шкалой», с которой соотносятся явления общественной и личной жизни. Ср.: (2) На черной страде разъезжались ноги, низко летела ледяная крупа, я бежал против ветра – бежал, потому что против ветра меня гнал еще какой-то ветер. Какая большая предстоит работа, какая большая занятость! – *14 марта*. Сегодня *праздник святой Евдокии*. День ясный, и молочница говорит, что это хорошее предзнаменование на весну. Фигуры святых всегда подкупают той прелестью именно исторической и поэтической, которая окружает их (Олеша Ю. К. Книга прощания, 1930-1959) [7].

В современном русском языке смысловая структура существительного *праздник* неоднородна. Оно способно актуализировать не только свое первоначальное значение, но и дополнительные смыслы, объединенные с исходным значением метонимическими и метафорическими связями («праздник как выходной, нерабочий день»; «праздник как день радости и торжества по поводу чего-нибудь»; «праздник как день игр, развлечений»; «праздник как кто-что-нибудь радостное, дающее ощущение счастья»). При этом анализируемое слово сохраняет способность актуализировать предельно высокое аксиологическое содержание, отсылая к вневременной абсолютной ценности.

Фестиваль. Существительное *фестиваль* входит в русский язык в 1840-х гг. со значением «большой музыкальный праздник» [6]. Ср.: (3) У них домашний театр в пользу приютов, и по хлыще-

ватости, свойственной всему человечеству вообще и Преобр[аженскому] полку в особенности, им желательно видеть свой *фестиваль* описанным и нарисованным (Дружинин А.В. Дневник, 1845) [7]. Источником заимствования выступает французский язык, в котором слово *festival* – с аналогичным значением музыкального праздника («*fête musicale*») – появляется в начале 1830-х гг. [13].

В конце 1860-х гг. значение слова *фестиваль* расширяется; оно приближается по значению к гиперониму *праздник*. При этом в сильный импликационал слова *фестиваль* входит идея обильного угощения, регулярно эксплицируемая контекстом. Ср.: (4) Тургенев обрадовался этой мысли и пригласил всех к себе на дачу на обед, говоря, что он сделает такой *фестиваль*, какого мы не ожидаем (А. Я. Панаева. Воспоминания, 1889-1890) [7].

Значение субстантива *фестиваль* как домашнего праздника или торжества становится в последней трети XIX века ведущим и фиксируется словарями в качестве узувального. Ср.: «*фестиваль* – празднество, напр., торжественный приём» [9]; «*фестиваль* – пиршество, торжество, бал» [12]. В функциональном плане лексема *фестиваль* сближается с исконно русскими словами *прием*, *торжество*, *пир*, что проявляется в его способности выступать в качестве дополнения предикатов *дать*, *задать*, *устроить*, *сделать*. Ср.: (5) В последние зимы он жилак здесь в Петербурге, причем давал различные *фестивали*, вообще жил очень широко (С.Ю. Витте. Воспоминания, 1911) [7].

События 1917 года оказывают ключевое влияние на темпоральный опыт носителей русского языка. Уничтожение «прежнего», дореволюционного быта, исчезновение сословных границ и кардинальное изменение образа жизни всего общества находят свое отражение и в языке праздничной культуры. В значении «шумное, веселое празднество, пир» существительное *фестиваль* постепенно вытесняется на периферию общеязыкового узуса советской эпохи, и в 1930-х гг. маркируется как «шутливое» [11].

В условиях тотальной политизации культуры, когда все официальные торжества имеют отчетливое идеологическое содержание, слово *фестиваль* усваивает новый функционально-семантический профиль. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, изданном в 1935-1940 гг. и отражающем новую, советскую норму, существительное *фестиваль* толкуется

иначе, чем в словарях начала XX в. Ср.: «*фестиваль* – периодическое культурное празднество, показ, смотр искусства (театрального, музыкального и т.п.)» [11].

Новое значение слова *фестиваль* представляет собой своеобразный тип вторичного заимствования. Его источником на этот раз является не французский, но английский язык, в котором существительное *festival* («праздник») еще в середине XIX в. развивает метонимическое значение «череда регулярных представлений (музыкальных, театральных)». В названии культурных мероприятий, проводимых в СССР в 1930-х гг., интернациональное слово *фестиваль* должно было свидетельствовать о преодолении международной изоляции Советского государства, в частности, за счет расширения культурных контактов СССР и западных стран. Ср.: *I Международный театральный фестиваль* (Москва, 1933), *I Международный кинофестиваль* (Москва, 1935).

Утверждение в культуре страны «большого стиля», своей масштабностью способствующего закреплению в сознании народа идеи стабильности и силы советской власти, приводит во второй половине 1930-х гг. к увеличению числа массовых культурных мероприятий, прославляющих достижения народа. Слово *фестиваль* начинает регулярно употребляться по отношению к культурным событиям внутри страны. Ср. примеры НКРЯ этого периода: *фестиваль народного танца* (1937), *первый межрайонный ф. народного творчества* (1937), *колхозный театральный ф.* (1938).

К середине XX в. за существительным *фестиваль* окончательно закрепляется его традиционное для общелитературной нормы значение – «широкая общественная праздничная встреча, сопровождающаяся смотром достижений каких-н. видов искусства» [8, с. 839]. Оно регулярно воспроизводится в рамках определенных конструкций в текстах 1950-1990-х гг. Ср. типичные примеры Корпуса: *Всемирный ф. молодежи и студентов* (1957), *ф. искусств* (1960), *ф. русской и советской музыки* (1970), *ф. японского кино* (1971), *ф. балета* (1984), *юмористический ф.* (1994).

Лавинообразный рост количества употреблений лексемы *фестиваль* начинается после 1995 г. В НКРЯ к этому периоду относятся ок. 80% всех документов, включающих анализируемый субстантив. Под влиянием англо-американского узуса, в котором слово *festival* именуется любые развлекательные мероприятия, из

структуры значения существительного *фестиваль* элиминируется дифференциальный признак «связь с определенной областью искусства». Семантический сдвиг проявляется в максимальном расширении смыслового спектра слов, функционирующих в качестве определителей существительного *фестиваль*. НКРЯ фиксирует сочетания со словами ЛСГ «Пища», напр., *фестиваль средневековой еды* (2011), *ф. национальных блюд* (2013), *ф. меда* (2013), *ф. шашлыков* (2013), *ф. вина* (2013), *ф. варенья* (2014); ЛСГ «Спорт», напр., *ф. айкидо* (2012), *ф. парусников* (2012), *ф. воздухоплавателей* (2013), *ф. активного образа жизни* (2014), *ф. военных игр* (2014); ЛСГ «Природа», напр., *ф. дикой природы* (2013), *ф. цветов* (2014); ЛСГ «Техника», напр., *ф. роботов* (2013), *ф. мини-самолетов* (2014).

В пространстве сети Интернет наблюдается еще большая пестрота конструкций с лексемой *фестиваль*, свидетельствующая о желании устроителей придать любому мероприятию праздничный характер. Среди «событий» последних лет, в названии которых поисковый сервер Google зафиксировал имя *фестиваль*, широкомасштабные и «серьезные» соседствуют с локальными и глубоко развлекательными. Ср.: *фестиваль вареника*, *ф. кубанского кваса*, *ф. водных фонариков*, *ф. воздушных шаров*, *ф. котовской неваляшки*, *ф. колясок*, *ф. ледоколов*, *ф. науки*, *ф. Российского географического общества*, *ф. ГТО*, *ф. флешмобов*, *рыболовный ф.*, *скальный ф.* Ср. Интернет-анонс: (6) *Фестиваль ледоколов* пройдет в Петербурге 29 и 30 апреля уже пятый раз. Площадки фестиваля будут размещены вдоль набережной Лейтенанта Шмидта и Английской набережной в течение двух дней с 11:00 до 20:00. В вечернее время ледоколы осветят специальной подсветкой для создания праздничного настроения (www.ledokolfest.ru).

Стремительный рост частотности слова *фестиваль* сопровождается активизацией его словообразовательного потенциала и расширением значения. В речи носителей русского языка встречаются наречие *фестивально*, отыменной глагол *фестивалить* («веселиться») и его окказиональные префиксально-суффиксальные формы *зафестивалить*, *отфестивалить*, *фестивалиться*, *зафестивалиться*. Регулярно используется форма инклюзивного императива «*Пофестивалим!*». Наряду с глаголами, возникают суб-

стантивные производные: диминутив *фестивальчик*, приставочная форма *мини-фестиваль*, существительное лица *фестивальщик* («буян»). Ср.: (7) Сезон начинается *фестивально* (www.thefest.ru; сайт Мытищенского театра драмы и комедии).

В отличие от исконнорусского слова *праздник*, обладающего значительным ценностным потенциалом, лексема *фестиваль* отсылает к событиям текущего момента, замыкающимся на «горизонтальном» измерении бытия. Производные слова *фестиваль* маркированы как разговорные и тяготеют к реализации сниженного оценочного значения.

Проведенное исследование позволяет говорить о деаксиологизации праздничной культуры в России. Происходит смещение категориальных границ между праздником и повседневностью, которое на языковом уровне проявляется в изменении семантической структуры слов – имен праздников. Под воздействием американской культуры, активно транслируемой в глобальном медиапространстве, в русской картине мира наблюдается стремительная экспансия квази- или псевдопраздников. Исчезает антитеза обычного, каждодневного, бытового, воспринимаемого самими членами коллектива как «естественное», и торжественного, внепрактического – культового, обрядового, государственного, рассматриваемого носителями данной культуры как имеющее самостоятельное значение [ср. 4]. Абсолютизация идей комфорта и удовольствия, представляющая собой генеральную стратегию дискурса современных средств массовой информации, приводит к размыванию традиционной системы ценностей – «ядерному расщеплению» культурных доминант русской картины мира [1, с. 191-193].

Литература

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М., 2011. – 390 с.
2. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
3. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. М.: Изд-во «Алетейя», 1997. – 584 с.
4. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
5. Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. М.: Храм святителя Николая в Кленниках, 2001. – 383 с.

6. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с обозначением их корней. М.: А.И. Манухин, 1865. – 718 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. Дата обращения: 29.11.2018
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
9. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1907. – 458, 136 с.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. В. 18. М.: «Наука», 1992. – 288 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2015. – 799 с.
12. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В.И. Губинский, 1910. – 676 с.
13. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: www.cnrtl.fr. Дата обращения: 29.11.2018

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ‘ДЕНЬГИ’

О.А. Лещинская

zshvedova@mail.ru

УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»
(Гомель, Республика Беларусь)

В наше время, когда в результате укрепления межкультурных контактов, процессов глобализации возникает проблема возможного исчезновения национальной самобытности народов, наилучшей гарантией предотвращения этого является осознание ценности каждого национального языка, который является отражением неповторимого мышления, проводником национального менталитета, сокровищницей культурных установок каждого народа и трансляции «общих запасов культурных ценностей, иначе говоря, инвентаря культуры» [5, с. 85]. Исходя из этих позиций и руководствуясь антропоцентрической направленностью современных исследований, объектом нашего внимания избраны фразеологические единицы (ФЕ), которые фиксируют самое важное в жизни каждого народа, концентрируют мудрость многих прошедших поколений и являются источником

познания установок культуры создателей и носителей языка, их менталитета, склада ума, способов познания мира и его отражения.

Сравнительное и сопоставительное изучение фразеологии как мощного средства компрессии информации и сохранения общей и национальной культурной информации позволяет осмыслить восприятие окружающей действительности сквозь призму ментальных моделей фразеологической картины мира создателей и носителей ФЕ каждого языка. Именно это, в свою очередь, помогает глубже понять и осмыслить, во-первых, процесс формирования диалога языка и культуры в их взаимодействии [1, с. 217], во-вторых, сходства и отличия видения мира разными народами.

В статье проводится анализ ФЕ белорусского и русского языков с общим значением 'деньги', которые не были объектом сравнительного изучения. Цель статьи – дать культурную интерпретацию ФЕ в тематическом коде культуры как ключевом звене лингвокультурологического анализа, установить ценностное переосмысление денег в белорусской и русской культурах и наличие общего и отличительного в восприятии и осмыслении этого фрагмента картины мира белорусов и русских. Ведь деньги, как известно, играют большую роль в жизни человека. Они являются символом богатства, благосостояния, больших возможностей, независимости человека, но они же выступают верификатором человеческой морали, выявляют в человеке самые низменные качества типа мошенничества, жадности, накопительства, продажности, вседозволенности и др., поскольку, по мифологическим представлениям, это изобретение нечистого.

О месте и роли денег в жизни русского и белорусского народов говорит наличие этой темы во фразеологии их языков, поскольку, как известно, фразеология отражает не всё, в отличие от лексики, а только самое важное, наиболее значимое для народа-создателя этих единиц, так как их образование преследует прежде всего языковую фиксацию народного видения, выражение характеристики и оценки такому обозначению как своеобразной формулировке правил и установок жизни. Однако несмотря на близость наших языков, на наличие общей темы денег, фразеология каждого народа существенно расходится. Это очевидно при сравнении уже только количества выявленных методом сплошной выборки ФЕ из приблизительно равных фразеологических словарей: 110

ФЕ русского языка [6] и 72 ФЕ белорусского [2], из которых лишь немногие являются общими для двух языков.

Обращение непосредственно к ФЕ позволяет заметить, что в русских ФЕ в качестве слов-компонентов и основы создания образов ФЕ использованы лексемы *бумага /бумажка, грош, деньги /денежка /деньга, капитал, копейка /копеечка, рубль, монета, шелег*, дополненные на основании метонимии лексемами-наименованиями вместилища денег – *карман, киса, кошелёк, кубышка, мошна*. В белорусских ФЕ использованы лексемы *грош, грошы, капейка /капеечка, купоны, рубель, фінансы*, дополненные лексемами-наименованиями вместилища денег *кашалёк, кішэнь /-я, панчоха*. Сравнение перечня лексем-компонентов позволяет отметить, кроме общих единиц-наименований денег (*грош – грош, деньги /денежка /деньга – грошы, копейка /копеечка – капейка /капеечка, рубль – рубель*), сохранность у русских памяти о древней мелкой монете шелег, о наличии в прошлом разного достоинства кредитных билетов, о металлическом знаке или рубле (*монета*). Во-вторых, кроме общих мест хранения денег (*карман – кішэнь, кошелёк – кашалёк*), отличительные: у русских *киса* ‘кожаный или суконный мешок, затягиваемый шнуром’ [4, с. 51], *кубышка* ‘деревянный дорожный сосуд в виде кружки или бочонка для хранения чего-либо’ [4, с. 144], *мошна* ‘мешок для денег; кошелёк’ [4, с. 306], а у белорусов – *панчоха* (рус. *чулок*). Отбор компонентов-лексем характеризуется выполняемой ими ролью наименований символов. Например, *грош, копейка, шелег* – мелочь, незначительность, *карман /кішэня* соотносит ФЕ с костюмно-вещевым кодом культуры своей символикой, сложившейся на основании назначения этой детали одежды и устаревшей сегодня семантики ‘кошелёк, мешок’ [3]. Характерный компонент-лексема белорусских ФЕ *панчоха* символически связывает представление о деньгах, накопительстве, а главное их сохранности дома благодаря ассоциативным связям и на основании подобия этой части одежды с мешком. В результате во всех ФЕ с компонентами-наименованиями денег, места хранения выступают в роли эталонов и стереотипов представления прежде всего о наличии большого количества денег или их отсутствии.

Сравнение ФЕ двух языков показывает, что в результате метафоризации или на основании метонимии созданы образы большей

частью прозрачно мотивированных ФЕ, которые при наличии общего имеют самые различные отличия.

В русской фразеологии отмечается только ей характерная метафорическая модель ФЕ «бумажка – деньги» (*банковая бумага; жёлтенькая бумажка; зелёнькая бумажка; красная бумажка; кредитная бумажка; радужная бумажка; синенькая бумажка*), где важную роль выполняет первый компонент, определяющий, как правило, стоимость денежной купюры по ее цвету.

Имеется ряд семантических групп ФЕ, свойственных только одному из языков. Так, для русской фразеологии характерно наличие ФЕ разной структуры, внутренней формы, компонентного состава для образного представления: а) жизни человека в долгах (*в долг; в долгах быть, жить; влезать в долги; одолжаться копейкой*), б) жизни бедно, без денег (*на копейки; не по карману; на медные деньги; перебиваться с копейки на копейку*) или, наоборот, жизни в достатке, довольствии, свободной трате денег (*не считать денег; не считать рублей; по карману жить; тряхнуть мошной; распускать мошну*), которые не имеют аналогов в белорусском языке и тем самым свидетельствуют о различии аспектов внимания.

Даже при наличии общих семантических групп ФЕ отмечается существенная разница. Например, анализ ФЕ, отражающих полное отсутствие или недостаток денег, позволяет назвать, кроме большого внимания к этому аспекту жизни наших народов, о чём свидетельствуют ряды синонимов ФЕ (1) рус. *кошелёк пуст, тощий карман, пустой карман* и бел. *кішэня малая; пустыя кішэні* – ‘кто-либо не имеет денег, испытывает в них нужду’ или 2) рус. *пустой кошелёк, без гроша, без копейки, ломаного гроша за душой нет, ни гроша, ни копейки, ни копеечки, ни шелега, шиш в кармане, шиш с маслом* и бел. *з пустымі /парожнімі кішэнямі; ні капейкі; ні на капейку; ні на ломаны грош* – ‘совсем нет денег’), общих ФЕ (*ветер в карманах (гуляет); купило притупило /притупилось – вецер гуляе /свішча ў кішэнях; купіла прытупіла*), имеющиеся отличия: разные образы, компоненты, наличие безэквивалентных ФЕ в каждом (*купіла хвост залупіла; за кукіш не купіш; за пяць пальцаў не купіш, не дастанеш; фінансы пяюць рамансы* и др.). Отличие структуры, образов характерно ФЕ, в основе которых лежит метафора «грош – ничтожная цена» (рус. *гроша <ломаного> не стоит; копейки не стоит; за грош; за <медные> гроши; за копейку* – бел.

грош цана ў базарны дзень; <і, ні> у грош не ставіць; ломаны грош цана; на <ломаны> грош) с помощью чего акцентируется внимание на никчемности человека, чего-либо или ничтожной плате за что-либо и где негативная оценка воспринимается посредством выбора денежных номинаций гроша и копейки с их минимальной стоимостью. То же характерно и для группы ФЕ с «денежным» компонентом для отражения абстрактного понятия точности счёта, оплаты и т.п., в которой имеется одна общая ФЕ (*копейка в копейку – капейка ў капейку*), а остальные говорят о разном видении этого абстрактного понятия: рус. *как одна копеечка; копеечка в копеечку; до копеечки* и бел. *ні ўбавіць ні прыбавіць; як лёду*.

При наличии общей группы ФЕ и среди них общих ФЕ для обозначения и, главное, характеристики большого количества денег, богатого на деньги человека (*толстый карман – тоўстая /поўная кішэнь; тугой карман – тугая кішэнь; купаться в золоте – купацца ў золаце; золотой дождь – залаты дождж*) выявляются ФЕ с общими компонентами, но отличительной структурой и семантикой (*с толстым карманом* ‘очень богат, состоятелен кто-либо’ – *тоўсты кашалёк* ‘очень большой капитал, богатство’), характерные только одному языку (рус. *в /при капитале и капитал на капитал* ‘с деньгами (обычно о значительной сумме)’; *копеечка водится* ‘у кого-либо есть деньги, средства’; *кругленькая копеечка* ‘большая сумма денег’; *купаться в деньгах* ‘быть чрезвычайно богатым’; *при деньгах* ‘достаточно богат кто-либо; имеет деньги’ и бел. *у кожнай кішэні па жмені* ‘вельмі многа’; *кішэня вялікая* 1) ‘кто-н. вельмі багаты, мае многа грошай’; 2) ‘вельмі многа грошай’. Кроме того, в каждом языке имеются безэквивалентные ФЕ: рус. ФЕ с ярко выраженным негативным отношением к большим деньгам, что достались легко, но, главное, расходуются небрежно, что имплицитно первый компонент (*бешеные деньги; шальные деньги; шальные деньги*), а в белорусском языке такой является ФЕ *залаты мяшок* ‘очень богатый человек, капиталист, буржуазия как класс’, в которой имплицитно негатива выступает компонент *мешок*.

ФЕ двух языков свидетельствуют общее отрицательное отношение наших народов к накопительству, скупости, неразумной трате денег. Однако у каждого имеются свои акценты внимания посредством выбора образов, компонентов, или своего видения.

Так, белорусы берут во внимание и негативно оценивают незаконное посягательство человека на чужое (*залазіць у кішэнь; класці ў <сваю> кішэнь; набіваць <сабе> кішэнь*), накопление без оборота (*набіваць панчоху*), лёгкое добывание денег (*доўгі /даўгі рубель; за доўгім рублём ехаць, гнацца*), а у русских это не только незаконное посягательство на чужое (*класть <себе> в карман*), лёгкое добывание (*длинный рубль; за длинным рублём*), но и высокая оплата, независимо, нравится или нет работа (*знаться за длинным рублём*), добыча без затраты усилий (*грести лопатой; огребать деньги лопатой*) и вообще добыча денег любым путём (*знать копейку; деньги не пахнут*) и при этом положительная оценка честно заработанных денег – *кровные деньги*.

При общем осуждении скупости, жадности к деньгам двумя народами (выявляется одна общая ФЕ *трястись /дрожать над каждой копейкой – дрыжаць над кожнай капейкай*) отмечается то, что у русских такое явление находит более резкое и широкое выражение и негатив в оценке человека-обладателя денег и его поведения: *за копейку удавится; держать в кубышке; класть в кубышку; набивать деньги; набивать карман /кису /мошну /кубышку; зашибать деньги /копейку*. То же можно отметить относительно образов и количества ФЕ с целью осуждения бестолковой траты денег, сравн.: русск. *бросать деньгами; бросать на ветер; разбрасывать даром деньги; сорить деньгами; сыпать деньгами; швырять деньги /деньгами* и бел. *капейка не запарыцца; кідаць /выкідаць на вецер*.

Таким образом, в результате сравнения ФЕ белорусского и русского языков с общим значением 'деньги' выявляется больше отличий, чем общего. И это несмотря на то, что русский язык на территории Беларуси во все времена оказывал сильное влияние на белорусский (сегодня это один из двух государственных языков, имеющих более широкие сферы применения, чем белорусский). Но именно фразеологические единицы каждого языка свидетельствуют не только об общей тенденции оценивать обладателя денег и его поведение с позиций морали, но и о большем внимании русских к деньгам, о широком спектре отражения способов добывания денег, об отличии видения посредством ФЕ, присущих только одному языку, разной структуры, компонентного состава, образов, что является следствием отличия каждого народа, культуры.

Литература

1. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1. А – Л. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; т. 2. М – Я. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
3. Ляшчынская, В. А. Фразеалагізмы беларускай мовы з кампанентам *kішэня* – складнікі канцэпту ‘адзенне-абутак’ / В. А. Ляшчынская // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2017. – №4. – С. 105-111.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп., т. 2. К – О. – М.: Русский язык, 1982. – 736с.
5. Трубецкой, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубецкой. – М.: Наука, 1995. – 495 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 1: А – Н. – 340 с; т. 2: О – Я. – 274 с.

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В РУССКО-ТУРЕЦКОМ ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (ПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Джахит Хамуркопаран

cahithamurkoparan@anadolu.edu.tr

Университет Анадолу

(Эскишехир, Республика Турция)

Сложившаяся лексикографическая практика характеристики слова в толковом словаре для разных языков имеет черты сходства и различия. Обращение к анализу словарных параметров позволяет извлечь лексикографическую информацию о слове и способах её отражения в словарной статье, а также установить общность и специфичность лексикографической традиции в целом. По мнению Ю.Д. Апресяна, «отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры в широком смысле слова» [Апресян, с. 6], чем во многом и объясняется лексикографическая активность в современных описаниях лексико-семантической системы языка и её подсистем. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько «полной» должна быть словарная

статья учебного словаря и какова должна быть её зонная структура.

Сопоставление словников русских и турецких словарей позволяет выделить общие зоны правой части. Это такие зоны: грамматическая, стилистическая, зона толкования, зона иллюстраций (цитаты, речения), зона значения (прямое, переносное), словообразовательное гнездо, зона фразеологизмов.

Очевидно, что при использовании данной схемы для описания глаголов в русском и турецком толковых словарях существенные различия выявляются в зоне грамматических, словообразовательных, стилистических помет. И связаны они главным образом с различиями в структуре сопоставляемых языков.

Грамматические парадигмы глаголов русского и турецкого языков не совпадают. В русском языке максимальную парадигму (и, соответственно, максимальное количество грамматических помет) составляют переходные глаголы несовершенного вида (не многократные и не безличные), например, *делать*, *показывать*. Парадигма включает здесь два залога: действительный и страдательный (последний представлен формами на *-ся* и страдательными причастиями). В действительном залоге личные формы противопоставляются по наклонениям, временам, числам, лицам и (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) по родам. Неличные формы включают два причастия (настоящего и прошедшего времени), два деепричастия и инфинитив. В страдательном залоге число форм несколько меньше, а именно, отсутствуют личные формы 1-го и 2-го лица, повелительное наклонение и деепричастия. Причастия представлены в страдательном залоге (у глаголов с полным набором форм) в двух вариантах: с *-ся* и без *-ся* (ср. *делаемый* и *делающийся*, *деланный* и *делавшийся*).

В турецком языке парадигма глагола определяется как двадцатишестичленная (в неё входит двадцать пять морфем и нулевая морфема со значением 2-го лица единственного числа императива). Это объясняется сложностью глагольной системы турецкого языка:

- 1) пять наклонений (желательное, изъявительное, повелительное, условное, долженствовательное);
- 2) в изъявительном наклонении пять простых форм времени (настоящее (текущее) время (*Şimdiki zaman*); настоящее-будущее

(неопределённое) время (*Geniş zaman*); будущее (категорическое) время (*Gelecek zaman*); прошедшее неочевидное время (субъективное) (*Belirsiz geçmiş zaman*); прошедшее категорическое (совершенное) время (*Belirli geçmiş zaman*)...). Кроме того, в этом наклонении имеется ещё семь сложных форм времени (прошедшее несовершенное время (определённый имперфект) (*Şimdiki zamanın hikâyesi*); преждепрошедшее первое время (*Belirsiz geçmiş zamanın hikâyesi*); преждепрошедшее второе время (*Belirli geçmiş zamanın hikâyesi*); прошедшее неопределённое время (неопределённый имперфект) (*Geniş zamanın hikâyesi*); будущее-прошедшее время (*Gelecek zamanın hikâyesi*); настоящее длительное время (*Sürekli şimdiki zaman*); прошедшее длительное время (*Sürekli şimdiki zamanın hikâyesi*)).

В остальных наклонениях имеется по одному прошедшему и будущему времени. Также существует шесть форм условной модальности.

Выделяют пять залогов: основной (прямой), возвратный, взаимный, страдательный, понудительный.

В связи с лексикографическим анализом глаголов возникает вопрос о том, какие из указанных грамматических признаков должны быть зафиксированы в учебных словарях и насколько возможно это сделать без нарушения принципов «экономности» и «простоты» (хотя и с благими намерениями – ради соблюдения принципов «полноты» и «эффективности» описания глагольных единиц).

Данные различия в структуре глагольных систем русского и турецкого языков определяют различный подход к номенклатуре грамматических, словообразовательных и стилистических помет.

Нельзя, однако, не заметить и влияния исследовательской субъективной лингвистической традиции. Для русского языкознания наиболее характерен и последовательно проведён формально-содержательный подход, что выражается в сущностных свойствах словарных помет. Для турецкого языкознания более актуален содержательно-информационный подход, который заключается в абсолютном внимании к семантическим и этимологическим характеристикам описываемого слова и в некотором игнорировании его грамматических характеристик.

Так, грамматические пометы при заголовочных русских и турецких глаголах, проанализированные по пяти ведущим толковым словарям современного русского языка и словарям турецкого языка, позволяют представить в полной мере оформление глагольных значений глагольных лексем.

Для русских глаголов наиболее актуальны пометы, связанные с категорией вида, залога и переходности, наклонения, которые сами по себе уже наделены семантической составляющей. Кроме этого, регулярно включаются отсылки к причастной форме, которая требует особой реализации глагольного комплекса грамматических значений. Для турецкого глагола характерны пометы, указывающие на переходность, возвратность и особенности глагольного управления. Временные характеристики в зоне примеров никак не отражаются.

В соответствии с лексикографической традицией в парадигму русского глагола включаются как личные, так и неличные формы. В связи с этим причастия в качестве самостоятельных статей в словарь не входят. Это, однако, не распространяется на отпричастные прилагательные и существительные, например, *уверенный, бывший, разводящий*. Для турецкого языка причастие является отдельной частью речи, поэтому в толковых словарях каждое причастие даётся в отдельной словарной статье.

В качестве добавочной информации, выходящей за рамки словоизменения, в словарной статье русского глагола даются сведения об образовании глагола противоположного вида. В парадигму переходного глагола несовершенного вида включаются также страдательные формы на *-ся* (личные и неличные). В то же время формы на *-ся* с нестрадательным значением считаются принадлежащими к отдельному слову – возвратному глаголу.

В турецком языке аспектуальность в словаре не отражается, поскольку все словари сводятся к типу толковых или толково-этимологических. Информацию о глагольных признаках можно почерпнуть только в обобщённом виде из учебных пособий и справочников. Традиция же учебных словарей вообще не характерна для турецкой лексикографии.

В русском словаре в глагольной статье указываются формы 1-го, 2-го, 3-го лица, чередования, в отдельных случаях – формы прошедшего времени. Для турецкого языка это в принципе нехарактерно. Внешний критерий турецкого глагола реализуется только в мастаре (особой форме глагола). В остальных случаях приводится только одна (начальная) форма глагола, которая не членится на морфемы и не содержит набора возможных флексий. Хотя нельзя отрицать тот факт, что для турецких глаголов, как и для русских, флексии оказываются значимыми для определения формы глагола и понимания предикативных характеристик предложения: по флексии в турецком языке определяется время, лицо и число глагола, и некоторые из турецких флексий являются сложными для запоминания.

Система грамматических помет, охарактеризованных по пяти турецким толковым словарям, кроме собственно грамматических параметров слова (переходность, возвратность, глагольное управление), отражает и стилистические нормы. Для глаголов – это различие форм и правописания, например, в прошедшем времени.

Особую группу составляют вспомогательные глаголы и деепричастия, коренным образом трансформирующие значение базового односложного глагола, например, *ol-, kil-, et-, eyle- ve yap-*. В турецких словарях эти глаголы не помечаются как вспомогательные. Их «добавочный» характер объясняется только в учебных пособиях, что представляет определённую сложность как для иностранцев, изучающих турецкий язык, так и для носителей языка.

Сведения орфографического и орфоэпического характера в большинстве толковых словарей турецкого языка не содержатся.

В качестве примера приведём словарные описания русского приставочного глагола («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1992) и его турецкого эквивалента (*Güncel Türkçe Sözlük* – Актуальный турецкий словарь).

<p>СКАТИТЬ, скачу, скатишь; скаченный; сов. 1. кого-что. Катя по наклону, спустить. Скатить камень с горы. 2. То же, что скатиться (в 1 знач.) (разг.). Лихо</p>	<p>(Yuvarlayarak) İndirmek <i>(-i)</i> 1. Yüksekten, sarp ve kötü yerden veya yukarıdan aşağıya inmesini sağlamak: “Zeynep'i o sel yatağından, yağdan kıl çeker gibi indirdi.” -Y. Kemal. 2. Bir taşıt</p>
---	--

<p>скатить с горы на лыжах. не-сов. скатывать, -аю, -аешь. сущ. скатывание, -я, ср. прил. скатный, -ая, -ое (к 1 знач., спец.).</p>	<p>veya binek hayvanından aşağıya almak. 3. Fiyatını azaltmak, düşürmek. 4. Hızla vurmak: “<i>Genç adamın başına son darbeyi indirdi.</i>” -Y. K. Karaosmanoğlu. 5. Kapamak: <i>Kepenklere indirmek.</i> 6. (nsz) Yağmur, sis, birdenbire bastırmak: “<i>Haberlerle birlikte hızlı bir yağmur indirdi.</i>” - N. Cumalı. 7. Kırmak, tahrip etmek: <i>Göstericiler yapının camlarını indirmişler.</i></p>
<p>СКАТИТЬСЯ, скачусь, скатишься; сов. 1. Катясь по наклону, спуститься. Камень скатился с горы. Скатиться с горки на санках. 2. перен. В некоторых выражениях: в своём поведении, поступках дойти до чего-н. предосудительного, до крайности (разг.). Скатиться в болото обывательщины. несов. скатываться, -аюсь, -аешься.</p>	<p>(Yuvarlanarak) İnmek (-den) 1. Yüksekten veya yukarıdan aşağıya doğru gelmek. 2. Bir taşıt veya binek hayvanından yere basmak: “<i>Tramvayın ön tarafından hızla inerken, arkasından bir sesin bağırıldığını gördü.</i>” -P. Safa. 3. Dağ, tepe vb. yüksek bir yerden gelmek: <i>Dağdan kurt indi.</i> 4. (-e) Bir yerden başka bir yere gitmek, varmak: “<i>Bünyamin, gücünün yettiği kadar hızlı yürüyüp Haliç'e indi.</i>” – İ. O. Anar. 5. (-e) Konaklamak: “<i>Samananbarı köyünün en büyük ve gösterişli evine inmişlerdi.</i>” -H. E. Adıvar. 6. (nsz) Alçalıp eski durumuna dönmek: <i>Sular indi. Şiş indi.</i></p>

Как видим из данного примера, грамматическая зона более активна в русском словаре, в турецком она практически не представлена. Зона толкования и зона значения активны как в русском, так и в турецком словаре, а зона иллюстраций в турецком словаре представлена шире. Словообразовательные пометы частично

представлены в русском словаре и совершенно отсутствуют в турецком. Стилистические пометы есть в русском словаре, но отсутствуют в турецком, как и зона фразеологизмов.

Если мы сравним словарные статьи русского приставочного глагола и его турецкого эквивалента, то станет очевидным следующее:

1. Вид как специфическая категория указывается в русском словаре, а переходность, возвратность и особенности глагольного управления – и в русском, и в турецком словарях.
2. Личные формы глагола (1-е, 2-е, 3-е лицо единственного числа) указываются в русском словаре, но отсутствуют в турецком.
3. Флексии глаголов и отглагольных дериватов – прилагательных и существительных – указываются в русском словаре, но отсутствуют в турецком.
4. Причастные и деепричастные формы отсутствуют как в русском, так в турецком словарях.

Общий вывод из сказанного может быть следующий: словарная статья русского толкового словаря является более комплексной, содержит больше вспомогательной информации, нежели статья турецкого толкового словаря. Однако статья турецкого словаря является содержательно более полной и последовательной. Очевидно, при создании двуязычного учебного русско-турецкого словаря нужно совместить такие характеристики словарей разных языков, как максимальная информативность и комплексный характер, и наложить эти характеристики на глагольную статью.

При работе над проектом двуязычного словаря «Глаголы и отглагольные дериваты: русский и турецкий языки» мы рассматривали две основные разновидности словарной статьи: «приставочную» и «глагольную».

Первый вариант – «приставочная» словарная статья – позволяет подавать информацию комплексно, блоками. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем:

1. В словаре в алфавитном порядке даются зоны однотипных глаголов, образующихся с помощью тех или иных приставок: *о- /об- /обо- : оббегать, оббегать, оббежать, оббить, оббиться, обвалить, обвалиться, обдумать* и др., что позволяет рассматривать слова блоками и дает возможность разработать типовые формулы

их толкования и семантизации (значение приставки + значение мотивирующей основы).

2. Глаголы представляются как некая совокупность однотипных единиц семантического поля. Например, глаголы, имеющие значения:

а) добыть, получить, найти что-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом: *выделить, выдернуть, выдумать, выжать, выжечь, выкопать, вылепить, вырезать*;

б) начать действие, названное мотивирующим глаголом: *закопать, залаять, застучать*.

3. Глаголы определяются в связи с закономерностями их функционирования в речи и стилистическими особенностями (например, глаголы с приставкой *за-*, выражающие конкретность в художественной речи).

Второй вариант – «глагольная» словарная статья – даёт возможность иностранному студенту наглядно представить взаимосвязь мотивирующего глагола с его префиксальными производными. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем:

1. В качестве заглавного даётся мотивирующий глагол, имеющий в русском языке наиболее общее лексическое значение. Соответственно, семантизация может быть осуществлена турецкой глагольной единицей.

2. Префиксальные производные даются в алфавитном порядке, что облегчает их поиск при определении значения. Семантизация производных осуществляется в соответствии с возможностями турецкого языка.

3. Группы префиксальных производных даются парами несовершенного и совершенного вида, что позволяет сразу представить комплексно варианты глагольных форм. Поскольку в турецком языке оба видовых значения реализуются в одной глагольной единице, значение вида возможно представить в контексте. Правильно подобранные примеры дадут возможность полностью показать видовые и временные значения, которые может выражать данный приставочный глагол.

4. Глаголы даются в составе синтаксических конструкций, которые могут быть представлены как схемы словосочетаний или

предложений и содержат указание на то, в каких типах предложений наиболее частотны приставочные глаголы. Здесь возможны комментарии на турецком языке, подкрепляющие аналоговые русские конструкции.

Обобщение положительных качеств того и иного вариантов словарных статей дает возможность создания оригинальной структуры словарной статьи, содержащей комплексную информацию о глаголе и формирующей структуру словаря «Глаголы и отглагольные дериваты: русский и турецкий языки» как части полного системного представления языка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1993.
2. Мустафаев Э.М., Щербинин В.Г. Русско-турецкий словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.
4. Güncel Türkçe Sözlük – Актуальный турецкий словарь – Турецкое Языкове Общество – URL: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_gts

ГЛАГОЛЫ С ВОЗВРАТНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ В РУССКОМ И СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.М. Чекалина

etch1@yandex.ru

ФГАБОУ ВО Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(Москва)

Между русским и скандинавскими языками существует заметное типологическое сходство, поскольку в них широко представлены глаголы с возвратными показателями местоименного происхождения. В русском языке это большая группа глаголов с частицей *-ся*, которые различаются лексическими значениями, типом слово- и/или формообразующей модели и характером соотносительности со смысловым субъектом. Их семантика и употребление отражает «особые формы мышления говорящего по-русски чело-

века» [4, с. 342], связанные не только с видовой формой предиката, но и с одушевленностью/неодушевленностью субъекта. Это находит выражение в широком и неоднородном спектре значений и оттенков от возвратного и взаимного до инактивно-медиального и пассивно-страдательного, включая семантическую вариативность глаголов, образованных от одной лексемы. Поэтому «особенности агглютинативного словопроизводства глаголов на *-ся* и формирование их значений» составляют лексико-грамматическую проблему [2, с. 494].

В скандинавских языках представлено два структурно-семантических типа глагольных единиц с возвратными показателями:

1) цельнооформленная модель с агглютинативным показателем (*-s* в датском, шведском и норвежском букмоле; *-st* в нюношке, исландском и фарерском), которая возникла как результат энклитики косвенной падежной формы (датель в восточно-/аккузатив в западно- скандинавском ареале) возвратного местоимения;

2) раздельнооформленная модель с возвратным местоимением *sig* при смысловом субъекте 3 лица и в инфинитиве, которое заменяется объектными формами личных местоимений при соотносительности с 1 и 2 лицом единственного и множественного числа.

Цельно- и раздельнооформленные модели различаются по линии инактивности /активности смыслового субъекта.

Цельнооформленные глагольные единицы с агглютинативными показателями проявляют очевидное структурно-типологическое и функционально-семантическое сходство с русскими возвратными глаголами. Они также характеризуются неоднородностью внутренней формы и значения, а в некоторых случаях при их сопоставлении наблюдаются явные смысловые совпадения.

Особенности скандинавского ареала рассматриваются далее в статье на материале шведского языка, в котором эта группа представлена глагольными единицами, имеющими как словообразовательный, так и словоизменительный статус.

К словообразовательным единицам относятся **депонентные глаголы**, обозначающие процессы, носителем или источником которых является смысловой субъект. Среди них выделяется два структурно-семантических типа:

1) Лексемы, образованные от именных основ, а также отдельные глаголы, которые сильно разошлись с переходными аналогами в лексическом значении. В Академической грамматике шведского языка в эту группу включается более 60 единиц: *andas дышать* (от *anda дыхание*), *envisas упрямиться* (от *envis упрямый*), *finnas иметься* (от *finna находить*) и другие [15, 2, с. 554-555].

2) Глаголы, имеющие переходные аналоги с тем же лексическим значением, которые образуют две семантические группы:

(1) со значением потенциальной способности субъекта совершать названное в глагольной лексеме действие как присущее ему «специфическое свойство» [1, с. 134]: *bitas кусаться*, *rivas цараняться* и некоторые другие;

(2) с взаимно-возвратным и/или собирательным значением, предполагающим множественный смысловой субъект: *kramas обниматься*, *kyssas целоваться*, *samlas собираться* и некоторые другие.

Отдельные лексемы могут, в зависимости от контекста, выступать и с тем, и с другим значением: *Han slåss jämt. Он постоянно дерется.* – *Nu slåss pojkarne igen. Мальчишки опять дерутся* [14, с. 1115]. Как показывает перевод, в обоих случаях им соответствуют русские возвратные глаголы.

К словоизменительным относятся в современных шведских грамматиках синтетические **формы пассива на -s**, регулярно образуемые от большинства переходных глаголов с акциональной семантикой, в лексическом значении которых содержится указание на контролируемое действие агенса; его эксплицитное выражение именным словосочетанием с предлогом *av* возможно, но не обязательно: *Tavlan har målats av en lokal konstnär.* – *Картину написал местный художник* [15, 4, с. 376]. Как показывает перевод, в русском языке для передачи этого значения обычно используются высказывания с предикатом в форме активного залога и прямым объектом-пациенсом в начальной позиции темы. Однако чаще пассив на -s употребляется без указания на агенса, который неизвестен, неактуален или имеет неопределенно-обобщенный характер: *Tavlan målades i slutet av 1600-talet* [15, 3, с. 554]. – *Картина была написана в конце XVII века* [15, 4, с. 365]; *Rapporten trycktes i början av 70-talet.* – *Отчет был напечатан / напечатали в начале 70-ых* [15, 4, с. 368-369].

Значительная группа глагольных единиц с морфемой *-s* включает словоформы, образованные от переходных глаголов, которые обозначают процессы, обусловленные ингерентными свойствами смыслового субъекта, каузирующими изменение в состоянии объекта. Залоговые формы на *-s* в этих случаях выступают с инактивно-медиальным значением, не предполагающим указание на агентивный внешний источник. В Академической грамматике шведского языка в эту группу включено 84 единицы: *födås* родиться, *förvånås* удивляться, *förändras* изменяться, *kallas* называться, *krävas* требоваться, *kännas* чувствоваться, *minskas* уменьшаться, *ökas* увеличиваться, *öppnas* открываться и другие [15, 2, с. 556-557].

В целом функционирование словоизменительных залоговых форм с показателем *-s*, образованных от переходных глагольных лексем, выявляет широкую семантическую зону инактивности с размытыми границами, допускающими переходные случаи. Важно, однако, что в шведских формах на *-s* всегда сохраняется при этом лексическое значение переходного глагола, в отличие от многих русских возвратных глаголов, таких как, например, *мыться*, *останавливаться*, *продаваться*, *смотреться*, *строиться*. См. об этом подробнее [2, с. 484; 4, с. 131-132; 5, с. 214; 9, с. 26-31; 10, с. 313]. Отдельные глаголы могут употребляться, в зависимости от контекста, и с абсолютным и/или взаимным, и с пассивным значением: *De möttes på flygplatsen igår.* – Они встретились вчера в аэропорту. / *Reagan möttes på flygplatsen av Gromyko.* – Рейгана встречал в аэропорту Громыко [8, с. 68]. Ср. с русским глаголом *встречаться* и некоторыми другими.

Формы пассива на *-s* употребляются также в предложениях с формальным подлежащим *det*; пациенс, выраженный неодушевленным существительным в неопределенной форме, помещается при этом в позицию ремы: *Här säljs det bara färskt bröd.* – Здесь продается только свежий хлеб; *Här hittades det inte något guld.* – Здесь не нашли золото [15, 4, с. 371]. Показательно, что форму пассива на *-s* в предложениях с формальным подлежащим могут иметь и некоторые непереходные глаголы: *Det talas till och med om revolution.* – Говорят даже о революции [15, 4, с. 371]; *Det dansades hela natten.* – Танцевали всю ночь [15, 4, с. 397]. В русском языке, как показывает

перевод, это значение передается безобъектной активной конструкцией в бессубъектных неопределенно-личных предложениях с предикатом в 3 лице множественного числа.

Своеобразие глаголов с агглютинативными показателями в русском и скандинавских языках делает возможным их отнесенность как к словообразованию, так и к словоизменению и образует область особо тесного взаимодействия лексической и грамматической семантики [10, с. 310]. Однако русские возвратные глаголы имеют значительно более широкие словообразовательные возможности, связанные с выражением вида и способов действия, и обусловленную этим способность к значительно большему разнообразию и тонкой «нюансировке» значений; поэтому в целом они относятся к лексико-грамматической сфере, а не к словоизменению [3, с. 162]. «В русской возвратной форме слились все те значения, которые в других языках образуют разные залогов» [4, с. 136], и она «могла бы считаться даже состоящей из нескольких категорий, если бы не её звуковое однообразие» [4, с. 129].

В скандинавских языках система глагольных единиц с агглютинативными возвратными показателями в значительно большей степени ориентирована на словоизменительную морфологию. Более широкое участие форм с агглютинативным показателем в выражении инактивно-пассивных залоговых значений связано с неоднократно отмечавшейся продуктивностью пассивной диатезы в германских языках, по сравнению с русским, что, в свою очередь, обусловлено фиксированным словопорядком [3, с. 162-163].

Раздельнооформленные глагольные единицы с возвратным местоимением образуют в скандинавских языках два структурно-семантических типа – **возвратные обороты** и **возвратные глаголы** [6, с. 126-127]. Возвратные обороты, в состав которых входят переходные глаголы с акционально-актантной семантикой, обозначают процессы, контролируемые смысловым субъектом-лицом и направленные им на самого себя: *antäla sig записываться*, *försvara sig защищаться*, *presentera sig представляться*, *rädda sig спасаться* и другие. Более многочисленную группу составляют фразеологически устойчивые возвратные глаголы, не предполагающие интерпретацию смыслового субъекта как объекта действия [15, 3, с. 303]: *förvåna sig удивляться*, *gifta sig жениться*, *выходить замуж*, *glädja*

sig радоваться, веселиться, *götta sig* прятаться, *intressera sig* интересоваться, *lugna sig* успокаиваться, *lägga sig* ложиться, *öppna sig* открываться и многие другие.

Семантическая граница между возвратными оборотами и возвратными глаголами может быть подвижной и определяться одушевленностью/неодушевленностью субъекта. Ср.: *Mannen avslöjade sig själv*. – Мужчина разоблачил себя сам. / *Bristen på verkligt innehåll avslöjar sig i formens mekanisering*. – Отсутствие настоящего содержания выражается (букв. разоблачается) в механическом использовании формы [13, с. 367]. Как отмечается в работах скандинавских авторов, возвратные глаголы выражают динамичные процессы, происходящие с субъектом как бы сами по себе, в то время как формы с агглютинативной морфемой содержат указание на внешний источник: *antända sig* загораться – *antändas* зажигаться; *minska sig* становиться меньше – *minskas* уменьшаться [11, с. 100-101]. Возможно, с этим связана отмечаемая в современном шведском языке тенденция к употреблению возвратных глаголов вместо форм пассива на *-s*, когда референт грамматического субъекта в действительности является не источником процесса, а его пациенсом: *klippa sig* вместо *klippas* подстригаться (в парикмахерской), *operera sig* вместо *opereras* оперироваться, *vaccinera sig* вместо *vaccineras* сделать прививку. В таких случаях подчеркивается, что испытывающий внешнее воздействие субъект реализует собственную волю, а не ведет себя пассивно [12, с. 171-172].

Рассмотренные в аспекте сопоставления и перевода даже на ограниченном языковом материале особенности русских возвратных глаголов и глагольных единиц с возвратными показателями в скандинавских языках показывают, что «каждый язык структурирует мысли в соответствии со своими собственными семантическими ресурсами, хотя структуры разных языков могут значительно перекрываться» [7, с. 70].

Литература

1. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. Издание второе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1938. – 591 с.
3. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: АCADEMIA, 2004. – 248 с.

4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Издание восьмое. М.: УРСС, 2001 (1956). – 451 с.
5. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Издание второе, исправленное. М.: УРСС, 2003. – 383 с.
6. Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 242 с.
7. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 61–88.
8. Bergner E., Nylund E. Något om valet mellan s-passiv och kopula-passiv Svenskans beskrivning 17. Åbo, 1990. – S. 67–72.
9. Gerritsen N. Russian Reflexive Verbs. In Searching of Unity in Diversity // Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 15. Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1990. – 322 p.
10. Janda L. A. Cognitive Linguistics as a Continuation of the Jakobsonian Tradition. The Semantics of Russian and Czech Reflexives // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava. Literature. Linguistics. Poetics. Edited by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus. Ohio: Slavica, 1993. – P. 310–319.
11. Jonsson H. «Passivum med intransitiv brtydelse» och genera verbi i svenskan // Kring en ordbok. Festskrift till Sven Ekbo. Stockholm: Norstedts, 1975. – S. 73–105.
12. Molde B. Svenska idag. Svar på språkfrågor. Stockholm: Rabén Prisma, 1994. – 239 s.
13. Sundman M. Om verbets s- och sig-former i modern svenska // Xenia Thorsiana. En vänskrift tillägnad Carl-Eric Thors på hans 60-årsdag den 8 juni 1980. Mirja Saari och Helena Solstrand (utg.). Meddelanden från Institutionen för nordiska språk och nordisk litteratur vid Helsingfors universitet. Serie B. № 5. 1980. – S. 357–378.
14. Svensk ordbok. Tredje reviderade upplagan. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm: Nostedts Ordbok, 1996. – 1492 s.
15. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik (SAG). Band 2. Ord. – 768 s. Band 3. Fraser. – 704 s. Band 4. Satser och meningar. – 977 s. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999.

КОНЬ/ЛОШАДЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ

Д. Д. Войводиц

darjuskav@mail.ru

Философский факультет Новисадского университета
(Нови-Сад, Сербия)

В данной работе нас интересует восприятие *коня/лошади* во фразеологизмах русского и сербского языков в сопоставлении с народными представлениями об этом животном в славянских народных традициях. Рассматриваемые фразеологизмы содержат только лексемы *конь/лошадь* в русском и *коњ* в сербском языке, так как анализ фразеологизмов с другими синонимичными словами предполагает более объемное и широкое изучение. Будут рассмотрены лишь фразеологизмы, в той или иной степени показывающие отношение человека к лошади как животному. Не будут охвачены примеры типа *троянский конь*, *делать ход конем* и т.п.

Наше внимание обращено именно на фразеологию, так как она является одной из сфер, отображающих «обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива» [12, с. 214].¹⁰

Прежде чем перейти к анализу, следует упомянуть о самом животном и его значении для человека. С одомашниванием лошади человек мог быстрее перемещаться с одного места на другое, т.е. значительно повысилась мобильность людей, что обуславливало развитие торговли, культурный обмен. До изобретения парового двигателя лошадь как главное транспортное и тяговое животное была средством и орудием покорения Земли [18, с. 8–9], позволила человеку своей скоростью, силой и выносливостью осуществлять смелые подвиги, которые до этого казались невозможными [19, с. 150]. Другими словами, лошадь занимает особое место в развитии цивилизации.

¹⁰ Подобным образом можно охарактеризовать и паремиологию, которую некоторые лингвисты иногда относят к фразеологии. В таком (более широком) понимании фразеологии паремии (поговорки и пословицы) рассматриваются в качестве одного из 4-х классов (групп, типов) фразеологических единиц – «фразеологических выражений» (фразеологизмов с замкнутой предикативной структурой), несмотря на то что паремии отличаются от фразеологизмов (в более узком смысле этого слова) в структурно-грамматическом отношении, так как они представляют собой законченное предложение (см., в частности, [3, с. 156; 16, с. 77–78]; ср. также [20, с. 167]).

В народной традиции конь является одним из наиболее мифологизированных животных, воплощает связь с миром сверхъестественного [13, с. 590]. Он также связан с культом плодородия, смертью и погребальным культом; является атрибутом мифологических персонажей, проводником на «тот свет» (например, по археологическим данным, был главным жертвенным животным на похоронах, в сказочных мотивах – помощником героя при проникновении в тридевятое царство, на вершину стеклянной горы и т.п.); часто предстает в фольклорных и изобразительных текстах (в том числе на иконах) как противник змея, злых сил, болезней; способен видеть или предвидеть смерть, судьбу [13, с. 590–591; 14, с. 280–281], однако он может быть спутником и нечистой силы [9, с. 137–139], в него могут превратиться грешные души, ведьмы и т.п. [4, с. 182].

О значимости коня свидетельствует и обычай у белорусов, где перед тем как поселиться в новый дом, люди оставляли там переночевать животных в следующем порядке: в первую ночь – петуха с курицей, во вторую – гуся, кота или кошку, в третью – поросенка, в четвертую – овцу, в пятую – корову и в шестую – лошадь. Если эти животные оставались невредимыми, тогда в доме уже ночевал человек. Такой обряд показывает, что в народном представлении самым близким существом человеку является – лошадь [9, с. 86].

В мире фразеологии все намного проще: лошади не обладают магическими свойствами. Во фразеологической картине мира эти животные являются работягами, их жизнь нелегка, она проходит в постоянном труде. В русском и сербском языках такое восприятие отражается в следующих примерах: рус. *рабочая лошадка* ('трудолюбивый человек', 'безотказный работник'), рус. *работать как лошадь* ('много работать'), рус. *ломовая лошадь* ('много и тяжело работающий'), рус. *устать как лошадь* ('сильно устать'), серб. *радити као коњ* ('работать как лошадь', 'много работать'), серб. *тући као коња* ('бить как лошадь'; 'сильно и жестоко бить').¹¹

О силе коня свидетельствуют фразеологизмы: рус. *лошадиное здоровье* ('очень крепкое здоровье'), *конем не объедешь* ('не минуешь того, что суждено') – здесь конь представляется как что-то самое мощное, что позволило бы во всех других случаях

¹¹ Ср. рус. *кобылка* в переносном значении *безответный и трудолюбивый работник, трудяга*.

избежать всего, серб. *здрав као коњ* ('здоров как лошадь'; 'крепкое здоровье').

О том, насколько положение человека улучшается, когда он на коне, или, наоборот, ухудшается, когда он больше не на коне, даже в метафорическом смысле, видно в примерах типа: рус. *на коне* ('быть в выгодном положении или положении победителя'), рус. *под конем* ('быть в положении побежденного'), серб. *бити на коњу* ('быть на коне', 'после тяжелого периода оказаться в хорошем положении'), серб. *с коња на магарца* ('с коня на осла'; 'оказаться в худшем положении, чем прежде'), серб. *осетити се као на коњу* ('чувствовать себя как на коне', 'чувствовать прогресс'), серб. *раставити с коњем* ('отделить от коня', 'сразить смертельным ударом').

Последняя нами анализируемая группа фразеологизмов связана с отрицательными оценками *коня/лошади*. В данном случае, сделав исключение, при анализе мы учитываем и другие примеры с синонимами слов *конь/лошадь*. В словарях русского языка *лошадь* и *кобыла* могут обозначать 'нескладную/некрасивую/рослую женщину', например: *Ну и лошадь эта баба!*, *Экая ты кобыла!*; в сербском языке *кобила* ('кобыла') употребляется как оскорбление в адрес женщины, а слово *конь* ('лошадь') может относиться к 'глупому человеку/дураку' (ср. серб. фразеологизм *глуп као коњ* – в значении 'глуп как лошадь'). Фразеологизмы, содержащие отрицательную оценку, следующие: рус. *ржать как лошадь* ('неодобрительно о человеке, смеющемся громко'), рус. *бред сивой кобылы* ('чушь, вздор, глупость'), рус. *врет как сивый мерин* ('бессовестно врать'), рус. *глуп как сивый мерин* ('до крайности глуп').

Четыре нами выделенные группы фразеологизмов создают образ лошади как животного сильного (рус. *лошадиное здоровье*), работающего (рус. *работать как лошадь*, рус. *устать как лошадь*), позволяющего человеку улучшить свое положение в жизни (рус. *на коне*), но с другой стороны – глупого (рус. *глуп как сивый мерин*) и иногда подверженного жестокости (серб. *тући као коња* – в значении 'бить как лошадь'). Следует отметить, что данные фразеологизмы являются лишь частью народного представления о коне и, в отличие от народных обычаев, обрядов, сказок, былин и т.п. (о которых мы упомянули в начале работы), где внимание

сосредоточено на обыденной жизни, а ежедневная работа является ее неотъемлемой частью. Тут важны такие качества, как выносливость, сила и трудолюбие. Лошадь всеми ими обладает, кроме, как кажется, умом¹².

Интересно сравнение такого фразеологического представления о коне с современными ассоциациями, выявленными в русских и сербских ассоциативных словарях [2; 8; 10]. Наиболее частотны такие ассоциации, как *быстрый, огонь*¹³, *скакать, красавец, сильный*. Отметим, что ассоциации современного человека совпадают с восприятием коня древним человеком, так как слово *конь* происходит от и.-е. *ka(n)k– ‘скакать’ [15, с. 197].

Из данного анализа следует вывод, что фразеологическое восприятие *коня/лошади* составляет лишь часть народного представления об этом животном. Оно сосредоточено на особенностях, качествах лошади в повседневной, связанной с работой жизни человека (человека прошлого, так как для коней, кроме скачек, в современном мире практически работы уже не существует). Народные сказки, обычаи, современные ассоциации указывают и на другие, в нашем понимании, качества лошади. Однако составление полной картины возможно лишь при подробном изучении разных аспектов культуры (мифологии и народной культуры как славянских, так и неславянских народов; народного творчества: былин, сказок, пословиц, загадок и т.д.; библейских текстов; современной литературы и искусства; лексикологии и т.п).

Литература

1. Вујанић М., Гортан-Премк Д., Дешић М., Драгићевић Р., Николић М., Ного Љ., Павковић В., Рамић Н., Стијовић Р., Тешић М., Фекете Е. Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. – 1561 с.

¹² Возможно, лошадь иногда считается глупой в силу своей доброты: ее эксплуатируют, подвергают тяжелой работе, а она остается послушной, подчиненной человеку. Ответ не в том, что человек хорошо сумел ее приручить (вряд ли когда-нибудь человек сможет приручить кого-либо из породы кошачьих в той степени, как приручены лошади), а в характере лошади. Он мягкий и добродушный, лошадь хорошо относится к другим членам своего табуна, готова всегда с ними сотрудничать во всем, это является причиной ее служения человеку, которого она считает частью своего табуна [18, с. 50].

¹³ Русское выражение *конь-огонь* обозначает горячего и быстрого коня.

2. Гольдин В. Е. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2. т. Т. II. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 480 с.
3. Гужва Ф. К., Иванова А. Н. Лексика и фразеология русского языка. Учебное пособие. – Киев: Радянська школа, 1982. – 184 с.
4. Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. – 327 с.
5. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
7. Оташевић Ђ. Мали српски фразеолошки речник. Београд: Алма, 2007. – 787 с.
8. Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Обратни асоцијативни речник српског језика. Београд: Службени гласник, 2011. – 722 с.
9. Раденковић Љ. Символика света у народној магији Јужних Словена. Ниш: Балканолошки институт САНУ, Просвета, 1996. – 386 с.
10. Русский ассоциативный словарь. – Режим доступа: <<http://www.thesaurus.ru/dict/index.php>> (Дата последнего обращения: 12.04.2019).
11. Стевановић М., Марковић С., Матић С. и др. Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
13. Толстой Н. И. Славянские древности. Т. 2: Д–К. М.: Международные отношения, 1999. – 704 с.
14. Толстој С. М., Раденковић Љ. Словенска митологија: енциклопедијски речник. Београд: ZEPTEK BOOK WORLD, 2001. – 763 с.
15. Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Т. 10. М.: Наука, 1983. – 201 с.
16. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3-х ч. Ч. I. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1981. – 191 с.
17. Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili sprskog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1982. – 808 s.
18. Morris D. Upoznajte svog konja. Zagreb: Prosvjeta, 1989. – 116 s.
19. Visković N. Političke životinje // Politička misao, vol. 32, no. 3–4. Zagreb: Fakultet političkih znanosti, 1995. – S.141–157.
20. Voyvodich, D[arya] D. Русская и сербская языковые картины мира через призму количественных отношений в паремиях // Коммуникативное поведение. – Вып 28: Коммуникативное поведение славянских народов

(русские, украинцы, белорусы, поляки, сербы) / Redakcja naukowa: L. Szypielewicz, I. Sternin. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – S. 167–184.

ОНОМАСТИКА В ЛИЧНОЙ (ИЛИ НЕНАУЧНОЙ) ЖИЗНИ ЯЗЫКОВЕДА – ОНОМАСТА. НА ПРИМЕРЕ «КЛУБНИКИ»

П.Томасик

piotrust@rambler.ru

Университет Казимира Великого
(Быдгощ, Польша)

Современная традиция присвоения имени трамвайным вагонам города Быдгощ молодая. Её корни достигают начала 21 столетия, когда на маршруты вышел модернизированный состав под именем *Strzała* (рус. *Стрела*). Так как состав был единственным и опытным экземпляром, определить, имеем ли мы дело с наименованием одного состава или с названием единственной модели, невозможно. Название скоро стало забытым. Следующие наименования трамваев появились в конце 2015 года в связи с началом большого обновления подвижного состава. Новым, современным, низкопольным вагонам, кроме инвентарного номера, стали присваивать имена известных горожан и заслуженных людей, связанных с городом. Это вполне официальные имена, на вагонах нанесены соответствующие надписи, а на экранах в салонах демонстрируются ролики, рассказывающие пассажирам об этих выдающихся личностях. Старые вагоны остаются без официальных имён.

Некоторые водители, как говорится, «закреплены на вагоне». Это значит, что они, как правило, работают постоянно (за исключением ремонта, поломки и т.п.) на одном и том же вагоне. В редких случаях водители присваивают «своим» вагонам имена. Такие онимы или вообще не указываются, или нанесены маленькими буквами где-то в уголке кабины.

Я постоянно работаю на составе вагонов номер 300 и 301. На предприятии привыкли определять трамваи по номеру головного вагона (составы разцепляют довольно редко) – таким образом, у меня трамвай номер 300. Из-за круглого номера его часто называют *Trzyseta* (рус. *Трехсотка*). Я для работы выбирал вагон не по

номеру (хотя круглый номер мне нравится, два нуля в конце смотрятся необычно). Я учитывал прежде всего технические параметры. На вагоне я закреплён уже полтора года. Первого февраля 2019 состоялся небольшой праздник – «крестины вагона». Небольшое и неофициальное мероприятие состоялось на одной из конечных остановок. Трамвай получил имя *Truskawka* (рус. клубника). «Крестная мать» произнесла торжественную речь, собравшиеся гордо выпили шампанское (правда, детское, безалкогольное, но со вкусом клубники), съели клубничный торт. Вагон получил две наклейки – одну со своим именем (шрифт наподобие надписей на новых именных вагонах), вторую с рисунком ягоды клубники (она рядом с бортовым номером вагона, как бы его заменитель). В салоне появилась небольшая информация о наименовании вагона и заметка о традиции давать имена рельсовой технике. Все эти действия являлись смесью обычаев и традиций разных городов – надпись с именем дело привычное, крестины организованы наподобие тех, какие организовали в городе Брно (Чехия), картинка с рисунком (позволяющая «прочитать» имя детям) – идея, напоминающая картинки со сказочными персонажами, которые наклеены на троллейбусах города Градец Кралове (Чехия).

Некоторые знакомые водители, увидев надпись с именем, захотели тоже назвать трамваи, которые за ними закреплены. Но пока *Truskawka* единственный старый вагон с именем.

В чем состоит необычность ситуации? Я одновременно водитель трамвая и языковед – ономаст.

Когда я готовил статью про личные имена машин [1] (определения, придуманные владельцами) я пришел к выводу, что присвоение имени сближает машину и человека; что машина с именем является уже неким гибридом машины и живого существа. В случае «Клубники» я испытываю это лично. Водителем трамвая я работаю больше 10 лет, не один раз приходилось работать на вагоне номер 300. Но только тогда, когда я дал ему имя – вагон стал мне значительно ближе. Когда о нём думаю, я мысленно употребляю имя, а не номер. Сейчас некоторые знакомые сотрудники сообщают мне в мой выходной день: «Клубника» бежит по двойке. Можно ли сделать вывод, что имя постепенно приживается (оно запоминается другими из-за своей необычности), или друзья пи-

шут мне так лишь для того, чтобы мне было приятно? Я даже отвикаю от номера – когда диспетчер выдаёт мне документы и называет номер вагона, я удивляюсь – почему он не использует его имя. Таким образом, лично испытываю то, о чем я писал в статье про машины. Можно сравнить имена личных машин с именами трамваев, но в этом случае есть два отличия. Во-первых, покупая личную машину, мы имеем право выбора – подбираем модель, комплектацию, цвет, двигатель, обшивку сидений и многое другое. Трамвай – это лишь место работы. Водители, за редкими исключениями, никакого влияния на характеристику вагона не имеют. В обоих случаях, правда, не редки случаи персонализации – в салоне появляются мелкие мягкие игрушки, запах, иногда наклейки. Присвоение имени – одно из проявлений такой персонализации. Во-вторых, машина у владельца, как правило, одна. В среднестатистической семье количество машин редко превышает две. Также довольно редки случаи, когда машины в семье одинаковые; соответственно их можно различать по многим параметрам. Таким образом, можно их по-разному называть, употребляя разные имена нарицательные. Трамвайных вагонов в большинстве предприятий много, нередко больше ста. В основном, они лишь нескольких типов – значит, многие вагоны очень похожи друг на друга, даже раскраска одинаковая. Трамваи различают по бортовым номерам. В этом плане функция имен несколько иная. Возможности упомянуть (назвать) личную машину намного шире.

Когда я рассказал о своём вагоне, приятель подытожил: «Да, действительно, он заслуживает имени». Эта реплика доказывает, что среди некоторых групп объектов словесное имя всё ещё является неким престижем, выделяет лучшие объекты и не присваивается всем.

Какая на самом деле была цель присвоения имени вагону 300? В начале я просто хотел дать имя, т.к. это модно. В последнее время имена присваивают трамваям во многих польских и европейских городах. В Быдгоще имена получают новые вагоны – мой не хуже новых, подумал я. Со временем эта цель мне кажется уже не столь очевидной. Замечаю другую, скорее всего, немного подсознательную. Это своего рода игра. Также я хотел провести эксперимент: проверить, как приживется имя. В этом проявляется моя любовь к языкознанию.

Я-водитель трамвая и языковед, ономаст. Могу я (языковед) сам исследовать тему имен трамваев в Быдгоще? В праве ли я проводить анализ материала в числе которого есть оним (или онимы) придуманные мною? В состоянии ли я сохранить научный объективизм? Я пользуюсь языком и стараюсь его исследовать. Не получается ли парадокс, что я исследую свои творения? Не искажает ли это результаты будущих языковых анализов? Ведь, как бы я ни старался, к «своим» названиям я буду подходить по-другому. Лучший этому пример – поиск мотивации. Скорее всего, первая мысль исследователя, обнаружившего имя моего трамвая, будет связана с некой симпатией к этой ягоде. Вагон красно-белый, значит и цвет подходит. Но клубника далеко не самая любимая моя ягода. Даже среди красных есть такие, которые я больше люблю. Откуда же название? В июне месяце, когда почти на каждом углу продавали клубнику, я, будучи на работе, купил жене корзинку клубники. Положил её на бампер вагона и сфотографировал. Получился веселый, весёлый, яркий снимок. Тем не менее, тогда я подумал, что имя *Клубника* для моего вагона не подойдёт, я не хочу так его называть. Однако со временем я привык к этому имени, поменял своё мнение на его счёт. Клубника – символ поздней весны – начала лета. Это оптимизм, радость, свежесть. Такие ассоциации должны содержаться в имени моего любимого вагона (напомню: я сам себе его выбирал). Но об этом знаю только я, как может об этом узнать исследователь? Таким образом, я чувствую некоторое несоответствие между названиями своими и чужими. Зная историю своей *Клубники*, боюсь, что анализ наименований, сделанный мною раньше, поиски мотивации имён (и других собственных названий) может быть неполноценным, поверхностным, ошибочным, так как я не смог пообщаться с номинаторами, авторами названий.

Кроме того, есть еще одна проблема: когда друг спросил у меня, почему я выбрал такое имя, то отвечая ему, я-водитель просто рассказал историю про клубнику, но я-ономаст дал полноценный мотивационный анализ названия. Я чувствую себя молодым исследователем, мне кажется, что я только начинаю свой научный путь, поэтому такие «раздвоения» еще меня беспокоят. Так, в результате своей «сверхзаинтересованности» ономастикой, однажды говоря о своей собаке, я называл её не собакой, не по имени,

а «зоонимическим объектом». Как найти золотую середину? Что может позволить себе исследователь, а какую границу пересекать уже нельзя?

Литература

1. Tomasik P., *Zdychu i Stiopa – koledzy z parkingu. O inkorporacyjnej funkcji imion samochodów* // Acta Onomastica. 2018. № LIX. – С. 235-243.
2. Wiese H., *Numbers, language and the human mind*. Cambridge: University of Cambridge, Cambridge, 2003 – 346 с.
3. Сайт Polskie Towarzystwo Onomastyczne, <https://m.facebook.com/pg/PTOnom/posts>

ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДОБРО – ЗЛО»

А.А. Пукас

pukasn@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Современная лингвофольклористика [9] как направление в изучении языка фольклорных текстов рассматривает пословицы в качестве ценного материала для исследования строя народного языка и особенностей национального языкового сознания, отражающего ценностное восприятие разнообразных явлений жизни (А. Т. Хроленко, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко, И. И. Кисиль, Т. И. Крыга, Е. А. Селиванова, Т. А. Яценко и др.)

Актуальность нашей работы заключается в сравнительном исследовании антонимических противопоставлений в русских и украинских пословицах тематической группы «Добро – Зло».

Новизна работы состоит в анализе типов антонимических противопоставлений.

Материалом исследования являются: сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» [3], а также отдельные статьи из «Толкового словаря живого великорусского языка» [4], сборник «Українські народні прислів'я та приказки» В. Бобковой [1];

«Словник антонімів української мови» Л. М. Полюги [7] и «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова [5].

В толковании антонимов мы опираемся на определение, которое приводится в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» М. Н. Кожиной: «Антонимы – это пары слов одной части речи с противоположным значением» [8, с. 16].

Рассматривая антонимы как проявление противоположности в языке, мы опираемся на классификацию Л. А. Новикова, который выделяет два вида противоположности: контрарную и комплементарную. Контрарная – выражается видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможно третье, среднее «Z» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием [6, с. 10]. Комплементарная противоположность представлена видовыми понятиями «X» и «Y», дополняющими друг друга до родового так, что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие [6, с. 10]. В соответствии с этой же классификацией, по форме разграничиваются разнокоренные и однокоренные антонимы, а по характеру семантических отношений – соразмерные и несоразмерные.

На первом этапе своего исследования антонимических отношений в пословицах в целом мы обратили внимание на тот факт, что антонимия, базирующаяся на понятии противоположности, весьма характерна для самих номинаций тематических групп: примерно четвертая часть заголовков в Сборнике В. И. Даля строится на базе антонимов разных типов, преимущественно разнокоренных и соразмерных: Бедность – Богатство, Мало – Много.

Обращаясь к анализу антонимических противопоставлений *Добра* и *Зла*, не только как лексем, но и как важнейших констант народного сознания и культуры, мы отметили, что в разделе «Содержание» в сборнике В. И. Даля они входят в две основные группы: «Хорошо – худо», «Добро – милость – зло».

Анализ пословиц указанных групп проводится параллельно с обращением к соответствующим словарным статьям В. И. Даля, включающим в качестве иллюстраций богатый и разнообразный паремиологический материал. Проведенное исследование позволило заметить, что в толковании самих стержневых лексем автор активно использует как синонимы, так и антонимы: «Добро – благо, что честно и полезно, всё чего требует от нас долг человека,

гражданина, семьянина» [4, Т.1, с. 455]. «Зло – лихое, худо; противоположно добро» [4, Т.1, с. 706].

Для корректности анализа считаем необходимым обратить внимание на возможность принадлежности лексем исследуемой тематической группы к разным частям речи. *Добро, зло и худо* выступают преимущественно как имена существительные: *От добра до худа один шаток* [3, с. 123]; *Добра, что клада, ищут, а худо под рукой* [3, с. 124]; *За худом пойдешь – не добро найдешь* [3, с. 123]; *Не устоять худу против добра* [3, с. 127]. Аналогично в украинских пословицах: *Без добра і лихо не родить* [1, с. 161]; *Добро пушить, а лихо сушить* [1, с. 163].

Добрый, злой, худой могут функционировать: 1) как имена прилагательные, указывающие на характеристику предмета или явления: *За добрым делом находишься, худое само навяжется* [3, с. 122]; 2) как субстантивированные прилагательные, указывающие на самого человека *Промеж худых и хорошему плохо* [3, с. 122]; *Тьма свету не любит – злой доброго не терпит* [3, с. 122]) или на определенное явление: *Кто доброе творит, тому злое не вредит* [3, с. 104]). Аналогичные факты отмечаем и в украинских пословицах: 1) имена прилагательные: *З лихою жінкою сварка та розлад, а з доброю і без грошей лад* [1, с. 163], 2) субстантивированные прилагательные, указывающие на человека: *Доброму і добра слава* [1, с. 162] или явление : *Доброго не бійся, а поганого не роби* [1, с. 162].

Худо может выступать как безлично-предикативное слово: *Худо тому, кто добра не делает никому* [3, с. 123]. Эквивалентная украинская пословица: *Зле тому, хто добра не робить нікому* [1, с. 163].

В результате проведенного анализа мы установили, что в большинстве русских пословиц *добрый* противопоставляется не *злomu*, а *худому*. Заметим, что и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [4] в словарной статье «Добро» *добрый* противопоставляется больше *худому*, нежели *злomu*. «Худой – неладный, негодный, дурной, плохой, нехороший; в чем или в ком недостатки, пороки, порча» [4, Т.4, с. 584]. Известная пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* построена на противопоставлении добра и зла. Здесь слово *худой*, использованное в значении 'не-

прочный, ветхий' [4, Т.4, с. 584], и слово *добрый* в значении 'крепкий' [4, Т.1, с. 456] являются антонимами. Весьма важен общий нравственный смысл пословицы: всегда надо стремиться к примирению. Стоит отметить, что в данном примере слова *мир* и *ссора* также являются антонимами. В данном случае можно говорить о характерной для пословиц «двойной антонимии», усиливающей семантику противопоставления. Антонимичная пара «худой – добрый» представлена разнокоренными антонимами и отражает комплексную противоположность.

Показательно, что в современном русском языке *худо* как антоним к *добро* дается с пометой «разговорное». Так, М. Р. Львов в «Словаре антонимов русского языка» дает следующие антонимичные пары: *добро – зло, благо – зло, добро – худо* (разг.) [5, с. 101]. Приведенная в качестве иллюстрации пословица *Нет худа без добра* [5, с. 101] заключает в себе значение 'в любом негативном событии, на исходе есть некий позитивный элемент'.

Обратимся к анализу украинских пословиц сходной семантики из сборника «Українські народні прислів'я та приказки» В. Бобковой. *Добро не пропадає, а зло умирає* [1, с. 161] – в данном контексте наблюдается противопоставление лексем в прямом значении. Субстантивированные прилагательные *добре* и *лихе* в другой пословице выступают в значении совершенных благих и неблагих дел: *Добре довго пам'ятається, а лихе ще довше* [1, с. 163].

В качестве дополнительного источника материала мы обращаемся к словарю антонимов украинского языка Л. М. Полюги, в котором активно используются пословицы в качестве примеров: *Роби добро – не кайся, роби зло – сподівайся* [7, с. 90]. Для лучшего понимания смысла пословицы обратимся к украинско-русскому словарю: «Сподіватися – надеяться, ждать, ожидать кого, чего; книжн. уповать на кого, на что; (предполагать) рассчитывать на кого, на что» [2, с. 505]. Таким образом, значение пословицы может быть истолковано следующим образом: 'сделал зло – жди беды'. Хотя объект ожидания в тексте пословицы не назван, он воспринимается как нежелательный. Приведенные пословицы включают в себя разнокоренные и соразмерные антонимы, формирующие антитезу: добро и зло.

Пословица *Доброго не бійся, а поганого не роби* приводится как иллюстрация семантики антонимической пары субстантивированных прилагательных: *добрий – поганий* [7, с. 89].

Остановимся на определенных несовпадениях в употреблении лексем *поганий* и *поганий* в украинских и русских поговорках. Для украинских поговорок в целом характерна антонимическая пара *добрий* (в значении 'хороший') и *поганий* (в значении 'плохой'): *На добрий землі хліб сіють, а на погану гній возять*.

В проанализированном нами сборнике пословиц В. И. Даля не встречается противопоставление «хороший – поганий». В «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля слово *поганий* дается с диалектологической пометой «южное» и поясняется следующим образом: дурной, нехороший; все, чего нельзя есть, что вредно или запрещено обычаем; связанный с язычеством: *К чистому поганое не пристанет* [4, Т. 3, с. 153].

Итак, проведенное сравнительное исследование антонимических противопоставлений в русских и украинских пословицах тематической группы «Добро – Зло» показало, что как в русском языке, так и в украинском антонимические пары обладают схожей семантикой и являются соразмерными. Преобладает комплементарная противоположность, при этом активно используется прием антитезы, под которым понимается противопоставление контрастных по своему характеру словесных образов. Отличия заключаются в определенных особенностях лексической презентации понятий 'добро' и 'зло'.

Литература

1. Бобкова, В. И. Українські народні прислів'я та приказки / под ред. В. И. Бобковой, Багмут Й., Багмут А. — Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. — 524с.
2. Ганич, Д. И. Русско-украинский, украинско-русский словарь / Д. И. Ганич, И. С. Олейник. — 7-е изд., доп. и перераб. — К.: А.С.К, 1998. — 560с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х томах / В. И. Даль. — М.: Гослитиздат, 1984. — 991 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / В. И. Даль. — М.: Цитадель, 1998.

5. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антоним. пар / Под ред. Л. А. Новикова. — 2-изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1984. — 384 с.
6. Новиков Л. А. Русская антонимия и её лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Словарь антонимов русского языка. — М. : Рус. яз., 1984. — С. 5-30.
7. Полюга Л. М. Словник антонімів української мови / Л. М. Полюга. — К.: Довіра, 2001. — 272 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.
9. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. _ М.: Флинта, 2010. – 220 с.

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ПРЕЗЕНТАЦИЯ
УЧЕБНИКА «ЯЗЫК ДЕЛОВЫХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ»**

Т.Т. Черкашина

e-mail: ttch2004@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
(Москва)

Межкультурный диалог сегодня – это не просто дань моде и красивое словосочетание, это реальность высшей школы, отражающей мировоззренческий плюрализм, который в свою очередь имплицитно навязывает идеи дестандартизации как некоей общественной, а значит, и педагогической нормы. Между тем «гуманистическая революция» в образовании связана не только с переходом от монологизма к диалогизму в общении, но и с необходимостью слышать, понимать, ценить *Другого*, и этот *Другой* чаще всего – представитель иной культурной, ментальной идентичности и главное – образовательной традиции [3].

В условиях ускоряющейся академической мобильности и глобализации всех сфер социально-экономической жизни перед образованием стоит важная педагогическая задача – помочь в развитии, становлении и формировании человека, открытого для субъект-субъектного взаимодействия, обладающего полифоническим

мышлением, навыками диалогического сознания, инструментальной компетентностью действовать с помощью речи, уважая при этом «чужеродность», «инаковость» своего партнера по диалогу [1, с. 42]. Не умаляя усилий высшей школы по расширению методологических и методических исследований в этом направлении, позволим себе вслед за Р. Полом подчеркнуть: многомерный мир не может быть освоен людьми с монологическим типом мышления. Описанию особенностей межкультурной коммуникации в научной литературе уделено достаточное внимание со стороны авторитетных отечественных и зарубежных ученых (Тер-Минасова С.Г., Костомаров В.Г., Василенко И.А., Владимирова Т.Е., Холл Э., Вудс Д., Корнилов О.Л., Гришаева Л.И., Цурикова Л.В., Леонтьева В.Л., Персикова Т.Н., Садохин А.П., Стародубцев В.Ф., Стогова Е.А., Темнышова Е.П. и др.) Однако потребность в учебниках, которые формировали бы у студенческой молодежи мировоззренческую позицию, коррелирующую с национально значимыми духовно-нравственными скрепами, не перестает быть актуальной. Таким образом, обращение к проблемам лингводидактического обеспечения учебной дисциплины «Язык деловых межкультурных коммуникаций» представляется своевременным и востребованным педагогическим сообществом, тем более что в центре ее внимания находится человек говорящий.

Отбирая необходимый теоретический и иллюстративный материал по темам, находящимся в пространстве межкультурной коммуникации, многократно и основательно исследованной и описанной, авторы учебника «Язык деловых межкультурных коммуникаций» разработали концепцию подачи информации и определили болевые точки вероятного «отторжения», неприятия теоретического контента со стороны студента, для которого, собственно, и создавался учебник. Отказ от навязчивого дидактизма, приглашение к со-мышлению, акцент на ярких «живых» примерах из реальной социокультурной, политической жизни мира обязывал авторов задавать себе вопросы: 1) как приспособить материалы учебника к работе с учащимися таким образом, чтобы процесс адаптации к новым социокультурным условиям проходил безболезненно? 2) в чем состоит главное препятствие, мешающее успешному межкультурному диалогу? 3) как воспитать уважение

к своей стране, внушить гордость за ее прошлые победы и нынешние культурные, политические, научные достижения? и др. Учебник писался по горячим следам, но, как нам казалось, моментально устаревал: современный мир преподносил и продолжает преподносить сюрпризы ежечасно, если не ежесекундно. Систематизировать, обобщить представления о языке и культуре, в том числе деловой, рассмотреть язык как семиотическую систему, лежащую в основе языковой культуры мира определенного социума, а также расширить представления студентов о культуuroобразующей природе языка как средстве межкультурной коммуникации, предложить выработанные человечеством рациональные способы ведения паритетного диалога, подать все это в оригинальной «упаковке» – вот главные задачи, которые авторы учебника ставили перед собой. Решение этих и других методических задач убедило авторов в том, что люди воспринимают другие культуры через призму своей культуры, поэтому наблюдения и заключения ограничены ее рамками. Мы попытались «увязать» толкование культуры и понимание роли и места человека в ней, обратившись к мнению известных философов. Так, Г. Хофстеде считал, что *культура – это программное обеспечение ума* (по-английски буквально: *"Soft ware of the mind"*) [7, с. 9]. Мы предложили свой вариант интерпретации этого термина: *культура – это коллективное программирование ума*. И в эту программу в качестве обязательных элементов должна, на наш взгляд, входить *устоявшаяся совокупность ценностных ориентиров, поведенческих норм, традиций и стереотипов, принятых в данной стране или группе стран и усвоенных языковой личностью*. М. Шеллер заметил: "... Еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время". По мнению Э.Кассирера, актуальной задачей человечества является адаптация культуры к глобальным сдвигам, которые переживает человечество вследствие "возрастающего могущества самого человека". Человек входит в мир как представитель определенной культуры. Процесс освоения и присвоения своей собственной культуры происходит, на первый взгляд, произвольно. Человек буквально вырастает в свою собственную культуру, поэтому ее ценностные установки, традиции он воспринимает как сами собой разумеющиеся и правильные. Британцы, к примеру, о своей истории и национальной

культуре говорят с неизменным и глубоким уважением: «*Right or wrong – this is my country!*» – «*Права она или нет, но это моя страна!*» [цит. по 7, с.9].

В связи со сказанным понятна острота научных дискуссий по поводу отбора содержания теоретического материала к вузовскому учебнику мировоззренческой направленности, его структурирования, и обусловлена она, на наш взгляд, прежде всего тем, что к качеству высшего образования сегодня как никогда предъявляются высокие требования. Признавая абсолютно справедливым утверждение о том, что беспристрастная оценка вузовского учебника коррелирует со степенью его влияния на мировоззренческую позицию субъекта обучения, т.е. представителя поколения, которому открыт свободный доступ к любым знаниям простым нажатием кнопки на клавиатуре ПК: учебник должен предложить представителю цифрового поколения что-то такое, что смогло бы его, пресыщенного информацией самого различного толка, хоть как-то удивить, заставить задуматься и проявить желание вступить в дискуссию, в диалог с тем теоретическим материалом, который представлен авторами. Имплицитно заложенный авторами желаемый результат обучения, развития, формирования личности и должен, с нашей точки зрения, стать безусловной оценкой учебника. И этот посыл, конечно, не отрицает всех других требований, предъявляемых к учебнику, соответствующему ФОС ВО.

Включив в название учебника слово *язык*, мы хотели бы подчеркнуть главенствующую роль языка в межкультурной коммуникации, тем самым продекларировав принципиально важный для авторов подход к разработке учебника и программы, детерминированный антропоцентризмом в лингвистике и лингводидактике. Единодушие лингвистов в оценке универсальности специфической материи языка позволило авторам учебника, представить различные направления культурологических исследований специфики языковых, религиозных, философских концепций межкультурных коммуникаций Запада и Востока. В учебнике анализируются основные парадигмы глобализации культуры, базовые и практико-ориентированные модели международных переговоров с людьми разных национальностей, рассматриваются основные западные и восточные стили взаимодействия, делается акцент на

ментальные установки и национальные культурно значимые традиции, лежащие в основе этнопсихологии, лингвокультурологии и семиотики. Авторы подчеркивают: «мягкая сила» русского языка расширяет образовательные возможности формирования языковой личности диалогического типа. Междисциплинарный подход к проблеме поиска ценностных смыслов «новым» субъектом образовательного дискурса позволяет расширить методические возможности и перспективы «человекоориентированного знания» о мире. Содержательно учебник демонстрирует возможность переноса "культурного анализа" в плоскость сравнительного изучения общих и специфических характеристик в речевом поведении индивидов и групп, принадлежащих к разным культурам, а также рутинизированных и новых практик межкультурной коммуникации, которые складываются под воздействием глобализационных процессов в мире в целом. Учебник включает в себя восемь глав: "Основы межкультурной коммуникации", "Язык и культура. Языковая картина мира", "Русская деловая культура: традиции и перспективы", "Особенности межкультурного диалога с западными партнерами", "Межкультурный диалог с восточными партнерами и его особенности", "Лингвистическое сопровождение международной коммуникации", "Национально-культурные особенности устной формы межкультурного дискурса", "Специфика национального невербального общения". Каждая глава делится на подразделы. После каждой темы предлагаются вопросы для обсуждения, самостоятельной работы и самопроверки. Учебник снабжен 8 приложениями, кратким словарем терминов, списком литературы и ссылкой на базы данных информационно-справочных и поисковых систем.

Все темы учебника объединены основной задачей – научить студентов ориентироваться в языковых картинах мира, понимать культурные различия партнеров по взаимодействию, базирующиеся на ментальном уровне, научить различать и правильно интерпретировать культурные смыслы и символические системы. Это, по мнению авторов, поможет студентам устанавливать реальные прямые контакты с людьми, принадлежащими к разным, порой очень отдаленным друг от друга культурам. Тематически содержа-

ние учебника соответствует ранее опубликованной авторами в Издательстве ИНФРА-М с грифом УМО учебной программе "Межкультурные коммуникации".

С удовлетворением отметим, что, несмотря на то, что образовательные программы по всем направлениям подготовки в неязыковых вузах, в том числе в РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), испытывают острый дефицит часов на гуманитарный блок, многие руководители образовательных программ, осознавая актуальность и остроту проблемы, включают дисциплину «Язык деловых межкультурных коммуникаций» в учебные программы магистратуры и аспирантуры, а в некоторых случаях в качестве факультативов в программы бакалавриата.

Лингводидактическое сопровождение межкультурного диалога и формирование диалогической компетентности коррелируют с важнейшей образовательной задачей – научить студентов правильно интерпретировать культурные смыслы и символические системы и добиться того, чтобы наша молодежь так же, как и англичане, могла уверенно говорить: «Права она или нет, но это Россия, это моя страна».

Эффективный межкультурный диалог в образовательном пространстве не может возникнуть сам по себе, ему необходимо целенаправленно учить.

Литература

1. Балыхина Т.Т., Черкашина Т.Т. Поликультурный и полимодальный формат иноязычного образования // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2015, № 1 с 42- 47.
2. Василенко И.А. Международные переговоры.– М.: Юрайт, 2013. – 486 с.
3. Корнилов О.Л. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: КДУ, 2013. 348 с.
4. Сабитова З.К. Лингвокультурология. – М.:ФЛИНТА: НАУКА, 2013. 528 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2014. 624 с.
5. Черкашина Т.Т. и др. Программа учебной дисциплины "Межкультурные коммуникации"/ Менеджмент (прикладной бакалавриат). Программы учебных дисциплин: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Звонникова: Гриф УМО. – М.: ИНФРА-М, 2013. -438 с. (с.211-228)

6. Черкашина Т.Т. и др. Язык деловых межкультурных коммуникаций: учебник / под ред. Т.Т. Черкашиной. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 368 с.

7. Черкашина Т.Т. и др. Межкультурный диалог: учебное пособие. – М.: Издательский дом ГУУ, 2016. – 238 с.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ В ЭЛЕКТРОННОМ «ПОЛИЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ МЕТАФОР»¹⁴

Е.А. Юрина

yourina2007@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
(Томск)

Создание электронных полиязычных словарей различного типа составляет актуальное и перспективное направление современной компьютерной лексикографии. Особое значение имеет лексикографирование образных средств разных языков в таком формате, который позволил бы пользователю быстро найти языковые единицы, соответствующие друг другу не только по номинативной семантике и прагматическому потенциалу, но и по содержанию мотивирующих образов, типу концептуальной метафорической структуры; а также предоставил бы возможность получить необходимую лингвистическую и энциклопедическую информацию о слове, его употреблении, о называемых реалиях, культурной специфике метафорического образа. Подобная многопараметровая систематизация возможна при наличии обширных лингвистических баз данных, которые включают словарные и текстовые материалы по нескольким языкам, отражают устойчивую и вариативную части метафорической лексики и фразеологии, а также при такой организации программной оболочки, которая обеспечивала бы систематизированное хранение и многоканальный поиск словарных материалов. Этот комплекс задач решается в процессе разработки и создания «Полиязычного словаря метафор».

¹⁴ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018 – 2020 гг.

В 2018 г. в рамках проекта РФФ «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» была создана цифровая версия такого словаря, содержащая совокупность лингвистических баз данных русского, английского, итальянского и казахского языков. Каждая база включает (1) образные слова и выражения с метафорической семантикой и фрагменты текстов, иллюстрирующих их использование в речи, (2) лингвистические и культурологические комментарии, (3) систему словарных помет, связанных с лингвистической квалификацией образных языковых единиц, (4) фотоиллюстрации, обеспечивающие наглядность и достоверность репрезентации мотивирующих образов, и (5) видеоматериалы, представляющие фрагменты фильмов, телепрограмм, видеоблогов, где в звучащей речи используются лексикографируемые единицы.

Приведем ряд примеров первого типа (1), демонстрирующих фрагменты текстовой и словарной баз данных, материалы которых показывают функционирование метафорического образа **зерна** в разных языках. В русском языке: **зерно** ‘очень мелкий предмет округлой формы’ – *Под действием света молекулы йодистого серебра разрушаются, пары йода улечувиваются, а микроскопические зёрна серебра образуют скрытое (невидимое) изображение («Наука и жизнь»); зернистый* ‘состоящий из мелких округлых частиц, будто из зерен’ – *Где самовары, иконы, подвижники, юродивые?! Где стерлядь, карпы, мёд, зернистая икра?! (С. Довлатов. Заповедник); посеять зерно* ‘возбудить, вызвать какое-л. чувство; дать основание, повод к чему-л.’ – *Как правило, бесполезно отговаривать человека от того, к чему он стремится. Но посеять зерно сомнения можно. На это я и надеюсь (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про это) и т.д.*

В итальянском языке: **grano** ‘деньги’ – *Ma se una giacca costa 400 mila, cosa fai la compri? Se è bella, e io ho il grano, la compro [А если пиджак стоит 400 тысяч, что ты сделаешь, купишь его? Если он красивый, и если у меня есть зерно (деньги), тогда куплю] («La Repubblica»); scucire / tirare fuori la grana* (букв.: «вынимать / вытаскивать зерно») ‘тратить деньги, раскошелиться’ – *«Già, ma se tutti fossero come noi, chi tirerebbe fuori la grana?» commentò l'altro [«Да, но если бы все были такие как мы, кто бы тогда вытаскивал зёрна (денежки) – отпарировал приятель] (G. Testori. Il*

Brianza e altri racconti); *chi ha il grano non ha la sacca, e chi ha la sacca non ha il grano* (букв.: «у кого есть зерно – у того нет мешка, а у кого есть мешок – у того нет зерна») ‘ничто в этом мире не совершенно’ и др.

В разных вариантах английского языка для обозначения зерна употребляются лексемы *corn, grain* и *kernel*: *grain / kernel* ‘малая, незначительная часть чего-л. (чувств, эмоций, мыслей, информации и т.п.)’ – *Because there’s more than a small kernel of truth in it. That kernel of truth extends to the entire adult entertainment industry* [Потому что существует больше, чем просто маленькое зерно правды в этом. Это зерно правды расширилось до целой индустрии взрослых развлечений] (A Documentary about Alberto Mielgo | Cartoon Brew); *corn* ‘что-либо, считающееся банальным, устаревшим, мелодраматичным, или чрезмерно сентиментальным’ – *Can you imagine the worst American teen corn movie that you’ve ever seen!* [Ты можешь себе представить худший американский подростковый сентиментальный (букв.: «зерновой») фильм, который ты когда-либо видел!] (25 conversations recorded by ‘Gavin’ (PS0BA) и др.

Приведем примеры словарных помет (3), используемых для квалификации образных единиц в полиязычном словаре метафор: 1) пометы, указывающие на тип образной единицы: **АМ** – авторская метафора, **Авт. сравн.** – авторское сравнение, **В сравн.** – устойчивое сравнение, **ОН** – двухкомпонентная образная номинация, **Погов.** – поговорка, **Посл.** – пословица, **Прец.** – прецедентное, **СО** – собственно образное слово (лексема с метафорической внутренней формой / метафорический дериват), **Твор. сравн.** – творительный сравнения, **ФЕ** – фразеологическая единица, **ЯМ** – устойчивая языковая метафора; 2) функционально-стилистические пометы: *Жарг.* – жаргонное, *Нар.-поэт.* – народно-поэтическое, *Прост.* – просторечное, *Разг.* – разговорное; 3) экспрессивно-стилистические пометы: *Бран.* – бранное, *Возвыш.* – возвышенное, *Груб.* – грубое, *Ирон.* – ироническое, *Ласк.* – ласкательное, *Неодобр.* – неодобрительное, *Одобр.* – одобрительное, *Осуд.* – осудительное, *Пренебр.* – пренебрежительное, *Экспр.* – экспрессивное.

Программная платформа электронной версии «Полиязычного словаря метафор» разработана и создана ведущим программистом

Института лингвистических исследований РАН С.В. Лесниковым на базе современных цифровых технологий с возможностями многопользовательского, многоканального и авторизованного входа: разработка и рефакторинг программ осуществлялся на языках PHP, Python, Java, JavaScript с использованием CSS, HTML. Для цифровой версии «Полиязычного словаря метафор» было выбрано и зарегистрировано доменное имя «metdict.ru». Зарезервирован хостинг для портала <https://metdict.ru>. Выбрана система управления сайтом /CMS/ на русском языке. Разработан первоначальный внешний вид портала, который предстоит усовершенствовать. Определена базовая структура цифровой версии «Полиязычного словаря метафор», а также основные разделы и указатели.

Представим интерфейс портала «Полиязычный словарь метафор» с целью общей характеристики его базовой структуры. Открывается портал домашней страницей «Начало», на которой указаны его полное название «Полиязычный лингвокультурологический словарь метафор» (ПСМ), даётся ссылка на грант РФФИ, в графе «Содержание» указываются разделы первой страницы: 1) О портале, 2) Научный коллектив, 3) Рецензенты, 4) Полезные ресурсы. Далее на странице отображается информация каждого раздела страницы. Наиболее информативным является первый, в котором в жанре «Введения» дается полная характеристика цели, задач, материалов, структуры, источников ПСМ, его места в существующей типологии словарей, а также представлено краткое описание истории его создания, адресной аудитории и пользовательских возможностей. В левой вертикальной колонке расположены активные ссылки для разработчиков и пользователей с названием разделов словаря, на которые можно перейти, кликнув по соответствующим ссылкам.

Так, кликнув на ссылку «**Структура**», мы попадаем на страницу, где в виде активных гиперссылок указаны такие информационные блоки словаря, как 1) **Предисловие**, содержащее инструкцию для пользователя; 2) **Научный аппарат**, в котором демонстрируется терминосистема, принятая разработчиками для описания лексикографируемого материала (данный раздел представлен ссылками на подразделы: а) **Указатель терминов** или

гlossарий, б) **Указатель условных сокращений**, в) **Библиографический указатель**, в котором дается список российской и зарубежной литературы по теории метафоры и проблемам языковой образности); 3) **Указатели материалов ПСМ**: а) **Алфавитный**, предоставляющий доступ к словарным статьям через алфавиты описываемых языков (русский, английский, итальянский, казахский, а в перспективе – польский и турецкий); б) **Источники словарных статей**, где представлен список опубликованных словарей и вебсайтов, материалы которых использовались при составлении ПСМ; в) **Источники иллюстративного материала**, где указаны списки авторов и названий художественных произведений, названия газет, журналов, вебсайтов, художественных и документальных фильмов, телепередач, текстовые фрагменты которых использовались в качестве словарных иллюстраций; 4) гиперссылка с названием **Разделы** входит в блок «Структура», но также дублируется в вынесенной слева командной колонке, которая всегда видна пользователю.

Очень важная гиперссылка **Разделы** открывает доступ к синоптической схеме словаря, построенной по «двойному» идеографическому принципу: «сфера-источник» и «сфера-мишень». Тем самым обеспечивается вход к тематическим разделам и рубрикам, по которым распределяются лексикографируемые материалы. Так, сфера-источник представлена рубриками, указывающими на явления области-источника, к числу которых относятся проецируемые метафорические образы, например, **Питание, Неживая природа, Живая природа, Человек, Артефакты, Пространство**. На текущий момент лингвистические базы словаря включают материалы только по пищевой метафоре в русском, английском, итальянском и казахском языках. Так, кликнув на ссылку **Питание**, мы открываем рубрики 1) **Блюда и продукты** с подрубриками **Зерновые и мучные продукты** (именно к этой подрубрике относятся приведенные выше примеры), **Мясные продукты, Молочные продукты, Закуски, Супы, Напитки** и т.д.; 2) **Приготовление пищи**, 3) **Поглощение пищи**, 4) **Кормление**, 5) **Качества и свойства пищи**, 6) **Субъект гастрономической деятельности**, 7) **Посуда и кухонный инвентарь** и др.

Кликнув на название определенной подрубрики, мы попадаем на списочный состав множества заглавных слов, которые имеют

серию метафорических значений и входят в состав образных выражений в описываемых языках. Кликнув на определенное заглавное слово, мы попадаем на страницу с полной словарной статьей образного гнезда, в которую входят толкование исходного мотивирующего (прямого) значения, а также лексикографическое описание всех устойчивых и авторских метафорических значений, фразеологизмов и паремий с этим словом. Словарная статья каждой номинации включает толкования значений и контекстные иллюстрации. Здесь же отображается фотоиллюстрация и ссылки на видеофайлы. Внизу страницы демонстрируется весь список образных единиц гнезда в виде активных гиперссылок, кликнув на которые, можно перейти к описанию отдельной словарной статьи толкуемой образной единицы.

Сферы-мишени представлены идеографической синоптической схемой, отражающей классы явлений, которые подлежат образной номинации в описываемых языках. Она включает разделы и подразделы собственно идеографического формата (Человек, Социум, Пространство, Время, Мера и др.). Таким образом, доступ к словарным материалам осуществляется через 3 входа: алфавитный указатель, рубрики сферы-источника и рубрики сферы-мишени. При этом маркировки языковых единиц посредством разного рода помет также служат способом разметки и поиска единицы по данному параметру, например, поиск всех авторских метафор, идиом, сравнений, всех жаргонных или просторечных слов и т.д.

Литература

1. Юрина Е.А. Концепция полиязычного словаря метафор (на материале русского, английского, итальянского языков) // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.). – Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С 270 – 275.

2. Юрина Е.А., Балдова А.В. «Словарь русской пищевой метафоры» как отражение фрагмента образной системы языка и перспективы компьютерной полиязычной лексикографии // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» – СПб.: Нестористория, 2018. – С. 81–92.

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЛИНГВИСТЫ В ЗЕРКАЛЕ РИНЦ: ПУБЛИКАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ И ИНДЕКС ХИРША

Э.В.Будаев

aedw@mail.ru

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет (*Нижний Тагил*)

А.П.Чудинов

ap_chudinov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

(*Екатеринбург*)

С давних пор в науковедении идет поиск методов, которые можно применить для оценки продуктивности и авторитета ученых на основе количественного анализа их научных публикаций. Вместе с тем специалисты всегда учитывали, что само по себе количество публикаций (даже если учитывать такие показатели, как жанр, тираж и объем) не всегда соответствует реальному авторитету ученого и качеству его научных результатов. В частности, приходится принимать во внимание возможность плагиата и особенно «автоплагиата», то есть повторной публикации одних и тех научных результатов.

В прошлом веке едва ли не основным методом науковедческой оценки результатов научной работы была цитируемость. Различают общую и актуальную цитируемость. В первом случае учитывают как недавние публикации, так и издания, которые были опубликованы в далеком прошлом. В этом случае не в полной мере принимается во внимание актуальность публикации, ее значимость именно для современного этапа развития науки. Поэтому часто предпочитают учитывать только цитируемость за определенный период времени (обычно за последние пять-десять лет).

Этим показателем пользовались до 2005 г., пока аргентинский физик Хорхе Хирш, работающий в Калифорнии, не предложил альтернативный способ определения производительности работы ученого, получивший известность как индекс Хирша, или *h-index* [1; 2; 3; 5].

Индекс Хирша вычисляется на основе распределения цитирований работ определенного исследователя. Учёный имеет индекс h , если h из его N_p статей цитируются как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся ($N_p - h$) статей цитируются не более чем h раз каждая [5]. Таким образом, если у одного исследователя 10 публикаций, каждую из которых процитировали по одному разу, а у другого всего одна работа, но которую цитировали 10 раз, то индекс Хирша у обоих ученых будет одинаковый. Существуют два варианта расчета h -индекса в зависимости от того, учитывать ли самоцитирования или нет. Последний вариант считается более предпочтительным, потому что исключает фактор «самонакрутки» индекса.

Индекс Хирша быстро получил признание и широкое применение. В настоящее время h -индекс используется как в ведущих международных наукометрических базах данных (Scopus, Web of Science, Google Scholar), так и в крупнейшей российской базе данных Elibrary.ru (РИНЦ). Сопоставление h -индексов израильских ученых в разных наукометрических базах данных показало, что параметры h -индексов для каждого конкретного ученого в Scopus и Web of Science могут значительно отличаться от такого же параметра в Google Scholar [3]. Хотя Scopus и Web of Science – платные сервисы, они используют некоторые данные из бесплатной базы данных Google Scholar при расчете своих индексов.

Несмотря на широкую популярность индекса Хирша он не лишен недостатков. Публикации могут мало цитировать за рубежом, потому что они посвящены проблемам, актуальным только в данной стране; или посвящены разработкам нового оружия; или опередили свое время и т.п. В разных науках сложилось разное отношение к самому феномену цитирования. Математики в наименьшей степени склонны к цитированию своих коллег, большую склонность проявляют представители гуманитарных наук, еще большую физики, биологи и химики [2, с. 40]. Таким образом, один и тот же индекс Хирша у математика и у биолога отражает разную степень востребованности работ данных ученых. В этом смысле филология относится к «золотой середине», в которой уравниваются крайности.

Существуют и иные наукометрические индексы, призванные преодолеть недостатки h -индекса. К их числу относятся g -index и i -

index [4], однако они не получили такого распространения, как h-index (индекс Хирша).

Несмотря на известные недостатки, h-индекс является значимым инструментом оценки работы ученого. Если публикации не востребованы научным сообществом, невозможно иметь ни высокий индекс Хирша, ни высокий общий показатель цитат, полагаясь на механизмы самоцитирования или взаимного цитирования в реферируемых журналах. Так как многие базы данных приводят два показателя индекса Хирша – с учетом самоцитирования и без такового – то, сразу виден «вклад» самоцитирования в общий показатель. По этой причине некоторые журналы вводят своеобразный «ценз цитирования», предоставляя преимущества тем, у кого общее количество цитат без самоцитирования превышает 1000 цитирований. Некоторые базы данных рассчитывают наукометрические индексы только для «высокоцитируемых» исследователей, то есть тех, кто преодолел порог в 1000 цитирований и т.п.

Рассмотрим рейтинг российских лингвистов, имеющих индекс Хирша более 20 (без учета самоцитирования), по данным РИНЦ на 20.10.2018. Для создания более полной картины после фамилии, имени и отчества указываются аффилиация ученого, далее следует индекс Хирша и (через косую черту) количество публикаций.

1. Стернин Иосиф Абрамович (Воронежский ГУ) 51/840
2. Болдырев Николай Николаевич (Тамбовский ГУ) 49/258
3. Сысоев Павел Викторович (Тамбовский ГУ) 44/195
- Демьянков Валерий Закиевич (ИЯ РАН) 44/316
5. Дубовский Юрий Александрович (Пятигорский ГУ) 41/188
6. Топоров Владимир Николаевич (РГГУ) 35/544
- Жаткин Дмитрий Николаевич (Пензенский ГТУ) 35/417
8. Кубрякова Елена Самойловна (ИЯ РАН) 34/190
- Баранов Анатолий Николаевич (ИРЯ РАН) 34/223
10. Голев Николай Данилович (Кемеровский ГУ) 33/331
11. Карасик Владимир Ильич (ИРЯ им. А.С.Пушкина) 32/300
- Попова (Козырева) Зинаида Даниловна (Воронежский ГУ) 32/388
13. Крысин Леонид Петрович (ИРЯ РАН) 31/283
- Толстая Светлана Михайловна (Ин-т славяноведения) 31/307
- Болотнова Нина Сергеевна (Томский ГПУ) 31/258

- Чуднова Ольга Алексеевна (Ставропольский ГАУ) 31/46
17. Арутюнова Нина Давидовна (ИЯ РАН) 30/190
 Караулов Юрий Николаевич (ИРЯ РАН) 30/127
 Апресян Юрий Дереникович (ИРЯ РАН) 30/219
 Толстой Никита Ильич (Институт славяноведения РАН) 30/155
21. Чернявская Валерия Евгеньевна (СПбПУ) 29/122
 Заграевская (Зимкина) Татьяна Борисовна (ПятигорГУ) 29/145
23. Земская Елена Андреевна ИРЯ РАН 28/142
 Воркачев Сергей Григорьевич (Кубанский ГТУ) 28/250
 Нарциссова Стэлла Юрьевна (РЭУ им. Г.В. Плеханова) 28/90
26. Николаева Татьяна Михайловна (Ин-т славяновед) 27/104
 Васильев Николай Леонидович (МордовГУ) 27/395
28. Нелюбин Лев Львович (МГОУ) 26/95
29. Леонтьев Алексей Алексеевич (МГУ) 25/138
 Фаткуллина Флюза Габдуллиновна (БашГУ) 25/126
31. Зимняя Ирина Алексеевна (РАО) 24/106
 Гак Владимир Григорьевич (МГИМО) 24/137
 Слышкин Геннадий Геннадьевич (РАНХиГС) 24/118
 Кравченко Александр Владимирович (ИркутГУ) 24/97
35. Тарасов Евгений Федорович (ИЯ РАН) 23/74

Наукометрические рейтинги могут быть рассчитаны не только для конкретных ученых, но и для научных коллективов или же научных организаций. В частности, рассмотренные нами материалы об аффилиации лингвистов с высоким индексом Хирша показывают, что абсолютное большинство указанных ученых работают в академических институтах (Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт славяноведения РАН, Институт научной информации РАН) и в ведущих столичных университетах (Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт русского языка имени А.С.Пушкина и др.). Вместе с тем в число российских лингвистов с высоким индексом Хирша вошли также ученые из Воронежа, Волгограда, Екатеринбурга, Кемерово, Краснодара, Тамбова, Твери, Томска, Иркутска и других региональных научных центров.

Важно отметить, что данный рейтинг отражает не только научные заслуги входящих в него исследователей, но и показывает методологические и парадигмальные тенденции развития российской лингвистики в целом. Например, тот факт, что работы когнитивистов И.А.Стернина, Н.Н.Болдырева, В.З.Демьянкова, Е.С.Кубряковой относятся к самым востребованным в России, показывает, насколько большой отклик у лингвистического сообщества находят идеи когнитивной лингвистики и когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Весьма показателен и тот факт, что высоким рейтингом отличаются многие специалисты по психолингвистике, лингвокультурологии, сопоставительному, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию, а также специалисты, известные своими трудами по структурной и прикладной лингвистике, по структурно-семантическому анализу лексики и грамматики.

Разумеется, рассмотренный рейтинг не в полной мере отражает реальный вклад в науку того или иного ученого (а также того или иного научного коллектива), однако пока нет более признанного наукометрического инструментария для оценки научных результатов на основе использования статистических методов.

Литература

1. Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. Перевод с французского. М.: Новое литературное обозрение. 2018. – 178 с.
2. Михайлов О.В. Цитирование и цитируемость в науке: общие принципы цитирования, современные количественные показатели цитируемости, цитируемость и качество научной деятельности исследователя. М. : ЛЕНАНД, 2017. – 208 с.
3. Bar-Ilan J. Which h-index? — A comparison of WoS, Scopus and Google Scholar // *Scientometrics*. 2008. Vol. 74, Issue 2. P. 257–271.
4. Egghe, L. Theory and practice of the g-index // *Scientometrics*. 2006. Vol. 69, No 1. P. 131–152.
5. Hirsch, J. E. An index to quantify an individual's scientific research output. *PNAS*. 2005. Vol. 102(46). P. 16569–16572.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА, ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

О. И. Андрейченко, Т. В. Стамова, Л. Ф. Щербачук
oksanal_24.ua@mail.ru; stamova.96@mail.ru; lidiya_shchl@mail.ru

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Исследования языковой метафоры, построенные на применении комплекса методов семасиологического, когнитивного и дискурсивного анализа, открыли новые возможности в описании общезыковой образной системы. Обзор научной литературы, посвящённой исследованию понятия *метафора и её виды* (см. работы О.И. Андрейченко, Н. Д. Арутюновой, Л. В. Балашовой, А. С. Бойчук, Л. Д. Гудкова, О. А. Дормидонтовой, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Н. А. Сегал, Г. Н. Склярёвской, А. П. Чудинова, Е. А. Юриной и др.), позволяет сделать заключение, что метафора обширна в области своего значения, поэтому установленного, единого толкования термина не существует. Всё зависит от того, в каком направлении и какие особенности учитываются при исследовании. По словам Л. Д. Гудкова, метафора «является представлением, соединяющим одно семантическое образование с системой значений другого, подлежащего предикации, идентификации и оценке» [3, с. 181]. Н. Д. Арутюнова рассматривает метафору как троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 136–137].

С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора, с одной стороны, «предполагает «многослойное сгущение мысли», приводящее в движение те механизмы ментальных процессов, что основаны на нашем подсознательном, генетическом знании» [8, с. 61];

с иной стороны, она «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [7, с. 25], а также представляется средством выражения ментальных процессов, основанным на культурных, национальных и социальных особенностях. Так, по мнению В. В. Красных [5, с. 64], метафора относится к лингвистическим когнитивным структурам, лежащим в основе языковой и речевой компетенции и формирующим совокупность знаний в данном языке, так называемое когнитивное пространство, содержащее как индивидуальный, так и коллективный опыт народа.

Большое распространение в лингвистике получила теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7]. Суть данной теории сводится к следующему: основой процесса метафоризации является связь *сферы-источника* и *сферы-мишени*. А. П. Чудинов кроме этих двух компонентов в структуру связи между понятийными сферами, складывающимися в сознании людей, добавляет третий компонент, «который связывает первичные и метафорические смыслы» [13]. Исследователь выделяет четыре разряда метафор: антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную [13, с. 136–137].

Следует отметить, что ни одну метафору невозможно понять или описать изолированно, без учета её эмпирического основания. «Восприятие и интерпретация новых фрагментов наивной картины мира происходит опосредованно, через интерпретацию уже известных понятий, апеллирование к знакомым языковым и культурным сферам» [9, с. 56]. Безусловно, большое количество метафор создаётся в сферах функционирования языка, которые попадают в центр особенного внимания общественности и вызывают активную дискуссию, например: политика, экономика, экология, здравоохранение и т.п. В языке средств массовой информации метафора постоянно является продуктивным объектом исследования.

Бесспорным в процессе познания мира остается его человеческое (антропоморфное) измерение. В этом ключе значительный интерес среди исследований вызывают разработки в области гастрономической (кухонной) метафоры. Сравнение жизни с пищей вполне закономерно, так как наличие еды является необходимым

условием поддержания биологического существования. Кулинарные (пищевые, гастрономические) метафоры русского языка составляют мотивационную подсистему, которая выделяется в рамках семантической классификации метафор [2, с. 4]. Для гастрономической метафоры «релевантными являются когнитивные опоры, связанные с выделением внешних признаков гастрономических объектов (форма, размер, запах, цвет, фактура поверхности) и «внутренних» признаков, таких как: консистенция, вкус, особое свойство продукта. Выявленные когнитивные опоры при всей универсальности их характера обладают национально-специфическими особенностями» [4].

Объектом предложенного исследования явились русские гастрономические (кухонные) метафоры в сфере экономики, при этом экономику рассматриваем как «1. Совокупность производственных отношений, соответствующих определенной ступени развития производительных сил. 2. Состояние хозяйства страны или его части. || Структура и финансово-материальное состояние какой-либо области хозяйственной деятельности» [12, с. 780–781]. Ведущая роль в концептуализации экономики, вербализации её составляющих принадлежит гастрономическому коду культуры. Мир кухни оказывается сферой-источником для метафоризации мира экономики: различных качеств источника финансирования, получения прибыли, основных доходов, инфляции и других экономических процессов.

В толковом словаре С. А. Кузнецова зафиксировано несколько значений понятия *кухня*: «1. Помещение с печью (плитой) для приготовления пищи. || Набор мебели для такого помещения. 2. Приготовление пищи, стряпня. 3. Кушанья, подбор кушаний» [6, с. 483]. Носитель языка соизмеряет эти качества, процессы со свойствами самой пищи, ее добыванием, обработкой, приготовлением, употреблением и закрепляет это знание во внутренней форме языковых единиц.

Остановимся на отдельных фреймах метафорической модели «**ЭКОНОМИКА – ЭТО КУХНЯ**».

Фрейм «Бизнес – это Пицца». Калорийная пицца в народном сознании символизирует достаток, определенные экономические выгоды, блага. Ср. фразеологизм *лакомый кусок* со значением ‘что-л. заманчивое, соблазнительное, на чем можно поживиться’:

*«Увеличивая расходы себе и увеличивая расходы конкуренту, они убивают конкурента, – сказал эксперт. – В финансовую модель крупных игроков такие расходы вписываются, в финансовую модель мелких – нет. Мелкие и средние инвесторы занимают примерно 30% рынка. Это **лакомый кусок**, а крупному бизнесу нужно куда-то расширяться»* (Светлана Башарова. Арендные ставки для девелоперов станут фиксированными // Известия, 2014.06.27).

Часть активов (состав и стоимость имущества какой-либо организации) ассоциируется с **куском пирога** (сравни фразеологизм **отщипнуть кусок от пирога**): *«Отмена «пенсионного рабства», по мнению НСФР, позволит снизить процентные ставки по кредитам для пенсионеров на 2–3% за счет получения банком, в котором открыт карточный счет заемщика, достоверной информации о его финансовом положении на основании данных о размере остатка по счету. Новация позволит частным банкам отнять у главного банка страны – Сбербанка – **кусок пирога**»* (Анастасия Алексеевских. Вместе с «зарплатным рабством» отменят пенсионное // Известия, 2014.05.23). В ситуации конкуренции это обозначает получить часть чего-л. ценного [10, с. 113].

Фрейм «Доходы / убытки – это гастрономическая деятельность». Процесс использования доходов и расходов законным и незаконным путем уподобляется процессу разной степени поглощения пищи, что является составляющей частью жизнедеятельности человека в экономической и социальной сфере. В реализации образного представления некой сферы-мишени экономической деятельности активно используются глаголы, обозначающие процесс поглощения пищи со сферы-источника «кухня»: а) **съесть / съедать** со значением ‘обесценение денежных средств’: *«Людям просто деваться некуда, либо брать квартиру, либо ждать, пока инфляция **съест** всю субсидию»* (Александр Дыбин. Цены на недвижимость в Челябинске могут упасть // Комсомольская правда, 2009.04.10); б) **жрать / пожирать / сожрать** – уменьшить доходы до предела, обесценить деньги: *«Издержки на инфраструктуру **пожирают** деньги населения и бюджета»* (Владимир Семенов. Олег Чиркунов о мастер-плане Перми: «Теперь понимаю, что сильно ошибался. Очень сильно» // Новый регион 2, 2011.01.24); в) **откусить** – уменьшение сферы движения товаров и денег): *«Если российский автогигант выйдет на рынок с хорошей*

альтернативой российским иномаркам – будет ли это «Калина» или что-то еще, – то он, безусловно, «откусит» часть рынка у производителей российских иномарок» (Андрей Сердечнов. ТагАЗ занялся «омоложением» Hyundai Accent // РБК Daily, 2005.08.24) и др.

Также активно используются глаголы, обозначающие процесс приготовления пищи: а) **варится** – находится в определенных условиях экономической сферы. Сравним фразеологизм **вариться в своём / собственном соку** (жить, работать, решать какие-л. вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не советуясь) [11, с.19]: «Такое несправедливое решение руководства Дмитрий связывает со своей нетрадиционной ориентацией, поскольку в банковской сфере он «варится» уже 4 года и работу свою знает и четко выполняет» (Дарья Ваняшина. Казанского гея уволили из банка из-за... нетрадиционной любви? // Комсомольская правда, 2013.08.01); б) **навариться** – получать прибыль незаконным путем: «Впрочем, быстро выяснилось, что к реальности сообщение не имеет никакого отношения, и биржи быстро отыграли падение и даже вышли в позитив. Но кто-то, наверняка, смог на этих качелях неплохо **навариться**» (Александр Гришин. Белый дом «взорвали» в Твиттере // Комсомольская правда, 2013.04.24); в) **расхлёбывать** – справляться / справиться со сложной ситуацией, возникшей по причине чьих-л. необдуманных действий [11, с. 320] образно ассоциируется в контексте: «Греки набрали кредитов на астрономическую сумму в 350 млрд. евро (это 150% от размера их экономики). А **расхлёбывать** их долговые проблемы теперь приходится всем. – Ситуация нехорошая. Фактически у европейцев есть два возможных выхода: либо Греция объявляет дефолт, либо ее продолжают **кормить** деньгами» (Евгений Беляков. Рубль дешевеет вторую неделю подряд // Комсомольская правда, 2011.09.26) и др.

Фрейм «Состояние экономики – приготовленная пища». Осмысление состояние национальной экономики происходит через ассоциативную связь с национальными блюдами: а) **каша** – «1. Сваренное на воде или молоке кушанье из крупы. 2. Путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений» [10, с. 48]. Полужидкая, вязкая *каша* становится образным стандартом для характеристики веществ подобной консистенции, а в переносном

значении – неопределённых ситуаций в экономической сфере деятельности, например: *«На период оздоровления «Мечела» им будет управлять некий антикризисный управляющий, который сможет разгрести всю эту кашу»*, – так он описывает позицию кредитной организации» (Елена Иванкина, Наталья Старостина. Банки ищут антикризисного управляющего для «Мечела» // РБК Дейли, 2014.07.01); б) **винегрет** – холодное кушанье из мелко нарезанных овощей с уксусом, маслом и другими приправами [10, с. 288]. Винегрет является популярным салатом в России и странах бывшего СССР и активно находит метафорическую реализацию в очертании некой экономической сферы деятельности: *«Универсальный рецепт на случай любого кризиса остается прежним: если сумма совсем небольшая, то лучше хранить в той же валюте, что сейчас, иначе потеряете на обменных курсах, а если сумма более серьезная – мультивалютный вклад. Причем если раньше денежный винегрет стряпали из долларов, евро и рублей, то теперь есть смысл присмотреться и к экзотическим валютам, говорят эксперты»* (Нина Кузьмина. Что плохо евро, то и рублю нехорошо // Комсомольская правда, 2011.12.06). Состоящий из множества мелко нарезанных ингредиентов винегрет образно ассоциируется с беспорядочным соединением фактов, событий, мнений [10, с. 290].

Таким образом, метафоризация – это одно из средств выражения знаний о мире. Образы, связанные с устойчивыми ассоциациями человека, делают гастрономическую (кухонную) метафору предельно эффективным средством эмоционально-психологического воздействия на адресата речи. Данное явление позволяет говорить о ценностной значимости символического пищевого кода в культуре русского народа.

Перспективным является дальнейшее изучение особенностей метафоризации в различных сферах человеческого бытия.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / [Гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора : структурный, семантический, стилистический аспекты : автореф. дис. на соискание уч. степени

канд. филол. наук : спец. 10. 02. 01 «Русский язык». – Волгоград, 2012. – 27 с.

3. Гудков Л. Д. Метафора как способ переноса знаний и как форма выражения содержательной рациональности в науке // Науки и их взаимосвязи. История. Теория. Практика. – М. : Наука, 1988. – С. 172–193.

4. Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира : на материале русского и французского языков: автореферат дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Тамбов, 2011. – 23 с.

5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка Справочное издание. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.

8. Молчанова Г. Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 3. – С. 60–71.

9. Сегал Н. А. Политический текст : Метафорическое моделирование : монография. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 248 с.

10. Словарь русской пищевой метафоры. – Том 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск, 2015. – 428 с.

11. Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 2: Гастрономическая деятельность / А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск, 2017. – 546 с.

12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, – 2013. – 800 с.

13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.

**КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО МЕДИАЛЕКТА
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ)**

Е.Л. Ачилова, И.А. Регушевская

elena-achilova@andex.ru

Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
(Симферополь)

В последние десятилетия наблюдается стремительное развитие нового направления в исследовании языка СМИ – медиалингвистики, изучающей как функционирование языка в СМИ, так и публичное общение с использованием публицистического стиля.

Ученые активно исследуют язык и стиль газетных текстов, описывают особенности коммуникативных жанров, речевое поведение журналистов, а также медиадискурс.

Как отмечает Е. В. Какорина, дискурс массмедиа вбирает в себя различные виды дискурсов, объединяет их и преобразует, делает новым типом коммуникации [3, с. 496]. Именно в медийном дискурсе сегодня наиболее четко прослеживаются процессы, происходящие в современном русском языке на всех его уровнях.

Анализируя язык современных СМИ, Н. М. Володина выделяет такие его черты, как количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации (прежде всего Интернет), разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, демократизацию публицистического стиля, следование речевой моде и «американизацию» языка [1, с. 11].

Речь СМИ включает в себя проникающие из разных сфер жизни языковые новации, термины, модные выражения. Н. И. Клушина считает, что журналисты, «объясняя, интерпретируя, усваивая и тиражируя различные слова и выражения, создают своеобразное койне (медиалект), которое во многом начинает отличаться от литературной эталонной речи и быстро усваиваться в медиатизированном обществе» [2, с. 68].

В связи с этим отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает спортивный медиалект, имеющий свои стилистические и языковые особенности. **Актуальность** данного исследования продиктована необходимостью описания речи спортивной журналистики как особой разновидности медиалефта.

Целью данной статьи является анализ лексических средств, активно функционирующих в текстах спортивных СМИ и создающих спортивный медиалект.

Для достижения поставленной цели были исследованы тексты статей, представленных на ведущих новостных и спортивных сайтах страны: <https://www.eurosport.ru>, <https://www.gazeta.ru/sport>, <https://www.mk.ru/sport>.

Тексты спортивной тематики реализуются в рамках публицистического стиля и выполняют информационную и воздействующую функции. Следует сказать, что специфика спортивного медиалекта определена такими условиями его функционирования: во-первых, спортивные СМИ призваны оперативно и точно доносить до читателей актуальную информацию о спортивных событиях; во-вторых, спорт как отдельная сфера общественной жизни оперирует собственной терминологией, которая в связи с изменениями в спортивной жизни со временем видоизменяется; в-третьих, многие спортивные журналисты – это бывшие спортсмены, воспринимающие спортивные события как участники, а не как сторонние наблюдатели. Эти факторы определяют язык спортивной журналистики как «массовый литературный язык», или «медийный язык», отличающийся от элитарного литературного языка.

Ю. С. Степанов полагал, что живой литературный язык не должен быть «вполне нормативным и не может быть неправильным» [4, с. 718]. По мнению Н. И. Клушиной, именно такой язык «и есть канон хорошей медийной речи, которая не может быть в полной мере элитарной, так как обслуживает всё-таки массового адресата» [2, с. 67].

Анализ спортивных текстов показывает, что, как и следовало ожидать, доминанту спортивного медиалекта составляют спортивные термины. Часть из них представлена исконно русскими или давно усвоенными лексическими единицами, понятными большинству носителей языка, имеющими минимальное представление о спорте: *вратарская позиция, штрафная зона, штрафная площадка, защита, перекладина, фланг, вратарь, корт, травяной сезон, тройной тулуп, гонка преследования, фол, офсайд* и т.д.

Однако в последние десятилетия наблюдается активный процесс заимствования иностранной лексики, присущий языку СМИ.

Растущее число спортивных терминов иноязычного происхождения, в частности англицизмов, можно объяснить как расширением международных контактов, так и возникновением новых спортивных реалий. Постоянные болельщики привыкли к таким словам, как *хавбек, премьер-лига, гейм, коуч, баттл, трансфер, хетт-трик, твизл, лутц, сальхов, масс-старты, брейк-пойнты, эйс, боулинг-ивент, пасьют* и др., многие из которых пока не зафиксированы в словарях русского языка. Для людей, далеких от спорта, установить значение некоторых терминов сегодня достаточно просто, обратившись к Интернет-ресурсам. Сложнее, когда в тексте встречается нагромождение подобных слов (*Сэйвы Андрея Василевского и скорость Коннора Макдэвида. Звезды НХЛ показали Суперскиллз* [7]) или даже в Интернете нет их объяснения: *Евгений Коноплянка вспомнил, что такое гол, и прошил голкипера «Герты» убийственным скримером* [7]. Значение слова *скример* удалось установить лишь обратившись к словарю английского языка: *'очень быстрый мяч или выстрел'* [5] (перевод наш). Как видно, иногда авторы в стремлении подчеркнуть свою компетентность злоупотребляют англицизмами, не учитывая лингвистической неподготовленности потенциальной аудитории.

Еще одной специфической чертой медиалекта является демократизация языка, которая в спортивных текстах выражается разными способами. Так, часто встречаются неофициальные названия зарубежных команд в виде иносказаний (возникновение каждого перифраза имеет своё объяснение) и именованья спортсменов и тренеров: *«черные коты»* – «Сандерленд», *«красные дьяволы»* – «Манчестер Юнайтед», *«канониры»* – «Арсенал», *«россонери»* – «Милан»; *Пеп* – Жозеп Мария Гвардиола-и-Сала, *Ферги* – Алекс Фергюссон, *Сеск* – Франсеск Фабрегас, *Пипита* – Гонсало Херрардо Игуаин и др.

Кроме того, спортивный медиалект характеризуется употреблением спортивного жаргона: *Просто пронеслись короткие программы наших одиночников* [8]; *«Арсенал» возглавлял таблицу и рубился с разбогатевшим «Челси»*; *В решающий момент голландский снайпер промазал с точки*; *Венгер пронесся в подтрибунку, где уже толкались обе команды*; *В сезоне-2015/16 Игуаин настроил 36 мячей и на 17 банок опередил ближайшего преследователя Дибалу*; *Дотошный в деталях итальянец никак не мог вкрутить*

в свою модель Морату и [Жиру](#); Доротея Вирер затащила пасьют и подарила миру самую прекрасную улыбку женского биатлона [7]. Речь идет о том, что биатлонистка выиграла гонку преследования.

Отметим, что речь спортивных журналистов насыщена стилистически сниженной лексикой – жаргонизмами и разговорными элементами: *При этом Пеп все еще в «Сити» – такая вот история; За игроком также ухлестывает «[Лейпциг](#)»; Другие претенденты на Кристиана пока не **отвалились**; Хочется назвать ее хрупкой и юной, но велика вероятность **нарваться** на штамп и неправду; ...Лорену, Киоуну, Парлору и Виейра **влепили** несколько матчей бана...; На Лукаку пришлось выдвигаться Лорану [Косьельни](#) – француз не любит страховать огромное пространство, он **пихал за это** Колашинцу еще в декабрьском матче с «Брайтоном» [7]; ...нечего в короткой программе **выпендриваться, сделал бы чего попроще** [8] и под.*

Для усиления эффекта воздействия на читателя и привлечения внимания широкой публики журналисты прибегают к использованию пейоративной лексики и криминального жаргона. Вот как подана сложная ситуация, возникшая между фигуристками Евгенией Медведевой и Алиной Загитовой: *После этого **волна взаимной ненависти** окончательно захлестнула «загитовских» и «медведевских», напомнив времена кровавых разборок «коней» и «мясных». И хотя, по мнению фанатских группировок, войны не было и нет, волна хейта быстро добралась до СМИ, тренеров и спортсменов [9].*

Демократизация спортивного медиалекта проявляется в способности сочетать в одном микротексте официальные термины, разговорную лексику и элементы профессионального жаргона: *Во вторых, босс «Наполи», конечно, **чокнутый**, но последовательный: он до последнего отказывался от переговоров по **страйкеру** и вынудил «Ювентус» **расчехлить** клаузулу [7].*

Безусловной особенностью спортивного медиалекта является функционирование устойчивых сочетаний спортивного характера: *«Я всегда **настраиваюсь на то, чтобы выносить соперниц с корта)...**»; Морату и [Жиру](#): **страйкеры** провели на двоих 34 матча в АПЛ, но **огорчили соперников** жалких 6 раз [7]; Эден Азар **подал** угловой с левого фланга, защитники «Тоттенхэма» **вынесли***

*мяч к линии штрафной, где первым на подборе оказался Н'Голо Канте [9] и др. Авторы прибегают и к языковой игре с устоявшимися фразеологизмами, нарушая их лексический состав с целью более эффективного воздействия на аудиторию: **Мария умеет играть на нервах болельщиков, соперницы и себя самой; 28-я ракетка мира, к сожалению, продолжила свою черную полосу, которая длится с начала 2018 года...** [6]. Устойчивые речевые обороты используются и для создания иронии: **Но все были в равных условиях – может, действует поговорка про плохого танцора?** [7] – аллюзия на известную поговорку позволяет имплицитно высмеять неудачу российской сборной по биатлону.*

Ирония в спортивных текстах встречается довольно часто и используется журналистами для выражения недовольства поведением или успехами спортсменов, передающегося и болельщикам: *Евгений Коноплянка вспомнил, что такое гол, и прошил голкипера «Герты» убийственным скримером; Кто-то прощается с футболом в Катаре, кто-то в Японии, кто-то в Штатах, а дядя Сеск – большой оригинал: ему явно хочется **послаться по просторам Лиги 2, чтобы зарубиться с «Гавром», «Ньором» и «Сошо»;** **Может, великий форвард** и общался с игроками, но либо те его не слушали, либо он **нес откровенный бред** [7]. Во втором примере авторитет Франсеска Фабрегаса нивелируется употреблением фамильярного дядя, разговорных форм Сеск и *послаться*, приклеиванием ярлыка *большой оригинал*, упоминанием непрестижной Лиги 2, выше которой великий футболист уже не поднимется. В третьем примере ирония построена на антитезе «*великий форвард*» – «*нес откровенный бред*», что в результате снижает значимость форварда (речь идет о Тьерри Анри).*

В спортивном медиалекте встречаются метафоры, характеризующиеся высокой экспрессивностью: *Самонаводящаяся пушка Де Брёйне и еще 4 лихих гола «Сити», от которых на трибуне прибалдел Сульшер; И-и-и вот она, обалденная пушка в исполнении Кевина де Брёйне* [7]. В первом случае метафора с обыгрываемой лексемой «пушка» означает футбольного игрока с сильным ударом, а во втором – сам сильный удар.

К экспрессивным средствам медиалекта относятся окказионализмы: *Футбольная Ассоциация потребовала объяснений, газеты назвали случившееся **Пиццагейтом** и **Битвой в буфете**, а Венгер*

и Фергюсон перешли к заочным обвинениям [7] (англ. неологизм Pizzagate возник во время президентских выборов 2016 года в США, но в спортивном контексте апеллирует к прецеденту, когда в тренера бросили пиццу, т.е. обыгрывается внутренняя форма слова без учета его первичного значения).

Иногда журналисты используют лексические единицы в окказиональном значении, не зафиксированном в словарях: *В итоге черногорец, который **вонзал** за «Интер» и «Сити», мечтает об аренде в «Шальке» или побеге в «Севилью»* (в значении 'забивал') [7].

Таким образом, анализ лексических средств, создающих спортивный медиалект, позволяет утверждать, что, кроме специальных терминов, в том числе и заимствованных, в спортивных текстах активно функционируют профессиональный спортивный жаргон, устойчивые сочетания спортивного характера и разговорная лексика, а также метафоры и окказионализмы. Эти лексические средства призваны не только информировать аудиторию о спортивных событиях, но и воздействовать на ее мнение и настроения.

Литература

1. Володина М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. – 332 с. – (Gaudeamus)
2. Клушина Н.И. Медиалингвистика : монография / Н.И. Клушина. – М.: Флинта, 2018. – 184 с. – (Научные дискуссии).
3. Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
5. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/screamer>
6. <https://www.gazeta.ru/sport>
7. <https://www.eurosport.ru>
8. <https://www.mk.ru/sport>
9. <https://sportrbc.ru>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Н.В. Гладкая

Nata.gladkaya25@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Стилистические приёмы, порождающие комические эффекты, традиционно исследовались риторикой, а впоследствии стилистикой. В результате обобщения полученных данных можно заключить, что наибольшим потенциалом для создания комического эффекта обладают те стилистические приёмы (на разных уровнях языковой системы), механизм создания которых основывается на сопоставлении (одновременной реализации) противоположных, несопоставимых значений, однако для большинства из них создание комических эффектов не является специфической функцией [3].

Проблема наличия в языке системы средств, использующихся исключительно в целях создания комического эффекта, остаётся открытой. Прежде всего, это объясняется тем, что не разработана единая система, которая включала бы все языковые средства создания комического эффекта. Каламбур, игра с использованием омонимов, прямого и переносного значения являются одними из основных способов создания комического эффекта [2]. Для определения языковых средств комического в виртуальных речевых жанрах представляется целесообразным выделить уровни создания комического эффекта: фонетический, лексико-семантический, стилистико-грамматический.

На фонетическом уровне к основным языковым средствам комического следует отнести определённые звуковые эффекты, основанные на звукоподражании. Причины создания комизма через звуковую форму лежат как в особенностях психофизиологических механизмов восприятия звукового потока речи, так и в тех смыслах, которые человек как субъект культуры придаёт звуковым знакам. Например:

Рисунок 1

Рисунок 2

Опути нипутю (не атпутю) — мем с фотографией рыжего кота (Рисунок 1), который двумя лапами держится за палец человека и искаженными словами «отпусти — не отпущу». Изначально подпись к снимку гласила «Потому что ты всегда можешь рассчитывать на поддержку котика», затем пользователи изменили подпись, использовав уменьшительно-ласкательный фонетически измененный вариант «Не атпутю», и в итоге мем приобрел свой современный вариант «Опути — нипутю». Данный мем используется, чтобы показать, как человеку нелегко отказаться от вредных привычек, лени или не самых полезных занятий. Обычно к руке человека дописывают слово «Я», а к коту — ту самую вещь или явление, которое «не отпускает» человека (Рисунок 2). Реже слова «Опути — непутю» прикрепляют к другим картинкам, но смысл остается тот же.

Наибольшее разнообразие языковых средств комического наблюдается на лексико-семантическом уровне. Комическими свойствами на данном уровне обладают такие стилистические фигуры, как алогизм, гипербола, каламбур, перифраза, олицетворение, пародия, трансформированные фразеологические единицы и логоэпистемы.

Алогизм, или умышленное нарушение логических связей с целью подчёркивания внутренней противоречивости той или иной идеи, используется для создания комического эффекта в креолизированных текстах. Алогизм выражается на стыке вербальной и визуальной части. Например, в демотиваторе «*В случае пожара – го-*

рите» (Рисунок 3) комический эффект достигается благодаря нелогичности и абсурдности самой фразы, иконическая часть в данном примере служит пояснением к подписи демотиватора.

Рисунок 3

Рисунок 4

В целях создания комического эффекта используется также гипербола, под которой понимается образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы или значения какого-либо предмета или явления. Например, демотиватор «*Песочница в Донецке. Поэтому шахтеры суровее челябинских мужиков*» (Рисунок 4) находится на стыке когнитивной и коммуникативной пресуппозиций. Для корректной интерпретации вербального и иконического компонента адресат должен обладать определенными фоновыми знаниями. Смысл любой коммуникативной единицы определяется относительно конкретной ситуации (в данном случае иконический компонент отсылает нас к нелепым и комическим ситуациям), а внутренним фактором, обуславливающим действие пресуппозиции в тексте, является неоднородность смысловой структуры высказывания, которая расчленяется на пресуппозицию и сообщение (т.е. выражения «*Песочница в Донецке. Поэтому шахтеры суровее челябинских мужиков*» воспринимается как некое сообщение, которое предполагает наличие предварительных, фоновых знаний, без которых невозможно адекватно воспринять смысл демотиватора, а именно стереотипное представление о гиперболизированной суровости дончан).

Каламбур в креолизованном тексте, как правило, выражается при помощи омонимов. Столкновение омонимов всегда неожиданно, их употребление в одной фразе, подчеркивая значения созвучных слов, придаёт речи особую яркость и креативность. Например, в изображении «Новогодний тост» (Рисунок 5) комический эффект возникает при актуализации омонимии слова «тост». Текстовая часть реализуется в значении «короткая речь перед собравшимися, предшествующая распитию спиртных напитков», а в иконической части изображен тост («подсушенный в тостере тонкий ломтик хлеба») в новогоднем колпаке и с бокалом в руке.

Рисунок 5

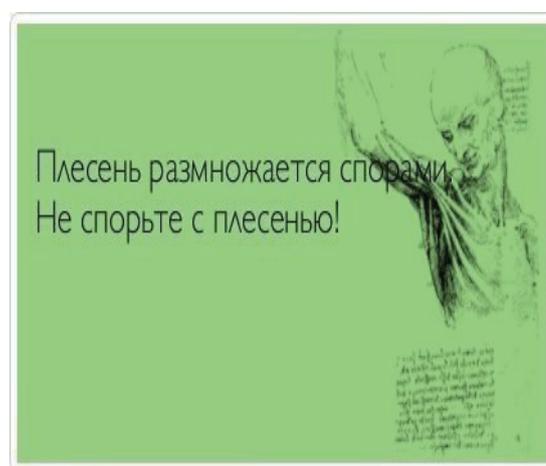

Рисунок 6

При омонимии шутка реализуется за счет подмены производного значения слова первичным, при этом экспликация смысла происходит благодаря изображению. Такая подмена пробуждает интерес и приводит к комическому эффекту. Например, в изображении «Плесень размножается спорами. Не спорьте с плесенью!» (Рисунок 6) языковая игра реализуется путем использования словоформ «споры» («единицы полового и бесполого размножения растений, бактерий») и «словесное состязание, в котором каждый отстаивает свое мнение») в одном предложении и столкновения их значений.

В креолизованных текстах «Зашла в ГОСТе» (Рисунок 7) и «Обед молчания» (Рисунок 8) автором используется языковая игра, основанная на омофонии, т.е. слова произносятся одинаково, но отличаются в написании. В комиксе «Зашла в ГОСТе» иконическая часть буквализирует значение текстовой составляющей и

значений форм слова *ГОСТ* – «государственный стандарт» и выражения *зайти в гости*. В комиксе «Обед молчания» (Рисунок 8) языковая игра основывается на использовании слов-омофонов *обет* – «торжественное обещание, обязательство» и *обед* – «прием пищи», изображение поддерживает смысл высказывания и актуализирует первоначальное значение, за счет чего и создается комический эффект.

Рисунок 7

Рисунок 8

Приём олицетворения, при котором предметы или явления наделяются антропоморфными характеристиками, также часто используется при создании комических текстов виртуального дискурса. Комический эффект в таких изображениях достигается только благодаря визуальной части сообщения. Так, строчка из детской песни «Голубой вагон бежит, качается» (Рисунок 9) приобретает совсем иной смысл с иллюстрацией, на которой изображен голубой вагон в образе спортсмена, занимающегося в тренажёрном зале. Языковая игра заключается в подмене значений глаголов «бежать» («быстро перемещаться на ногах» и перен. «быстро проходить, перемещаться, проноситься или протекать») и «качаться» («колебаться из стороны в сторону» и перен. «заниматься спортом»).

Достаточно часто в креолизованных текстах для создания комического эффекта используется перифраза, т.е. не прямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака или особенности. Перифраза основывается на метафоричности. Так, в демотиваторе «Съезд большой пятерки»

(Рисунок 10) изображены пять старушек на детской карусели, а из текстовой перифразы легко эксплицируется значения текста-источника (Съезд «Большой восьмёрки», съезд «Большой семёрки»), а именно Международная встреча глав государств и правительств.

Рисунок 9

Рисунок 10

В повседневной коммуникации люди опираются на тождественные пресуппозиции, при необходимости восполняя пробелы, дополняя фоновые знания, эксплицируя ту часть информации, которая может вызвать неоднозначное понимание. Расхождение в понимании пресуппозиции высказывания различными коммуникантами нередко приводит к непониманию, возникновению всевозможных казусов в жизни. Слушатель должен: 1) выделить из высказывания некий семантический компонент; 2) оценить его как презумпцию говорящего; 3) выразить свое несогласие с этой презумпцией. При создании юмористических креолизованных текстов сочетаемость, или способность слова объединяться с другими словами для выполнения определённой смысловой задачи, становится средством создания комического эффекта. Семантические модификации, заложенные в словах, являются функцией их сочетаемости. Проявление семантических преобразований возможно только при сочетании слов друг с другом. Поэтому языковая игра в креолизованных текстах образовывается в результате целостного, неразрывного восприятия графического и вербального компонентов.

Литература

1. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 104–110.

2. Панина М. А. Комическое и языковые средства его выражения: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / М. А. Панина. – М. 1996. – 20 с.
3. Почепцов Г. Г. Язык и юмор / Г. Г. Почепцов. – Киев, 1982. – 320 с.
4. Рогачева Н. Б. Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале Интернет-общения / Н. Б. Рогачева // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. – С. 127-150.

ЯЗЫК ПРАВА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

З.С. Зюкина

z.zyukina@yandex.ru

*Российский университет дружбы народов
(Москва)*

Современные требования к профессиональной подготовке специалистов ставят перед нами новые задачи, одной из которых является формирование коммуникативной компетентности будущего учителя, врача, юриста и т. д.

Коммуникативная компетентность юриста предполагает владение навыками общения в профессиональном коллективе, умение создавать профессионально значимые высказывания (тексты) в соответствии с нормами литературного языка, так как от правовой культуры (а одной из ее составных частей является культура речи) в определенной мере зависит формирование правосознания граждан.

Право нуждается в таких средствах языка, которые бы точно обозначали правовые понятия и ясно выражали мысль законодателя. Вероятно, этим объясняется постоянный интерес юристов к языку права. «Какую бы цель ни ставили перед собой исследователи, все они сходятся во мнении, что язык права довольно специфичен и нуждается в улучшении» [2, с. 132]. Но в работах юристов нет конкретных выводов о его специфике и не указываются способы улучшения языка законов.

Чтобы эффективно выполнять функцию волеизъявления, законы должны быть безупречными как по содержанию, так и по форме. Язык закона предельно точен. Как и другие отрасли науки, юриспруденция оперирует определенными терминами, для этого используется лексика различных стилевых пластов, от книжного

(*воспрепятствовать, отобрание*) и официально-делового (*сокрытие*) до разговорного (*попрошайничество*); встречается и эмоционально окрашенная лексика, например, *пособник* имеет в словаре помету «неодобр.».

Требование точного обозначения различных юридических понятий объясняет и активные словообразовательные процессы в языке юристов: *дознание, подсудность, наказуемость*. «Большинство этих слов, например, *наказуемость, дознание, правоспособность*, дано в толковых словарях с пометкой «юр.», а существительные *способствование, воспрепятствование, неоказание* вообще в словарях не зарегистрированы» [3, с. 16].

Одной из особенностей языка права является то, что многие юридические термины являются составными: *принятие к своему производству, более мягкий вид наказания*. Это языковые стандарты, или клише, в которых все определено: лексический состав и порядок слов. Клише необходимы, так как обеспечивают точность языка права. Но в употреблении этих устойчивых словосочетаний можно наблюдать интересные явления.

Первое. Некоторые многозначные слова употребляются в нескольких значениях. Так, *заключение* в словосочетании *заключение под стражу* употребляется в первом значении: действие по глаголу заключить; в клише *предварительное заключение* оно выступает во втором значении: *нахождение под стражей, состояние того, кто лишен свободы*; в стандартах *заключение эксперта, заключение прокурора* имеет третье значение – вывод из чего-либо; суждение, сделанное на основании чего-либо.

Второе. В юридических терминах наблюдаются непривычные для литературного языка соединения слов. Например, слово *виновный* обычно имеет значение «совершивший серьезный проступок, преступление», поэтому сочетается с существительными, обозначающими людей; а в языке права оно соединяется со словом *действия*: *виновные действия*. Слово *меры* сочетается, как правило, с глаголом *принимать*; но в составе юридических терминов *меры воздействия, меры поощрения, меры пресечения* соединяются с глаголом *применять*. Термин *ущерб* употребляется в языке права в первом значении: *потери, причиненные кому-либо, чему-либо; урон* и сочетается с глаголом *возместить* (возмещать). Близким ему по значению словом является *вред, ущерб*, и на основании их

семантической (смысловой) близости образовалось словосочетание *возместить вред* и термин *возмещение вреда*.

Своеобразны в праве и формы управления. Так, на основе смысловой близости между словосочетаниями *лицо, производящее дознание* и *орган дознания* второе принимает формы управления первого: *передача дела от органа дознания*, хотя правильнее – *из органа дознания*.

Своеобразен в языке права порядок слов в отдельных словосочетаниях: *умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью*. Несогласованное определение *средней тяжести* должно стоять после определяемого слова *вреда*, но это слово входит в состав словосочетания *вред здоровью*, поэтому порядок слов в данном словосочетании определен содержанием.

И еще одна особенность этого профессионального языка наблюдается в специфичном употреблении однородных членов предложения. В тексте закона они выполняют уточняющую функцию. «Специфичным является то, что в качестве однородных членов могут соединяться слова, называющие неоднородные, несопоставимые понятия или являющиеся разными членами предложения: *те же деяния, совершенные в крупном размере (как?) либо лицом (кем?), ранее судимым*» [3, с. 21].

Многочисленны в праве и такие соединения слов в качестве однородных членов: *на основании и во исполнение, в сроки и в порядке, в порядке и по основаниям, на условиях и в пределах*, в которых сочинительной связью соединены слова, не являющиеся однородными членами, к тому же грамматическая форма у них разная: *в сроки* – во множественном числе, в винительном падеже, *в порядке* – в единственном числе, в предложном падеже, что является отступлением от литературной нормы. «Все названные языковые явления характерны только для правовой сферы общения и наблюдаются только в ней» [1, с. 155].

Однако наряду с отмеченными явлениями, в текстах законов допущено довольно много языковых погрешностей. Рассмотрим некоторые из них.

Как было сказано, точность формулирования правовых норм требует четкости изложения. Однако есть случаи неточного выбора однокоренных слов, близких по звучанию, но различающихся

оттенками значения (паронимы). Так, в уголовном праве существует понятие «*принцип вины*» (статья 5 УК РФ). А ведь речь должна идти не о *вине*, а о *виновности*, так как вина – это «*какой-либо проступок, промах, неловкость, неучтивость*»; виновность же – «*серьезный проступок, преступление*». Таким образом, понятие в тексте закона определено неточно (статья 77 УПК РФ). В результате смешения паронимов все процессуальные акты грешат подобными ошибками: *вину признал, вина доказана* и т. д.

Без учета значения использовано слово «*осуществляют*»: «*жестoko обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними*» (статья 69 СК РФ). Но осуществлять – «*приводить в исполнение, воплощать в действительность*». Правильнее употребить *совершают, применяют, чинят* (офиц.).

Отмечено в языке права неправильное образование форм слов, например, причастия *следующей* (с него суммы) – статья 402 ГПК РФ). Глагол *следовать* – непереходный, поэтому страдательные причастия от него не образуются. В данном случае лучше употребить – *причитающейся*.

В словосочетании *в крупном размере* (статьи 158, 163 УК РФ) неточно выбрано число имени существительного. Слово *размер* имеет в данном словосочетании значение: «*степень развития, величина, масштаб какого-либо явления, события*» и употребляется, как правило, во множественном числе. Следовательно, использованный в тексте вариант не соответствует литературной норме [1, с. 62]. Исправим: *в крупных размерах*.

«Большую роль в организации текста, в логичном выражении мыслей играет порядок слов. Однако в текстах законов встречаются случаи его нарушения, что мешает правильному их пониманию, порождает двусмысленность, является причиной многословия или нанизывания падежей» [5, с. 21]. Так, в тексте встречается: «*Для лиц, совершивших преступление до достижения возраста восемнадцати лет*» (статья 95 УК РФ). Правильный ответ – *до достижения восемнадцатилетнего возраста*. В результате нанизывания падежей в статье 65 ГК РФ появилась двусмысленность: «*Признание юридического лица банкротом судом влечет его ликвидацию*». Не следовало разрывать словосочетание *признание судом*.

Встречается в текстах и неправильное местоположение дополнений: *«Следователь вправе также получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего...»* (статья 186 УПК РФ). В русском литературном языке есть такое правило: если в предложении имеется прямое дополнение (*образцы почерка или иные образцы*) и косвенное дополнение лица (*свидетеля или потерпевшего*), то на первое место ставится дополнение лица: *«вправе также получить у свидетеля или потерпевшего образцы...»*.

В языке правовых документов специфичны формы управления, они нередко являются следствием нарушения норм литературного языка. Например, слово *основание* в третьем значении *«причина чего-либо; то, что объясняет, оправдывает, делает понятным поступки, поведение»* управляет существительными в родительном падеже или глаголами в неопределенной форме; в статье же 141 СК РФ оно управляет дательным падежом: *«основания к отмене усыновления ребенка»*. Исправим: *для отмены усыновления*. Неправильное соединение однородных членов предложения ведет к неясности текста [4, с. 33].

И еще один важный вопрос – о различии речевых клише и штампов. Языковыми стандартами называют готовые, воспроизводимые в речи средства выражения (словосочетания), где точно установлен состав слов и их порядок, поэтому они употребляются в речи автоматически. «В языке юристов встречаются речевые штампы – слова и выражения со стертой семантикой и потускневшей эмоциональной окраской: *«прекратить дело производством»* (статья 378 УПК РФ), *«о прекращении дела производством»* (статья 406 УПК РФ), *«об отложении дела слушанием»* (статья 251 УПК РФ). В чем здесь ошибки? В словосочетаниях перепутаны управляющие и управляемые слова» [3, с. 141]. В праве есть понятие «возбуждение уголовного дела», далее ведется «производство дела». Значит, прекращается производство дела, т.е. прекращается разбирательство, а не само дело. Исправим приведенные штампы: *«производство дела прекратить»*, *«о прекращении производства дела»*. Такая же ошибка в штампе *«при отложении дела слушанием»*: *назначается слушание дела, и откладывается тоже слушание дела*. Исправим: *при отложении слушания дела*.

Штампы обычно ведут к многословию, например, «*по месту производства усыновления ребенка*» (статья 129 СК РФ). Здесь употреблены два отглагольных существительных, обозначающих один и тот же процесс, поэтому допустимо убрать *производство*. Итак, «штампы – негативное явление, нарушающее нормы литературного языка. Это даже не языковое явление, а психологическое, характерное для людей, у которых отсутствует языковое чутье, языковый вкус» [3, с. 142].

Речевая культура юристов будет оставаться на невысоком уровне до тех пор, пока язык законов не станет эталоном официально-деловой речи. Работа над ним должна приводить к тому, чтобы смысл текста легко доходил до сознания читающего. «Статус права слишком высок и ответственен, и его язык является показателем уровня культуры наших законодателей, показателем их уважения к тем, для кого законы написаны» [1, с. 156]. Поэтому, формируя и формулируя нормы права и охраняя их, законодатели просто обязаны не нарушать нормы родного языка.

Литература

1. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма: Инфра - М, 2010. - 176 с.
2. Зюкина З.С. Особенности речи юриста // Филологическое образование в 21 веке: проблемы и способы их решения: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции, 19 апреля 2017 г. / под ред. Г.Б. Вершининой; Новокузнецкий филиал КемГУ. – НФИ КемГУ, 2017. – С. 131 – 134.
3. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2007. – 464 с.
4. Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Обвинительное заключение: язык и стиль: Практическое пособие для следователей. – М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002. – 128 с. - (Правовое поле).
5. Мельников И.И. и Мельников И.И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам / Под общ. ред. заслуженного юриста РФ, канд. юр. наук, доц. И.И. Мельникова. – М.: «ИКФ «ЭКМОС», 2003. – 160 с.
6. Язык и стиль судебных документов / Приложение к журналу «Арбитражные споры». – Санкт-Петербург: ООО «Кадис», 2002.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТОВ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕМАТИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

О.Е. Павловская

oepra@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
(Краснодар)

"Будущее церковной миссии лежит в социальных сетях,
где большинство молодежи проводит почти все свободное время"

Вахтанг Кипшидзе

Зампредседателя синодального отдела
по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ

Присутствие Церкви в социальных сетях стало обычным явлением сегодняшнего времени. Самыми посещаемыми ресурсами называются YouTube, «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», Instagram. Данный факт не может не учитываться в миссионерской деятельности РПЦ, в концепции которой одной из форм такой деятельности называется информационная миссия, рассматриваемая как православное свидетельство всем слоям населения через все доступные средства массовой информации «Истины Божественного Откровения каждому человеку по заповеди Спасителя: "Итак, идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28:19) [1]. Патриарх Кирилл, а также председатель синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В. Р. Легойда не раз говорили о важности присутствия Церкви в соцсетях, считая, что это дает возможность активного диалога священнослужителей с интернет-сообществом и верующих друг с другом. Проповедь в Храме перестала быть единственным средством воздействия священника на паству, возникают новые межкоммуникационные взаимодействия и каналы коммуникации. Результативная работа в этом направлении возможна только при активном освоении информационного пространства новейшими информационными технологиями. Такими технологиями стал Интернет, одной из форм которого является Instagram, занимающий, по данным опроса, в русскоязычном сегменте интернета третье место по максимальной вовлеченности пользователей [2].

В настоящее время Instagram – это бурно развивающаяся сеть, в которой акцент сделан на визуализацию информации и организовано взаимодействие с подписчиками в группах. На платформе православная тематика отражена в таких группах, как «patriarchkirill», «pravoslavnaoobitel», «spas_official», «andreytkachev_official», «batyushkaonline», «matyshkaonline» и других. В группах подписчики делятся фотографиями и короткими видеороликами о епархиальной и приходской жизни. В «Instagram» присутствует немало популярных священников-блогеров, например, Андрей Ткачев, Георгий Христинич, Иоанн Тютюнников и другие, имеющие десятки тысяч подписчиков. Высокий уровень доверия со стороны пользователей соцсетей требует от блогеров поиска новых форм подачи материалов при сохранении главного требования ко всей предлагаемой информации – служить цели христианской миссии.

Аудитория соцсетей чрезвычайно разнообразна, поэтому Синодальный отдел РПЦ предлагает блогерам «Рекомендации по работе в социальных сетях для епархиальных и приходских информационных служб» [4]. В них обращается внимание на текстовое наполнение аккаунтов, на преобладание «нативности» текстов, отсутствие нравоучительных интонаций, разнообразность контента при простоте смысла и структуры информации, актуализацию евангельских истин через знакомые современнику образы, использование комментирования как средства обратной связи.

Реализация данных рекомендаций проанализирована нами в различных группах Instagram в период Великого поста 2019 г. Поскольку Церковь стремится сформировать духовный мир человека, постольку основные темы православных постов связаны с идеями духовного просвещения, образования, православного уклада жизни, возрождения и укрепления семейных традиций, воспитания детей, сохранения культурного наследия, духовного самоопределения нации в духе морально-этических установок христианства. Стратегия представления информации определяется макроинтенцией блогера или ведущего группы, обусловлена социальными или психологическими ситуациями и предполагает ответную реакцию участников диалога. Основным жанром обсуждаемой информации является проповедь, но, учитывая формат контента, тактика подачи проповеди может быть различной. Это

может быть фрагмент, взятый из церковной проповеди: *«Когда нас посещает скорбь, мы должны обязательно вооружиться терпением, потому что неизвестно, как долго эта скорбь будет продолжаться ...Скорбь должна породить терпение – великую добродетель, которая помогает человеку сохранить самого себя, свои духовные и физические силы»* [patriarchkirill]

Распространенной тактикой является подача материала в форме цитаты или высказывания, например, Архимандрит Андрей (Конанос): *«Улыбаетесь ли вы дома? Довольны ли вы собой? Радостны ли? Принимаете ли вы свою жизнь такой, какая она есть? Или вам постоянно плохо, и вы постоянно, без причины, впадаете в меланхолию и депрессию?... Когда же мы научимся быть счастливыми? После смерти? Эта радость должна присутствовать в нашей жизни, в нашей семье, сейчас, здесь...»* [pravoslavnaoyaobitel]; митрополит Лимассольский Афанасий (Николау): *«Заботы – это нечто страшное для духовной жизни. Они – великий яд, убивающий человека. Не только духовную жизнь, но и мирскую, да и человеческие отношения. Видите рушащиеся семьи? А почему? «Мне некогда». Отец погружен в мысли о тысяче вещей. Мать также погружена в мысли о тысяче вещей. Как этим людям общаться между собой? ...Духовный человек должен знать меру. Определи себе меру. Скажи: хватит! Довольно на этот день.... Пришел домой – выключи телефоны, отложи другие заботы, ты сейчас дома, посвети свое время семейству, самому себе и Богу»* [pravoslavnaoyaobitel].

Очень популярен в Instagram жанр комментируемого видеоролика или фото, например снимок двух тарелок с постной едой для сравнения в инстаграме и в реальности и подпись под ним: *«Пост добавляет красок. Но не вашей еде, а вашей душе».*

Часто эти два жанра – видеоролик и комментарий – совмещаются, например, фото жениха и невесты и высказывание к нему протоиерея Максима Козлова: *«Муж и жена должны быть по отношению к внешнему миру как скала, чтобы между ними не только клин вбить – щепочку всунуть было нельзя. Все проблемы нужно решать вдвоем и между собой...»* [pravoslavnaoyaobitel]. Сопроводительный комментарий может быть выражен словами как ныне здравствующих священнослужителей, так и тех, кого право-

славный мир почитает как святых, например, под фото влюбленной пары помещены слова Святителя Тихона Задонского: *«Крайне берегитесь оскорбить любого человека словом или делом, ибо это тяжкий грех. Когда оскорбляют человека, то и Бог оскорбляется. Который любит человека.... Кто против человека согрешит, тот и против Бога согрешает...»*; а под фото безмятежно цветущего луга на фоне обители помещены слова протоиерея Александра Меня: *«Терпение – это вовсе не состояние скота, который все терпит. Это не унижение человека – совсем нет. Это не компромисс со злом – ни в коем случае. Терпение – это есть умение сохранять невозмутимость духа в тех обстоятельствах, которые этой невозмутимости препятствуют. Терпение – это есть умение идти к цели, когда встречаются на пути различные преграды. Терпение – это умение сохранять радостный дух, когда слишком много печали. Терпение есть победа и преодоление, терпение есть форма мужества – вот что такое настоящее терпение»* [pravoslavnaaobitel].

Стратегия выбора определенного жанра связана и с предлагаемым для обсуждения материалом, и с выбором языкового способа его представления. На наш взгляд, в группе «matyshkaonline» стилистической особенностью подачи материала является простота изложения и диалогическая тональность общения. При этом диалогичность может быть проявлена в форме видеоролика с беседой по какой-либо животрепещущей теме, например беседа со старшеклассниками о том, сможет ли стать хорошим мужем мужчина, привыкший к изменам. Доверительная тональность диалога сохраняется и в предложении подписчикам рассказать о себе, присоединившись к Клубу знакомств: *«Рассказывайте о себе, где живете, в какой храм ходите, чем занимаетесь. Пишите друг другу, обменивайтесь контактами. Будем рады, если вы найдете новых добрых друзей, а возможно, и свою половинку...»* [matyshkaonline]. Диалогичность поддерживается блогерами и руководителями групп прямым обращением к подписчикам: *«Спасибо вам, наши дорогие, что присылаете фото со всего мира!!! Отмечаете @batyushkaonline и делитесь радостью праздничного дня! Будем украшать сторис и посты вашими шедеврами. Отрадно, что хо-*

дите в храм всей семьей, со своими половинками, друзьями, детишками – это и есть счастье... Желаем вам мира и добра, молимся о вас с любовью и благодарностью» [batyushkaonline].

Думается, самым трудным для восприятия подписчиков является жанр цитации из Священного писания без каких-либо комментариев к нему. Отсутствие навыков углубленного чтения подобной литературы приводит к непониманию текста и к его неправильному толкованию или вообще отсутствию комментариев к нему со стороны подписчиков, например, в группе spastv_official пост *«Как утешает кого-либо мать его, так утешу я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме» (ИС.66:13)*, кроме адекватной реакции, вызвал следующие комментарии: *«Пост здорового человека»*; *«Пришел ребенок на свет по решению Творца в Сибирь, а ему говорят люди, «нет, дорогой, только в Иерусалиме обретешь счастье»».*

Однако в целом, анализ православных постов в Instagram показывает, что блогеры ищут новые формы и жанры подачи информации, а также используют SMM-маркетинг в социальных сетях для поиска своей целевой аудитории [3], для адекватного отражения канонической цели Церкви – утверждения веры, сочетающейся с христианской оценкой актуальных жизненных ситуаций и с поиском адекватных этой ситуации средств коммуникации.

Литература

1. Информационная миссия Церкви : V Всецерковный съезд епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви // Режим доступа: http://www.kistine.ru/mission/mission_v_kongress_final_document-01.htm
2. Каждому возрасту – свои сети / Пресс-выпуск // Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11669>
3. Михайлова В.М., Куренова Д.Г., Кривошеева Е.В., Е.В., Кузнецова О.А. New-normal маркетинг в условиях новой нормальности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. - № 2. – С. 109-116.
4. Рекомендации по работе в социальных сетях для епархиальных и приходских информационных служб //Режим доступа: <http://sinfo-mp.ru/rekomendatsii-po-rabote-v-sotsialnyih-setyah-dlya-eparhialnyih-i-prihodskih-informatsionnyih-sluzhb.html>

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «КОММЕРСАНТЬ» И «ВЕДОМОСТИ»)

С.А. Петухов

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе
(Севастополь)

За тридцать без малого лет российская деловая пресса выработала собственный язык, который даже дилетант не перепутает с языком отечественных СМИ другого профиля, а более опытная целевая аудитория деловой прессы — с языком западных деловых СМИ. Особенности появления и становления этого языка были зафиксированы В.Я. Сергачевым в 2000 году [4]. В нулевые годы нашего века он заметно меняется, итог его трансформации подведен в 2010 году в работе М.А. Толстуновой [5, с.958], где выделены основные особенности языка деловой прессы тех лет. Итоги текущего десятилетия пока не подведены. Но априори ясно, что трансформация языка деловых СМИ так или иначе будет связана с «цифровой медиареволуцией» и выходом деловых изданий в социальные сети.

Лексико-стилистические исследования постоянно сопровождали и следили за эволюцией языка отечественной деловой прессы и фиксировали его особенности на разных этапах его становления. Но ретроспективный анализ этого языка и влиявших на него экстралингвистических факторов за все три десятилетия от его рождения отсутствует, что, по нашему мнению, обедняет исследования новых тенденций его развития на каждом данном этапе и может привести к ошибочным выводам. В данной работе предпринята попытка такой ретроспективы. Мы не претендуем на широту и глубину анализа, нашей задачей было лишь указать на новое и перспективное поле для исследований генезиса и эволюции языка отечественных деловых СМИ.

Материалом исследования послужили публикации за разные годы в газетах «Коммерсантъ» и «Ведомости». Их выбор определяется тем, что «Коммерсантъ» в 1990 году стал первой в стране деловой газетой, на протяжении 1990-х годов был практически монополистом в сегменте ежедневной деловой прессы и законодателем стиля деловых СМИ тех лет. Газета «Ведомости», которая издается с 1999 года, потеснила «Коммерсантъ» в его нише, а потом

и обогнала его по охвату целевой аудитории, попутно став эталонным языком деловых СМИ нулевых годов нашего века. Даже сейчас, когда резко выросла роль всевозможных цифровых платформ для СМИ, печатные версии «Коммерсанта» и «Ведомостей» входят в первую тройку наиболее цитируемых в других СМИ и в десятку наиболее цитируемых в соцсетях [1].

В 1990-х годах язык газеты «Коммерсантъ» родился с нуля, как, собственно, и предмет, который он описывал, — частное предпринимательство. Простое копирование сложившегося языка западных деловых изданий мало что дало бы, отечественная аудитория к нему не была готова. В.Я. Сергачёв предполагал, что стилистически сниженная лексика деловых изданий того периода связана с «общим снижением культурного уровня общества» в целом, и в частности «новых русских, сделавших «быстрые деньги», из чего вытекало «стремление руководства изданий соответствовать уровню читательской аудитории».

Это не совсем так. Общий культурный уровень общества в начале 1990-х был не ниже, чем на Западе, и заметно выше, чем у нашего общества в нулевые годы этого века и сейчас. Руководство «Коммерсанта» не подстраивало издание под «малограмотную» аудиторию, напротив, опираясь, на достаточно высокий общий культурный уровень своей аудитории, повышало ее экономическую грамотность. Это был язык предпринимательского «ликбеза», где, образно выражаясь, за одной партией сидели и «новые русские», и руководители предприятий, и главы регионов, и члены экономического блока правительства, и будущие успешные предприниматели, менеджеры компаний, аналитики рынков и т.д.

Понять генезис стиля «Коммерсанта» можно, только зная внутренний механизм его формирования. К работе корреспондентами негласно не допускались люди с журналистским образованием, то есть со сложившимся стереотипом того, как надо писать в газету. От корреспондента требовались только факты, далее его материал поступал в службу рерайта, где литературной обработкой текста корреспондента занимались дипломированные филологи и профессиональные писатели, способные придать исходным текстам корреспондентов любой заданный руководством стиль. Когда речь шла о личных интересах читателя (его деньгах, семье, здоровье, доме, автомобиле и т.д.), язык публикации был простым,

строгим, без намека на какое-либо интерстилевое тонирование. Терминология, которой нельзя было избежать, объяснялась тут же, в скобках. Вот, например, выдержки из публикации «Коммерсанта» за 1992 год:

«...Коммерческий Мост-банк начинает эмиссию кредитных карточек системы VISA. Предоставление клиентам банка услуг по расчетам с использованием карточек VISA является первым шагом крупномасштабной программы Мост-банка по обслуживанию кредитных карточек других существующих эмитентов (EuroCard/MasterCard, American Express и др.), а также по выпуску в обращение собственных рублевых карточек. ...владельцем кредитных карт системы VISA могут стать как юридические, так и физические лица. Для получения карточки клиенту необходимо разместить на депозите в банке \$15.000. При этом на часть депозита (\$5.000) будут начисляться проценты по формуле LIBOR (Лондонская ставка по межбанковским кредитам) минус 1,5%. ...кредитные карточки могут служить расчетным средством во всех странах, где имеют хождение карточки системы VISA. В случае использования клиентом кредитной карточки для получения наличных комиссия в пользу Мост-банка составит 0,5%, а при проведении любых других операций (оплата счетов, номеров в гостиницах и т.д.) — 1,5% от суммы операции».

Если же речь шла о событии, где читатель выступал наблюдателем со стороны, тональность публикации была иной, вероятно, единственно возможной для объективного описания всеобщей грандиозной, общенационального масштаба, драки за деньги и власть. Взгляд автора на событие был максимально отстраненным и немного свысока. В языке публикации появляется плохо маскируемая ирония, подчеркивается комизм ситуации, вводятся элементы просторечия. Вот, например, выдержки из типичных публикаций «Коммерсанта» за 1992 и 1993 годы:

«...Наблюдатели отметили ажиотаж вокруг автомобилей и на МТБ, но продана была только одна машина — подержанная "Таврия" за 260 тыс. руб. Дневной же оборот — 22,93 млн руб. пришелся на 20 тыс. бутылок шампанского (290 руб./бутылка)».

«Некоторое удивление таможенников вчера было вызвано тем, что к привычным для таможни товарам "second-hand"

(одежде, автомобилям) добавились использованные автомобильные шины (200 штук) из Германии. Хотя эксперты утверждают, что в России может сгодиться все».

Начиная со второй половины 1990-х, когда начались залоговые аукционы и корпоративные войны, язык газеты меняется, ироничным его назвать уже трудно, скорее это сарказм на грани цинизма, а снижение лексики доходит до грани допустимого в уважаемом издании. Вот характерный пример публикации 1997 года:

«ТWG и КраЗ братки навеки. Позади два года неприкрытой вражды, тяжб и даже, как поговаривают, стрельбы из разных видов оружия. КраЗ нашел себе нового внешнеторгового партнера — швейцарскую Glencore International. С тех пор отношения бывших партнеров были так далеки от идиллии, что лучше не вспоминать».

В 1999 году у «Коммерсанта» появился прямой конкурент — газета «Ведомости», которая при вторжении в нишу «Коммерсанта» не могла не имитировать его лексику и стилистику, иначе была бы сходу отторгнута аудиторией «Коммерсанта». Подражание было в значительной мере любительским, собственной службы рерайта в «Ведомостях» не было, а их корреспонденты и редакторы не могли конкурировать с профессионализмом литредакторов «Коммерсанта», (особенно когда дело касалось игры слов в «фирменных» заголовках статей в «Коммерсанте»). Вот характерный пассаж из публикации «Ведомостей» за 2000 год:

«Самая циничная сделка. ...Весь российский рынок поставлен на уши известием о продаже двух крупнейших алюминиевых заводов, а сами покупатели и продавцы ... уже обо всем договорились и, как можно предположить, обмывают сделку, а чтобы было не скучно это делать, пролистывают газеты».

Но подражание длится недолго, как только оно сыграло свою роль, «Ведомости» от него отказываются, у них появляется собственный язык и собственный стиль. Главное его отличие: весь текст — это практически голый набор прямой и косвенной речи экспертов по данной проблеме всего с несколькими связующими их словами автора. Вот пример такой публикации за 2007 год:

«По словам управляющего активами “АМК-Финанс” Владимира Семенова, сложившуюся ситуацию проще всего описать

следующим образом: стратегические продажи не появились, стратегические покупатели еще не подошли. Рынок остается очень волатильным и реагирует даже не на новости, а на их предчувствие, добавляет Семенов. Среди лидеров роста – акции “Сургутнефтегаза” (+4,55% обыкновенные акции, +9,57% “префы”). В четверг будет закрытие реестра и инвесторы рассчитывают на хорошую дивидендную доходность, отмечает аналитик “Ак Барс Финанс” Александр Парамонов. Из нефтяных бумаг выделялись акции “Татнефти” (+6,23% на ММВБ). По мнению Парамонова, сегодня это самая недооцененная российская “голубая фишка”. Хорошую динамику продемонстрировали акции “Норильского никеля” (+4,36%), растущие вслед за ценами на никель, которые обновляют исторические максимумы четвертую торговую сессию подряд, замечает управляющий активами “Инвесткапитала” Елена Гусева».

По сравнению с 1990-ми изменилась читательская аудитория деловой прессы, появились учебные пособия по деловой журналистике [2, 3] и сами журналисты, уже подготовленные для работы в деловых изданиях. Новый стиль «Ведомостей» больше соответствовал реалиям нулевых годов и стал эталонным для деловой журналистики тех лет, бывших «золотым веком» для менеджеров разных рангов, управляющих чужими бизнес-активами в качестве наемных работников. Их специфический сленг помимо прямой своей функции, облегчающей их внутриклановое общение, попутно создавал вокруг них ауру профессионализма людей, которым можно доверить свои деньги, предприятия, ценные бумаги и т.п. Обилие специфического профессионального сленга в прямой и косвенной речи представителей бизнес-сообщества тех лет повлекло за собой появление этого сленга в авторских материалах журналистов. Заметно увеличилась доля аббревиатур: M&A (слияние и поглощение), EBITDA (доналоговая прибыль) и т.п.; заимствований из английского языка, порой не типичных для западной деловой прессы: «драйвер отрасли», «игроки рынка» и т.п.

Чрезмерное насыщение публикаций подобными «маркерами» своей компетентности в разбираемой теме было характерно для первого поколения уже дипломированных деловых журналистов, не самоучек начала 1990-х, а выучившихся новой профессии в

конце 1990-х — начале 2000-х годов на отечественных и иностранных журфаках, всевозможных курсах, школах и стажировках в западных деловых СМИ. «Эйфория неопитов» у них со временем прошла, а с началом кризиса 2008 года сдулся и сам пузырь менеджерского самоутверждения. Язык деловой прессы снова трансформируется — обратно, сближаясь с общепонятным публицистическим стилем.

В текущем десятилетии стили «Ведомостей» и «Коммерсанта» (где в конце нулевых годов после проигранной гонки с «Ведомостями» была упразднена служба рерайта) заметно изменились. Они сблизились и практически слились в некий усредненный деловой стиль, уже лишенный как избыточной профессиональной лексики, так и яркой индивидуальности издания, которая раньше безошибочно узнавалась читателем этих газет по двум-трем фразам, даже вырванным из контекста.

Как уже сказано, подробный лексико-стилистический анализ нового делового стиля еще предстоит, в данной работе просто нет возможности для более детального его ретроспективного анализа, но среди главных причин его последней по времени трансформации в текущем десятилетии несомненно присутствует стремление деловых изданий расширять свою аудиторию за счет практически неисчерпаемой аудитории социальных сетей, для которой язык деловых СМИ предыдущего десятилетия был бы просто катастрофой. Вот лишь один пример из недавней публикации «Ведомостей» (декабрь 2018 года), где для новой целевой аудитории по-новому объясняются тонкости госрегулирования столичного девелопмента:

«...московские власти, прикрываясь необходимостью завершить долгострой, оставшийся от «СУ-155», решили забабахать новый жилой квартал прямо за забором конноспортивного комплекса «Битца» и на границе особо охраняемого природного парка «Битцевский лес».

Литература

1. Медиалогия. Рейтинги. Федеральные СМИ: 2018 год [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6454/> (Дата обращения: 28.02.2019)
2. Мельник Г.С., Виноградова С.М. Деловая журналистика: Учеб. пособие. СПб., 2010.

3. Мурзин Д.А. Деловая пресса // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2007. с. 104–120.

4. Сергачев В.Я. Деловая пресса региона: состояние и перспективы развития: Дисс. канд. фил. наук: 10.01.10. СПб., 2000.

5. Толстунова М.А. Тенденции развития языка современной деловой прессы // Вестник Нижегородского университета им.Н.А.Лобачевского, 2010, № 4 (2), с. 958–96.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

И.Н. Пономаренко, С.А. Мосьпан

sunlana18@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

В работе исследуется специфика формирования модальности в медиатексте и языковые средства, репрезентирующие аксиологическую модальность.

Известно, что прагматическая специфика медиатекста обусловливается идеологической направленностью средств массовой информации. При этом СМИ тесно связаны с политикой, причем эта связь носит двусторонний характер: политика определяет характер использования языковых средств в медиатексте, а средства массовой коммуникации являются эффективным инструментом воздействия на общественное сознание.

Одним из феноменов политической сферы, попавшим «под прицел» СМИ, являются чиновники. Лексема «чиновник» изначально имела нейтральную оценку, но из-за частого употребления в негативных контекстах приобрела отрицательную оценочную модальность. Выявление аксиологического компонента в лексеме представляет определенную трудность, поскольку он выражен преимущественно имплицитно. Попытки теоретического описания данной оценки предпринимались на материале рекламного дискурса (С.В. Кобызева), на примере интернет-комментариев (С.М. Карпоян), в речевых актах со значением «признание» (И.А. Шаронова), на материале текстов СМИ (А.А. Салтыкова) и др.

Цель нашего исследования – выявить способы презентации

скрытой информации, посредством которых в текстах СМИ формируется отрицательная модальность лексической единицы «чиновник».

В рамках исследования мы проанализировали подходы к изучению оценочности и выделили классификацию импликатур (скрытых, подразумеваемых значений), разработанную А.А. Салтыковой, которая в своей работе опиралась на теорию речевых актов Г.П. Грайса. В работе «Логика и речевое общение» исследователь описал так называемый принцип кооперации, в рамках которого выделил четыре коммуникативных постулата – ясность, информативность, релевантность и истинность, соблюдение которых обеспечивает успешность коммуникации между адресантом и адресатом, а нарушение позволяет ввести в высказывание импликатуру.

Обобщая результаты исследования Г.П. Грайса. и А.А. Салтыковой, приведем классификацию импликатур, которая включает:

1. индикаторы, нарушающие принцип кооперации (выражения, употребленные в переносном значении и нарушающие постулат истинности – фразеологизмы, слова-символы и т. п.);
2. нарушение постулата релевантности (слова и словосочетания, оцениваемые как нерелевантные с точки зрения стилистики или грамматики – жаргонизмы, нарушения речевых норм и др.);
3. индикаторы, вмещающие иные виды модальности (содержащие эпистемическую модальность, то есть выражающие правдивость тех или иных сообщений) [6, с.154].

Проанализируем некоторые показательные примеры:

1. *Российские чиновники, заразившись западным вирусом паразитизма и подражая западным «элитам», создают в России для себя любимых подобие «островков западной цивилизации», отгородившись от народа и за счёт русского* [5] и др.

Имплицитная оценка, содержащаяся в приведенном фрагменте, формируется включением в высказывание трёх индикаторов: «заразились вирусом паразитизма», «создали островки цивилизации», «элита». Включенные в текст лексические единицы имеют переносные значения, что является нарушением постулата истинности и побуждает искать дополнительные, не выраженные эксплицитно смыслы высказывания. В представленном контексте используется слово «элита», заключённое в кавычках, из этого мы

делаем вывод, что слово представляет собой оценочную отсылку, что является нарушением закона релевантности, вызванным несоблюдением стилистических норм медийного жанра.

2. *Ельцинская гвардия ещё крепко сидит во многих уровнях власти и сочетает подрывную деятельность с воровством. Так чиновники превратили Сахалин в кормушку, приняв законы для обеспечения себя любимых астрономическими пенсиями...* [5] и т. п.

В приведенном примере индикатором модальности следует считать словосочетание «ельцинская гвардия». Оно интересно прежде всего тем, что представляет собой трансформацию фразеологизма «старая гвардия». Происходит изменение семантического пространства значения «люди долго и плодотворно проработавшие где-либо» вследствие замены прилагательного «старая» на «ельцинская», которое содержит аллюзийный негативный компонент. Отрицательная аксиологическая модальность обусловлена внеязыковыми факторами, а именно намеком на правление Б.Н. Ельцина, стратегия управления которого не может считаться успешной.

3. *Травля честных людей в Минвостокразвития. История директора Агентства Дальнего Востока Алексея Минеева о том, как начали травлю и попытку насильно уволить его за то, что он нашёл коррупционные признаки в работе Минвостокразвития...* [5].

Примером индикатора модальности является слово «травля», которое употребляется в переносном значении, нарушая постулат истинности.

4. *Чиновников таки заставят спуститься с небес на землю и пересесть на отечественные авто...* [5] и пр.

Приведённый пример интересен тем, что аксиологическая модальность выражена дважды: посредством частицы *таки*, которая выступает в роли индикатора имплицитной модальности, выражая сомнение (в статье подчеркивается, что решение пересадить чиновников на отечественные автомобили было не очень вероятным). Во втором случае индикатором оценочности является использование фразеологизма «спуститься с небес на землю», употребление которого нарушает постулат истинности.

5. *Угроза для государства. Почему коррупция и некомпетентные, но якобы верные чиновники разрушают Монголию* [5] и т. п.

Автор данной статьи использует частицу *якобы*, называя чиновников верными. Согласно «Большому толковому словарю» С.А. Кузнецова, эта частица «выражает сомнение в достоверности сообщаемого» [2]. Следовательно, приведенное предложение иллюстрирует формирование эксплицитной эпистемической модальности.

По нашим наблюдениям, большая часть информации, получаемая обществом, приходится на федеральные СМИ, которые выражают официальную точку зрения. Стоит вспомнить о том, что, согласно профессиональному этическому кодексу журналистов, регламентирующему деятельность СМИ, журналист должен быть максимально объективен и проводить четкую грань между фактами и трактовками. В этом аспекте появление аксиологической (оценочной) модальности в средствах массовой информации может расцениваться как нежелательное. Но несмотря на это, журналисты нередко используют различные механизмы введения имплицитной оценки (оценочного предиката) с целью повышения рейтинга телевизионных программ или печатных изданий.

Таким образом, на примерах употребления лексемы «чиновник» в текстах СМИ нами была предпринята попытка осмысления механизмов создания скрытых смыслов посредством импликатур. Именно эти механизмы формируют негативную социальную оценку чиновничества. Анализируя примеры, мы установили: чаще всего для манипулирования массовым сознанием используются следующие виды языковых индикаторов: 1) индикаторы, нарушающие постулат истинности; 2) индикаторы, нарушающие постулаты релевантности; 3) индикаторы, содержащие иные виды модальности, например, эпистемическую модальность.

Литература

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217–237.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 2000.
3. Кукса И.Ю. Средства выражения модального значения достоверности в газете «ведомости». – Воронеж, 2010.

4. Ларина Т.В., Озюменко В.И., Пономаренко Е.Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах. – М, 2011.

5. Новости русского мира: [Электронный ресурс]: URL: <http://webnovosti.info>.

6. Салтыкова А.А. Индикаторы имплицитной аксиологической модальности в текстах СМИ. – М, 2013.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АПГРЕЙД В ПРАВОВОМ ПРОЦЕССЕ

Прадиш О. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Естественным для языка состоянием является его развитие. Чем быстрее протекают политико-социальные, экономические процессы, чем более кардинальными являются эти изменения, тем быстрее и основательнее реакция языка на них.

Е. Н. Ремчукова отмечает, что наиболее благоприятной средой для любого экспериментирования, вторжения нового являются лексика и словообразование, и хотя узус ограничивает свободу выбора, накладывая запрет на те или иные грамматические формы, потребности живой речи заставляют говорящего бороться с этими ограничениями, и в условиях современной вербальной свободы острота этой борьбы усиливается [3, с. 8].

Гибкость на лексическом уровне проявляется в первую очередь в устной речевой коммуникации, которая реформирует / преобразовывает и адаптирует слова, иногда нетрадиционным для языковых норм способом, придавая новые и дополнительные значения, а в дальнейшем – и в письменном варианте. Промежуточным звеном между устной речью и источником кодификации (нормы) является канцелярский подстиль официально-делового стиля, а именно канцелярский документ, составленный с целью фиксации информации для ее дальнейшей передачи и использования.

Целью статьи является систематизация и анализ современных лингвистических знаний в области неологии, необходимых также

юристам-практикам при проведении различных процессуальных действий. *Задачи* статьи: выявление на базе лексики, вошедшей в словарь под ред. Т. Н. Буцевой [1], новых слов и новых значений, используемых для обозначения лиц, семантика которых непосредственно связана с правом; определение продуктивных словообразовательных способов, анализ семантических особенностей указанной группы слов.

Следует отметить, что несмотря на внимание к исследованиям в области неологии (см., напр., работы И. В. Арнольда, Я. Бенковичовой, И. А. Воробьевой, О. А. Габинской, Т. Ф. Ефремовой, Т. В. Матвеевой, Л. Л. Нелюбиной и др.), юридической лингвистики (см., напр., работы А. С. Александрова, К. И. Брилева, Е. И. Галяшиной, Н. Д. Голева, Т. В. Губаевой, Ю. Ф. Прадида, А. С. Токарской, З. А. Тростюк и др.), вопросы функционирования новых лексических единиц и их трансформации на семантическом уровне в сфере права не рассматривались.

Данное исследование произведено на материале имен существительных со значением лица, осуществляющего свою деятельность правомерно / неправомерно.

А. Лексические единицы со значением лица, названного по деятельности (способу, принадлежности), осуществляемой неправомерно.

Образуются такие единицы суффиксальным способом по словообразовательной модели **производящая основа + суффикс** (либо приставочно-суффиксальным по модели **приставка + производящая основа + суффикс**).

Для образования существительных женского рода используются суффиксы: **-к(а)**, **-ниц(а)/-иц(а)**, **-ш(а)**, при этом морфема **-ш(а)** традиционно употребляется в формах, свойственных только разговорной речи, придает семантике дополнительную негативную окраску: *террористка; нелегалка; Наташка; суицидница; клофелиница; крысятница; лотерейница; лохотронница; наркоманша; сутенерша; рэкетирша* и др.

Для образования существительных мужского рода используются суффиксы: **-ник**: *барсеточник; бригадник; беспределник; суицидник; баррикадник; бытовушник; водочник; клюквенник; кукольник; лаврушник; мафиозник; наперсточник; пожизненник*. Для придания субъективной оценке большей эмоциональной

насыщенности используются различные суффиксальные варианты, что способствовало появлению множества лексических единиц с различной коннотацией: *челнок – челночник – челночок – челночица – челночиха*. **-щик/-чик**: *беспредельщик; клофелинщик; ломщик; лотерейщик; лохотронщик; системщик; варищик; вальщик; взломщик; гамщик; героинщик; самоходчик; самопальщик; -ист*: *псевдотеррорист; уклонист*; **-ир/-ор/-ер**: *бригадир; прихватизатор; легализатор; наркотизатор; легионер; суперкиллер; бутлегер и бутлеггер; гастролер*; **-тель**: *вирусолог; глотатель; расчленитель*; **-л(а)**: *бомбила; терпила*; **-ок**: *браток; бегунок*; **-ак, -ик**: *блатняк; взросляк; боевик; теневик; мафик; нарик; нацик; папик; наркоголик*; **-ишк**: *автоворишка*; **-ант/-ент**: *досидент; корруппант*; **-ец**: *боец*; **-уг**: *сadyга*; **-ш(а)**: *бракоша и бракуша; наркоша и наркуша* (применительно к лицам обоих полов).

Достаточно продуктивным способом словообразования является также основосложение, которое используется для наименования и уточнения действия (цели, способа, сферы) производящего его лица: *бизнес-мент (бизнесмент); вор-гастролер; драгдилер; рэкетмен; смертники-самоубийцы; террорист-камикадзе; фальшивоводочник; фанатик-самоубийца; частник-нелегал* и др.

Б. Единицы со значением лица, названного по деятельности (профессии, способу, принадлежности), осуществляемой правомерно.

Образуются суффиксальным способом по словообразовательной модели **производящая основа + суффикс** (либо приставочно-суффиксальным по модели **приставка + производящая основа + суффикс**): **-ник/-ниц(а)**: *конституционник; контрактник; контрактница; девяточник*; **-щик/-чик**: *ракетчик; переписчик; комитетчик*; **-ир/-ор/-ер**: *риелтор; сенатор; трейдер; франчайзер; приватизатор; провайдер*; **-ак, -ик**: *силовики; следак*; **-ант/-ент**: *резидент; реципиент; подписант*; **-ш(а)**: *риэлтерша; спонсорша*.

Достаточно распространенным явлением для образования инноваций для обозначения лиц по роду занятий от заимствованных лексических единиц является абсолютная суффиксальная синонимия, возникающая в результате новизны, «инородности» слова и понятия в речи (характерно для слов, относящихся к различным частям речи, функционирующих в различных сферах): *граффитист – граффитчик – граффер*.

Еще более продуктивным, чем в случае с лицами, называемыми по принадлежности к процессам, осуществляемым ими вне закона, словообразовательным способом является основосложение. Среди особенностей данной категории слов необходимо выделить сочетание основ, одна из которых может принадлежать литературному слову, а другая – жаргонизму; также примечательно произведение слов с более чем двумя основами. В данном случае новообразования приобретают значение уточнения не только по действию лица его производящего (виду, цели, способу, сфере), но и по признаку, особым свойствам: *бизнес-адвокат; правоохранник; природозащитник; сельхозтоваропроизводитель; сержант-профессионал; следователь-важняк; следопыт; специалист-взрывотехник; спецосланник; частник-автовладелец; черномасточник; юрист-формулировщик* и др.

Популярными в словообразовании стали префиксы и слова (части слов, аббревиатуры), используемые при образовании сложных слов, как славянского происхождения, так и заимствованные: *супер-; псевдо-; пост- (после-); пред-; со-; пере-; полу-; арт-; анти-; аудио-; видео-; допинг-; псевдо-; психо-; парт-; полит-; рас-; ВИЧ-; бомж-* (прим. авт.: аббревиатура – без определенного места жительства – стала не только отдельной лексической единицей, но и производящей основой для множества слов (24!)); *спец-; банк-; бизнес-; фирма-; тур-; эко-; эконо-* и т. д., не стали исключением и новообразования для обозначения лиц: *антикоррупционер; аудиопират; психотеррорист; расчленитель; самопальщик; суперкиллер* и т. д.

Отдельную группу слов для обозначения лиц составляют производные от аббревиатур и названий структур, учреждений, общественных организаций, отделов, должностей и т.п.: *альфист (альфовец); аодовец; витязи; генпрок; гибддэшник (гибодэдэшник, гибэдэдэшник, гибдэдэшник); грушник (ГРУшник); гуоповцы (ГУОПовцы); гэбешник (гэбня, гебня, гэбистка, гебистка, гэбульник, гебульник, гэбуха, гебуха, гэбэшница, гебешница); девятчник; рубоповец; руопник (руоповец); силовики; совбезовец; федералы; фээсбэшник (эфэсбэшник); эмгэбист* и т. д.

Среди приведенных примеров присутствуют как литературные варианты, так и жаргонизмы (что следует учитывать при составлении сопутствующей документации), причем некоторые из

синонимичных параллельно образующих слова суффиксов имеют более негативную окраску, что придает некоторым вариантам дополнительную субъективную оценку (пренебрежение, презрение и под., являются оскорбительными).

Субстантивация среди исследуемых лексических единиц малопродуктивна, но существительные с сохраненными признаками прилагательного встречаются: *алкозависимый; расстрельный; ВИЧ-инфицированный; полицейский; городской; деловой.*

Следует отметить, что возникновение новых слов и значений происходит зачастую одновременно с появлением в нашей действительности самого понятия и процесса (возникновением или заимствованием), так, например, образовались единицы: *анти-террор – антитеррорист; аудиопиратство – аудиопират; аудит – аудитор; банкротизация – банкротизатор; бизнес – бизнес-адвокат – бизнес-консультант – бизнес-мент; бытовка – бытовуха – бытовушник; ВИЧ – ВИЧ-инфицированный – ВИЧ-носитель – ВИЧ-позитивный* и т. д.

В свою очередь, появление слова для обозначения лица обуславливает и появление единицы для обозначения группы лиц, сторонников, приверженцев, последователей (сообществ, объединений, направлений и т. д.), объединенных по какому-либо общему признаку (занятию, действию, процессу и т. д.): *мафия; полиция; разведсообщество; силовики.*

Из изложенного выше следует, что на современном этапе развития языка актуальной стала тенденция к сокращению речевого объема (времени на формулировку; стремление к снижению концентрации и напряжения, связанных с подбором и применением адекватных ситуации языковых средств и т. п.) за счет формирования более сложных лексических единиц с уточняющей семантикой (в том числе и эмоционально-экспрессивной составляющей), а также употребления форм слов, не соответствующих нормам (употребление формы множественного числа в случае, где возможно только единственное; падежные изменения неизменяемого слова и под.).

Литература

1. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв.

ред.) и Е. А. Левашова; Ин-т лингв. исследований РАН. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009, 2014. — Т. 1, 816 с.; — Т. 2, 1392 с.; — Т. 3, 1360 с.

2. Прадид О.Ю. Особенности функционирования имен существительных в названиях разделов и глав Уголовного кодекса Российской Федерации // Развитие науки в XXI веке: Сб. статей научно-информац. центра «Знание» по материалам X междунар. заоч. научно-практич. конф. — Харьков, 2016. — Ч. 2. — С. 82-86.

3. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. — 2-е, испр. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 224 с.

НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК СТРУКТУРИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Самыличева Н.А.

nasa85@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

Язык интернета по своей сущности (преимущественно, однако не всегда) является одним из средств письменной коммуникации.

Во многих исследованиях, посвященных лингвистическим проблемам интернет-общения, прослеживается активное употребление терминов «медийный дискурс», «интернет-дискурс», под которыми понимается совокупность разнообразных видов речевого общения посредством электронной среды.

Интернет-коммуникация отражает общезыковые тенденции к усилению диалогичности, усилению разговорности общения, стремление к экспрессивизации и глобальному огрублению и снижению речи [4, с. 6–8].

Одно из ярких средств экспрессивизации интернет-текста — это словотворчество, словопроизводство, в результате чего возникает большое количество новообразований, окказионализмов.

Экспрессия новообразований обусловлена определенными внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами. Некоторые ученые выделяют тексто- и дискурсообразующие функции, выполняемые окказионализмами, в качестве ведущих. Одной из основных функций окказионализма считают «структурирование

смыслового пространства дискурса» [7, с. 21]. Таким образом, первой ведущей функцией окказионализмов исследователи считают структурирование содержания текста / дискурса.

Вторая дискурсообразующая функция окказионализмов – это решение коммуникативно-прагматических задач. Окказионализмы обладают номинативностью и экспрессивностью, являются средством речевого воздействия, также исследователями подчеркивается «прагматическая ориентация окказионализма для эффективного решения коммуникативной задачи» и «креативный способ решения коммуникативных задач» [1, с. 5, 19].

Наше исследование показывает, что контекст не только «уточняет» семантику новообразования, актуализирует ее, но и дополняет ингерентную экспрессию окказионализма адгерентной экспрессией.

Так, усилению экспрессивности, а также оценочности окказионализмов и всего микроконтекста в целом способствует употребление в одном контексте двух однокоренных новообразований. В случае включения в ряд однокоренных окказиональных слов более двух лексем данный прием условно метафорически обозначается Е.А. Земской как «словообразовательный куст» [3, с. 196].

Подобным образом создан текст, посвященный оформлению экологичного интерьера (во всех примерах орфография и пунктуация авторов сохранены. – Авт.):

– *Эко за эко: материалы для экологичного интерьера. Эко-френдли – это безопасные для окружающей среды и человека вещи. <...> Эко-корпусная мебель. Безопасных материалов, используемых для изготовления корпусной мебели огромное множество. Рассмотрим подробнее наиболее популярные из них. <...> Эко-наполнители для мягкой мебели. Самый распространенный наполнитель мягкой мебели – пенополиуретан. <...> Эко-текстиль. Казалось бы, определить, какие материалы обивки относятся к натуральным и безопасным не составит труда даже школьнику. Но только не в том случае, когда большая часть сырья обрабатывается специальными растворами и химикатами (<http://homenino.ru/bestofthebest/eko-za-eko-materialy-dlia-ekologichnogo-interera>).*

Или, например, весь паблик «жизнь мягких игрушек» социальной сети «ВКонтакте» построен на обыгрывании слова «плюш»,

об этом свидетельствует призыв организаторов данного сообщества:

– 17 фев. 2018 в 14:25

Уважаемые плюшеринары!

Предлагайте свои отраслевые термины, заболевания, процедуры, органы, лекарства!

Хорошие примеры: плюшеркулез, плюшендицит, плюшиатрия, Плюшералган УПСА, Тераплю, плюшетонин.

Плохие примеры: плюоциент (пациент, дескать), плюшизва (язва), плюшергия (аллергия).

Задача любой ценой затолкать «плюш» в слово не стоит. Новообразованное слово должно легко читаться, в нем сразу должен угадываться оригинал:) (https://vk.com/topic-159592566_36581434).

Включаясь в совместную языковую игру, пользователи успешно развивают паблик и регулярно пополняют заметки внутри группы, активно комментируя каждый интернет-пост:

– *Кровь мягких игрушек под микроскопом: красные кровяные тельца (плюшитроциты), зеленые, розовые и синие кровяные тельца* (11 фев. 2018 в 14:21);

– *«При проведении ежегодных плюшосмотров рост игрушек-оптимистов следует измерять до носа* (3 апр. 2018 в 15:06), сообщество «жизнь мягких игрушек») – комментарий на этот пост: *Александр, шел пятый день ежегодной дисплюшеризации...;*

– *Удивительное путешествие Тедди на орбиту Юпитера для изучения загадочных черных монолитов! В рубрике «Классика плюнематографа» художественный фильм «2001 год: Космическая теддиссея» (реж. Стэнли Плюбрик), сегодня в 21:00 на Первом Плюшевом* (27 июл. 2018 в 9:33);

– *Росплюшнадзор поздравляет десантников с Днем ВДВ и... рекомендует выходцам из Плюшбекистана воздержаться от посещения публичных мест* (2 авг. 2018 в 9:07);

– *При высоком внутриплюшечном давлении употребляйте в пищу продукты зеленого цвета: капусту, огурцы, петрушку, авокадо, пирожные с зеленым кремом, яблочные чупа-чупсы* (29 сен. 2018 в 9:25) и т.д.

Также следует отметить, что словообразовательные гнезда со-

здаются вокруг ключевых слов, особенно характерных для данного времени.

При изучении активных процессов словообразования, как отмечает Е.А. Земская, большую роль играют так называемые «ключевые слова эпохи». «Окказионализмы нередко создаются для того, чтобы показать подлинную сущность того или иного явления. Окказионализмы именуют явления разной степени значимости» [2, с. 132–133]. В этом аспекте интересным, значимым является образование окказионализмов на базе ключевых слов.

Данные «ключевые слова» порождают целые группы однокоренных слов (словообразовательные гнезда и словообразовательные парадигмы). Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на связи с другими словами, актуализируя те или иные отношения между словами в лексической системе языка. По определению Е.А. Земской, «ключевыми» следует считать «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [2, с. 92]. Ключевые слова можно считать оценочными доминантами современной действительности, одним из проявлений языковой личности.

Одним из таких ярких ключевых слов, участвующих в современных деривационных процессах, является ключевое слово *мем*:

– ***Мемология*** – это термин, который придумали, по сути, интернет-пользователи. Под мемологией понимают историю мемов, их значение. Мемология изучает популярные мемы.

Если кратко: ***меметика*** – это для ученых, которые серьезно пишут про мемы, а мемология – это то, чем занимаются интернет-пользователи (<https://thequestion.ru/questions/282518/chem-memologiya-otlichaetsya-ot-memetiki>);

– Скоро наступит такое время, когда без знания ***мемчиков*** невозможно будет устроиться на работу и жить полноценной социальной жизнью (https://pikabu.ru/story/memologiya_5160412).

Интернет-текст обнаруживает и такое интересное свойство, как метатекстовость. Довольно часто можно заметить, что в связи с появлением определенного новообразования, внедренного одним из участников коммуникации, появляются комментарии собеседников по поводу того, как созданы данные единицы, насколько они уместны и какую оценку выражают.

Например, нам встретился подобный текст-размышление по

поводу создания феминитивов:

Подходящие слова зовутся феминитивами. На картинке реальные скрины из группы по теме. В обсуждениях можно встретить всякое – типа «Я блогерка, авторка уникального контента и фотографиня(!)» А суффиксы типа «-ша» фемок угнетают – мол, неуважительно это и прозаично.

Если честно, у меня просто бомбануло.

С вами была педагогиня (по образованию), авторка (данного поста) и болванесса (по жизни) (http://grows5.rssing.com/chan-1895415/all_p1835.html).

В интернет-дискурсе можно отметить не только усиление авторского начала, но также гипертрофированное усиление функции воздействия: очень часто «высокая степень категоричности авторов публикаций в современной прессе создает впечатление о недопустимом уровне агрессивности речевой коммуникации в современном русском обществе...» [5, с. 468].

Усиленное стремление к оценочности зачастую приводит к речевой агрессии, которая может выражаться в тексте различными средствами. К словообразовательным средствам проявления речевой агрессии относятся, в частности, окказиональные слова. Особенно часто в интернет-общении можно обнаружить речевую агрессию по отношению к медийным персонам:

– *Бузовщина* – это явная деградация общества (URL: <http://youtube.ru>, 26 апр. 2018);

– *Малахова больше не смотрю! У него болезнь Бузоблювотвой* (URL: <http://youtube.ru>, 27 апр. 2018);

– *Малашник в своем репертуарчике* (URL: <http://youtube.ru>, 27 апр. 2018);

– *...Вернётся и нравственное телевидение, без рекламы, малаховщины и прочего безобразия. Иначе и быть не может* (URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/08/14/malahovwina_raspolzaetsya);

– *Каково ваше отношение к Петросянице? Петросяница*
– *это целая плеяда неудачных шутников-юмористов* (<http://rock.ru/forum/index.php?topic=3201.20>)

– *Куда не глянь, везде Собчак. Собчакнется Рассея так!*

Уж лучше пусть кумиром – Норрис Чак! (<https://nickel1.livejournal.com/144752.html>).

Окказиональные новообразования, связанные с проявлением

речевой агрессии, как любые другие окказионализмы, свидетельствуют о роли языковой личности в процессе обработки языкового материала, но в то же время заставляют задуматься о речевом поведении авторов, «у которых в пылу изобретательства нередко снимаются этические и эстетические табу» [6, с. 44].

В целом использование автором разнообразных средств, способствующих формированию экспрессивной окраски слова, можно связать с тем фактом, что «человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острологии, оригинальности формы выражения» [2, с. 25].

Таким образом, язык интернета призван воздействовать на читателей, внушать им те или иные идеи, способствовать появлению эмоциональной реакции, переживаемого чувства, отношения, а также реакций в форме действий и поступков. Первостепенная роль в этом процессе принадлежит журналисту, автору как творческой языковой личности. Субъект выступает как личность со своими особенностями ментальности, активной авторской позицией, стремящейся к самовыражению. Роль языковой личности при создании новообразований подтверждается дискурсивной сущностью самих окказионализмов, которые помогают структурировать интернет-пространство.

Литература

1. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учеб. пособие. Калининград, 1997 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php.
2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. – С.90–141.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
4. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. – 325 с.
5. Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня. Вып. 3. М., 2008. – С. 465–480.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
7. Сухопещенко Ю.Ф. Когнитивная структура прагматически ориентированных лексических новообразований (на материале британской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. – 22с.

МЕДИАПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖАРГОН КАК СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЯ

И.А. Соболева

sobolevalugansk@mail.ru

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
(Луганск)

Активная трансформация государственного устройства, экономического уклада и общественных связей расставила новые приоритеты в языковом пространстве современного социума. Эпоха великого социального слома, выразившаяся среди прочего в маргинализации общества, форсировала значительные сдвиги в языке, и средства массовой коммуникации, создающие особый тип дискурса (коммуникативного события, участники которого взаимодействуют между собой посредством вербальных текстов), продолжают играть в данном процессе одну из главных ролей.

По утверждению М.А. Брейтера, «связь языка и культуры, языка и общества предопределяется тезисом об адаптации языковой системы к языковому окружению» [2, с. 15]. Так, время общественной перестройки – одновременно и время перестройки языковой системы. На отдельных уровнях языка – фонетическом, грамматическом – эти изменения отражаются опосредованно, в течение долгого времени. Наиболее уязвим, подвержен модификациям лексический уровень. Именно лексика – «барометр» общественных изменений и текущих пристрастий членов языкового сообщества – отражает общественное сознание, вместе с тем оказывая значительное влияние на его формирование.

Цель статьи – анализ когнитивно-прагматической функции сниженных языковых средств (просторечия, жаргона, аргю) в современном политическом медиадискурсе, установление причин и факторов, определяющих высокую степень популярности и востребованности этих языковых страт в языке современных медиа.

«Языковой вкус» современного общества характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: ориентированностью на разговорную и просторечную экспрессивность и одновременным стремлением к книжности. В.Г. Костомаров считает, что сегодня отчетливо прослеживается активная линия воздействия на

литературную норму со стороны освобожденного потенциала разговорно-жаргонной речи, ее продвижение в публичную сферу, в массовое общение. Использование ресурсов разговорной и жаргонной речи, расширяющих выразительные возможности литературного языка – символизируют эволюцию и диссолюцию (деградацию) языка и находят отражение в политическом дискурсе [4, с. 78–110].

Широкая экспансия сниженных языковых средств, перемещение в центр коммуникации элементов из периферийных сфер [3, с. 4] привели к массовой атаке этих подсистем языка на современный политический дискурс. Среди экстралингвистических факторов, обусловивших эти процессы, наиболее значимой, как маргинализация общества, сопровождающийся неопределенностью социальных статусов, трудностями установления идентичности и в конечном счете приведший к усложнению социального взаимодействия между членами общества. Маргинализация коммуникации, как никакой другой экстралингвистический фактор, оказала значительное влияние на формирование новой речевой культуры. Как подчеркивает Е.А. Земская, «периоды перестройки и постперестройки по своему воздействию на язык подобны революции» [3, с. 7]. Так началось энергичное «перемешивание» разных слоев населения, например, речь узников ГУЛАГа (уголовных, бытовых, политических) стала влиять на речь элитарных социальных групп.

Маргинализация постсоветского общества интенсифицировалась бедностью, социальной нестабильностью, крушением планов и надежд. В результате сформировался новый слой коммуникантов, пребывающий в «пограничном состоянии», социальной депривации. Для средств массовой коммуникации как «зеркала» общественных процессов в этот период характерны «активность арготической лексики, актуализация различных жаргонов» [1, с. 32], тенденция закрепления в публицистическом дискурсе суб- и нон-стандарта. Многочисленные социально- и профессионально-групповые жаргоны, ранее бывшие обособленными, эзотерическими системами, вступили в активное взаимодействие с кодифицированным литературным языком, разговорным языком и просторечием, приведя к образованию специфического функционального

слоя в русской лексике – общенационального жаргона – интержаргона [6, с. 43].

Исчезновение ограничительных рамок привело к тому, что средства массовой коммуникации, кроме богатой палитры сниженных внелитературных средств, стали активно использовать уголовный жаргон в политическом языке. Дискурс многочисленных политических ток-шоу, в режиме нон-стоп идущих на различных телевизионных каналах, подтверждает данный факт. В речи журналистов, политических экспертов и самих политиков ежедневного политического ток-шоу «Время покажет» на первом федеральном канале арготизмы выполняют значимую коммуникативно-прагматическую функцию: *«А эти сначала **мурыжат** народ, **дурят**, как могут, а, завидев, как кто-то **отслюнит** пачку банкнот, **делают лапки горсточкой** и вперед – в астрал»; «Их многочисленные политические технологии больше **не хилуют**»; «О беспределе в этой политической силе написано немало»; «Это не разборка и не теракт»; «В СБУ Украины как всегда **отморозились** и попытались **отмазать** скандального политика».*

«Освобожденная» разговорная и жаргонная стихия инкрустировалась в повседневную жизнь и публичное общение, что наиболее заметно отразилось на языке печатных средств массовой информации. Как подчеркивает Л.П. Крысин, рубеж двух столетий был отмечен энергичным вхождением в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых «в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода формами нелитературной речи» [5, с. 37]. Отказ в социальной жизни от жестких канонов и норм прошлого, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сферах, так и в человеческих отношениях сказались на новых оценках языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), обрело «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка.

Процесс «демократизации» языка наиболее ярко проявляется в текстах печатных изданий, укрепляющих позиции коллоквиализации посредством активного употребления периферийных единиц лексической системы, относящихся к суб- и нонстандарту, а

также к обценной лексике. Вот только несколько примеров из региональной прессы: «*Два сотрудника МВД поняли, что можно зашибить деньгу*»; «*Майор перед судом явно заприбеднялся*»; «*Решили грабануть*»; «*Вся страна шлепает, куда ее посылают, то в бандитскую приватизацию вляпаемся, то в кровавую бойню вкатимся*»; «*Прокинули*» и футболистов, и волейболистов»; «*Монополия – она и есть монополия, лупи клиента рублем, куда он на фиг денется!*».

Дискурсивный анализ показывает, что в политическом медиадискурсе частотны самые различные жаргонизмы, выступающие сигналами социальных отношений, имплицитующие этическую и социальную оценку описываемых явлений. Первичное восприятие политического дискурса адресатом обуславливается знанием языковых стереотипов и узуальных значений. Адресант же, употребляя жаргонизмы, вводит в заблуждение, воздействует и манипулирует сознанием адресата. При взаимодействии речевых культур жаргонизмы перестают осознаваться как маргинальные, социально маркированные или табуированные слова. В сознании носителей языка закрепляется определенный стереотип речевого поведения, или стиль, характеризующий «колорит нашей эпохи».

Таким образом, средства массовой информации принимают активное участие в выстраивании картины мира современной коммуникации, в которой превалируют субстандартные жаргонные средства, что подрывает функционально-стилевую и экспрессивно-стилистическую систему современного русского языка. А поскольку устоявшаяся система функциональных стилей служит не только эстетическим целям, но и целям наиболее экономной и точной передачи информации, то ее разрушение невольно способствует понижению информативности общения и деформации культурных стандартов. Кроме того, арготическая, уголовная лексика оказывает влияние не только на эмоциональный и эстетический уровень общения, но и на интеллект индивида и нации.

Литература

1. Берглова Е.И. Жаргон в системе репрезентативных факторов развития русского языка XX века //Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: ЕГПУ, 1998. – С. 123–148.
2. Брейтер М.А. «Киллер» или «убийца»? – Вестник ЦМО МГУ.– 1998. № 1. – С. 73–116.

3. Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 9–29.

4. Костомаров В.Г. Язык текущего момента. Понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2015. – 220 с.

5. Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Наука, 2003. – С. 33–77.

6. Панов Ю.А. Влияние социально-экономических процессов на экспансию сниженной лексики в современном русском языке // Языковая структура и социальная среда. – Воронеж: Вестник ВГНУ, 2000. №3 – С. 31–47.

ДОНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

В.В. Смеюха

smeyha@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»
(Ростов-на-Дону)

Диалектология – раздел языкознания, привлекающий внимание ученых [4, 8]. Несмотря на существование теорий, предсказывающих исчезновение диалектов, диалектология продолжает развиваться. Так, по мнению профессора В. И. Теркулова, «местные языковые черты все-таки обнаруживаются в региональной речи. Иначе говоря, для современного состояния национального языка характерно не столько исчезновение диалектов, сколько их модификация, трансформация в новые территориальные образования, возникающие на пересечении нескольких языковых стихий» [7, с. 403]. Профессор Т. И. Вендина считает, что «в последнее время все более широкое распространение получила идея престижности диалекта как языка т.н. «малой родины», способствующего этнолокальной идентификации» [3, с. 296].

Ростовские СМИ периодически обращаются к теме донского диалекта: «Знаете ли вы донской говор?» (Городской репортер. 2016. 14 марта. URL: <https://cityreporter.ru/znaete-li-vy-donskoj-govor/>), «Выбирайте выражения. О тонкостях перевода донских словечек на русский язык» (АиФ–Ростов. 05.12.2017. URL:http://www.rostov.aif.ru/society/persona/vybirayte_vyrazhenie_o_tonkostyah_perevoda_donskih_slovechek_na_russkiy_yazyk), «Почему мы «гэжаем» и называем пакет кульком» (Комсомольская правда. Ростов-на-

Авторы «Большого толкового словаря донского казачества» дают следующее определение донскому диалекту: «Донские казачьи говоры – это живая народная речь казаков, живущих на территории двух соседних областей – Ростовской и Волгоградской (территория бывшей Области Войска Донского)» [2].

Авторы ростовских изданий не только обсуждают употребление диалектизмов жителями донской столицы, но и сами используют данные слова в текстах, что характерно для публицистического стиля [1]. Рассмотрим особенности донских диалектизмов, присутствующих в материалах ростовских СМИ: обратим внимание на характер их использования, функции, которые они реализуют. В качестве эмпирической базы исследования были выбраны электронные сайты изданий «Наше время» и «Вперёд», методы исследования – филологический, контент-анализ, наблюдение, сравнение. Общественно-политическая газета «Наше время» адресована жителям Ростова-на-Дону и Ростовской области; общественно-политическая газета «Вперед» издается в г. Батайске (город расположен в 15 км от г. Ростова-на-Дону, население – около 125 тыс. чел.).

Примечательно, что сами журналисты, анализируя особенности донской речи, к часто употребляемым диалектным словам относят: «бурак», «тютютина», «жердёла», «сула», «кушери». Благодаря возможности формирования интерактивной коммуникации между автором и аудиторией, реализуемой в интернет-пространстве, читатели принимают активное участие в обсуждении особенностей языка ростовчан. Так, например, публикацию «Почему мы «гэкаем» и называем пакет кульком» (Комсомольская правда. Ростов-на-Дону. 08.08.2018) сопровождают 52 комментария (данные на 1 февраля 2019 г.), в которых читатели не только обсуждают языковой портрет ростовчанина, но и приводят примеры диалектных слов, что свидетельствует об интересе местной аудитории к диалектизмам: «киля» («молодой чебак, вершков 5–6»), «гля» («смотри»), «щербя» («навар из чего-либо, уха») и др.

Рассмотрим примеры использования диалектизмов в публикациях ростовских журналистов. При подготовке к исследованию и в процессе его реализации нами были использованы материалы

«Донского словаря» А. В. Миртова (Ростов н/Д, 1929) и «Большого толкового словаря донского казачества» (М., 2003).

Итак, слово «чебак» является распространённым в речи жителей Ростова-на-Дону и Ростовской области. Чебак – «рыба семейства карповых, лещ», «рыба, лещ», согласно исследованиям 20-х гг. прошлого века, слово было характерным для речи жителей Нижнего Дона (от ст. Багаевской и ниже), станиц по Донцу. Было выявлено три материала (с 2010 г. по 2019 г.), в текстах которых присутствует диалектизм «чебак». Обратимся к текстам, в которых употребляется данное слово: «Цимлянский район славится превосходным игристым вином, которое готовят старым казачьим способом, и отменнейшими вялеными *чебаками*. Однако вовсе не продовольственные изыски всегда влекут меня в этот уголок донской земли. В старину здесь жили казачьи мои предки» (Иванов Ю. История про неудобных людей // Наше время. 2010. 6 июля. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12371/468320/>). «Знатоки японской культуры нередко угадывают в ряде гравюр укиё-э намеки на древние японские сказания и мифы или, наоборот, прослеживают связь с современными этим художникам литературой и поэзией. Возможно, что, к примеру, лещ (*чебак*, если по-нашему, по-донскому) на гравюре Утагавы Хиросигэ – это изображение без какого-то философско-мифологического подтекста. Просто рыба, форма которой показалась художнику интересной» (Каминская М. Фудзияма из Краснодара // Наше время. 2018. 25 мая. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12381/532669/>). «В игре приняли участие три команды: «Арх-idea джуниор» (городской культурно-досуговой центр), «*Чебаки-добряки*» (Чебачинская средняя школа), «Тимур и его команда» (Зеленогорская средняя школа)» (Золотарева М. Юмористический бой // Наше время. 2019. 25 января. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/14488/540018/>). Как видим, все примеры были найдены нами в текстах издания «Наше время». В первом случае диалектное слово используется с целью описания исторического колорита местности; во втором – автор приближается к языку местной аудитории, используя диалектизм; в третьем – связано с названием населенного пункта, хутора Чебачьего.

Глагол «бечь» – «бежать» в анализируемых СМИ с 2015 г. по 2018 г. использовался три раза: «Что делать, куды *бечь*? Градус

нервного напряжения растет. Люди хотят сохранить от прожорливой инфляции свои небольшие вклады, накопления, зарплаты» (Сидоров А. То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет // Наше время. 2015. 2 октября. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12370/502703/>). «Куды же крестьянину *бечь*, если цена действительно упадет до 40\$? Конечно, в случае чего можно черпануть из Фонда национального благосостояния» (Сидоров А. Разбудить спящего... // Наше время. 2017. 3 марта. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12370/517289/>). «А богатынских буратин тревожить не надо, этим есть куды *бечь*. У простого народа мнение несколько иное» (Сидоров А. Кругом бордюры и ни единой акварели... // Наше время. 2018. 30 марта. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12370/530484/>). Обратим внимание на то, что диалектизм используется в издании «Наше время», тексты, в которых присутствует данное слово, принадлежат одному автору. Последнее обстоятельство говорит о сложившемся авторском стиле ростовского журналиста, который преднамеренно использует диалектные слова, что позволяет ему достичь близости на лексическом уровне с массовой аудиторией ростовского региона.

Слово «курень» – «1) казачий дом. Обычно квадратный без кухни. Кухня отдельно во дворе. 2) дом, крытый соломой и камышом» [5, с. 162]), с 2012 г. по 2018 г. использовалось в публикациях СМИ 19 раз. Мы не будем рассматривать все примеры, приведем лишь некоторые из них: «Кроме того, войдя в любой *курень*, мы увидели бы на праздничном зимнем столе круглики – пироги с мясом» (Каминская М. Каша с рахманками да чай с баранками // Наше время. 2018. 2 февраля URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12381/528525/>), «Под стенами храма Святой Троицы (построен в XIX веке) выстроится целая улица казачьих *куреней*. Каждое сельское поселение возводит свой *курень*, готовит угощение, демонстрацию народных талантов и приоткрывает перед гостями странички истории своего края» (Нарсеева Н. Троицкие гулянья // Наше время. 2017. 1 июня. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/single/520281/>) и др. В данных примерах, как видим, использование диалектизма определяется необходимостью описания исторической ситуации, воссоздания историко-культурного фона. В этих примерах присутствуют и другие

диалектные слова: круглик – «пирог с начинкой. Обыкновенно на сковороде» [5, с. 154]; «круглян» – «пирог с начинкой»; рахманки – «молоки красной рыбы, осетра, севрюги и т. п.» (Казачий разговорник. URL: <http://kazak.pravorg.ru/kazachij-razgovornik/>).

Нардек – «вываренный из арбузов сладкий густой сок. Иногда из винограда» [5, с. 198]. Данное слово также присутствует в текстах ростовских СМИ, в изданиях было выявлено три публикации, авторы которых использовали этот диалектизм (за период с 2016 по 2018 гг.): «Из варки *нардека* (арбузного меда) организаторы праздника устроили настоящее шоу под названием «Как казаки *нардек* варили», в котором пожелали принять участие все гости хутора» (Нарсеева Н. Какие «кружева» плетут в Кружилинской // Наше время. 2016. 6 сентября. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12385/512083/>); «Попробовать необычное лакомство смогут все желающие, 4 сентября на празднике «Кружилинские толоки». С *нардеком* (арбузным медом) можно будет попить чай. Организаторы обещают, что все будет приготовлено по старинным Донским рецептам» (В музее-заповеднике Шолохова сварят арбузное варенье // Вперед. 2016. 24 августа. URL: https://bataysk-gorod.ru/novosti-v/?ELEMENT_ID=18042&spphrase_id=228535). В текстах воссоздается историко-культурная атмосфера, описывается традиционная казачья кухня: «На импровизированную полку над печью установили предметы казачьей кухонной утвари, которую собрали в музее в результате поисков. А еще учились носить чугунок с помощью ухвата, сажать хлебы в печь, рассказывали, что такое ... *сюзьма*, *нардек* и *каймак*» (Золотарева М. По рецептам бабушек // Наше время. 2018. 15 марта. URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/single/530033/>). Рассмотрим значение диалектизмов, присутствующих в последнем примере: *сюзьма* – «кушанье, приготавливаемое из кислого молока через отцеживание его» [5, с. 318], *каймак* – «сбитые кипяченые сливки, обратившиеся в густые пенки» [5, с. 126].

В СМИ распространены диалектизмы, относящиеся к тематической группе «донские (казачьи) продукты питания и напитки», они используются журналистами с целью описания исторической кухни донского казачества, популярность которой увеличивается в последнее время в связи привлечением внимания аудитории к гастрономической этнокультуре (см.: Е.К. Рева [6]).

Таким образом, можно заключить, что авторы ростовских СМИ используют в своих текстах диалектизмы, что позволяет им воссоздавать историко-культурную атмосферу региона, выстраивать коммуникацию с использованием диалектных слов, характерных для речи ростовской аудитории. Использование диалектных слов может свидетельствовать о сложившемся авторском стиле журналиста.

Литература

1. Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И. Русский язык и культура речи. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017. – 284 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. – [Электронный ресурс] URL: <http://zav.ansya.ru/health/boleshoj-tolkovij-slovar-donskogo-kazachestva/main.html>
3. Вендина Т. И. Русские диалекты в современной языковой ситуации : социокультурный аспект // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 290–297.
4. Коростова С. В. Диалектизмы как репрезентанты функционально-семантического поля эмотивности в художественном тексте (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2015. – № 2 (14). – С. 125–130.
5. Миртов А. В. Донской словарь. – Ростов н/Д, 1929. – 416 с.
6. Рева Е.К. Гастрономический контент СМИ и вопросы этнокультуры // Творчество, профессия, индустрия : матер. Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2019. – С. 594–595.
7. Теркулов В. И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка) // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. статей. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 403–408.
8. Чукшис В.А. Функции диалектизмов в газетных текстах (на материале электронных версий австрийских газет) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2014. – № 27. – С. 63–74.

ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ¹⁵

А.В. Цыганкова, А.П. Чудинов

anya_tsygankova@mail.ru; ap_chudinov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
(Екатеринбург)

Лингвополитическая персонология — направление в современной науке, которое ориентировано на исследование проявлений профессиональной языковой личности в политической сфере. Это направление возникло на пересечении, с одной стороны, политической лингвистики (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, Н.А. Купина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.), а с другой — исследований в области теории языковой личности (Г.И. Богин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов и др.) и социально-речевого портретирования (В.Н. Базылев, М.В. Гаврилова, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Л.Б. Никитина, М.В. Панов, Н.Н. Розанова и др.). Соответственно лингвополитическая персонология может рассматриваться и как одна из областей политической лингвистики, и как разновидность теории речевого портретирования языковой личности в рамках лингвистической персонологии, которая исторически восходит к философской и психологической персонологии [4, 5].

Историю становления и развития лингвополитической персонологии (как историю многих других научных направлений) можно представить как своего рода последовательность методологических поворотов (научных революций), в процессе которых кардинально обновляются методология исследований, их понятийно-терминологический аппарат и представления о задачах исследования. Таким поворотом на рубеже XX и XXI веков стал когнитивный поворот, в результате которого возникла когнитивная лингвополитическая персонология, существенно отличающаяся от риторической персонологии и психолингвистической персонологии (в их различных вариантах). Как справед-

¹⁵ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00465 «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

ливо отмечает В.З. Демьянков, важнейшие черты научной революции – резкий рост объяснительности, превосходство нового над старым, межэпохальность и межпоколенность, наддисциплинарность, надличность, и развенчание очевидности, поиски нового и удивительного [1, с. 67.].

В основе нашей концепции лежит положение о том, что в современной отечественной и зарубежной лингвополитической персонологии (а также в лингвистической персонологии в целом) происходит дискурсивный поворот — перенос внимания исследователей на дискурсивные аспекты коммуникативного поведения политика, что предопределяет активное использование методов и приемов дискурс-анализа, контент-анализа и критического анализа дискурса. Показательно, что В.И. Карасик, который всегда остро чувствует новые веяния в лингвистической науке, еще 12 лет назад предложил термин «дискурсивная персонология» и разграничил «одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и неаргументативный типы дискурсивных субъектов» [2007, с. 78–80]. Несколько ранее сходные идеи высказывались в монографии К.Ф. Седова «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции» [3, с. 2004].

В современных условиях особенно важно теоретически обосновать реальность дискурсивного поворота и проследить особенности его осуществления в отечественной, западноевропейской и восточной (в частности, китайской) политической лингвоперсонологии. Все это создаст условия для развития теории лингвополитической персонологии, совершенствования ее понятийно-терминологического аппарата, поиска новых методов и приемов изучения, расширения аспектов исследования и привлечения новых источников, выработки критериальной базы для оценки речевого портрета (образа, имиджа) политика.

Особого внимания заслуживает проблема становления терминологического аппарата лингвополитической персонологии. Центральным термином современной российской лингвополитической персонологии является «языковая личность политика»

как совершенно особый тип языковой личности, который существенно отличается от языковой личности писателя, артиста, преподавателя или предпринимателя. Специфика языковой личности политика как профессиональной (дискурсивной) личности определяется комбинаторикой индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений.

Еще один ключевой термин современной лингвополитической персонологии — «речевой/коммуникативный портрет» политика. Применение данного термина позволяет авторам акцентировать внимание на специфике вербального поведения политика в рамках определенных темпоральных и дискурсивных условий — заданного жанра, модуса, формата коммуникации и др.

При исследовании языковой личности политика в близком и даже синонимичном значении используются также термины «идиостиль политика» и «речевой/коммуникативный имидж политика». Каждый из этих терминов сам по себе не вызывает возражений, особенно когда используется в рамках исследований, принадлежащих к соответствующим научным школам и направлениям (лингвистическая персонология, имиджелогия, стилистика, речевое портретирование и др.). В уточнении и обосновании нуждается также целый ряд терминов, соотносимых с указанными областями научного знания и прежде всего с имиджелогией («имидж политика» — «образ политика»; «позитивный / негативный имидж политика» — «позитивный / негативный образ политика»; «идеальный политик», «плохой политик» и др.).

Важность углубленного теоретического рассмотрения проблем лингвополитической персонологии детерминирована необходимостью: 1) обобщения и описания огромного массива речевого и полисемиотического (вербального и визуального) материала, накопленного в этой области; 2) создания единой теоретико-методологической основы лингвополитической персонологии как отдельной области научного знания с включением комплексного описания ее методико-методологической базы по целому ряду частных направлений исследования; 3) уточнения существующего и создания нового научно обоснованного понятийно-терминологического аппарата; 4) разработки критериальной основы, релевантной для эффективной оценки имиджа политика и

последующей оптимизации имиджевых стратегий, используемых для продвижения в массовое сознание представлений о политическом деятеле; 5) выявления тенденций развития лингвополитической персонологии и имиджелогии, ключевых позиций, лежащих в основе исследования социальных ожиданий и их коммуникативной реализации.

Литература

1. Демьянков В.З. Языковые техники трансфера знаний // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. – 500 с.
2. Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Языковая коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. Воронежский государственный университет, 2007. – С.78 – 86.
3. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
4. Чудинов А.П. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018, № 1. – С.45-52.
5. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018, том 9, № 1. – С.14-31.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.В. Шемелева

shemelevatv@mail.ru

ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
(Краснодар)

В настоящее время средства массовой информации выступают одним из очевидных источников изменений в русском языке. Язык СМИ определяет характер и направленность индивидуального и общественного сознания, что создает порой не всегда уловимый, но регулярно воспроизводимый механизм персональной и коллективной самоидентификации, формируя нашу реакцию на происходящее в мире.

Изучение языка СМИ в нормативно-стилистическом аспекте показывает наличие неоднозначных языковых новшеств, которые, с одной стороны, с точки зрения литературной нормы, могут вызывать к себе критическое отношение, с другой, будучи стилистическим приемом, свидетельствуют о креативном аспекте речетворчества автора. Процесс нарушения стандарта, грамматического канона говорит о характерной для нашего времени «вербальной свободе». Существующая в современном литературном языке грамматическая парадигма призвана «указывать» на правильность или неправильность реализации той или иной словоформы, синтаксической структуры. Актуальной становится оценка медиа-текста с позиций не только языковых норм, но и стилевых (или стилистических) и коммуникативных.

Под языковой игрой преимущественно понимается «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [1]. В научной литературе такие понятия, как «языковая игра», «игра слов» и «каламбур», зачастую считаются синонимичными [2], они определяются друг через друга [3].

Языковая игра (ЯИ) – это осознанное целенаправленное манипулирование экспрессивными возможностями языка с установкой на комический эффект. ЯИ оказывает прагматическое воздействие на реципиента, поэтому активно используется в текстах газетных публикаций, потребительской рекламе, телевизионных и радио программах, электронных сообщениях и т. п. Сущность языковой игры состоит в генерировании дополнительных окказиональных смыслов, порождающих комический эффект, поэтому важно ограничить проявления блестящего мастерства журналиста от банальной небрежности.

Языковая игра функционирует на фонетическом, морфологическом, лексико-стилистическом, синтаксическом и графическом уровнях.

Анализ газетно-публицистического дискурса последнего

времени дает основание утверждать, что употребление неузуальных грамматических форм (падежа, степени сравнения, вида и т.п.) происходит наряду со стандартными. Подобные морфологические инновации на уровне формы слова наполняют особым смыслом, особым звучанием вновь созданное слово, которое уже по-иному прочитывается в нестандартном сочетании: *«И тут уже не важно, кто первый начал и кто правее»* (Комсомольская правда, 2013.06.14).

На уровне синтагматики открываются новые смыслы, обусловленные парадигматической несовместимостью лексических и грамматических значений:

а) образование степеней сравнения у относительных и местоименных прилагательных: *«Та слава, которой обладал Лемешев, народный артист СССР, солист Большого театра, лауреат Сталинской премии, и не снилась сегодняшним "кумирам", почитающим себя "звездее всех звезд"»* (Известия, 2007.07.06); *«Мол, нечего лишний раз политологам и журналистам гадать, кто же из двух первых вице-премьеров все-таки **первее?**»* (Комсомольская правда, 2007.02.28);

б) необычная для той или иной языковой единицы грамматическая форма в контексте обуславливает новое содержательно-эмоциональное наполнение, обнаруживая тем самым языковую игру на грамматическом уровне: относительное прилагательное, сочетаясь с наречием меры и степени, используется как качественное: *«Протянул руку помощи Америке 11 сентября 2001 года – кстати, тоже очень **русский жест**»* (Труд, 2010.03.26);

в) качественные же прилагательные, не имеющие форм сравнительной степени в системной грамматике современного русского языка, демонстрируют завидную продуктивность: *«Кто **правее** в спорах про ПРО? Этот вопрос стал одним из центральных на российско-американских переговорах в Вашингтоне»* (Комсомольская правда, 2011.11.15). Прилагательное в силу специфики своего значения, связанного с политическими взглядами, не допускает градуальных изменений; *«Но замыкаться в рамках романтической песни не собираемся. Мы – разные и будем еще "**разнее**"»* (Труд, 2009.11.20);

г) отвлеченные существительные квантифицируются под

влиянием потребности говорящего как можно более точно и определённо передать своё видение действительности, своё мнение о ней. Стремлением использовать весь потенциал системы языка (даже если это противоречит традиционной норме) обычно и объясняются «неправильные» плюральные формы абстрактных, вещественных и собирательных имён: *«На самом деле все мы смотрели фильм «Расемон» (картина Акиро Куросавы) и знаем, что правд много»* (Известия, 2014.05.2); *«Каждый герой имеет свою правду, из этих маленьких правд собирается общая мозаика картины»* (Известия, 2016.04.11). Форма *правды* понимается как сумма нескольких одинаково полных по объёму понятий, как несколько одновременных манифестаций одной и той же абстрактной сущности. *«Мы делали столкновение двух менталитетов – языческого и христианского – и их взаимопроникновение»* (Известия, 2012.06.24); *«И наконец вездесущая коррупция. Дело даже не в разнице менталитетов. Бизнесу на это наплевать»* (Комсомольская правда, 2013.01.08) Слово *менталитет* имеет значение «совокупность мировоззренческих... представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом» [4]. Называя собирательную «совокупность представлений», это слово образует форму множественного числа, обозначая ‘различные мировоззренческие представления’;

д) существительные *singularia tantum* при «создании» морфологической формы по аналогии приобретают качественную экспрессию: *«Такая возможность для многих могла уже перейти в разряд несбыточных мечт, поэтому неожиданная развязка может привести не только к повышению доверия к банкам Кипра, но и напрямую сказаться на динамике оттока вкладов»* (Известия, 2014.04.28);

д) несклоняемые существительные приобретают просторечные, склоняемые формы: *«Кина не будет. Получить доступ к школьной программе хочется многим»* (Комсомольская правда, 2013.01.28); *«Копались в шкафах с претензией, что пропали их вещи, ладно штаны и пальта, но где запонки и ордена, где кольца и броши?»* Комсомольская правда, 2013.05.26);

е) системно-языковой потенциал грамматических форм в текстах СМИ прослеживается в нетривиальной графической оформленности намеренно искаженных грамматических форм

личных имен существительных: «*Чтобы права человека не нарушить. Знаем мы этих **Человеков**. Точнее, их отцов и матерей*» (Комсомольская правда, 2013.03.2); «*Весь первый тайм полуфинальной встречи «Анжи» был собранием «**человеков** дождя»*» (Советский спорт, 2013.05.10); «*Пока существуют рабочие, военные и другие виды деятельных **человеков***» (Комсомольская правда, 2013.06.20); «*Похоже, Владимир Жириновский решил сделать из своих соколов настоящих политических **сверх-человеков***» (Комсомольская правда, 2013.11.20).

ж) к сожалению, среди слов, используемых в газетно-публицистическом дискурсе, немало таких, которые, с точки зрения литературной нормы, оцениваются как стилистически сниженные, просторечные: «*Я хочу поздравить всех ветеранов и всех действующих сотрудников «Альфы» с праздником, который самый **нашенский***» (Комсомольская правда, 2014.07.29); «*Тут какой-то политик **ихний** говорит: настоящий патриот не может без боли смотреть на то, как русские приводят в порядок свой флот*» (Комсомольская правда, 2008.11.28); «*А ведь им **ихний** Коран это дело запрещает*» (Известия, 2011.09.04); Благодаря дополнительным смысловым оттенкам, возникающим в процессе употребления, это местоимение может быть использовано для выражения антитезы: «*Но, между нами говоря, власти разрешают шествия, скажем, «Нашим», которые вовсе не «наши», а «**ихние**»*» (Труд, 2010.11.02);

з) синонимичное использование производных предлогов: «*Не сомневаюсь, что «Терек» ведет работу **по приходу** новичков в зимнее трансферное окно*» (Известия, 2012.09.20); «*А если у вас в обычной обуви мокнут ноги, **по приходу** домой нужно обязательно их распаривать, растирать сухим полотенцем, мазать согревающими средствами*» (Комсомольская правда, 2011.02.03); «***По приходе** домой обязательно съешьте полноценный обед: суп нужен нашему организму каждый день*» (Труд, 2009.06.16); «*Чтобы **по приходе** «Курска» в базу раздать ее экипажу*» (Комсомольская правда, 2002.02.14).

Высокая частотность использования ненормативной грамматической формы с сомнительным комическим эффектом может негативно повлиять на речевую практику читателей.

Вследствие преднамеренного отступления от литературной

нормы, увеличения грамматических «неправильностей» как приемов языковой игры при создании медиа-текста повышается ответственность автора, поскольку степень свободы от грамматических канонов зависит и от жанровой разновидности текста, и от языковой компетентности пишущего.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 2001. – 568 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. – 908 с.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка /под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2- изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2006. – 696 с.
4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2007

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

КЛЮЧЕВЫЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Петрухина

elena.petrukhina@gmail.com

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

1. Композиты. В.В. Виноградов, изучая историю русских слов, отмечал, что некоторые слова с особенной силой и остротой отражают стиль и мировоззрение общества в ту или иную эпоху[1]. Большую роль в выражении новых комбинаторных смыслов в русском языке и соответственно в их интеграции в русскую концептосферу играют словообразовательные модели, которым тем не менее не было уделено должного внимания в этнолингвистических исследованиях. Исключением здесь, пожалуй, являются сложные слова, которые всегда привлекали внимание исследователей. Наше изучение композиции в русском языке позволяет сделать выводы о том, что структура сложных слов, обеспечивающая соединение актуальных в определенный исторический период смыслов, наилучшим образом соответствует задачам номинации новых реалий и передачи новых представлений о мире[6]. Образование и употребление сложных слов обычно активизируется в русском языке в переломные исторические моменты. Так было во время христианизации Руси и становления древнерусской письменности, эта же тенденция проявилась и в другие переломные для российского общества периоды. Сложные слова, созданные по образцу греческих (в частности с элементами *добро-*, *бого-*, *благо-*, *зло-*, *правдо-*, *живо-*, *миро-*, *душе-* и др.), сыграли большую роль в передаче новых христианских понятий при крещении Руси и переводе на старославянский язык греческих текстов духовно-религиозного содержания[5]. После Октябрьской революции усиливается роль сложносокращенных слов типа *исполком*, *ревтрибу-*

нал, госучреждение, парторганизация, а также аббревиации. Это объясняется, по мнению В. М. Живова, сознательным отталкиванием от дореволюционного языкового стандарта [3]. В кризисные 90-е годы XX в. стали продуктивными английские модели именных композитов без интерфикса с первым атрибутивным компонентом типа *арт-проект, клиент-банк, медиа-рынок*, сохраняющие свою активность по настоящее время [6]. Каждый год система сложных слов в русском языке пополняется десятками и сотнями лексем за счет активизации новых префиксидов и умножения порождаемых ими композитов. В последние годы наряду с префиксидами *арт-, масс-, медиа-, топ-, элит-, эконом-* и др. в образовании композитов возросла частотность использования таких формантов, как **веб-** (*веб-журналистика, веб-приложение, веб-сервис, веб-дневник, веб-телевидение, веб-интерфейс, веб-аудитория, веб-издатели, веб-ресурс, веб-проект, веб-материалы, веб-форум, веб-деятельность*); **фитнес** (*фитнес-прогулка, фитнес-зал, фитнес-конвенция, фитнес-фанатка, фитнес-центр, фитнес-студия, фитнес-диета, фитнес-питание, фитнес-инструктор, фитнес-упражнение*); **веган-** (*веган-вариант, веган-кондитерская, веган-буфет, веган-партия, веган-семья*) и др. По самым активным формантам и композитам можно делать выводы о социально-культурных предпочтениях общества.

2. Маркировка псевдореалий. К ключевым словообразовательным моделям современной эпохи можно также отнести префиксальные модели маркировки несоответствия объекта мотивирующей базе, реальности или норме. Этой проблеме был посвящен совместный доклад автора данной статьи и Д.К. Полякова на 16-ом Международном съезде славистов в Белграде на материале русского и чешского языков [8]. В обоих языках для обозначения псевдореалий преобладают интернациональные префиксы греческого или латинского происхождения, частотность которых, по данным национальных корпусов, растет с каждым годом: *псевдо-, pseudo-* (*псевдолитература, pseudoliteratura*); *квази-, kvazi-/quasi-* (*квазиспециалист, kvaziodborník*); *пара-, para-* (*паранормальный, paranormální*), *суб-, sub-* (*сублитература, subliteratura*) и др. В русском языке интернациональные и исконные (*лже-, недо-*) аффиксы выступают как типовые маркеры распознанного несоответ-

ствия реальности или представлениям говорящего о норме по отношению не только к речевым произведениям, информационным сообщениям и артефактам, но и к другим областям человеческой деятельности, ее результатам и качеству: *псевдовещь, псевдовуз, псевдоготовность, псевдодемократ, псевдоисторик, псевдокамень, псевдоулыбка, псевдолюбовь, псевдореформа, псевдодокументальный, псевдоисторический, псевдокультурный, псевдорелигиозный, псевдомолодежный, лженаука, лжеучебник, лжеопыт, лжедиссертация, лжеучитель, лжеправедность, лжеподвиг, лжедуховность, лжепредприятие, лжефильм, лжепредпринимательство* и т.д. Во многих текстах подобные дериваты фиксируют манипуляцию (или попытки манипуляции) сознанием, например: *У телевидения есть превосходные возможности для манипулирования сознанием зрителей... оно способно создать особую медиареальность. Так называемую псевдореальность, которая способна конструировать параллельное мировосприятие* (<https://moluch.ru/archive/118/32600/>). Активизация и расширение употребления в русском языке производных слов, образованных с данными префиксами, свидетельствуют об определенных тенденциях развития современного информационного общества, а главное о том, что эти тенденции осознаются носителями русского языка.

Греко-латинские приставки играют большую роль не только в интернационализации лексики русского и других славянских языков и фиксации псевдореалий, но и в распространении новых идеологий, в частности постмодернизма и трансгуманизма. Речь идет прежде всего о приставках *ност-*, *транс-* и *анти-*, способных выражать разрушение онтологических границ любых объектов и явлений (ср.: *трансчеловек, транскультура, постнаука, постправда, антилитература* и др.) в духе постмодернистской науки и культуры[7]. Например: *То, что мы имеем сейчас – не культура, а что-то иное, условно называемое посткультурой. Она строится не на утверждении, а на отрицании ценностей* (http://ruskline.ru/readers_questions/kultura_uhodit_nastupaet_era_postkultury/).

3. Суффиксальная универбация. Важные для современной эпохи словообразовательные модели связаны, конечно, не только с интернациональными формантами, знаменующими проявление

глобализации в сфере русского языка и русской культуры. Имеются и собственно русские и общеславянские словообразовательные модели, активизация которых свидетельствует об определенной динамике в российском обществе, поэтому их изучение важно для понимания специфики «текущего момента». В качестве примера такой модели мы рассмотрим суффиксальную универбацию. Об этой модели имеется большая специальная литература, см. подробный обзор российских публикаций в [2], об изучении данной проблемы в славистике см. [10]. Здесь мы бы хотели отметить только те черты суффиксальной деривации, которые активизировались в последнее время. Многие лингвисты вслед за М. Докулилом [9] считают универбатом только такое производное, у которого мотивирующее словосочетание характеризуется регулярностью употребления, устойчивым характером функционирования и воспроизводимостью в речи. Таким образом, при универбации происходит редукция реально функционирующих двусловных и, реже, многословных номинаций, которые заменяются однословными, например при назывании предметов: *зарядное устройство* → *зарядка*, *материнская плата* → *материнка*, *методическое пособие* → *методичка*.

В современной русской речи наметилась четкая динамика в модификации данной модели: расширяется многозначность универбатов, граничащая с широкозначностью, когда входящее в двусоставную номинацию определение может стать мотивирующей базой для имени любого предмета или явления, к которому это определение приложимо. Если раньше *фальшивкой* называли в основном только фальшивый документ, то теперь может быть названо все фальшивое: фальшивый репортаж, поддельные духи, водка, шоколад и т.д. Аналогично новый универбат *социалка* может обозначать: 1) систему социального обеспечения в целом, 2) любые социальные программы, 3) учреждения социальной сферы, т.е. школы, спорткомплексы и др., 4) социальные льготы, социальные выплаты, в том числе стипендию и пособия. Например, в следующем предложении речь идет и о социальной сфере вообще, и о конкретных учреждениях этой сферы: *Мы активно растем, социалка нас все время догоняет, ее сегодня не хватает. В частности дефицит музыкальных школ, зданий для бесплатных секций и кружков* (<https://volga.news/article/496481.html>). А в статье под

названием «Прощай, социалка!» речь идет о приватизации различных направлений в социальной сфере с целью «перераспределения государственных финансовых ресурсов в пользу частнособственных структур» («Советская Россия», 20.02.2019). Этот универбат в разговорной речи, зафиксированной на сайтах Интернета (в компьютерно опосредованной письменной разговорной речи), может обозначать также 5) конкретное **учреждение**, которое в советское время называли (да и сейчас иногда называют) «собесом» (с мотивирующей базой ‘социальное обеспечение’, или ‘учреждение социального обеспечения’). Выбор универбата нередко связан с негативным настроением: *В социалке одна «вумная» бюджетная работница (словно свой карман охраняют – вот что весьма показательно!) так ей и заявила, типа, «вы, бабуля, балласт общества»... У нас в социалке люди от сердечных приступов умирают* (https://m.livejournal.com/read/user/boroda_v_nature/1348116/comments/p1).

Значение универбата *социалка* продолжает расширяться. Так, в заметке с названием «Мощная социалка» имеется в виду 6) **социальная реклама** (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/moschnaya-socialka-334455/>), а название «Социалка» другой статьи подразумевает 7) **социальные сети**, которые в комментариях обозначаются и полным словосочетанием, и как «соцсети», и как «социалка» (https://pikabu.ru/story/sotsialka_6230152). При этом последние два значения не отмечены в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), где зафиксировано всего 21 употребление данного деривата, причем 20 датируются после двухтысячного года (а одно – в конце девяностых), все в значениях 1–4, упомянутых выше. Не отмечены значения 6 и 7 также в диссертации Л.И. Осиповой (1999 г.), в которой имеется словарь с почти 2 700 суффиксальными универбатами [4], причем в трех словарных примерах из восьми данный дериват пишется в кавычках – «социалка».

Таким образом, анализ актуального языкового материала, извлеченного из НКРЯ и интернет-текстов разного жанра показывает расширение семантики универбата *социалка*, выход его за пределы профессионального жаргона и рост употребительности. Это слово может использоваться в разговорной речи и на разговорных интернет-сайтах для обозначения любой социальной программы или социально значимого объекта (явления), для номина-

ции которого существует нейтральное словосочетание с прилагательным *социальный*. Основные функции универбата – это языковая экономия и компрессия, а также стилевое снижение и коллоквиация. Универбация позволяет выразить отмеченные значения лексемы *социалка* максимально нерасчлененно – от конкретных социальных пособий до обозначения всей социальной сферы государственной поддержки и финансирования социальных объектов и граждан.

Проанализированный языковой материал, извлеченный из Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), показывает, что такие универбаты, как *налоговка*, *минималка*, *упрощенка*, *санкционка*, *вторичка* и др., активно используются при неформальном общении в сфере государственного управления, социального обеспечения, налогообложения, торговли, рекламы и т.д. как самих работников этих сфер, так и граждан, которые вступают с ними в контакт. Так, несмотря на наличие с советских времен в русском языке субстантивата *налоговая*, в последние 15–20 лет активно используется стилистически более сниженный универбат *налоговка*, у которого благодаря широкому употреблению в последнее десятилетие стилистическая маркированность ослабевает. Так, *налоговка* употребляется в рекламе ряда юридических фирм, предоставляющих юридические консультации малому бизнесу по вопросам уплаты налогов, например: **Налоговка**. Я и моя команда помощников поможем вам разрешить вашу ситуацию, связанную с налогами, судебными и другими спорами... (<https://vk.com/nalogovka>). Отмечено использование данной лексемы и в (полу) официальных публикациях: В Плане налогового контроля, опубликованном в среду в «Официальном Бюллетене» (ВОЕ), представлены мероприятия, направленные на выявления налоговых нарушений в различных сферах. **Налоговки** обратят самое пристальное внимание на попытки сокрытия доходов со стороны как физических, так и юридических лиц (<https://4ru.es/ru/all-news/menu-economics/2608-uzhestochenie-nalogovogo-kontrolya-zadokhodami>).

Анализ употребления подобных производных выявляет их богатый прагматический потенциал – от своеобразного «освоения» объекта (явления) и включения его в личную сферу до нега-

тивной оценки и насмешки, что, конечно, во многом зависит от семантики деривата. Так, выраженное в той или иной степени негативное отношение характеризует большинство зафиксированных в ГИКРЯ употреблений универбата *ювеналка*, например: *Ювеналка – одно из направлений геноцида* (<https://m.livejournal.com/read/user/keteref/82530/comments/p1>). *А ювеналка найдет к чему прицепиться, от крошек на столе до сложенной стопкой в неположенном месте одежды* (https://m.livejournal.com/read/user/dark_soul9/81897/comments/p1).

4. Выводы. Рассмотренные словообразовательные модели представляют собой результат взаимодействия универсальных цивилизационных и этнокультурных языковых процессов. Ведущими в славянских языках в настоящее время считаются процессы глобализации, компрессии и коллоквиализации [7; 10]. Наиболее активными словообразовательными моделями, связанными с данными процессами, в современном русском языке (как и в других славянских языках) в настоящее время являются образование сложных слов без интерфикса по модели [N][N], префиксация при помощи интернациональных приставок-модификаторов и суффиксальная универбация. Последней модели в статье было уделено большее внимание. Универбация в русском языке – это прежде всего компрессионный речевой механизм, проявляющий тенденцию к расширению семантики и многозначности производных. Данная модель активно используется для номинации в разговорной речи не только предметов, но и социальных процессов и государственных программ и механизмов, выполняя, помимо компрессионной, также прагматическую функцию, связанную с выражением отношения говорящего к объекту – от эмоционально-прагматического «освоения» до отрицательной оценки и неуважения.

Литература

1. Виноградов В.В. История слов. М.: Изд. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1994.
2. Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, М., 2019.
3. Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2.

4. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании: суффиксальная универбация, усечение. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1999.

5. Петрухина. Е.В. Сложные имена в русском языке: история и современность // Филология: вечная и молодая. Сборник статей к юбилею профессора М.Л. Ремневой. М.: Издательство МГУ, 2012. – С.113-125.

6. Петрухина Е.В. Динамические процессы в русском словосложении: когнитивные и коммуникативные аспекты // КИЯ. XXX. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследования. Москва–Тамбов–Белгород. 2017. С. 382–387.

7. Петрухина Е.В. Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация. // Русский язык в поликультурном мире. I Международный симпозиум. Сборник научных статей, Симферополь: ИТ «АРИАЛ». Т. 1, 2018. – С. 179-186.

8. Петрухина Е.В., Поляков Д.К. Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках // Глобализация и славянское словообразование. Минск: «Беларуская навука». 2019 (в печати).

9. Miloš Dokulil. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. – S.114–115.

10. Univerbacija u slavenskim jezicima. Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Sarajeva, 4–7. aprila 2017. Urednica Amela Šehović. Sarajevo: Slavistički komitet. 2018.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ГЛАГОЛЬНЫХ НОВАЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.М. Маркова

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Москва)

По наблюдениям учёных, на рубеже XX–XXI вв., в эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные языковые процессы оказывают влияние прежде всего ориентация на западную культуру и либерализация жизни общества рубежа веков. Демократизация языка связана со стиранием стилистических границ, усилением влияния устной речи на письменную, активным движением лексики, проникновением в литературный язык жаргонной, просторечной, специальной лек-

стики и, как следствие, расшатыванием литературной нормы, взрывом окказионального словообразования, размывающего общепринятые представления о правилах употребления и функционирования различных грамматических категорий.

Резко увеличилось и число англоязычных заимствований в русском языке. Это объясняется, с одной стороны, действием общемировой тенденции к интернационализации лексического фонда развитых языков, с другой – потребностями в номинации новых предметов, вошедших в российскую жизнь в период перехода к рынку (процесс варваризации). Появление в языке большого числа интернациональных единиц – слов, морфем, фразеологизмов, синтаксических конструкций является следствием контактирования языков в рамках одного культурно-языкового ареала, а также проявлением тенденции к интернационализации на других уровнях деятельности и выработке единой шкалы ценностей в индустриальном и постиндустриальном обществе. Тенденция к интернационализации языка отмечается лингвистами в качестве особенности современной языковой жизни и обусловлена интенсификацией международного взаимодействия в настоящее время.

Варваризация, как известно, обусловлена потребностью в новых словах, поскольку появляются новые реалии и понятия, меняется и стиль общения, и мода на те ли иные слова. При этом варваризация проходит два этапа: на первом происходит интенсивное впитывание языком иноязычного материала, на втором, когда насыщение языка уже произошло, начинается инерционно-игровое развитие, что мы наблюдаем сейчас в русском языковом пространстве. То есть непосредственной потребности в использовании иноязычных слов уже нет, но инерция их использования и словотворчество на их основе продолжается. При этом интернационализация русского языка оказывается тесно связанной с его демократизацией, со снижением его общелитературного звучания, с проникновением в литературный русский язык неологизмов, «наскоро» созданных на основе англоязычных источников в молодёжной среде, как дань моде, знак «продвинутости», принадлежности к новому поколению, а также с экспрессивизацией лексики русского языка, повышением «градуса» его эмоциональности в наши дни.

Повышенная глагольная вербализация свойственна не только русскому языку, но и славянскому, и в целом индоевропейскому словообразованию. Глагольная форма даёт возможность объективировать *ситуацию*, зафиксировать с помощью знака *процесс*, т. е. показать явление в его динамике, а также выразить своё отношение к объекту номинации, дать оценку событию или явлению, добавив в него аксиологический компонент.

Появление новых глагольных наименований обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими причинами. К экстралингвистическим факторам относятся изменения в сфере денотации, напр., появление новых видов деятельности, бурные общественные события, вызывающие потребность в активном словотворчестве, чтобы не только номинировать их, но и дать оценку, выразить своё отношение. Глагольные новообразования, как и другие неологические явления, зачастую связаны с какими-л. злободневными, насущными, широко обсуждаемыми явлениями, событиями, которые у всех «на языке» и которые становятся основой и для создания новых слов.

Язык интернета и компьютерный язык, где отличительным признаком является использование специальной лексики, близкой к терминологии, активно пополняет запас общелитературных слов. Подобные образования национально специфичны не только по форме: создаются по деривационным законам русского языка, но и по смыслу: получают сдвиг в референции по сравнению с языком-источником, отражают «русский» взгляд на мир. Нередко их семантическое своеобразие обусловлено тем, что, ассимилируясь с лексико-грамматической системой русского языка как языка-реципиента, они неизбежно вступают с его элементами в системные отношения. Обрастая синтагматическими и парадигматическими связями, слова с иноязычными корнями или калькированные элементы получают новые по сравнению с исходным языком смысловые компоненты. К примеру, рус. *апгрейд* (от англ. *upgrade*) «обновление» (напр., компонентов компьютера), адаптировавшись в русском языке, послужило производящей основой для образования глагола *апгрейдиться* со значением не только «обновить детали компьютера», но и «обновить одежду», «приобрести какие-л. навыки». Так же как *тюнинговать* (от *тюнинг* «настройка, обновление, украшение», заимствованного от англ. *tuning* от *tune*, одно

из значений которого «наладить, отрегулировать машину») получило в русском языке специфическое значение, отнюдь не связанное с техникой: «обновить, украсить внешность путём пластических операций», что связано с повальным увлечением «улучшения» внешности.

Функционируя в том или ином дискурсе русского языка (например, в интернет-общении), заимствование нередко меняет свою семантику: сужает (в связи с сужением сферы функционирования) или расширяет значение (путём приобретения дополнительных значений к заимствуемым). Так, в русскоязычной компьютерной среде устойчиво вошёл в практику общения глагол *сфрендиться* «подружиться» (от англ. *friend* «друг») – видовая пара к *френдить* «дружить». Однако семантической спецификой русского глагола с английским корнем является соотнесённость именно с интернет-общением, с приобретением друга по переписке в интернете. Подобным образом глагол *законнектиться* (от англ. *connect* «соединяться, связываться») образовался как синоним к уже существующему и близкому по структуре глаголу *связаться*, однако новообразование используется для обозначения связи при помощи современных средств: интернета, чата и т. п. Широко распространён сейчас и глагол *постить* (от англ. *to post* «ставить, расставлять»), также в префиксальном варианте *кроспостить* («Будем в фейсбуке кроспостить все лайки, которые вы ставите в интернете», Instagram). Будучи синонимичным к русскому глаголу *ставить*, он имеет отличную от него сферу использования – интернет.

Аналогично этому и глагол *геймить* / *гамить* (от англ. *game* «игра») означает не просто «играть» (как его английский источник), но «играть в компьютерную игру». Много примеров образования глаголов от англоязычных источников даёт исследование неcodифицированной речи, которая свидетельствует о сужении значений английских корней в связи со специализацией и закреплением за определённой сферой общения. Так, в молодёжном жаргоне отмечаются образования с более узким значением по сравнению с английским источником у глаголов: *дефейсить* (от англ. *deface*) означает не просто «изменить внешний вид», как его английский источник, но «сменить вид страницы, фото» (в интер-

нете, профиле, чате), *лукать* (от англ. *to look* «смотреть») в русском языке получил семантику «смотреть в интернете», *токать* (от англ. *to talk* «разговаривать») стал употребляться в русском молодёжном сленге в значении «разговаривать, общаться по интернету, в чате, в блоге» и т. п.

Заимствование закрепляется и активно функционирует в речи нередко благодаря компактности формы, яркости и оригинальности слова, его звуковому соответствию понятию. Так, глагол *флудить* (от англ. *flood* «потоп») «нести бессмысленные потоки информации» (*Флудить в беседе*) по своему фонетическому (близок глаголу *блудить* с семантикой длительного бессмысленного хождения, плутания), словообразовательному (краткости формы, образованной с помощью суффикса *-и-*), экспрессивному (пренебрежительному) характеру предпочтительнее, нежели его фразеологические синонимы *растекаться мыслью по древу*; *нести околесицу*. Нужно заметить, что фразеологизмы в целом стали меньше употребляться в речи, и нередко их вытесняют однословные новообразования с английскими корнями, имеющие не меньший экспрессивный заряд и оценочный характер, но обладающие при этом и ещё одним достоинством с точки зрения современного носителя языка – краткостью и лаконичностью.

Иногда семантика русского глагольного деривата лишь ассоциативно связана со значением английского источника, как, например, в случае с глаголом *спойлерить* (от англ. *to spoil* «наносить вред, портить»). Этот глагол, образованный на русской почве при помощи суффикса *-и-* от агента *спойлер* (букв. «вредитель») известен в значении «раскрывать содержание книги, фильма и т. д. человеку, который ещё не познакомился с этим произведением» (таким образом нанося вред его собственному будущему впечатлению) («*Не спойлерить, а то заблокирую!*», vk.com). Это не единственный случай образования глагольных дериватов от английского агента с характерным суффиксом *-ер-*. Популярность в молодёжной среде в последнее время приобрёл и глагол *шипперить* / *шипперить*, в котором в качестве корня используется английский суффикс *ship*, указывающий на отношения (*friendship* «дружба», *relationship* «отношения»). *Shipper* / *шиппер* – человек, следящий за чьими-либо отношениями, поклонник какой-либо знаменитой

пары, откуда *шипперить* – быть поклонником, следить за развитием отношений двух людей, выставляющих их напоказ в интернете (напр.: «Я вас уже шипперю» - комментарий в vk.com под перепиской-спором двух пользователей). Этот факт демонстрирует новое словообразовательное явление: образование корневой морфемы из суффиксальной, в противоположность ставшему популярным процессу образования аффиксов из самостоятельных лексических единиц, приводящему к возникновению суффиксоидов и префиксоидов (типа *бизнес, арт* и т. п.).

Поскольку владение английским языком в русскоязычной среде не всегда достаточно хорошее, семантика новообразованных глаголов в силу их агнонимичности для некоторых носителей русского языка иногда смешивается, один глагол подменяется другим. Так, глагол *флексить* (от англ. *to flex* – «сгибать», «гнуть») в русском интернет-сленге имеет несколько значений: 1) (разг.) качаться под какой-либо трек; 2) (прост.) выпендриваться, показывать состояние, возможности (*флексить шмотками*); 3) (ред.) смеяться; 4) (ред.) расслабляться. Однако незнание семантики привело к речевой (смысловой) ошибке в следующем примере из Instagram: «Прекратите *флексить*» (об одинаковых постах в аккаунтах пользователей в поддержку кандидата). В данном случае ошибочно употреблён глагол *флексить* в значении не менее популярного, но с иной семантикой, глагола *хайпить* (от англ. *to hype* «распространять, рекламировать») – «назойливо рекламировать».

Продолжается активное образование семантически компактных отымённых глаголов, образованных на базе словосочетаний разной степени устойчивости путём их универбации (в широком понимании этого термина как формального и семантического стяжения словосочетания разной степени устойчивости в однословное наименование). При этом основой для глагольного универбата становится и словосочетание с английским компонентом: *гуглить* «искать информацию при помощи поисковой системы Google» (от *использовать Google*), *лайкать* как результат стяжения словосочетания *ставить лайки* (от англ. *to like* «нравиться»), т. е. «помечать сообщение, публикацию с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью *Like* (*Лайкнуть фото в инсте*).

По-прежнему активны на русской почве глаголы от существительных с заимствованным суффиксом *-инг*, однако нужно отметить тенденцию к стабилизации роста подобных образований в русском языке. Они стали восприниматься современными носителями языка как несколько тяжеловесные, длинные и громоздкие, поэтому в речи подобные формы стали сокращать: вместо *шопинговать* «совершать шопинг» стали употреблять *шопиться* / *шопаться* (часто в письменной речи можно встретить в форме *шопация*) («Если идёшь куда-нибудь рестораничить или шопация, то одевайся теплее», Live Journal). Как видим, в последнем примере представлен и ещё один глагольный неогериват – *рестораничить*, семантика которого связана с его иноязычным источником – *ресторан*: «проводить время в ресторане, сидеть в ресторане, встречаться там с друзьями, общаться, тусоваться», что свидетельствует о расширении семантики глагольного деривата в данном случае.

Предыдущий пример даёт право говорить и ещё об одном явлении наших дней, характеризующем глагольные дериваты с заимствованным корнем на русской почве: среди конкурирующих суффиксов *-ирова*, *-ова*, *-и* побеждают более короткие: *шопиться*, *флексить*, *геймить* и т. п. По справедливому замечанию Н.С. Валгиной, «в результате этой конкуренции побеждают варианты наиболее удобные и целесообразные для конкретных условий общения» [1, с.27]. Слово *администратор* было сокращено в разговорной речи до *админ*, откуда образовался глагол *админничать* (с суффиксом *-нича-*) («Если хотите админничать, напишите в личное сообщение группы», www.vk.com), который впоследствии получил распространение и в ещё более стяжённой форме: *админить*. Этот же суффикс использован и для образования глагола *видосить* «снимать видеосюжеты» (чаще всего для выкладывания их в интернете) от разговорного *видосы* «видеофильмы, видеосюжеты» («Пойду видосить, а то я с вами заболтался», www.chat.ru).

Помимо перечисленных выше продуктивных в наше время глагольных суффиксов, популярность в разговорной речи обнаруживает и суффикс *-нича-* (*рестораничить*, *админничать*), известный в узусе по таким глаголам разговорного характера, как *насмешничать*, *ёрничать*, *подхалимничать*, *чаёвничать*, *домов-*

ничать, наивничать («проявлять наивность») и др. К образованиям по той же модели с общим значением «заниматься какой-либо деятельностью» с аналогичным суффиксом относится и глагол *рикабушничать*, известный среди пользователей портала *Pikabu* в значении «читать или публиковать контент на портале *Pikabu*». Промежуточным звеном для глагольного деривата в данном случае мог послужить номинант *рикабушка* – так ласкательно некоторые пользователи называют это портал.

Часто глаголы образуются от имён собственных, фамилий известных людей той или иной страны и транслируют не только особую семантику, обусловленную данной этнокультурой, но и отношение к личностям со стороны носителей этой культуры. В качестве глагольных мотиваторов могут выступать и имена героев мировой литературной классики, как в случае с глаголом *гекльберрифиннить* (о детях) «вести себя подобно *Гекльберри Финну*, герою романа М. Твена» (бегать целыми днями со сверстниками). Примеры подобного типа содержит следующий контекст: «Когда голос *карабасит* или *буратинит...*» (*Live Journal*). Глаголы *карабасить* («говорить голосом Карабаса Барабаса, т. е. низким, грубым») и *буратинить* («говорить голосом Буратино, т. е. высоким, тонким») образованы от интернациональных онимов: имён героев известной сказки.

Что касается видовой характеристики глагольных новаций – налицо их явно преобладающий имперфективный характер, дающий возможность номинировать процесс, действие, событие.

Проанализированный материал демонстрирует не только активность новообразований в сфере глагольной лексики, но и их динамику, соотносённость с важными явлениями общественной или социальной жизни, с развитием и укреплением различных форм общения благодаря всеобщей компьютеризации, интернету, развитием социальных сетей. Интернационализация лексиконов современных языков как результат глобализации, всеобщего проникновения в них англоязычных элементов не означает потери их национального характера. Заимствуя корневые морфемы, русский язык создаёт новые элементы из своего строевого материала, по своим деривационным законам, приспособляя их к потребностям русскоязычного общения, что отражается на их смысловом, аксиоло-

гическом, экспрессивном компонентах. Из массовой коммуникации: блогов, сайтов, чатов, интернет-опросов – неодериваты проникают в средства массовой информации, тиражируются на страницах газет, в многочисленных ток-шоу. Судьба их различна: отдельные из них закрепляются в языке, утрачивая признак новизны, однако большинство несут на себе яркую печать времени, характеризуют конкретный исторический период, десятилетие, а чаще всего даже конкретный год. Конкурс «Слово года» в этом смысле является знаменем нашего времени, если не по содержанию, то по актуальности этого понятия. Поэтому такая большая потребность сейчас в ежегодных дополнениях к современным толковым словарям, отражающих и фиксирующих стремительные изменения в языке. Задача лингвистов сегодня – не отворачиваться высокомерно от новообразований, ругая современный язык и его носителей, но исследовать появляющиеся языковые факты, выявлять истоки, систематизировать наиболее продуктивные модели, описывать пути адаптации и ассимиляции тех, которые закрепляются в языке, помня о том, что язык – это саморегулирующаяся система, которая отбросит всё ненужное, чуждое ей и оставит то, что заслуживает хранения.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. – 303 с.
2. Маркова, Е. М., Григорянова, Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. – Brno: Tribun EU, 2016. – 187с.

Источники

1. Порталы <http://www.pikabu.ru>; <http://livejournal.com>; <http://www.lenta.ru>; <http://www.life.ru>; <http://www.vk.com>; <http://books.google.ru>; www.chat.ru
2. Социальная сеть «Instagram»

КЛАССИФИКАЦИИ МОРФЕМ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РАЗБОРЕ СЛОВА ПО СОСТАВУ

А. Л. Шарандин

sharandin@list.ru

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р.Державина
(Тамбов)

В лингвистической литературе представлено несколько классификаций морфем, в которых используются различные основания для выделения тех или иных классов морфем. Принято выделять следующие основные классификации: 1) классификация морфем с точки зрения их значения и роли в составе слова; 2) классификация морфем по месту в составе слова; 3) классификация морфем по функции. Все они в той или иной степени нашли отражение в учебном изучении и, естественно, в основном виде морфемного разбора – разбора слова по составу. В рамках настоящей статьи мы отметим те случаи, в которых присутствуют спорные вопросы классификации морфем по тому или иному классификационному признаку, что предполагает неоднозначный разбор слова по составу или отражению в нем результатов этих классификаций.

Первая классификация позволяет различать *корневые* и *аффиксальные* морфемы. Уточнения здесь требует понятие аффикса, который может пониматься в узком и широком смысле. В узком смысле термин «аффикс» не включает флексии. В широком смысле под аффиксом понимаются все те значимые части слова, которые противопоставляются корню, т.е. в состав аффиксов включается и флексия. На наш взгляд, *целесообразно принять широкое понимание термина «аффикс»*: флексия, как и другие виды аффиксов (суффиксы, префиксы, постфиксы), оказывается «прикрепленной» к корню (термин «аффикс» с лат. языка буквально переводится как «прикрепленный»).

Вторая классификация связана с разграничением аффиксальных морфем, поскольку они занимают строго определенное место в составе слова и по отношению к корню, и по отношению к аффиксам разных видов. Комментария требует выделение постфиксов, которые, хотя и выделяются традиционно, однако в разборе по составу часто имеют обозначение суффикса. В связи с этим можно усматривать некоторое противоречие. С одной стороны,

они рассматриваются как самостоятельный тип морфем, о чем свидетельствует, в частности, их терминологическое обозначение. С другой стороны, их графическое обозначение позволяет видеть в них особый вид суффиксов. В этом плане следует обратить внимание на двойственный характер «поведения» постфикса в структуре слова. Так, исследователи обратили внимание на то, что постфиксы оказываются близкими не только суффиксам, но и префиксам. С суффиксами их сближает постпозиция по отношению к корню, хотя, если быть более точным, они оказываются в постпозиции не столько непосредственно к корню, сколько либо к флексии, либо к формообразующему аффиксу, тогда как суффикс, действительно, находится в постпозиции к корню. Но основное их отличие от суффиксов состоит в том, что они присоединяются по существу не к основе слова, а непосредственно к слову (словоформе) в целом. И в этом плане постфиксы оказываются близки префиксам, отличаясь опять-таки от них положением в структуре слова: префиксы находятся к корню в препозиции.

Таким образом, представляется более правильным и логичным определять *постфиксы* не как разновидность суффиксов или префиксов (а почему бы и нет, если иметь в виду способ связи – со словом в целом), а как *самостоятельный вид аффиксов*, выделяемый по признаку места, которое занимает постфикс в структуре слова, и способу связи со словом. Что же касается графического обозначения постфикса, то возможно его изображение в морфемном разборе слова как .

В качестве самостоятельного вида аффиксов целесообразно выделять и *конфиксы* (от лат. *confixum* – «совместно взятое»), которые состоят из двух частей – препозитивной и постпозитивной по отношению к корню, но действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое целое. Например: *кричать – раскричаться, окно – подоконник* и т.д. По существу мы имеем дело с одной морфемой, но состоящей из дистантно расположенных двух частей (элементов). Внешне эти части (элементы) соотносятся с префиксом и суффиксом (постфиксом). В принципе, на это нацеливает выделение такого способа словообразования как префиксально-суффиксального (постфиксального). Вероятно, чтобы не

создавать такой содержательной двусмысленности, лучше употреблять понятие «двухчастность» морфемы в отношении конфикса.

Что же касается графического обозначения конфикса как самостоятельного вида аффиксов, то можно было бы предложить следующее его изображение: где стрелки отличают от выделения корня и связывают части конфикса в единое целое, в единую морфему. В этом случае морфемный и словообразовательный анализ в большей степени соответствуют друг другу. Так, например, глагольная форма *рас-крич-а-л-и-сь* с точки зрения традиционного разбора слова по составу включает 6 морфем, тогда как с учетом конфиксального способа образования – 5 морфем.

В качестве особых морфем часто принято выделять **интерфиксы**. В школьном учебнике интерфикс квалифицируется как суффикс, имея соответствующее графическое обозначение. Насколько это правомерно и логично? Здесь необходимо сравнить определение интерфикса как «пустой связочной прокладки» (Е.А. Земская) с определением морфемы вообще и суффикса. Согласно традиционному подходу, который представлен в школьном учебнике, морфема определяется как *значимая* часть слова. Налицо противоречие. Из него два выхода. Во-первых, можно изменить определение морфемы, допустив существование незначимых частей слова как морфем. Во-вторых, не считать интерфикс особой морфемой, а рассматривать его в одном ряду с другим элементом, выполняющим структурную (связочную) функцию, – соединительной гласной «о» («е»), которая не обозначается в разборе по составу как морфема, а подчеркивается двумя чертами. Тем самым отмечается наличие структурного элемента, но при этом отличают его от морфем. Другими словами, разбор по составу слов с интерфиксом, например, слова *ялтинский*, будет выглядеть как *ялт-инск-ий* или *ялт-(ин)-ск-ий*. Таким образом, интерфиксы могут выделяться, но не как морфемы, а как структемы, как асемантические элементы, что и должно отражаться в соответствующем графическом их обозначении.

Возможен, правда, и еще один способ представления этой структуры – как *ялт-инск-ий*, то есть в этом случае интерфикс включается в состав основного варианта суффикса (в данном примере *-ск-*) на правах звукового наращения. Это позволяет видеть в

-инск- вариант основного суффикса. Случаи со звуковым наращением также представлены в школьном учебнике (например, *ловлю*, где *ловл-* рассматривается как вариант корня *лов-* (*ловить*)).

Таким образом, классификация морфем по месту в составе слова имеет следующие графические обозначения:

корень – ; флексия ;
префикс ; суффикс ;
постфикс ; конфикс .

Что же касается интерфиксов, не являющихся морфемами, но выполняющих в составе слова структурную функцию, то они могут иметь следующее обозначение: подчеркивание асемантического элемента двумя чертами или выделение его скобками.

Третья классификация в качестве классификационного признака использует понятие функции, которую выполняют морфемы по отношению к словоизменению и словообразованию, хотя, точнее, по отношению к формообразованию и словообразованию, поскольку формообразование представлено не только словоформами, но и синтаксической деривацией (причастие, деепричастие и др). В этом случае наблюдалась бы большая сориентированность функции морфемы на уже распространенное в учебной литературе определение основы слова как части слова без формообразующих аффиксов, в состав которых включаются не только флексии, но и суффиксы, постфиксы, выполняющие формообразовательную функцию.

Эта классификация также в большей степени имеет отношение к аффиксальным морфемам, поскольку считается, что корни обычно не выражают грамматических значений и, следовательно, не могут быть показателем словоизменения. Но, тем не менее, следует отметить, что корневые морфемы иногда участвуют в выражении грамматических значений, присущих тем или иным грамматическим категориям. Например: *человек* – *люди*, *ребенок* – *дети* (значение числа); *ловить* – *поймать*, *брать* – *взять* (значение вида); *хорошо* – *лучше* (значение сравнения). Поэтому корневые морфемы, с точки зрения участия в словоизменении (формообразовании) и неучастия в этом процессе, могут быть подразделены на супплетивные и несупплетивные корневые морфемы. Слова с супплетивными морфемами имеют две основы (ср.: *человек-* / *люд-и*).

На словообразование явление супплетивизма, как правило, не распространяется, ибо производным признается слово, которое образовано от той же основы (*учитель – учить*). Те же отношения, которые выражены с помощью разных слов (корней) обычно не рассматриваются как словообразовательные (*врач – лечить, прачка – стирать*).

Синкретичность в выполнении морфемами словоизменяющей (формообразовательной) и несловоизменяющей (словообразовательной) функций более частотно представлена в функционировании таких аффиксов, как суффиксы, постфиксы. Что же касается префиксов, то принято считать, что они выполняют словообразовательную функцию. Однако в настоящее время можно говорить и о выполнении префиксом словоизменяющей функции, учитывая его участие в выражении грамматического вида русского глагола, если признавать словоизменяющий характер вида, представленного видовыми парами типа *читать – прочитывать*.

Особый интерес вызывает функциональное поведение конфиксальных морфем. На первый взгляд, конфиксы выполняют только словообразовательную функцию. Но если усматривать конфиксальную конструкцию в предложно-падежных формах существительных, то конфикс предстает в виде сочетания предлога и флексии и выполняет в данном случае словоизменяющую функцию: *у стол-а, к мор-ю, в дом-е, о картин-е*.

Словоизменяющую функцию можно усматривать и в конфиксальной конструкции, представленной сочетанием *-л-* и частицы *бы* в глагольной структуре сослагательного (условного) наклонения: *прочита-л-а бы, учи-л-и бы*.

На наш взгляд, в *графическом разборе* по составу слова должны присутствовать обозначения морфемы с учетом выполняемой ею функции. В качестве таких графических обозначений можно предложить *следующие обозначения*.

- – корень
- – супплетивный корень
- – словоизменяющая флексия
- – словообразовательная (лексическая) флексия

- — словообразовательный (лексический) префикс
- ⊕ — формообразовательный префикс
- ^ — словообразовательный (лексический) суффикс
- ⊕ — формообразовательный суффикс
- ⋈ — словообразовательный (лексический) постфикс
- ⊖ — формообразовательный постфикс
- ↔ — словообразовательный (лексический) конфикс (циркумфикс)
- ↔ — формообразовательный конфикс (циркумфикс).

УНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В.И. Теркулов

terkulov@rambler.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Предлагаемая работа имеет целью определение терминологического аппарата описания эквивалентностных отношений между словосочетанием и мотивационно связанным с ним словом. Традиционная классификация мотивационных отношений между языковыми единицами, предполагающая существование трёх типов мотивации – мутационного, модификационного и транспозиционного, – не учитывает того, что часто между производящей и производной единицами не отмечается никаких семантических различий, а сущность словообразования заключается в замене расчлennного наименования (словосочетания) однословным. Так, например, образуются универбы (*маршрутное такси – маршрутка*), аббревиатуры (*гравитационная линза – гравилинза*) и т.д. Учёными предлагается определить отношения между такими единицами как **эквивалентные (эквивалентностные)**¹⁶ [6, с. 112].

¹⁶ Мы используем для определения данных отношений термин «эквивалентностные», поскольку, по нашему мнению, он более точно отражает сущность определяемого явления, базируясь на перифразе «отношения эквивалентности».

Эквивалентностные отношения между словом и словосочетанием представляют особый тип словообразования, который впервые был описан А.В. Исаченко, использовавшим для его обозначения термин «универбация». Учёный обозначал данным термином следующие явления: 1) словосложения (*местожительство*); 2) сращения (*накануне*); 3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования: а) эллипс означаемого члена, то есть субстантивацию (*передовая*); б) эллипс означающего члена ([патефонная] *пластинка*); 4) аффиксальную деривацию (*зачётная книжка* — *зачётка*); 5) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска* — *противогаз*); 6) разные типы аббревиации (*медсестра*; *МГУ*, *ТЮЗ*) [2, с. 339].

В дальнейшем наименование «универбация» было специализировано только на одном типе трансформации словосочетания в слово — «способе образования слов на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу — со всем мотивирующим словосочетанием (*многотиражная газета* > *многотиражка*)» [3]. По этой причине для родового обозначения процесса замены словосочетания производным от него семантически и функционально тождественным ему словом стали использоваться другие термины: «компрессия», «конденсация», «включение», «импликация» и под. Указанные термины достаточно широки по объёму и могут быть отнесены не только к образованию единиц, равных слову, но и к образованию многословных сокращённых сочетаний лексем, например: *стаж работы по найму* — *стаж по найму*, *выступить в соревнованиях на первенство мира* — *выступить на первенство мира* и т.п. Ситуация преобразования словосочетания в слово, которая является результатом предельной компрессии, должна иметь своё особое терминологическое обозначение, поскольку, в отличие от других типов компрессии, превращает синтаксический объект (словосочетание) в номинативный (слово). Для отграничения данного явления от других видов компрессии мы используем термин «универбализация», с одной стороны, указывающий на конечный статус конденсированной единицы (слово), а с другой — отличающийся от удачного, но уже специализированного наименования «универбация».

Многие характеристики универбализации, к сожалению, остаются недостаточно определёнными. Существует необходимость в структурной классификации универбатов, в установлении условий отнесения тех или иных единиц к универбатам¹⁷ и т.д.

На наш взгляд, следует разграничить два структурных типа универбатов: семантический и лексический.

При семантической универбализации эквивалентом словосочетания становится один из его компонентов. К семантической универбализации относятся эллипсис – простая замена словосочетания одним из входящих в его состав слов (*столовая комната* > *столовая*, *высокое давление* > *давление*), эллиптическая аббревиация – замена словосочетания его сокращённым компонентом (*противогазовая маска* > *противогаз*), универбация – замена словосочетания словом, сопровождающаяся имитацией аффиксального словопроизводства (*зачётная книжка* > *зачётка*).

При лексической универбализации словосочетание трансформируется в сложное слово и может выступать в виде стяжения (юкстапозита), то есть интерпретации словосочетания как слова (*с ума сошедший* > *сумасшедший*), композиции – образования сложного слова с заменой компонента исходного словосочетания его основой (*поставки нефти* > *нефтепоставки*), аббревиации, в результате которой возникают: а) частично сокращённые слова, то есть сложносокращённые слова, включающие в свой состав как аббревицированный конструктор, так и полное слово (*авиационный завод* > *авиазавод*); б) слоговые аббревиатуры – сложносокращённые слова, целиком состоящие из абброконструкторов (*заведующий хозяйством* > *завхоз*); в) инициальные аббревиатуры, состоящие из первых букв или звуков слова-источника (*чрезвычайное происшествие* > *ЧП*); г) различного рода гибридные аббревиатуры (*главный комитет* > *главк*).

Традиционно предполагается, что отнесение лексемы к универбатам возможно при соблюдении двух условий: а) слово должно быть образовано от словосочетания, б) и слово и словосочетание должны актуально употребляться в текстах как абсолютные синонимы (см.: [1, с. 62; 4, с. 4]).

¹⁷ В рамках данной работы термином «универбат» обозначается единица, образованная в результате универбализации, в то время как термин «универб» обозначает единицы, возникшие в результате универбации.

Такая интерпретация эквивалентности смешивает два различных типа отношений между эквивалентными словами и словосочетаниями – синхронный и диахронный.

Во-первых, в ряде случаев слово, имеющее в современном русском языке мотивационно связанные словосочетания-синонимы, может и не быть образовано от этих словосочетаний. Например, слово *автогонщик* имеет на актуальном срезе языка эквивалент *автомобильный гонщик*: *Автомобильный гонщик из Чехии Томаш Каспержик чудом не упал со скалы во время ралли на Канарах – Чешский автогонщик чудом не упал со скалы во время ралли* [<http://modscheats.ru/25437-cheshskiy-avtogonschik-chudom-ne-upal-so-skaly-vo-vremya-ralli.html>]. Однако, как показал диахронический анализ данной пары (см. о принципах и приёмах диахронического анализа аббревиатур в [5]), слово *автогонщик* является сложнопроизводным от *автогонок*, а словосочетание *автомобильный гонщик* развёрнуто на его базе вследствие псевдоунивербализации.

Во-вторых, в ряде случаев универбаты теряют связь с мотивирующим словосочетанием. Например, *противогаз* носитель языка уже не соотносит с производящим словосочетанием *противогазовая маска*, а *спасибо* – со словосочетанием *спаси Бог!*

Следует, таким образом, различать диахронные отношения производности и синхронные отношения текстовой эквивалентности между универбатом и мотивационно связанным с ним словосочетанием, в связи с чем следует различать диахронный и синхронный подходы к определению универбализации. Такая трактовка позволяет уточнить ряд понятий теории универбализации и обнаружить большое количество явлений, ранее не попадавших в поле зрения учёных.

При **диахронном подходе** универбатами считаются слова, возникшие в результате универбализационной трансформации производящего словосочетания, например *вечно зелёный* > *вечно-зелёный*, *регрессные выплаты* > *регресс*, *газовый конденсат* > *газоконденсат*. В данном случае реализуются так называемые универбализационные стимулы – регулярные для языка модели преобразования частотных словосочетаний в слова. Например, частотное словосочетание *авиационный чиновник* под влиянием уни-

вербализационного стимула, предполагающего образование сложносокращённых слов путём замены прилагательного *авиационный* абброэквивалентом *авиа*, преобразуется в слово *авиачиновник*.

С другой стороны, нами отмечается наличие в языке единиц, возникших в результате **имитации** универбализации. Например, наш анализ показал, что слово *бакматериал* возникло не на базе словосочетания, а в результате прямого присоединения абброморфемы *бак* к слову *материал* по моделям слов, у которых данный конструкт реально замещает слово *бактериологический*: *баканализ*, *бакисследование*, *баклаборатория* и т.п. Данная лексема, следовательно, не произведена от структурно и семантически эквивалентного словосочетания, а является единицей, созданной по аналогии на базе слова путём имитации «эталонной» конечной структуры универбата. В этом случае перед нами процесс **квазиунивербализации**, которую мы определяем как создание новых слов по образцу универбатов. Такие слова мы называем **квазиунивербатами**.

Достаточно часто эквивалентное слову словосочетание само разворачивается на базе универбата или квазиунивербата и является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему. Здесь реализуется существующий в сознании носителя языка стереотип: если какое-то слово воспринимается им как универбат, он автоматически создаёт для него развёрнутый эквивалент. Процесс развёртывания вторичного словосочетания на базе универбата мы называем **псевдоунивербализацией**. Именно в результате псевдоунивербализации у слова *бакматериал* и возник малочастотный эквивалент *бактериологический материал*.

Псевдоунивербализация может иметь разные причины.

Для **квазиунивербата** при псевдоунивербализации заполняется эквивалентностная лакуна. Например, слово *снегозадержание* вряд ли было образовано от словосочетания *задержание снега*. Во-первых, словосочетание *задержание снега* отмечается в поисковых машинах в 15 раз реже слова, что косвенно может свидетельствовать в пользу его вторичности по отношению к слову. Во-вторых, слово *задержание* образовано от глагола совершенного вида и имеет конкретно-фактическое, а не длительно-процессуальное значение, обнаруживаемое в слове *снегозадержание*. В-тре-

тых, в рассмотренных нами текстах словосочетания с базисом *задержание* имеют именно конкретно-фактическую семантику: *задержание преступника, задержание воды* (как результат борьбы с прорывом воды) и т.д. при отсутствии примеров словосочетаний с длительно-процессной семантикой. Следовательно, *снегозадержание* – квазиунивербат, образованный от слова *задержание* при помощи композитной морфемы *снего-*, а словосочетание *задержание снега* – вторичная конструкция, развёрнутая на его базе для заполнения эквивалентностной лакуны.

Вторичное развёртывание **универбатов** и квазиунивербатов может быть обусловлено особенностями языковой компетенции носителя языка (например, аббревиатурный универбат *бронеавтомобиль*, образованный от словосочетания *бронированный автомобиль*, получает по причине наличествующего в сознании носителя языка стереотипа замены аббревиатурного конструкта *броне* прилагательным *броневой* эквивалент *броневой автомобиль*), его желанием конкретизировать значение универбата в производном словосочетании (тот же *бронеавтомобиль* получает в ряде текстов фабрикативный эквивалент *автомобиль с бронёй*) и т.д.

Определение диахронных отношений универбализации, квазиунивербализации и псевдоунивербализации, то есть, собственно, описание деривационных связей между словом и эквивалентными словосочетаниями, возможно только на основе этимологического анализа, который, кстати, далеко не всегда даёт однозначные результаты. Неподготовленный носитель языка этот анализ сделать не может, для него важнее другое: можно ли найти в языке или создать словосочетание, которое в данном тексте в данный момент времени может быть использовано для дешифровки и интерпретации универбата. Иначе говоря, для него важнее **синхронная трактовка** мотивационных связей слова и словосочетания, которая определяет универбализацию как ситуацию их эквивалентного употребления на синхронном срезе языка вне определения направления деривационных связей между ними, что позволяет ему считать синхронными универбатами как диахронные универбаты, так и диахронные квазиунивербаты, получившие псевдоунивербализационные эквиваленты. Например, для универбата *автоэмаль* в рассмотренных нами текстах как абсолютные синонимы употребляются словосочетания *эмаль для авто, эмаль для*

автомобиля, автомобильная эмаль, эмаль для автомобилей. В таких же отношениях находятся псевдоунивербализационные словосочетания *авиабилетная касса* и *авиационная касса* с квазиунивербатом *авиакасса*. Поэтому как *автоэмаль*, так и *авиакасса* на синхронном срезе языка трактуются носителями языка как универбаты.

Как видим, у слова на синхронном срезе языка может обнаруживаться не один эквивалент, а несколько. Причиной этому является наличие у носителя языка множественных имплицитных знаний о возможностях развёртывания единицы, которая на синхронном срезе языка воспринимается им как универбат. Такие знания мы называем **дешифровальными стимулами**. Они могут совпадать с диахронными универбализационными стимулами, а могут не совпадать, становясь источником для диахронной псевдоунивербализации. Например, для аббревиатурного конструкта *авто* нами обнаружено более пятидесяти активно употребляющихся в языке дешифровальных стимулов: *автомобильный, автотранспортный, автодорожный, автомобиля, авто* и т.д. Именно поэтому в гнездах эквивалентности аббревиатурной группы «авто» чаще всего обнаруживается большое количество текстовых эквивалентов. Например, для слова *автоэкспорт* отмечается 7 эквивалентов: *экспорт автомобилей, экспорт авто, автомобильный экспорт, экспорт автотехники, экспорт автомашин, экспорт автотранспортных средств, экспорт автотранспорта*. Задача исследователей синхронной универбализации как раз и состоит в том, чтобы выявить: а) причины появления множественной эквивалентности, б) особенности использования эквивалентов в текстах.

Предложенная работа даёт только общее представление о терминологическом аппарате теории универбализации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета. В дальнейших работах мы предполагаем более подробно описать формальные и ономаσιологические типы синхронной и диахронной универбализаций.

Литература

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. – 320 с.

2. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. – 1958. – Roč. 27. – Seš. 3. – S. 349-350.

3. Осипова Л. И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи // *Русский язык : исторические судьбы и современность : II междунар. конгресс исследователей русского языка, 18-21 марта 2004 г. : тезисы докл.* – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514>. – Заголовков с экрана.

4. Сегаль М. М. Аббревиации и аббревиатуры в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1964. – 334 с.

5. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2017. – № 6. – С. 73–97.

6. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.

7. Dokulil M. *Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov*. Praha : SAv, 1962. – 263 s.

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЙ СТИМУЛ АББРЕВИАТУРЫ: КОГНИТИВНАЯ, ДИАХРОННАЯ И СИНХРОННАЯ ТРАКТОВКИ

А. И. Бровец

[*brovac@mail.ua*](mailto:brovac@mail.ua)

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

В работах В.И. Теркулова, представляющего Экспериментальную лабораторию исследований тенденций аббревиации, обосновывается разграничение синхронного и диахронного подходов к анализу и выделению сложносокращённых слов. Методики диахронного анализа учитывают количественные, семантические и ономастологические характеристики слова и словосочетания, чтобы установить отношения реальной производности между ними.

Процедуры синхронного описания констатируют отношения актуальной текстовой эквивалентности между аббревиатурой и соответствующими ей словосочетаниями, которые: а) часто представлены в большем количестве, чем одно; б) связаны с аббревиа-

турой мотивационными отношениями и способны взаимозаменяться с ней в эквивалентных текстах в качестве абсолютных синонимов; в) составляют гнездо эквивалентности данной аббревиатуры. Вслед за различием диахронного и синхронного аспектов анализа сложносокращённых слов В.И. Теркулов выделяет диахронные и синхронные аббревиатуры [3, с. 86].

Гнездо эквивалентности аббревиатуры, являющееся, по сути, предметом словарной статьи в создаваемом «Толково-эквивалентном словаре сложносокращённых слов русского языка», первый том которого (буквы А–В) включает 2,5 тысячи гнезд эквивалентности, – включает все обнаруживаемые в эквивалентных текстах словосочетания, в пределах которых осуществляется синтаксическая спецификация абброконструкта (т. е. сокращённого компонента аббревиатуры). Например, в словарной статье *Автоподразделение* в блоке эквивалентов с ранжированием по степени частотности приводятся словосочетания *автомобильное подразделение, автотранспортное подразделение, автотехническое подразделение*, в которых выделенные простое и сложные прилагательные синтаксически специфицируют абброконструкт *авто* в слове *автоподразделение*.

Факты неоднородной текстовой реализации конкретных абброконструктов в пределах эквивалентных аббревиатуре словосочетаний составляют содержание проблемы эквивалентности сложносокращённого слова. Для описания данной эквивалентности коллективом Лаборатории используется понятие **дешифровального стимула** абброконструкта, определение которого может осуществляться с учётом нескольких взаимообусловленных принципов. Предпочтение одного из таких принципов может служить основанием для выделения вариантов трактовки дешифровального стимула, описание которых является целью данной статьи.

Первый принцип, учитывающий когнитивные основания эквивалентности аббревиатур, позволяет определить дешифровальный стимул как «фоновые знания, стимулирующие тот или иной вариант трактовки абброконструкта» [2, с. 47]. Представление о дешифровальном стимуле как о мыслительном ключе трактовки аббревиатуры отражается в самом его названии и обуславливается, с одной стороны, существующим в сознании носителей языка

корреляционным стереотипом «каждой аббревиатуре соответствует словосочетание», а с другой стороны, регулярностью самих абброконструктов, которые существуют на синхронном срезе языка параллельно с характерными для них трактовками: например, *гос* – *государственный*, *авиа* – *авиационный*.

Так, когнитивный принцип позволяет определить дешифровальный стимул как регулярный стереотип развёртывания абброконструкта, т. е. уже достаточно известную носителю языка форму, используемую при **образовании** эквивалентных словосочетаний по аналогии. Такая формулировка учитывает, помимо когнитивных, также словообразовательные, т. е. диахронные соображения. К тому же данное утверждение нуждается в том уточнении, что не все дешифровальные стимулы в одинаковой мере а) стереотипны и б) регулярны. Практически это подтверждается неодинаковыми показателями количества употреблений эквивалентов одной аббревиатуры, что в Словаре отражается в том числе в виде реперных точек, объединяющих эквивалентны с различными показателями регулярности.

Анализ стереотипности различных дешифровальных стимулов представляется продуктивным с опорой на существующую структурно-семантическую классификацию последних, которая включает **презентативные**, выраженные относительным прилагательным с квалификативной семантикой (*автомобильная авария* – *автоавария*), и **интерпретативные** дешифровальные стимулы, среди которых различаются **релятивные**, выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа (*авария автомобилей* – *автоавария*), и **модификативные** дешифровальные стимулы, включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры (*автодорожная авария* – *автоавария*) [1, с. 100].

С диахронной точки зрения наиболее предсказуемым (= стереотипным) представляется презентативный дешифровальный стимул, характеризующийся наименьшей степенью когнитивного усилия. Он является семантически универсальным, поскольку в условиях привативной оппозиции чаще всего выступает немаркированным её членом, в отличие от релятивных и мо-

дификативных дешифровальных стимулов, производящих грамматическую или лексическую интерпретацию абброконструкта. Но параметр **стереотипности** презентативного дешифровального стимула означает его фигурирование в большинстве гнезд эквивалентности, в то время как анализ показателей частотности употребления конкретной аббревиатуры и эквивалентных ей словосочетаний может свидетельствовать в пользу большей **регулярности** интерпретативных дешифровальных стимулов внутри гнезда.

Квантитативный анализ демонстрирует неодинаковое соотношение количественных показателей у одних и тех же типов дешифровальных стимулов в различных гнездах эквивалентности. Срез частотности трёх представленных типов дешифровальных стимулов возможно провести методом сравнения как реперных точек конкретных гнезд эквивалентности, так и количества употреблений в одном тексте аббревиатуры и соответствующего ей словосочетания, в котором реализован тот или иной тип дешифровального стимула.

Посредством второго метода в Таблице 1 на примере трёх гнезд эквивалентности представлены три ситуации количественного соотношения презентативного, релятивного и модификативного типов дешифровальных стимулов. Название ситуации соответствует количественно доминирующему типу дешифровального стимула в гнезде эквивалентности. Буквой Ч обозначается частотность, которая снижается по мере возрастания цифрированного показателя. Количественные результаты, полученные вторым методом, соответствуют соотношению реперных точек трёх сравниваемых гнезд эквивалентности.

Помимо представленного выше способа, оценить количественный потенциал разных типов дешифровальных стимулов можно применительно к конкретным аббревиатурным группам (совокупности сложносокращённых слов с одинаковым абброконструктом) посредством фронтального поиска по Словарю. Такой поиск, например, сообщает, что словоформа *авиации* в аббревиатурной группе *авиа* на 91 раз менее востребована, чем совокупность форм *авиационный* + *авиационная* + *авиационное* в Им. п. ед.

ч. Поиск в словаре по уже обработанным гнёздам эквивалентности представляется более продуктивным для формулирования выводов о стереотипности и регулярности дешифровальных стимулов, нежели единичные запросы в поисковых системах на примере отдельных гнёзд эквивалентности.

Таблица 1. Регулярность дешифровальных стимулов

Аббревиатуры	Ч	Ситуация презентатива	Ситуация релятива	Ситуация модификатива
<i>автобензин, газодобыча, авиасалон</i>	1	<i>автомобильный бензин</i>	<i>добыча газа</i>	<i>авиакосмический салон</i>
	2	<i>бензин для автомобилей</i>	<i>добыча газового конденсата</i>	<i>авиационный салон</i>
	3	<i>бензин для автотранспорта</i>	<i>газовая добыча</i>	<i>салон авиации</i>

Вышесказанное позволяет утверждать, что такие характеристики дешифровальных стимулов, как регулярность и стереотипность, не тождественны друг другу. Презентативный дешифровальный стимул, характеризующийся наименьшим когнитивным усилием, признаётся стереотипным по форме, чему соответствует его представленность в **большинстве** гнёзд эквивалентности, в определённом количестве которых он может быть гораздо менее регулярным по сравнению с интерпретативными дешифровальными стимулами. Принципиальным является сам факт его воспроизводимости (пусть и инертной) даже в тех случаях, когда трактовка абброконструкта относительным прилагательным семантически не оправдывается.

С одной стороны, стереотипным дешифровальным стимулам при условии их семантической необоснованности могут противопоставляться регулярные, а с другой стороны, им обязательно противопоставляются уникальные дешифровальные стимулы. По-

следние могут быть достаточно регулярными в пределах гнезда эквивалентности, однако встречаются в небольшом количестве гнёзд. Например, абсолютно во всех малочисленных гнёздах, где с достаточной регулярностью фигурируют дешифровальные стимулы *авиакосмический*, *авиатехнический*, *авиаспортивный*, *авиахимический*, отмечается также и дешифровальный стимул *авиационный*, являющийся стереотипным.

Представление о дешифровальном стимуле как о стереотипе трактовки абброконструкта иллюстрируется на примере сложносокращённых слов с так называемыми **симультантными абброконструктами**, которые в силу совпадения по форме получают возможность одновременного различного синтаксического истолкования [2, с. 41]. Например, абброконструкты *авто*, *арх*, *гео*, *электро* в словах *авторегистратор*, *архдеятельность*, *геосетка*, *электросигарета*, трактуемые в эквивалентных словосочетаниях двумя (*автоматический* и *автомобильный*, *географическая* и *геологическая*, *электрическая* и *электронная*) или тремя (*археологическая*, *архивная*, *архитектурная*) различными прилагательными, выбор которых обосновывается в том числе индивидуальными представлениями носителей языка об объектах номинации.

Однако для демонстрации когнитивного основания дешифровального стимула более наглядно обращение не к абсолютным симультантам, двум или нескольким различным интерпретациям которых соответствуют два или несколько различных объекта действительности (*автоматический* и *автомобильный регистраторы*, *археологическая*, *архивная* и *архитектурная деятельность*, *географическая* и *геологическая сетки*), а к включённым симультантам, различная интерпретация которых не обусловлена экстралингвистически (*электрическая* и *электронная сигарета*) [2, с. 47]. Другими словами, две языковых номинации (*электронная* и *электрическая*) соответствуют одному реально существующему виду сигареты, научно более корректным названием которой является *электронная*. Словосочетание *электронная сигарета* гораздо более употребительно, чем *электрическая сигарета*, и в диахрон-

ном отношении признаётся источником для аббревиатуры *электросигарета*, которая, в свою очередь, служит источником для **вторичного словосочетания** *электрическая сигарета*. Образование последнего на базе слова путём псевдоунивербализации [3, с. 79] объясняется как раз действием дешифровального стимула *электрический*, являющегося стереотипным для трактовки аббрекконструкта *электро*. Факты псевдоунивербализации на базе диахронных аббревиатур и диахронных квазиаббревиатур [3, с. 78] обоснованы с точки зрения действия дешифровальных стимулов как ключей трактовки аббрекконструкта.

Словарное описание каждой аббревиатурной группы организовано иерархически: сначала даётся **лемма** (словарная форма, являющаяся прототипом для дешифровального стимула), а под леммой перечисляются **токены** (все эмпирические формы реализации леммы, т. е. собственно дешифровальные стимулы). Такой подход, осуществляемый в терминах корпусной лингвистики, служит также прогнозированию токенов с возможностью их проверки в эквивалентных словосочетаниях. Прогнозирование токенов осуществляется по принципу экстраполяции сетки токенов леммы¹ на сетку токенов леммы². Если прогнозируемый токен эмпирически подтверждается, заполняется одна клетка таблицы леммы², если такой токен отмечается только для леммы¹, но не обнаруживается в текстах для леммы², соответствующая клетка таблицы леммы² образует лауну.

В таком случае под дешифровальным стимулом, являющимся абсолютным синонимом токена, понимается конкретная, т. е. эмпирически отмечаемая в текстах **форма представления** сокращённого компонента аббревиатуры в эквивалентном ей словосочетании. Очевидно, что подобное представление о дешифровальном стимуле является полностью синхронным, не учитывающим ни отношения реальной производности между аббревиатурой и соответствующим ей словосочетанием, ни параметры стереотипности / уникальности. В результате анализа соотношения данных трактовок планируется уточнить понятие **шифровального** стимула аббрекконструкта.

Литература

1. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – №6. – с. 98–107.
2. Бровец А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.1. – с. 41–52.
3. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – №6. – с. 73–97.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВЫРАЖЕННОСТЬ СУБСТАНТИВНОЙ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.В. Валеева, К.А. Сушко

lv_valeeva@mail.ru; sushko96@inbox.ru

Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Языковая категория собирательности реализует важнейшую для человеческого сознания потребность в качественной оценке количественной характеристики явлений и сущностей.

История изучения собирательности включает несколько исследовательских аспектов. В одном случае изучение собирательности опирается на словообразовательные и грамматические свойства имен существительных. Лексико-грамматический статус собирательных имен определяется прежде всего грамматической природой языковых единиц (А. А. Реформатский, Н. М. Шанский, Н. Ю. Шведова, Л. В. Щерба и другие). При другом подходе к числу собирательных относятся слова, которые называют не просто множество чего-либо, а дают оценку этому множеству (Д. И. Руденко). Третий подход отстаивает первенство и обязательность семантического критерия при описании собирательных слов (И. А. Высоцкая, И. Э. Еселевич).

Данное исследование учитывает все составляющие репрезентации собирательности в языке: грамматическую, словообразовательную, семантическую, стилистическую. Категория собирательности определяется как языковое явление, аналогичное множественности, но мыслимое как целое, не обладающее числовой парадигмой. Согласно принятому определению, категория выражается как с помощью специальных формантов, так и посредством других вспомогательных средств в зависимости от особенностей дискурсивно-контекстной реализации существительных.

Собирательным субстантивам свойствен ряд определенных маркеров, которые придают им значение собирательности. На разных этапах развития лингвистической науки их список менялся. Группа показателей собирательности формировалась аффиксацией, безаффиксным способом, лексически (производными и непроизводными существительными с суффиксами несобирательного значения) и синтаксически.

Объектом настоящего исследования является система суффиксальных формантов разного уровня продуктивности и тенденции в их контекстуальной выраженности в русском языке XXI века. Материалом исследования стал лексикографический материал [2], представляющий корпус из 478 единиц с собирательным значением, и данные НКРЯ [3] и современных медиатекстов.

Среди самых распространенных формантов собирательности следует назвать суффикс $-|j|$ (-ьё-). Он присущ существительным с собирательным значением лица (*бабьё, дурачьё, юнкерьё, солдатчьё, кулачьё, жульё, мужичьё, офицерьё, хамьё, хулиганьё*). Суффикс стилистически маркирует их и наделяет слова негативной коннотацией. В результате стилистически нейтральное мотивирующее слово (*офицер, солдат*) приобретает пейоративное значение или (*мужик, баба*) приобретает дополнительный оттенок иронии, пренебрежительности, стилистически окрашенное слово (*хам, хулиган*) фиксирует усиление оценочности мотивирующего слова. В силу ярко выраженного уничижительного оттенка данные словоформы широко употребляются в разговорной речи, напр.: *Куда ей столько? Всякое бабьё угощать? Я ведь – не с пустыми руками* (Л. Зорин. «Глас народа»). Также суффикс $-|j|$ выделяется в номинации животных (*зверьё, вороньё*), в словах с собирательным

значением конкретных предметов (*быльё, дубьё, корьё, репьё, смольё, тряпьё, угольё, хламьё*), в отадективных именах существительных (*драньё, рваньё, свежьё, старьё*), относящихся к сниженной лексике современного русского языка, а также в отглагольных собирательных существительных типа *литьё* и *шитьё*, которые обозначают совокупность продуктов деятельности относительно производящего слова. Как показал анализ материала из Национального корпуса русского языка [3], большая часть субстантивов из этой группы исчезает из активного употребления. Гораздо чаще встречаются омонимичные формы собирательных существительных типа *литьё* и *шитьё* со значением «названия действия по производящему слову».

В системе формантов собирательных существительных выделяется суффикс *-и|j|/-ери|j|-* (*-ия-*). Анализ показал, что часть существительных названной структуры перешла в разряд устаревших (*пионерия, холопия*) или узкоспециальных (*братия, машинерия*) слов. Также было отмечено, что собирательные имена существительные на *-и|j|/-ери|j|-* вытесняются формами множественного числа производящего слова (*инженеры* вместо *инженерия*, *бюрократы* вместо *бюрократия*).

Субстантивы на *-ня-* со значением собирательности делятся на несколько групп: экспрессивно окрашенные слова преимущественно с оттенком пренебрежительности, в словаре такие слова имеют помету «разг.» (*дворня, солдатня, волосня*); существительные с уменьшительно-ласкательным оттенком значения (*малышня, ребятня*); нейтральное существительное *родня*. Для слова *родня* выявлена контекстуально-дискурсивная вариативность употребления. Так, в текстах общественно-политической тематики активно используется тождественная форма *родные*, не имеющая собирательного значения, но в данных контекстах приобретающая его: *Что же касается отношения к моему решению родных, то не секрет, что во все времена представителей благородных фамилий гораздо более задевала трусость или слабость их потомков, нежели потеря сыновей...* (Севастопольская газета, 19.02.2015).

Особенностью суффикса *-ик-* со значением собирательности является преимущественное обозначение совокупности неодуше-

ленных предметов: *антисептика, косметика, периодика, проблематика, ритмика, символика, проблематика, автоматика, ономимика, синонимика* (*Косметика для шерсти: а именно шампуни, бальзамы, кондиционеры и маски должны быть только профессиональными...* (Блог «СГ», 11.2011)). Стоит отметить, что за всеми словами из приведенной выше группы (кроме *антисептика, косметика и периодика*) в Малом академическом словаре [2] не закреплена помета собирательного существительного, хотя толкование этих слов производится с помощью таких слов, как «совокупность», «система» и под. Ср.: *В одежде проглядывает националистическая символика: где черно-желто-белые «имперские» флаги с надписью «За Веру, Царя и Отечество», где футболка с рунами* (Н. Аронов. Трезвые и злые). Поэтому представляется целесообразным включить эти слова в состав собирательных существительных.

Формант собирательных существительных – суффикс *-няк-* активно используется для обозначения совокупности растений, преимущественно – деревьев (*березняк, вишняк, дубняк, ивняк, молодняк, сорняк, сосняк, сушняк*). В ходе исследования выявлена конкуренция собирательных словоформ с суффиксами *-няк-* и *-ник-* при обозначении совокупности растений: *Подобные весёлым лосям, мы проскакали ельничек, потом березняк.* (С. Сэ. Другие опусы); *Внутри их по всему мысу великий ельник и березник вырос.* (А. Иванов. Message: Чусовая). По результатам нашего исследования, суффикс *-ник-* оказывается более активным и жизнеспособным, поскольку способен образовывать не только существительные, соотносимые с совокупностью растений (*ельник, калинник, пиловочник, кустарник, лопушник, репейник, сухостойник*), но и другие группы слов. Например, существительные со значением совокупности строительного материала, используемого для нужд людей, – *балясник, булыжник, решетник, подтоварник, штaketник*. Анализ лексикографического материала показал, что не все языковые единицы, образованные при помощи суффикса *-ник-*, представлены в словаре в качестве собирательных со значением группы растений: *калинник, кизильник и ольшаник* (дефиниция последнего не представлена в словаре) [2].

Представителей словообразовательного типа собирательных существительных с суффиксом *-ур-* (*-атур-*) можно разделить на

две группы. К первой группе, обозначающей совокупность неодушевленных предметов, относятся существительные типа *аппаратура* (и производные от них *киноаппаратура, радиоаппаратура*), *макулатура, мускулатура, режиссура*. Вторая группа – это группа, обозначающая совокупность лиц, занимающихся тем видом деятельности, который назван производящим словом: *агентура, доцентура, профессура, приват-доцентура*. Своеобразие употребления существительного *агентура* заключается в том, что в контекстах преобладают оттенки пейоративной коннотации, хотя в словарной дефиниции подобных помет не наблюдается:

Одним из самых распространенных и продуктивных суффиксов, образующих собирательные субстантивы со значением совокупности людей, является суффикс *-ств (о)*. В этой группе выделяются несколько лексико-семантических подгрупп:

- лица, определяемые социальным статусом: *боячество, мещанство, плебейство, рыцарство, студенчество, товарищество, холопство, юношество*;

- лица, занимающиеся каким-либо видом деятельности: *бюргерство, дворянство, дьяконство, жречество, инженерство, кулачество, лордство, монашество, начальство, офицерство, паства, подьячество, руководство, священство, учительство, фермерство, чиновничество, юнкерство*;

- лица, принадлежащие к определенным религиозным течениям: *иудейство*;

- лица, разделяющиеся по национальности: *еврейство, славянство*.

Высокая продуктивность суффиксальных образований с *-ств(о)* объясняет и их высокую дискурсивную зависимость от социально-исторических изменений. Среди них выделяются многочисленные историзмы – слова, не востребованные в современном речевом пространстве.

Менее распространены такие форманты, как суффикс *-ад-* и его вариант *-ат-* (*колоннада, аркада, старостат*), *-в-* (*-ва-*) (*листва, детва, мордва, литва*), *-ар-* (*богара, мошкара*), *-вор(а)* (*детвора*), *-итет-* (*генералитет*), *-ариј-* (*инструментарий*), *-ач-* (*кедрач*).

В научной литературе последних десятилетий значительно расширен перечень суффиксов, формирующих семантику собирательности. Т. А. Воеводина включает морфемы *-с-* (*плебс* (от *плебей*)), *-рав-* (*дубрава*), *-/у/зг-* (*мелюзга*), *-ечин-* (*мертвечина*) и другие [1]. Большая часть собирательных существительных с уникальными суффиксами не представлена в Малом академическом словаре русского языка.

Таким образом, формально-семантическая выраженность собирательности в русском языке требует дальнейшей разработки, изучения подобных образований и включения их в общий состав собирательных имен существительных русского языка, а также лексикографического оформления формально маркированных и немаркированных собирательных существительных в соответствии реалиями современного словоупотребления.

Литература

1. Воеводина Г.А. Уникальные аффиксы в современном русском языке: Учебно-методическое пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 144 с.
2. Малый академический словарь: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения 10.02.2018).

УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННАЯ И ПСЕВДОУНИВЕРБАЛИЗАЦИОННАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОПИСАНИЯ

К.Ю. Емельянова

ksyu_emelyanova@mail.ua

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Цель предлагаемой статьи – описание универбализационной и псевдоунивербализационной фальсификаций в рамках явления псевдоэквивалентности при синхронном анализе абброаффиксоидных квазиаббревиатур. Для достижения поставленной цели необходимо: 1) рассмотреть абброаффиксоидные квазиаббревиатуры с точки зрения теории аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при ДонНУ;

2) обозначить оппозиционные отношения между абброаффиксоидными словами и абброэквивалентными аббревиатурами / абброморфемными квазиаббревиатурами; 3) описать абброаффиксоидные единицы в синхронном аспекте; 4) указать особенности псевдоэквивалентности; 5) дать общую характеристику универбализационной и псевдоунивербализационной фальсификаций.

Изначально описание абброаффиксоидных квазиаббревиатур сводилось к констатации отсутствия у данного типа сложносокращённых слов регулярно употребляемых текстовых эквивалентов. Таким образом, **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры** трактовались как сложносокращённые слова, не имеющие текстовых дублетов. Следовательно, отсутствовала потребность рассмотрения этих единиц на синхронном срезе языка, что в некоторой степени определяло их «неполноценность». Так, эта «неполноценность» проявилась в том, что абброаффиксоидные квазиаббревиатуры не были включены в словник Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), создаваемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА») при кафедре русского языка Донецкого национального университета.

Именно синхронный подход лежит в основе составляемого словаря, поэтому туда входят либо единицы, возникшие на базе словосочетания, следовательно, уже имеющие как минимум один эквивалент, то есть **абброэквивалентные аббревиатуры**, либо слова, которые приобрели вторичный эквивалент вследствие процесса **псевдоунивербализации** («развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [2, с. 20]), то есть **абброморфемные квазиаббревиатуры**. В результате процесса псевдоунивербализации возникает также многочисленное количество эквивалентов, образующих **гнездо эквивалентности** («совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [2, с. 17]), которое отмечается как у абброэквивалентных аббревиатур, так и у абброморфемных квазиаббревиатур, то есть псевдоунивербализация является релевантной не только для квазиаббревиатур, но и для «собственно» аббревиатур.

Таким образом, в синхронии абброаффиксоидные слова находятся в «эквивалентностной оппозиции» с иными сложносокращёнными словами. Однако, как показало наше исследование, у слов, не имеющих «исконных» текстовых эквивалентов, образуется иное «эквивалентностное поле», которое составляют окказиональные текстовые эквиваленты и псевдоэквиваленты.

Данная статья посвящена тем процессам, которые происходят при появлении псевдоэквивалентов.

Псевдоэквивалентность определяется как «фиктивное» тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинатемном несоответствии глосс. Это значит, что существуют словосочетания, которые формально дублируют текстовый эквивалент аббревиатуры, но семантическое наполнение у них иное, нежели у сложносокращённого слова: они существуют вне связи с аббревиатурой, являются «самостоятельными» языковыми единицами.

Так, при анализе слова *гидробаланс* («соотношение жидкости, попавшей в организм, и жидкости выделенной организмом за определённый промежуток времени (3 часа, 5 часов, сутки, время тренировки, марафона и т.д.)» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/ Гидробаланс](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидробаланс))) при использовании регулярных стереотипов расшифровки абброконструктов, то есть **дешифровальных стимулов**, было обнаружено словосочетание *гидравлический баланс* («необходимое условие нормальной работы систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха» (<http://saves.ucoz.com/publ/b/1-1-0-1/>)), которое, как видно из определения, имеет значение, не совпадающее со значением сложносокращённого слова. Подтверждением этого являются тексты, найденные в поисковой системе Google: *Термин "обезвоженная кожа" употребляется косметологами в том случае, если нарушен гидробаланс в верхних слоях кожи* (<https://iledebeaute.ru/care/2013/7/5/35217/>) и *Регуляторы автоматически определяют гидравлический баланс независимо от колебаний давления в системе* (<https://www.frese.eu/hvac/ru-RU/Products/Regulatory-rasxoda/>). Данные контексты свидетельствуют о том, что сложносокращённое слово *гидробаланс* и словосочетание *гидравлический баланс* не совпадают по семантике.

Описание универбализационной и псевдоунивербализационной фальсификаций осуществляется именно в контексте явления

псевдоэквивалентности. Это объясняется тем, что при нахождении так называемых псевдоэквивалентов появляется «риск» отнесения данных сложносокращённых слов в разряд первичных или вторичных эквивалентных словосочетаний. Так, есть вероятность того, что «исконной» абброаффиксоидной квазиаббревиатуре ошибочно будет предписан статус абброэквивалентной аббревиатуры или абброморфемной квазиаббревиатуры. Таким образом, **универбализационная фальсификация** определяется как «обнаружение фиктивных "первичных" словосочетаний параллельно с формально тождественной "вторичной" аббревиатурой, что влечёт к ошибочному отнесению "исконной" абброаффиксоидной квазиаббревиатуры к абброэквивалентной аббревиатуре» [1, с. 11], а **псевдоунивербализационная фальсификация** трактуется как «"ложный" процесс образования вторичных эквивалентов сложносокращённого слова, возможный при нахождении часто употребляемых словосочетаний, которые формально дублируют эквиваленты аббревиатуры. Обнаружение подобных эквивалентов влечёт за собой ошибочное отнесение "исконной" абброаффиксоидной квазиаббревиатуры к абброморфемной квазиаббревиатуре» [1, с. 10].

Например, анализируемый уже псевдоэквивалент *гидравлический баланс* можно ошибочно определить в разряд вторичных текстовых эквивалентов слова *гидробаланс*, так как баланс индексов данной пары («частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [2, с. 18]) составляет 82,62. Это свидетельствует о том, что в данном случае возможно явление псевдоунивербализационной фальсификации, то есть абброаффиксоидная квазиаббревиатура может ошибочно получить статус абброморфемной квазиаббревиатуры и появиться в словнике Словаря. Чтобы это предотвратить, необходимо работать непосредственно с текстами, в которых встречаются сложносокращённое слово и предполагаемый эквивалент.

Приведём еще пример фальсификаций. Абброаффиксоидная квазиаббревиатура *бакфермент* и словосочетания *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент* также образуют псевдоэквивалентные пары. *Бакфермент* определяется как «закваска для теста», в то время как *бактериологический фермент* и *бакте-*

рицидный фермент – это «добавки к молоку или сыру». В результате появления двух псевдоэквивалентов может возникнуть проблема при определении фальсификации: если баланс индексов сложносокращённого слова и одного псевдоэквивалента больше единицы – это процесс псевдоунивербализационной фальсификации, если же баланс индексов сложносокращённого слова и другого псевдоэквивалента меньше единицы, то это процесс универбализационной фальсификации. В случае с анализируемыми единицами такой проблемы не возникает, поскольку баланс индексов сложносокращённого слова с двумя псевдоэквивалентами больше единицы: *бакфермент* – *бактериологический фермент* (13,4), *бакфермент* – *бактерицидный фермент* (1,44). В данном случае перед нами явление псевдоунивербализационной фальсификации.

Следует также учитывать, что при псевдоунивербализационной фальсификации деривационный статус абброаффиксоидной квазиаббревиатуры не изменяется: происходит только приписывание сложносокращённому слову тех свойств, которые присущи сложносокращённым словам из иных разрядов, то есть появляется ложное действие процесса **псевдоунивербализации**. Псевдоунивербализационная фальсификация «стирает границы» между реальными текстовыми эквивалентами аббревиатур и словосочетаниями, которые следует рассматривать вне синхронного анализа теории аббревиации, так как они не имеют никакой связи со сложносокращёнными словами.

При универбализационной фальсификации уже изменяется «деривационное положение» абброаффиксоидной единицы. В этом случае псевдоэквиваленту приписывается статус первичного словосочетания, которое трансформировалось в сложносокращённое слово, то есть абброаффиксоидная квазиаббревиатура ошибочно воспринимается как абброэквивалентная аббревиатура. Вследствие этого происходит «деривационная и эквивалентностная подмена».

Так, для абброаффиксоидного слова *евролиния*, которое определяется как «кредитная линия в валюте европейской страны» (<https://sokrasheniya.academic.ru/29927/евролиния>), был найден псевдоэквивалент *европейская линия* (значение которого нельзя определить однозначно, так как в интернет-текстах он встречается

в разных контекстах, но почти во всех случаях появляется дополнительный ономаσιологический признак, например: *европейская линия волос* – «тонкие, но объёмные и немного пушистые волосы» (<http://www.bellicapelli.ru/component/k2/item/38-evropejskaya-liniya.html>). Поэтому данный псевдоэквивалент мы будем трактовать по «традиционной» ономаσιологической модели: «ономаσιологический базис + ономаσιологический признак»; такой модели соответствует словосочетание, обозначающее «политическую направленность»). Баланс индексов составляет 0,22, следовательно, мы можем наблюдать в этом случае процесс универбализационной фальсификации.

Таким образом, рассмотрение универбализационной и псевдоунивербализационной фальсификаций возможно только в рамках явления псевдоэквивалентности. «Пренебрежение» семантикой сложносокращённых слов и их предполагаемых эквивалентов влечёт за собой «ошибки» при составлении словника Словаря. Эти «ошибки» могут иметь как эквивалентностную направленность (предписывание абброаффиксоидной квазиаббревиатуре статуса абброморфемной квазиаббревиатуры), так и деривационную и эквивалентностную одновременно (предписывание абброаффиксоидной квазиаббревиатуре статуса абброэквивалентной аббревиатуры).

Литература

1. Емельянова К. Ю. Абброаффиксоиды в русском языке // Конкурсная работа. – 2018. – 32 с.
2. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. №3. – С. 13–25.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Д.А. Ким

dmtk-b@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

При рассмотрении изменений, происходящих в современном русском языке, процессу заимствования уделяется особое внимание. Причём проблема эта интересует не только лингвистов, но и политиков, журналистов, людей неравнодушных к судьбе родного языка и культуры. Оценка этого процесса, происходящего на разных языковых уровнях, но заметного прежде всего на лексическом, в научной среде нередко негативна. Вопрос заимствований остро обсуждается на научных конференциях и в научных изданиях. Так, в рамках II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», проходившего в Ялте в 2018 г., влияние английского языка на современный русский стало одной из центральных тем. Отдельное внимание было уделено смешению иностранной и русской графики – графогибридизации. Обеспокоенность проблемами языковой экологии в связи с этими процессами нашла отражение в резолюции, принятой по итогам симпозиума.

Для научной оценки изменений, происходящих в современном русском языке, нам представляется важным понимание истории исследуемого процесса, в том числе история его восприятия обществом. Этим обусловлено наше внимание к дискуссиям о заимствованиях, ведущихся в России со времён церковного раскола XVII в.

Известно, что для активизации динамических процессов в языке важны не только собственно языковые факторы (например, типологическое, структурное сходство контактирующих языков [4, с.73]), но и экстралингвистические. Н.С. Валгина, описывая принципы социологического изучения языка, отмечает, что изменения в нём оказываются возможными благодаря заложенным в языке потенциям внутреннего характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального «толчка» [1, с.7]. В XVI–XVII вв. таким «толчком» послужили события, связанные с

русско-польскими отношениями. Исследуя этот период истории русского литературного языка, В.В. Виноградов утверждает, что на юго-западе Руси в жанры светско-делового стиля церковнославянского языка под воздействием польского культурного влияния проникали латинизмы и полонизмы, а это в итоге отражалось и на бытовой речи.

Ко времени церковного раскола возникла мысль о вреде влияния латинского языка на церковнославянский. М.Н. Сменцовский в «Приложениях» к исследованию «Братья Лихуды» приводит трактат церковного деятеля, так осуждающего латинские и польские заимствования в церковнославянском: «Начинаются латинские и полские пословицы славенского языка в писаниих появлятися; древне же отнюдь таковых глаголений удаляхуся, зане речением обыкоша и нравы последовати. Таково бо латинское учение прелестно, яко нож медом намазанный: изначала лижущим сладок и безбеден мнится и елико болше облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущего заколет и смерти предаст» [цит. по: 2, с.14]. При этом автор трактата говорит о превосходстве греческого языка над латинским: «Язык латинский без греческого ничто же могущ высоких разумений, паче же о богословии писати и глаголати, и велми сам собою непотребен нам, славяном, и ничто же воспользует нас, но паче пошлит и далече от истины в богословии отведет и к западных зломудрию тайно и внезапно привлечет» [там же, с.15]. Подобный языковой консерватизм в это время был характерен для круга церковников-«восточников», как их называет В.В. Виноградов. В среде противников церковной реформы он был ещё более выраженным. Ими осуждались не только латинские неологизмы, но и введение новых греческих заимствований и слов из обиходного языка в церковные тексты.

В то же время в светской аристократической среде второй половины XVII в. существовала другая точка зрения на латынь, окончательно укрепившаяся уже в Петровскую эпоху. Ф.П. Поликарпов в предисловии к своему «Лексикону» (1704) писал: «Латинский диалект ныне по кругу земному паче иных во гражданских и школьных делех обносится» [цит. по: 2, с.38]. Такая позиция способствовала проникновению латинизмов в литературный язык,

прежде всего в деловой и научной сферах. В итоге многие государственные деятели в деловой переписке активно использовали латинизмы и полонизмы, ощущая их большую социальную престижность. Это приводило как к курьёзным ситуациям, поскольку точный смысл новомодной терминологии порой не был ясен самому пишущему, так и к осуждению за «злоупотребление» заимствованиями. Любопытно замечание Петра I одному из своих послов: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразить невозможно; того ради впредь тебе реляции свои писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [цит. по: 2, с.69].

Рассматривая дискуссии о заимствованиях в XVII–начале XVIII вв., нельзя не отметить социолингвистические факторы. Языковой консерватизм человека или, наоборот, следование моде на иностранные слова, как правило, определялись его социальной ролью, религиозными и политическими взглядами. В современных дискуссиях о заимствованиях мы нередко наблюдаем схожую ситуацию. Недаром языковая экология как научная дисциплина тесно связана с языковой политикой, а в обсуждении лингвоэкологических проблем активное участие принимают представители РПЦ, выражая консервативную позицию.

Своеобразным итогом споров вокруг заимствований XVII–начала XVIII вв. можно считать слова В.К. Третьяковского из речи «О чистоте русского языка» (1735): «Впредь твердо надеюсь, малый, узкий и мелкий наш источник, наполнився посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную и глубокую реку» [цит. по: 2, с.97]. Дальнейший процесс европеизации русской аристократической среды, отдаление её от церковного влияния, а также развитие науки и образования в течение XVIII в. укрепили положение заимствованных слов в русском языке. В то же время наследие церковнославянского языка сыграло важную роль в качестве основы высокого стиля, что нашло отражение в теории «трёх штилей» М.В. Ломоносова. При этом слова и выражения бытовой речи также закреплялись в литературном употреблении. Вместе эти процессы обеспечивали развитие русского литературного языка в XVIII в.

С новой силой споры вокруг иноязычного влияния на русский язык разгорелись в начале XIX в. Участников новой дискуссии вокруг заимствований (на этот раз из французского языка) обычно разделяют на два лагеря: на сторонников активного использования стилистических и синтаксических особенностей французского языка в русской художественной речи – «карамзинистов» и языковых консерваторов, выступавших за сохранение самобытной русской речи, черпающей богатство из церковнославянского языка, – «шишковистов». Условные названия противоборствующим лагерям дали имена писателя Н.М. Карамзина, подвергавшегося обвинениям в излишней подражательности французской словесности, и литератора и государственного деятеля А.С. Шишкова, труды которого оказали в дальнейшем влияние на славянофилов.

«Карамзинисты» указывали на невыработанность в современном им русском литературном языке приёмов передачи сложных душевных состояний, важных для писателей-сентименталистов, говорили об отсутствии языковых средств для лирических и философских размышлений на письме. Для решения художественных задач они прибегали к калькированию фразеологических и синтаксических структур из французского языка. При этом важная роль французского языка в среде русского дворянства начала XIX в. способствовала активизации процесса заимствования. А.С. Шишков видел в этом угрозу не только самобытности русской культуры, но и безопасности государства. На посту министра народного просвещения он задавал консервативное направление языковой политике 20-х гг. XIX в.

Столкновение взглядов на проблему заимствования приводило к острым спорам на страницах литературных журналов. Отзвуки этих споров мы можем встретить и в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Она казалась верный снимок *Du cote il faut...* (Шишков, прости: Не знаю, как перевести)». А.А. Бестужев-Марлинский так защищал право использовать заимствования в своих произведениях: «Не у одних французов, я занимаю у всех европейцев обороты, формы речи, поговорки, присловия. Да, я хочу обновить, разнообразить русский язык, и для того беру моё золото обеими руками из горы и из грязи, отовсюду, где встречу, где поймаю его. Что за ложная мысль ещё гнездится во многих, будто есть на свете галлицизмы, германизмы, чертизмы? Не было

и нет их!.. Однажды и навсегда – я с умыслом, а не по ошибке гну язык на разные лады, беру готовое, если есть, у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю падежи для оттенков действия или изощрения слова...» [цит. по: 2, с.303].

Несомненно, главным итогом развития языка в первой половине XIX в. стало творчество А.С. Пушкина, создателя современного русского литературного языка, которого нельзя отнести ни к «шишковистам», ни к «карамзинистам». Тем не менее на ранних этапах творческого пути Пушкин испытывал сильное влияние последних и ещё большее влияние западноевропейской литературы. Однако ещё В.Г. Белинский отмечал, что именно преодоление этого влияния, формирование собственного стиля, основанного на стихии живого русского языка, лежит в основе становления творческого гения Пушкина. Этот тезис в дальнейшем встречается в работах Ю.М. Лотмана, В.В. Виноградова и многих других исследователей.

Дальнейшие споры вокруг заимствований в XIX в. во многом определялись противостоянием западников и славянофилов в общественной, политической и культурной жизни России. Стоит отметить идеи В.И. Даля, считавшего, что искать источник обогащения литературного языка следует не в иноязычном влиянии или в церковнославянском языке, а в живой народной речи: например, вместо слова *кокетничать* он предлагал использовать «любое слово, смотря по оттенкам из десятка: *заискивать, угодничать, любезничать, прельщать, умильничать, жеманничать, миловзорить, миловидничать, рисоваться, красоваться, хорошиться, казотиться, пичужить...*» [2, с.465].

В XX в. в СССР взгляд на процесс заимствования формировался под влиянием идеи целесообразности. В 1924 г. в газете «Правда» публикуется заметка В.И. Ленина «Об очистке русского языка». В ней осуждается неоправданное употребление заимствованных слов: «К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы?» [цит. по: 3, с.46]. В 1981 году лингвист К.С. Горбачевич говорит о двух группах заимствований: «Одни – полезные, обозначающие новые понятия и неизвестные ранее предметы, а поэтому обогащающие язык; другие – бесполезные, дублирующие уже имевшиеся исконно русские наименования, а поэтому не обогащающие, а засоряющие речь»

[там же]. Такая точка зрения остаётся популярной и сегодня. Насколько она объективна?

Для ответа проследим судьбу некоторых заимствований XVII–XVIII вв., которые с представленной позиции оказались бы «вредными». Так, видный государственный деятель первой половины XVIII в. В.Н. Татищев, жалуясь на множество «без нужды принятых» слов, писал: «Из польского и из латинского вместо *венец, решение, воевода, снаряд, крепость, запас, припас* имянуем: *корона, резолюция, генерал, артиллерия, фортеция, провиант, амуниция* и пр.; из французского вместо *подсвешник, влагалище, волосы накладные, польза, пояс шпажный* говорим: *шандал, футляр, парук, партупей, интерес* и пр.; из немецкого вместо *раскат, шейный платок, спальной кафтан, извощик* имянуем: *болверк, галстук, шлафор, фурман* и пр., каковых слов от хвастунов и неученых людей весьма много» [цит. по: 2, с.66-67]. Рассматривая эти заимствования в современном русском языке, их можно разделить на три группы: 1) те, которые сохранились в активном лексиконе наряду с исконными и разошлись с ними в значении либо развили синонимические, гипонимические связи с ними: *корона, резолюция, артиллерия, форт (фортеция), провиант, амуниция, шандал, парик (парук), интерес, болверк, галстук*; 2) те, которые вытеснили исконные: *генерал, футляр, партупея (партупей)*; 3) те, которые к настоящему времени устарели: *шлафор, фурман*. Мы видим, что из 16 рассмотренных единиц 11 относятся к первой группе, которую можно назвать группой слов, обогативших язык, поскольку они функционируют в нём наряду с исконными, позволяя точнее выражать мысль. К ним же можно было бы отнести слово *дефекты*, вызывавшее возмущение В.И. Ленина, или слово *киллер*, приводившееся в пример К.С. Горбачевичем как неоправданное заимствование, поскольку в языке имеется слово *убийца*.

С течением времени любые появляющиеся в языке единицы проходят через отбор и сохраняются только в том случае, если приобретают значимость для него. В этом проявляется синергетика языка, что позволяет сохранять оптимизм при оценке происходящих в нём изменений.

Литература

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

2. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982.–528 с.
3. Горбачевич, К. С. Полезные и вредные заимствования // Нормы современного русского литературного языка / К.С. Горбачевич – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1981. – 208 с.
4. Кудряшова, С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта / С.В. Кудряшова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 66–75.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗНОСТИ

Т.Г. Крапотина

[*tgk_phil@mail.ru*](mailto:tgk_phil@mail.ru)

ГБОУ ВО МО «Академия социального управления»

(Москва)

Фразеологизмы представляют, как известно, широкий спектр модальных значений и оттенков, которые обусловлены конкретными коммуникативными задачами и интенциями субъектов речи, что выявляется в определенных контекстах.

В структуре значения фразеологических единиц (далее ФЕ) выделяется коннотативный макрокомпонент (фразеосема), который можно отнести к релевантным признакам ФЕ (в отличие от слова, в структуре значения которого коннотация необязательна). Именно переосмысление значений при коннотации порождает образность фразеологизмов.

Рассмотрим образное значение ФЕ в аспекте актуализации объективной и субъективной модальности. Заметим, в отечественной научной литературе весьма отчетливо оформилась концепция двух видов модальности – модальности онтологической (объективной) и модальности персуазивной (субъективной). И если для объективной модальности денотатом является внешний мир с его реально существующими связями и отношениями (что позволяет проецировать объективную модальность на реальную картину мира), то для субъективной модальности денотат заключен в интенциональной установке говорящего: субъективная модальность

выражает отношение говорящего к тому, что он сообщает (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивную оценку и под.). В отношении говорящего к действительности входит широкий спектр оценочных и экспрессивных оттенков, а сама действительность (реальность) при актуализации субъективно-модального значения «существует в преломленном виде, то есть предопределена <...> личной оценкой связей объективной действительности говорящим» [6, с. 6].

Корпус средств выражения субъективной модальности образует базисную основу для моделирования функционально-семантического поля субъективной модальности. В этом поле можно выделить микрополе эмоционально-экспрессивной оценочности. Ядром выражения эмоционально-экспрессивной оценочности являются прежде всего единицы лексико-фразеологического уровня, который представлен в основном тропами: метафорой, иронией, сравнениями и т. п. Причем тропеичность выражения функционально-семантического поля эмоционально-экспрессивной оценочности позволяет экстраполировать это поле на образную, или метафорическую, картину мира. Особая роль в такой экстраполяции принадлежит фразеологическим единицам.

Когда мы говорим о выражении модального значения средствами фразеологии, то учитываем, что речь идет прежде всего о субъективно-модальном значении. «Основная функция идиом – выражение субъективного эмоционального чувства-отношения говорящего к миру, лицу или положению дел и создание экспрессивного воздействия на слушающего» [4, с. 129], то есть ФЕ выполняют не столько номинативную, сколько характеризующую, оценочную функцию. Аксиологический компонент входит в структуру значения подавляющего большинства фразеологических единиц и представляет собой одну из важнейших характеристик их семантики. ФЕ, как правило, в своем значении содержат модально-оценочный эмотивный компонент, что делает фразеологизм объективно-субъективно-оценочным. Например, ср.: в синонимическом ряду *все* *ничего* – *капля в море* – *кот наплакал* – *по пальцам* <можно> *пересчитать* (*перечесать*, *сосчитать*) – *раздва* (*раз-другой*) (*да и*) *обчелся* – *с гулькин* (*с воробьиный*) *нос* – *малая толика* все фразеологизмы имеют значение «ничтожно ма-

лое количество». В данных ФЕ в сфере модального значения попадают характеризующие свойства объекта и, кроме того, актуализируется квантитативная сема («очень мало»), при этом ФЕ различаются коннотацией и характеризуются эмоционально-стилистической окраской (все они употребляются в разговорном стиле). В синонимическом ряду <держать> в ежовых рукавицах – в черном теле – в узде – в струне – в шорах – в страхе божьем актуализируется значение «очень строго, сурово, ограничивая свободу действия». Так же, как и в предыдущем случае, данные ФЕ имеют, помимо коннотативной семы, и эмоционально-стилистическую окраску (употребляются в разговорном стиле).

Если рассматривать ФЕ с точки зрения выражения эмоций, то можно выделить, во-первых, идиомы, представляющие собой модальные сочетания (*прости господи, как бы не так, держи карман шире* и т. п.), и ФЕ, в значении которых наряду с денотативным компонентом выделяется ярко выраженная коннотативная сема, включающая в себя различные оценочные и эмоциональные смыслы.

Особо хочется выделить вторую группу ФЕ, у которых эмоциональное значение является фоновым, то есть появляется под влиянием коннотативной семы. Основная функция таких идиом – выражение субъективного эмоционального чувства-отношения говорящего к миру, лицу или положению дел и создание экспрессивного воздействия на слушающего.

В лингвистической литературе описаны различные виды модальности фразеологических единиц [См., например: 1; 2; 3; 4; 5; 7 и др.]. Как правило, выделяют три вида модальности ФЕ: оценочную, эмотивную и деонтическую.

Под оценочной модальностью ФЕ понимают такой смысловой компонент, который несет информацию о ценности того, что отображено в денотативном содержании идиом. Так как идиомы, как правило, образны, то, следовательно, они не могут не содержать ту или иную оценку, качественную или количественную. В идиомах оценка, как правило, выражается в экспрессивно-эмоциональной форме.

Эмотивный компонент модального значения объединяет всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъ-

екта к обозначаемому. Эмотивному компоненту идиом приписывается когнитивный маркер “испытай ... одобрение / неодобрение / презрение / уничижение и т. п.” [См. об этом, например: 2; 7].

В русском языке представлено многообразие типов эмоционального состояния, отраженных во фразеологии. Так, можно выделить ФЕ, которые характеризуются целостным мотивированным значением (это ФЕ, обозначающие глубокие внутренне или внешне выраженные состояния), и ФЕ с аналитическим типом значения (это ФЕ, обозначающие менее интенсивные эмоции). Все многообразие внутренних форм ФЕ с целостным мотивированным значением может быть сведено к трем соответствующим элементам чувства, выделяемым в психологии: 1) физиологические изменения внутренних органов и физиологические ощущения лица; 2) поведенческая реакция лица; 3) внутреннее переживание состояния. Заметим, что в плане модальности ФЕ в современной лингвистике элемент, обозначающий поведенческую реакцию лица, выведен в отдельный тип модальности – деонтический.

Деонтическая модальность ФЕ изучена в значительно меньшей степени, чем оценка и эмотивность. Деонтический параметр свойственен только тем ФЕ, дескриптивный компонент которых связан с обозначением поведения индивидов. Деонтическая модальность указывает 1) на соответствие действия нормам поведения, 2) на несоответствие нормам поведения, 3) на воздержание от нормативных (принятых в обществе и закрепленных моральным кодексом) норм поведения. Любой из этих случаев поведения получает субъективную оценку говорящего. Тем самым ФЕ приспособляются описывать не только и не столько действия лица, сколько само лицо: оценочно-эмотивную характеристику получает тот или иной «поступок или личностные качества субъекта, отклоняющиеся от деонтической нормы» [2, с. 130]. Деонтическая модальность в языке действует в диапазоне понятий «позволено», «запрещено», «обязательно».

Приведем примеры ФЕ, в содержании которых имеется элемент деонтической модальности: *братъ <хватать> за горло, валяться в ногах, протягивать / протянуть руку <помощи>, держать <сдерживать> слово* и др.

Как было сказано ранее, в формировании модального значения ФЕ существенная роль принадлежит контекстному окружению, ассоциативным связям, явлению лексикализации. Семантическое богатство ФЕ не может ограничиваться лишь формальной сочетаемостью словоформ. Собственно, в переосмыслении компонентов и состоит специфика фразеологической семантики. Общепризнанно, что переосмысление понимается как любая смысловая трансформация, в результате которой словоформа, вошедшая в состав фразеологической единицы, утрачивает собственное и приобретает новое, характерное для вновь возникшей единицы значение. Существенную роль в этом играет контекст. Следовательно, лексическая сочетаемость ФЕ обуславливается синтагматическими и парадигматическими компонентами значения, что порождает наличие скрытого семантического потенциала. Условием для создания образного, яркого семантического насыщения любой ФЕ (что является маркером модального ее значения) является преобладание коннотативного значения над денотативно-сигнификативным. Как известно, в основе появления производных, вторичных значений слов лежит ассоциация. Именно ассоциативный потенциал, присутствующий в любой ФЕ, способствует появлению и актуализации коннотативной семантики. Так, напр., фразеологизмы *гора горой, туча тучей, белый как лунь* актуализируют, помимо модального оценочно-квалификативного, компаративное значение.

Нельзя не отметить, что в структуре ФЕ все же понятийное ядро определяется денотативно-сигнификативным значением, причем при актуализации различных имплицитных компонентов значения сохраняется это понятийное ядро, представляющее инвариантное смысловое содержание фразеологической единицы. При этом референтная соотнесенность не с конкретным объектом реальной действительности, а с мысленным, отвлеченным от действительности денотатом (в отличие, например, от слова) и лежит в основе эволюции от нефразеологического (лексического) значения к фразеологическому, то есть появлению у лексической единицы особого оценочного или эмотивного значения, что приводит к образности. Таким образом, ФЕ «восполняет дефицит информации при отражении действительности и, кроме того, передает

оценку этой информации субъектом отражения. Передачу информации идиома осуществляет экономными, “сжатыми” средствами, выражая во внутренней форме характерные черты некоторой ситуации, закрепленной в языковом сознании носителя данного языка и возникающей в виде образа при произнесении звуковой оболочки идиомы» [5, с. 137].

Как видим, во фразеологии выделяются особые средства выражения отношения говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности, то есть средства выражения модальных (субъективно-модальных и объективно-модальных) значений. Для создания образности ФЕ важнейшую роль играет субъективная модальность. При этом актуализация модальных значений позволяет фразеологизмам выступать как яркое, емкое, экспрессивное средство языка и играть важную роль в трансформации фрагментов реальной картины мира в образную (или, другими словами, в метафорическую).

Литература

1. Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова // Авторф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1987. – 20 с.
2. Графова Т. А. Эмотивный макрокомпонент значения идиом и его параметры // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). М., 1988. – С. 122–131.
3. Зимин В. И. Семантика фразеологизмов в функционально-параметрическом отображении. Ярославль: Рендер, 2002. – 48 с.
4. Латина О. В. Деонтический, аксиологический и эмотивный параметры в семантике идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). М.: ИРЯ АН СССР, 1988. – С. 126–134.
5. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Ин-т языкознания, 1991. – С. 129–141.
6. Рымкевич О. Е. Textoобразующий статус категории субъективной модальности // Автореф. дис... канд. филол. наук. Минск: Минский ГПИЯ, 1991. – 22 с.
7. Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990. – С. 32–48.

ВИДОВАЯ КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕЛОГИЗМОВ

Ю.Ю. Балацкая

balackaja.y@mail.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь)

Глагольные фразеологические единицы (далее – ГФЕ) в зависимости от наличия – отсутствия видовой пары у стержневого слова-глагола подразделяются на **парные** (соотносительные по виду) и **непарные** (несоотносительные по виду). Например: *выворачивать / вывернуть душу <наизнанку> перед кем; проводить / провести грань между кем, чем* – это парные ГФЕ; *держат дверь открытой (нараспашку), бить во все колокола, ходить по острию ножа* – непарные ГФЕ.

В сфере фразеологии видовую корреляцию можно определить «как способность фразеологической единицы при тождестве ее индивидуального фразеологического значения принимать формы противоположных видов, различаясь при этом только грамматически, а именно грамматическим значением вида» [1, с. 126].

Целью статьи является анализ особенностей определения видовой корреляции глагольных фразеологизмов, а именно: изучение соответствия видовой коррелятивности опорного слова-глагола в изолированном употреблении наличию / отсутствию такой коррелятивности ГФЕ в целом.

Материалом для нашего анализа послужили 2053 ГФЕ с парным (двувидовым, по терминологии В. П. Жукова [3]) глагольным стержневым компонентом (далее – СК), полученные методом сплошной выборки из Фразеологического словаря русского литературного языка [6].

А. И. Федоров отмечает, что «грамматические варианты фразеологизма (т.е. обороты семантически адекватные, но имеющие грамматические отличия) находятся в одной словарной статье. Сюда относятся прежде всего видовые пары глагольных фразеологизмов, помещаемые на глаголы несовершенного вида» [6, с. 4]. Автор-составитель фразеологического словаря подчеркивает, что

«в словарных статьях фразеологических словарей при характеристике морфологических признаков именных и глагольных фразеологизмов следовало бы представить все их формы, известные в языке. Но пока эта задача не может быть решена из-за ограниченности имеющихся сведений о парадигматических формах именных и глагольных фразеологизмов» [6, с. 6].

Таким образом, не все представленные в словарных статьях данного словаря пары ГФЕ с глаголами – СК разного вида являются **видовыми** (с позиций современной аспектологии). Если в таких парах ГФЕ нарушается принцип тождества лексического значения членов пары глаголов, то они являются деривационными. Так например, пару глаголов *решать* – *решить* мы считаем и называем видовой (коррелятивной), а пару *решать* – *перерешать* – деривационной.

В рамках статьи рассмотрим с этих позиций фразеологизмы «*бить / забить ключом*» и «*вешать / навешать <всех> собак на кого*» [6].

ГФЕ «*бить / забить ключом*», согласно словарю А. И. Федорова, имеет значение ‘бурно, активно проявлять себя, протекать’ [6, с. 24]. С точки зрения аспектологии здесь мы имеем дело с 2 фразеологизмами: *бить ключом* и *забить ключом*. Словарь русского языка дает одну ГФЕ с лексическим вариантом *кипеть*, имеющую 2 значения: «*Бить (или кипеть) ключом* – 1) бурлить, хлопотать, волноваться (о жидкости), 2) *перен.* бурно, активно проявляться» [4, Т. 2, с. 61].

Глагол *бить* является одновидовым, имеет, по МАС, 11 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), из которых во 2 и 3 значениях указана видовая пара *побить*, в 8 ЛСВ – *пробить* [4, Т. 1, с. 91]. Глагол *забить*¹ имеет 7 ЛСВ, в прямом значении ‘ударам вбить, вогнать (гвоздь, клин и т. п.) в что-л.’ [4, Т. 1, с. 494] у него есть видовая пара *забивать*. В других значениях глагол непарный. Глагол *забить*² имеет 6 ЛСВ со значением ‘начать бить’ (в 1, 5, 7, 8, 9 и 10 знач.) [4, Т. 1, с. 494].

Таким образом, глаголы *бить* – *забить* не являются видовой парой, СК *забить* в ГФЕ *забить ключом* имеет начинательное значение, а ГФЕ «*бить ключом*» является несоотнесительной по виду.

В Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ), ГФЕ «**бить ключом**» употребляется в разы чаще – 197 примеров: *Культурная жизнь города была ключом. Театр имени Кольцова был всегда переполнен* (Н. Пеньков); *Это, конечно, вполне естественно – народ был молодой, а энтузиазм бил ключом...* (И. С. Шкловский); *Я тоже поражался той силе увлеченности, которая была ключом из Андрея Курбатова.* (Ю. Азаров); *Раньше всего, нам надо помнить, что не только в те моменты надо молиться, когда молитва бьет ключом из наших сердец* (митрополит Антоний (Блум) [2].

ГФЕ «**забить ключом**» – 7 примеров: *В столице сладкая жизнь забила ключом: модные клубы, шикарные рестораны, шумные тусовки, дорогие автомобили, вояжи по заграницам и преуспевающие молодые и не очень люди вокруг* (Н. Васенков); *Жизнь забила ключом, подарив массу новых знакомств и встреч* (Е. Чулкова); <..> *по временам как-то неотразимо чувствовалось, что скоро жизнь закипит и забьет ключом отовсюду и мне останется одна могила* (Г. И. Успенский) [2]. Все примеры доказывают то, что ГФЕ **забить ключом** имеет значение начала процесса.

ГФЕ «**вешать / навешать <всех> собак на кого**» в словаре А. И. Федорова имеют значение «наговаривать, клеветать на кого-либо, необоснованно обвинять в чём-либо [6, с. 69], в Словаре русского языка представлена только ГФЕ «**вешать (всех) собак на кого**» со значением ‘наговаривать, сваливать что-л. на кого-л.’ [4, Т. 1, с. 160].

Глагол **вешать**¹ является парным по виду (его видовая пара **повесить**), имеет 2 ЛСВ: ‘помещать в висячем положении’ и ‘подвергать кого-либо смертной казни через повешение’ [4, Т. 1, с. 160]. Глагол **навешать**¹ со значением ‘повесить, развесить в каком-либо количестве’ имеет кумулятивное значение и видовую пару **навешивать**¹ [4, Т. 2, с. 332]. Очевидно, что глаголы **вешать** – **навешать** не являются видовой парой.

Соответственно, ГФЕ «**вешать / повесить <всех> собак**» является парной, а ГФЕ с СК **навешать** имеет другое значение – кумулятивное («– Мансуров из рук в руки бумагу передал. Вот, мол, выступи... А в этой бумаге, хуже чем в газетной статье, на Игната каких только **собак не навешано** (В. Тендряков)» [6, с. 69]).

В НКРЯ находим следующие употребления ГФЕ «*вешать / повесить <всех> собак*»: **8** с СК *вешать*, **3** с СК *повесить*: *Зато он готов повесить всех собак на тех, кто, с его точки зрения, видит мир «неправильно», в трагическом свете, то есть по Н. А. Заболоцкому (А. Алексеев); При этом Вячеславу Вячеславовичу досталась не очень благодарная роль «подставы-скандалиста», основной целью которого является «повесить всех собак» на оппонента (А. Крутов); Но я тебе хочу сказать, как специалист специалисту, что кампанию она провалит и на тебя же повесит всех собак (Т. Устинова) [2], и только **1** с СК *навешать*: *И только я хотела всех этих «собак» навешать на него, как прочитала свой гороскоп и узнала о неблагоприятности сейчас ко мне Юпитера (Л. Иванова) [2].* Удивление вызывает тот факт, что стержневой компонент *повесить* вообще отсутствует в словарной статье данной ГФЕ в словаре А.И. Федорова [6, с. 69].*

Отношения между глаголами, и как следствие – между ГФЕ с этими глаголами–стержневыми словами имеют фазовую детерминацию (см. об этом в [5]): *забить ключом* (начало процесса) – *бить ключом* (процесс); *вешать всех собак* (процесс) – *навешать всех собак* (конец процесса, совпадающий с результатом); *вешать всех собак* (многократный процесс, повторяемость) – *повесить всех собак* (однократный процесс, факт).

Выводы. 1. Видовая коррелятивность ГФЕ напрямую связана с наличием / отсутствием видовой пары у СК-глагола. Глагол *бить* является непарным по виду, и ГФЕ «*бить ключом*» является непарной. Глагол *вешать* имеет видовую пару *повесить*, и ГФЕ «*вешать / повесить <всех> собак*» является парной. Однако русские глаголы, будучи многозначными, зачастую имеют разную видовую коррелятивность в отдельных ЛСВ, поэтому необходим тщательный анализ аспектуальных и семантических особенностей ГФЕ для определения их видовой коррелятивности в каждом конкретном случае (это является перспективой наших дальнейших исследований).

2. Лексикографическая практика описания ГФЕ, к сожалению, не основывается на современной аспектологической теории. Фразеологический словарь [6] приводит в одной словарной статье варианты ГФЕ с разными глаголами (*бить / забить; вешать / наве-*

шать) как с видовыми коррелятами. Наряду с действительно соотносительными по виду ГФЕ: *вешать / повесить голову (головушку); возвращать / вернуть к жизни кого; показывать / показать класс; ставить / поставить перед фактом кого*. МАС [4] не указывает ГФЕ с глаголами СВ в вокабулах ни того, ни другого глагола (*вешать / повесить*), что можно объяснить экономией места в словаре.

3. Между ГФЕ, как и между глаголами – СК, возникают фазовые отношения, которые следует изучать и описывать.

Литература

1. Казачук И. Г. Особенности видовой корреляции процессуальных фразеологизмов с семантикой отношения / И. Г. Казачук // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 1. – С. 125–128.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения 09.01.19).

3. Русская фразеология: учебное пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва : Высшая школа, 2006. – 408 с.;

4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985 – 1988.

5. Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола : Монография / Е. Я. Титаренко. – Симферополь: Доля, 2011. – 368 с.

6. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

ПОНЯТИЕ ПОЛЯ В СИНТАКСИСЕ: ТЕОРИЯ И МЕТАЯЗЫК

Н.П. Курмакаева

kurmakaeva@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Язык на всех своих уровнях (от фонетики до синтаксиса) постоянно демонстрирует свою континуумную и диффузную сущность: наложения, перетекаемость одного в другое, синкретизм, грамматическая омонимия (межчастеречная или функционально-синтаксическая) и прочие явления. Это, как известно, затрудняет установление границ как внутри, так и между грамматическими

категориями, в том числе в области частей речи (ЧР), чтобы строго выстроить их систему, и в области членов предложения (ЧП), хотя система их существует, но она многих не устраивает. В современной отечественной лингвистике всё более настойчиво утверждается мысль о бесперспективности исследований в рамках традиционной грамматики ЧП [1, с. 36–58], однако потенциал этой синтаксической категории далеко не исчерпан. Изучение этого дискуссионного феномена, не получив непротиворечивого результата в русле традиционных концепций, в настоящее время ведется в других лингвистических аспектах (В.В. Бабайцева, Г.А. Золотова, В.В. Луцкай, Я.Г. Тестелец, В.И. Фурашов, В.В. Шигуров и др.). Одним из перспективных направлений исследования языковых феноменов в свое время был определен полевой подход, заключающийся в жестком категоризировании и иерархизировании элементов анализа по линии «ядро (центр) – периферия» (В. Г. Адмони, А.В. Бондарко, Е.С. Кубрякова, и др.). Широкое распространение получила теория прототипов Е. С. Кубряковой, где предлагается «прототипической категорией... считать категорию, члены которой демонстрируют разные степени отклонения от эталона» [2, с. 107], и допускается отнесение к прототипическим категориям и ЧР [2, с. 113]. Исходя из этой логики, к таковым стали относить и спорные синтаксические феномены, в частности ЧП (В.В. Луцкай, В.И. Фурашов, Л.Д. Чеснокова и др.). По существу, теория прототипов в когнитивистике не противоречит положениям теории поля в грамматике (см., например, функционально-семантические поля школы А.В. Бондарко).

Типологию русского предложения в виде синтаксического поля, где «основная модель», т.е. исходная, базовая, проходит стадии модификаций: грамматическую, фазисную, модальную, экспрессивную и ряд других, предложила Г.А. Золотова в [1 с. 204–205]. У Н.Ю. Шведовой в Русской грамматике (1980) эти модификации подразделены на грамматическую парадигму и регулярные реализации предложения, у В.А. Белошапковой семантические модификации структурной схемы предложения объединены в понятие «деривационная парадигма».

При всей ценности данных разработок в области систематизации предложения как центральной синтаксической единицы задачу соотношения ЧП с ЧР они не решают. В.В. Луцкай в развитие

означенной проблемы обращает внимание на наличие нескольких «системно значимых видоизменений предложения в той или иной системе координат»: деривационной, модально-временной, рекурсивной и трансформационной [7, с. 241], только выделять и описывать их предложено при строгом разграничении средств реализации позиционных мест морфологизованными и неморфологизованными, т.е. первичными или вторичными, специализированными и неспециализированными знаками.

Цель данного исследования: представить базовый понятийный аппарат теории функционально-грамматического поля (ФГП), проиллюстрировав основные положения процедурой структурирования и описания репрезентантов ПСП по линии <центр – периферия> с уточнением их частеречной принадлежности и характера связи с противочленом. Полевой подход в исследовании соотношения ЧР и ЧП с учетом действия принципа ФЭ в заполнении ПСП позволяет найти решение некоторых застарелых проблем грамматики, если в основу заложить не дихотомию *знак – значение* и не трихотомию *знак – значение – функция*, а более надежный четырехчленный критерий *знак – позиция – функция – значение*.

Полевые разработки в синтаксисе как ФГП – это изучение системных отношений в сфере синтаксических **знаков** (словформ, предложений, предикативных единиц, осложняющих компонентов и пр.). Понятие системности предполагает: 1) выявление инвентаря этих элементов при предварительном отграничении от смежных явлений [3]; 2) установление принципа **идентификации** этих элементов при соотношении центральных (инвариантных, морфологизованных, специализированных) и периферийных (вариативных, неморфологизованных, неспециализированных); 3) обнаружение и учет внутренних (внутрикатегориальных) отношений и связей между исследуемыми элементами; 4) выявление и фиксация отношений и связей этих элементов с другими в синтагматике (дистрибуции) и парадигматике. Всё названное предполагает, что в центре внимания синтаксиста-«полевика» находится **позиционный состав предложения** (ПСП) – «иерархия синтаксических позиций в предложении, создающая его структурно-семантическое единство» [7, с. 243] с учетом принципов и закономерностей, действующих в языке.

Считаем, что в русле функционально-грамматического подхода к явлениям языка вполне уместно использование наряду с терминами когнитивистики *прототипичность* и *прототип* терминов собственно грамматики *специализация* и *специализированная словоформа*, так как внимание в этом случае сосредоточено на закономерностях функционирования определенных форм определенных ЧР в ПСП.

Функционально-синтаксический аспект исследования ПСП заявлен в экспликационной грамматике В.В. Луцкай в связи с взаимодействием центростремительных и центробежных сил в организации предложения [7, с. 11], где понятия <центр – периферия> переносятся на уровень единиц ПСП. Развиваемая нами в этом русле концепция ФГП в синтаксисе заключается в выяснении закономерностей заполнения ПСП в связи с действием принципа ФЭ и асимметрического дуализма знака и значения; в уточнении характера соотношения ЧР и ЧП при разграничении МЧП и НМЧП, о чём мы докладывали в [3; 4; 5; 6 и др.].

Синтаксическая позиция – «синтаксически значимое место, которому присущ определенный функционально-семантический потенциал в предложении как структурно-смысловом целом; единица позиционного состава предложения как член бинарной оппозиции» (В. В. Луцкай) [7, с. 119].

Синтаксическая функция – конструктивная роль минимальной синтаксической единицы (определенной словоформы = синтаксемы) в определенной синтаксической позиции; роль члена предложения, которую словоформа может выполнять в данных конкретных условиях как МЧП, так и как НМЧП в соответствии с принципом асимметрического дуализма языкового знака (подробнее в [5 и 6]).

Разграничение *синтаксической позиции* и *синтаксической функции* необходимо, чтобы четче представить «поведение» словоформы в той или иной роли. Синтаксическая позиция – элемент языка-структуры, она характеризуется абстрактностью, константностью и независимостью от внешних условий. Синтаксическая функция – категория «языка в действии», языка-функции – по своей природе конкретная, часто амбивалентная, обусловленная местом, зависящая от степени приспособленности (специализированности) словоформы к требованиям позиции.

Синтаксическое значение – семантика синтаксического уровня, приобретаемая словоформой (синтаксемой или её ФЭ) при функционировании в соответствующей позиции вследствие дистрибуции «и отображающая структуру мыслительного процесса» [8, с. 123]; то же, что функционально-семантический потенциал синтаксической позиции.

В заполнении позиционного состава действует ряд закономерностей. В числе важных – **принцип функциональной эквивалентности** как «абсолютная универсалия, ассоциативная аналогия, которая коренится в практике жизнедеятельности, в речевой деятельности – свойство языка-функции» [7, с. 243). Он позволяет разграничивать специализированные словоформы и неспециализированные словесные знаки, т.е. *функциональные эквиваленты* специализированных. Такое разграничение позволяет утверждать, что категория ЧП имеет полевую структуру с четко выраженным центром и разнооформленной размытой периферией.

Для маркирования синтаксических позиций в языке имеются специальные неопределенные и относительные местоимения, так называемые **функционально-семантические маркеры** или формальные ЧП (В. В. Луцкай): <тогда-то> (темпоратив), <там-то> (локатив), <такой-то> (адъектив), <тот-то> (номинатив), <делает/сделал то-то> (предикатив + объектив), <тем-то> (инструментив), <потому-то> (каузатив) и др., используемые для создания функционально-семантической модели предложения и для идентификации неспециализированных репрезентантов позиций.

В концепции ФГП **член предложения** – это не абстрактная единица синтаксиса, а конкретное проявление знака в конкретной позиции с учётом всех вышеназванных параметров. Рассмотрим, например, две позиции, сформировавшиеся в русском предложении для замещения номинативно-субстантивными словоформами.

1. **Подлежащее** – это одновременно и позиция в предикативной основе двусоставного предложения формально независимого главного ЧП со своим объемом вместимости, и сам этот ЧП, коррелирующий с противочленом – сказуемым и несущий семантику носителя модально-временного признака. Позиция предназначена для замещения специализированной словоформой N₁ (*Падали листья. Я родилась*. М. Цветаева) как МЧП, где совпадают категориальное значение ЧР и функционально-синтаксическое значение

занимаемой позиции. И в этом заключается первичность, прототипичность, ядерность МЧП-подлежащего. Но данная позиция может быть замещена и НМЧП-подлежащим, т. е. ФЭ МЧП – заместителем (неспециализированной формой, т.е. $\approx N_1$): *Горячее мне вредит* (Adj $\approx N_1$); *Вошли двое* (Num $\approx N_1$); *Вошли свыше ста человек* (словосочетание $\approx N_1$); *Курить вредно* (Inf $\approx N_1$); *На сцене нашего театра идет «Не в свои сани не садись»* (предикативная единица $\approx N_1$). Все выделенные знаки разной степени сложности – репрезентанты позиции подлежащего – отмечены признаком вторичности, непрототипичности, неядерности. Их место в структуре поля подлежащего на его периферии как ближней (например, адъектив и нумералис), так и дальней (инфинитив, комплексы разной степени сложности), а в системе ЧР они сохраняют свою ядерность. В зависимости от положения в поле репрезентант позиции подлежащего по-разному связан с противочленом: МЧП-подлежащее непосредственным предикативным согласованием или координацией; НМЧП-подлежащее ближней периферии – опосредованным согласованием или координацией, а дальней периферии – связью по типу согласования или предикативным примыканием.

2. **Дополнение** – это одновременно позиция, находящаяся за пределами грамматической основы предложения и её репрезентант – один из второстепенных ЧП, выражаемый субстантивной словоформой в косвенном падеже (N_{2-6}) или её функциональным эквивалентом ($\approx N_{2-6}$) со значением объектного или субъектного присловного либо детерминантного распространителя: *Рубаху (N_4) искромсали ножницами (N_5) и сняли по кускам, обнажив худое желтоватое тело (N_4) и левую руку (N_4)* (М. Булгаков); *Колдоба приказал партизанам (N_3) рассыпаться ($\approx N_4$) по катакомбам...* (К. Паустовский). При этом господствующее слово всегда управляет МЧП-дополнением и НМЧП из ближней периферии (именными склоняемыми словоформами – ФЭ субстантива), а НМЧП-дополнение дальней периферии только примыкает.

Все НМЧП в структуре предложения в определенной мере проявляют синкретизм, «обусловленный противодействием категориального значения неспециализированной формы и функционально-семантического потенциала занимаемой синтаксической позиции» [7, с. 69], однако это не меняет их принадлежности к исходному лексико-грамматическому классу (ЧР).

Таким образом, если исследовать ЧП как полевые структуры с МЧП-центром и НМЧП-периферией, можно уточнить характер их синтаксической связи с противочленом, решить застаревшие споры относительно объема и границ ряда грамматических категорий: категории безличности [3; 5], связи падежного примыкания [4] и др., что позволяет говорить о перспективности и актуальности данного направления исследования.

Литература

1. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 95–114.
3. Курмакаева Н.П. Системность в синтаксисе сквозь призму асимметричного дуализма // Мир языковых форм. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8. – С-Пб, 2015. – С.57–62.
4. Курмакаева Н.П. Падежное примыкание в аспекте асимметричного дуализма синтаксического знака // Русский язык в поликультурном мире. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.1. С. 130–138.
5. Курмакаева Н.П. Размышляя о безличности...(От идеи Н.А. Луценко о месте безличности в системе и узусе к полевой структуре категории) / Н. П. Курмакаева // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. научн. трудов Международного научного семинара «In memoriam: профессор Н. А. Луценко» (Донецк, ДонНУ, 13 декабря 2017 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 3. – С. 86–96.
6. Курмакаева Н.П. // Проявление асимметричного дуализма в позиционном составе предложения / Н.П. Курмакаева // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: сб. научн. статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 160–167.
7. Луцкай В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Луцкай. – Донецк: ДонНУ, 2010. – С. 73–87.
8. Луцкай В. В. Позиционный состав предложения и типология синтаксической связи: учебное пособие / В. В. Луцкай. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (донецкое отделение), 2012. – 126 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ СТРОЕНИЙ

А.А. Лялюк

anna.lyalyuk@list.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Изучение аббревиации является актуальным и достаточно продуктивным направлением современных лингвистических исследований, что обусловлено активным ростом количества таких единиц в языке под влиянием ряда экстралингвистических факторов и стремлением самой системы языка к экономии речевых усилий.

Всесторонний анализ большого количества сложносокращенных единиц русского языка, осуществляемый ЭЛИТА, позволил по-новому взглянуть на природу таких единиц. Деривационно-эквивалентностный подход к исследованию сложносокращенных слов (ССС), опирающийся на квантитативные, ономаσιологические и семантические методы анализа, в совокупности с разграничением явлений синхронии и диахронии в аббревиации, обусловили выявление объективных словообразовательных процессов, протекающих при создании сложносокращенных единиц.

Лабораторией во главе с проф. В.И. Теркуловым уже установлен факт существования универбализации и псевдоунивербализации, которые свидетельствуют в пользу существования СССР не только как производных от словосочетания (традиционная трактовка), но и как образованных от слова путем стереотипного присоединения сокращенного элемента, т.е. аббревиационного конструкта (АК).

В нашей же статье, опираясь на новый подход к исследованию аббревиации, мы рассматриваем систему текстовых эквивалентов сложносокращенных слов одного понятийного поля. Материалом исследования послужили аббревиатурные наименования строений, как пространственных объектов являющихся результатом строительной деятельности человека, и соответствующие им эквивалентные словосочетания.

Сложносокращенные наименования строений представляют собой систему, включающую большое количество аббревиатур-

ных групп (АГ), объединяющих ССС с тождественным сокращённым компонентом (АК). Например, рассматриваемые нами наименования пространственных объектов входят в АГ *авто, админ, бак, бальнео, вет, гор, зоо, физ* и др.

Дальнейшему детальному рассмотрению подлежат гнёзда эквивалентности (ГЭ) аббревиатур соответствующих АГ, под которыми мы понимаем «совокупность всех словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [4; с.84].

Нами обнаружены различные по объёму гнёзда эквивалентности. Так, гнездо аббревиатуры *гортеатр* включает только один частотный эквивалент (*городской театр*), а гнездо ССС *автогараж* – 12 (*автомобильный гараж; гараж для автомобиля; гараж для автомобилей; гараж для авто; гараж для автотранспорта; гараж для автомашин; гараж для автомашины; гараж для автотранспортных средств; гараж для автобусов; автобусный гараж; автотранспортный гараж; гараж для автомобильного транспорта*). Такое существенное количественное расхождение обусловлено тем фактом, что в сознании носителей языка присутствует некоторое множество стереотипных расшифровок АК аббревиатуры, обусловившее их разворачивание в целый ряд эквивалентных словосочетаний. Указанные стереотипные расшифровки, именуемые дешифровальными стимулами (ДС) уже становились предметом исследований сотрудников ЭЛИТА (см. В.И. Теркулов [4], А.И. Бровец [1-2], В.А. Рязанова [3]), однако в большинстве работ внимание было сосредоточено на отдельных АГ. Нами же предлагается комплексный подход, опирающийся на семантическую и ономаσιологическую преемственность рассматриваемых единиц.

Выявлено, что у одного АК может быть несколько ДС, однако не каждый из них будет регулярно использоваться при дешифровке аббревиатурных слов с определенным значением, что обусловлено семантикой аббревиатуры. Например, *веткабинет* имеет следующий набор ДС: *ветеринарный кабинет; кабинет ветеринара; кабинет ветеринарного врача; кабинет ветврача*. При этом в эквивалентных текстах отсутствует потенциальный ДС *ветеринария*, который может быть использован для дешифровки других ССС той же АГ (*ветакадемия – академия ветеринарии; ветинститут – институт ветеринарии; ветлаборатория – лаборатория ветеринарии;*

ветотдел – *отдел ветеринарии*; *веттехникум* – *техникум ветеринарии*). Данный факт обусловлен тем, что *ветеринария* связывает образуемое ССС с наукой о болезнях животных, ***веткабинет*** же предназначен непосредственно для лечения животных.

ДС аббревиатурных наименований строений представлены двумя основными типами: презентативным и интерпретативным [1]. В первом случае наблюдаются отношения тождества между аббревиатурой и словосочетанием: ***админздание*** – *административное здание*, ***аллергокабинет*** – *аллергологический кабинет*; ***бальнеокабинет*** – *бальнеологический кабинет*. Интерпретативные ДС включают дополнительные семантические оттенки, уточняющие значение аббревиатуры. Так, ССС ***автомузей*** имеет ряд таких ДС (*музей автомобильной техники*, *музей автотехники*), указывающих на то, что помимо автомобилей в музее представлены и иные виды автомобильной техники.

Также нами обнаружены симультантные конструкты [2], формирующие омонимию аббревиатур. Данный факт оказывает влияние на семантическую интерпретацию слова, а в некоторых случаях затрудняет ее. Так, анализируя контексты употребления можно говорить о существовании двух омонимичных ССС ***физкабинет***. Наиболее частотно данная аббревиатура интерпретируется как структурная единица, относящаяся к лечебно-профилактическому или санаторно-курортному учреждению и проводящая физиотерапевтические процедуры населению. Однако встречаются тексты, где ***физкабинет***² – это физическая лаборатория, то есть помещение, где производятся физические опыты и хранятся физические приборы. Безусловно, некоторая глубинная семантическая связь между этими (на наш взгляд разными) лексемами прослеживается, ведь в обоих случаях в кабинетах используется физическое воздействие: в первом случае – это физические методы лечения, направленные на оздоровление организма человека, а во втором – в общем изучение физических процессов. Тем не менее, сложно предположить, что данные ССС тождественны, хотя бы потому, что эквивалентные словосочетания у этих двух слов будут различны. ***Физкабинет***¹ имеет несколько текстовых эквивалентов, в которых отсутствует соотнесенность с лексемой *физика* (*физиологический*, *физиотерапевтический*, *кабинет физиотерапии*), в отличие от ССС ***физкабинет***² (*физический*, *кабинет физики*).

Таким образом, ДС аббревиатурных наименований строений представляют собой сложную систему, включающую разнотипные единицы. Выявление регулярных текстовых эквивалентов аббревиатурных слов позволяет прогнозировать их существование у одноструктурных единиц того же понятийного поля. Определение реестра стереотипных дешифровок аббревиатуры позволяет отобразить специфику её интерпретации в различных текстах.

Литература

1. Бровец А.И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «электро») / А.И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция: сб. науч. ст. – Симферополь, 2016. – С. 41-52.
2. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложнокращённого слова // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка, 2016. – С.51-57.
3. Бровец А.И. Симультант как источник семантической аттракции // Новые горизонты славистики. – Донецк, 2016. – С. 122-123.
4. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – С. 33-37.
5. Теркулов В.И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры // Известия ВГПУ, 2017. №9 (122). – С. 82-87.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИЙ В ОДНОМ ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОВОРЕ¹⁸

Е. И. Пляскина

PlyaskinaEI@mail.ru

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

(Чита)

Наиболее интересная часть лексической системы любого говора – его фраземика, фразеологический фонд, представленный устойчивыми воспроизводимыми сочетаниями слов с целостным значением – фразеологическими единицами (ФЕ), которые, как считают учёные, возникают не столько для того, чтобы описывать

¹⁸ Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение; они как бы навязывают носителям языка (или говора) особое (именно такое) видение мира, ситуации [3, с. 83]. Поэтому для исследователей региональных разновидностей русского языка материал диалектной фразеологии представляет особую ценность, тем более что он отражает длительный процесс развития носителей говора, накопления опыта и знаний и передачи их от поколения к поколению.

Жители села Орой Акшинского района Забайкальского края, как и все забайкальцы, – потомки русских первопоселенцев, пришедших в Дауры, Даурскую Украину (так называлась эта территория в 18-ом веке), 200-300 лет назад (историки говорят о нескольких волнах переселенцев). Они, занимаясь сельскохозяйственным трудом, продолжают жить по традициям, заведённым ещё их прадедами, редко выезжают в районный и краевой центры в силу их большой удалённости, не всегда имеют возможность пользоваться мобильной связью и Интернетом по той же причине. Это, конечно же, способствует и тому, что молодое поколение смотрит на мир глазами своих старших родственников, усваивает характерную манеру общения с использованием образных выражений, таким образом сохраняя говор, который, как и другие говоры, составляет живой русский язык и выражает его дух.

Студентка 4-ого курса ФФиМК Эльвира Кундуева, являясь носительницей оройского говора, собрала фразеологический материал, бытующий в нём. Это более 90 ФЕ, характеризующих как людей, так и реалии, входящие в 5 тематических групп (ТГ): «Характеристика качеств человека», «Характеристика состояний человека», «Характеристика действий человека», «Характеристика ситуаций» и «Характеристика предметов».

В настоящей статье рассматривается тематическая группа «Характеристика ситуаций», её цель – описать значения ФЕ, классифицировать их с точки зрения семантической слитности, разграничить по сфере употребления: общерусские, диалектные региональные (забайкальские) и диалектные локальные (оройские), выявить их эмоционально-экспрессивную окраску.

ТГ включает 15 ФЕ, характеризующих различные ситуации (*ситуация* – совокупность различных условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение [2, т. 4,

с. 100]) как связанные с человеком, так и не связанные: *(как) на Маланьину свадьбу, снова да ладом (да тошней того), охти мнёншеньки, дышать нечем, чужая еда до порога, с какого Тарбальджэя, хоть в любой Дарасун, в пятьсот лохматом году, промеж глаз попало, каким (таким) макаротом, тумором переть, китайский праздник, наголя муде, (как) Фома х...ем смёл, (как) от мамки, (так) до ямки.*

ФЕ **промеж глаз попало** характеризует такую ситуацию, когда человек не видит какой-либо нужный предмет, начинает его искать, пропускает и находит порой, когда уже несколько раз перебрал что-либо или посмотрел где-либо: *Тазик искать убилась сёдня, промеж глаз ить попал; Ножницы не могу натти, промеж глаз попали, ли чё ли?*

ФЕ **дышать нечем** употребляется носителями говора, как и другими забайкальцами, в ситуации, когда жаркий, знойный или спёртый несвежий воздух затрудняет дыхание: *Вот на улице-то жара, дышать нечем; Опять натопили! Да у вас же дышать-то и так уж нечем;* а ФЕ **чужая еда до порога** – в ситуации, когда хозяйка, вернувшись домой из гостей, приступает к приготовлению пищи, намекая или на скромное угощение, или на соблюдение одного из этикетных правил – не есть много в гостях, или на несоответствие вкусов, или на то, что невозможно наесться надолго: *Хоть и с гостей придёшь, всё готовить надо: она чужа-то еда до порога; Чужа еда-то до порога, а там и опять ись хочется.*

ФЕ **(как) от мамки, (так) до ямки** имеет значение «всю жизнь, от рождения до смерти» и употребляется в философских рассуждениях о людях или как характеристика жизни умерших людей: *Если привыкший от мамки-то до ямки сё ремя на родительской шее сидеть, так он, конечно, работать не захочет; Она как от мамки, так до ямки и пропила сорок лет;* но иногда так говорят пожилые носители говора и о себе, имея в виду, что ничего уже не изменится: *А сроду хорошего-то не видели, как от мамки, так до ямки тяжело прожили.*

ФЕ **(как) на Маланьину свадьбу** со значением «очень много» неодобрительно характеризует то, что приготовили в большом количестве, чрезмерно много с точки зрения говорящего: *Ты куды столь нажарила-то, на Маланнину свадьбу, ли чё ли?; Да тесто завела как Маланнину свадьбу, вот пирогов-то много и вышло.*

Тоже неодобрительно характеризует какое-либо интенсивное нежелательное действие, например, интенсивный рост сорняков, ФЕ **тумором переть**: *А дождик как помочит, так трава-то махом тумором попрёт, только дёргать успевай; Вострец тумором прёт, морковку задавил, а та и не растёт никого*; но в некоторых ситуациях употребляется и как положительно оценочная: *Я вот эти семена-то посадила, так рассада тумором, паре, прёт*. Способ же действия носители говора, как и многие забайкальцы, часто обозначают ФЕ **каким (таким) макар**: *Только каким макар и не выживали: картошку мёрзлу собирали, колоски, и вот так и ели в войну-ту; Я раньше-то и вязала, и шила, и вышивала с девками, и таким макар, и эдаким; но а щас-то куда, стáры уже*.

ФЕ **снова да ладом (да тошней того)** также часто используется в негативном контексте при характеристике ситуации приставанья: *Ты погляди-ка, а, говоришь: не лезь (!), а он снова да ладом, да тошней того начинают*; или в ситуации предположения чего-то нехорошего: *Серёга с тюрьмы выйдет да начнёт дела свои творить снова да ладом* (диалектное наречие *ладом* со значением «хорошо, как следует» во фразеологическом обороте десемантизируется и воспринимается как близкое компоненту *снова*; ещё более усиливает экспрессию выражения сравнительная степень прилагательного *тошный* («докучный, противный, вызывающий отвращение» [2, т. 4, с. 393]), хотя эта часть фразеологизма иногда опускается).

Другой эмоционально оценочной ФЕ является восклицание **охти мнёшеньки**, которое передаёт отношение говорящего к той или иной ситуации, например, сожаление: *Охти мнёшеньки, сколько же всего по молодости-то чудили, ой-ёй*; или испуг: *А я смотрю, охти мнёшеньки, убился! Кого и делать, к Маруське скоре побежала*.

Значение «много времени тому назад, очень давно» реализует ФЕ **в пятьсот лохматом году**: *Дык это было-то когда, в пятьсот лохматом году; мы тогда ишо маленьки были; Но ты вспомнила, в пятьсот лохматом году, поди, и было-то*. Ситуацию, связанную с хлопотами побелки стен крестьянского дома, носители говора характеризуют ФЕ **китайский праздник**: *Каждо лето белют, китайский праздник это у нас зовут; Так опять китайский*

празник по лету делать, без побелки-то дома небраво; У вас чё, китайский праздник на выходных? Но белите, белите, удалы девки.

ФЕ *с какого Тарбольджея* и *хоть в любой Дарасун*, имеющие значения «непонятно откуда» и «куда угодно», содержат в качестве одного из компонентов ойконимы, конкретное значение которых в рассматриваемых выражениях расширилось до обобщения: *Тарбольджей* – село – любой населённый пункт, *Дарасун* – курорт – любое место: *Это они с какого Тарбольджея нарисовались? Я таких не помню вроде; А у меня дети теперь выросли, разъехали; мне теперь самой хоть в любой Дарасун; Вот отучишься, а там хоть в любой Дарасун, больша будешь. У ФЕ с какого Тарбольджея* на основе первого значения развилось и другое – «непонятно почему»: *Женька всё, маленька была, таскала гайки, болты; и с какого Тарбольджея она их брала, не знай.*

Сложная ситуация крайней бедности пренебрежительно характеризуется в говоре ФЕ *наголя муде*: *Вот и живут они плохо, как говорится, наголя муде; Но нам и зарплату тогда не давали, и всяко было, но наголя муде-то никогда не жили* (диалектно-просторечное слово *муде* обозначает мошонку). О неимении или исчезновении чего- или кого-либо оройцы говорят, используя негативно оценочную, грубую ФЕ, содержащую нецензурный компонент, *(как) Фома х...ем смёл*: *Ты пошто у меня всегда спрашивашь, где да где? Не знаю, Фома х...ем смёл; Я и обернуться не успела, а его как Фома х...ем смёл; И ножницы не найду, как Фома х...ем смёл, ты погляди-ка.*

С точки зрения семантической слитности 9 из 15-ти рассмотренных ФЕ являются фразеологическими сращениями – такими устойчивыми сочетаниями, значение которых совершенно не соотносится со значениями составляющих компонентов: *чужая еда до порога, (как) на Маланыну свадьбу, охти мнёшеньки, снова да ладом (да тошней того), китайский праздник, с какого Тарбольджея, хоть в любой Дарасун, (как) Фома х*ем смёл, (как) от мамки, (так) до ямки.*

Фразеологических единств – семантически неделимых устойчивых сочетаний, общее значение которых частично мотивировано семантикой составляющих компонентов, – 3: *промеж глаз попало, дышать нечем, наголя муде.*

Фразеологические сочетания – устойчивые сочетания слов, общее значение которых мотивировано семантикой составляющих компонентов; в их составе есть слова со свободным и несвободным значением, что отличает их от фразеологических единств и сращений – представлены 3-мя ФЕ: *в пятьсот лохматом году; тумором переть* и *каким (таким) макаром* (компоненты *пятьсот лохматом, тумором (тумор – толпа, скопление кого-, чего-либо)* и *макаром (макар – способ)* используются в говоре только в этих сочетаниях и имеют несвободные, фразеологически связанные значения).

С точки зрения употребления члены этой ТГ, как и других, разделяются на общерусские ФЕ и диалектные; критерий разграничения – наличие или отсутствие их в нормативных словарях русского языка. Все рассматриваемые ФЕ являются диалектными (лексическими фразеологическими диалектизмами); среди них выделяются такие, которые встречаются и в других забайкальских говорах (степень распространённости может быть различной) – это региональные ФЕ, они зафиксированы в Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края В. А. Пащенко или в картотеке автора: *промеж глаз попало – между глаз попало* [1, с. 310], *как от мамки, так до ямки* [1, с. 283], *охти мнёшеньки* [1, с. 286] – региональный вариант общерусской ФЕ *охти мне* [2, т. 2, с. 730]), *в пятьсот лохматом году, дышать нечем, на Маланьину свадьбу, снова да ладом (да тошней того), (как) Фома х*уем смёл, каким (таким) макаром, тумором переть* – 10 ФЕ.

Только в оройском говоре (не известны другим забайкальским) бытуют 5 ФЕ (третья часть): *чужая еда до порога, китайский праздник, наголя муде, с какого Тарбольджея, хоть в любой Дарасун*, их можно назвать оригинальными оройскими выражениями.

С точки зрения эмоционально-экспрессивных свойств среди рассмотренных ФЕ 3 во всех случаях употребления передают эмоцию неодобрения: *дышать нечем, на Маланьину свадьбу, снова да ладом (да тошней того)*; у ФЕ *тумором переть* эта эмоция факультативна – в некоторых ситуациях меняется на эмоцию одобрения. ФЕ *наголя муде* является пренебрежительной; ФЕ *(как) Фома х*ем смёл* – бранная, так как содержит нецензурное слово; но надо заметить, что оройцы часто используют эту ФЕ с целью

передать эмоцию неодобрения; как и многие сельчане, они не чувствуют грубости нецензурных слов. Эмоции сожаления или испуга передаёт устойчивое восклицание *охти мнёшеньки*.

9 из 15-ти (больше половины) ФЕ – это эмоционально не окрашенные устойчивые сочетания слов, образно характеризующие ситуации: *как от мамки, так до ямки, с какого Тарбольджея, хоть в любой Дарасун, чужая еда до порога, в пятьсот лохматом году, по первости, промеж глаз попало, китайский праздник, каким (таким) макарон*.

К экспрессивным выражениям можно отнести ФЕ *снова да ладом (да тошней того)*.

Таким образом, в говоре села Орой бытует достаточно большой пласт как региональных ФЕ, так и локальных оройских, что, с одной стороны, говорит о принадлежности говора села забайкальским говорам, с другой – отражает самобытность его носителей, их стремление образно и эмоционально выразить своё отношение к той или иной ситуации.

Литература

1. Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2014. – 484 с.
2. Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1981. – 698 с.
3. Телия В.Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. – 86 с.

К ВОПРОСУ О ФЕМИНИТИВАХ

Н.Д. Стрельникова

tashastrel@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
(Санкт-Петербург)

Язык есть форма отражения действительности в сознании человека. Двумя важнейшими качествами языка являются, с одной стороны, изменчивость, динамичность, с другой, – стабильность. Тенденция к постоянному обновлению продиктована влиянием на любой язык различных факторов, действием экстралингвистических и собственно языковых причин. Глобальные технические, культурные, социологические изменения последних лет не могли

не отразиться на языковой системе. Изменения затронули как лексику, так и грамматику. «Литературный язык, как и всё в жизни, тоже изменяется <...>. Надо выяснить, какие изменения обогащают язык, удовлетворяя вновь возникающим потребностям мысли и коммуникации, а какие <...> его обедняют» [12, с. 209]. Кроме того, необходимо разграничивать процессы, протекающие в языке постоянно, независимо от конкретного периода его функционирования, и новые, характерные для современного этапа его развития.

Одним из вопросов, вызывающих интерес лингвистов и носителей языка, является группа слов, называемых *феминитивы*. Это существительные женского рода, образованные от мужского и обозначающие в основном профессиональные и социальные роли женщин. Термин появился сравнительно недавно, хотя слова, им обозначаемые, существуют давно [2].

Вопрос о феминитивах, будучи гендерной проблемой, связан с феминистическим движением, ролью женщин в современном социуме, с психолингвистическими особенностями мужчин и женщин, различиями в речи тех и других. А значит, его можно рассматривать в социолингвистическом аспекте, но одновременно это чисто лингвистический вопрос, так как речь идёт о важнейшей базовой грамматической категории русского языка – категории рода, служащей важнейшим признаком имени существительного.

Феминитивы используются как корреляты словам мужского рода, обозначающим названия профессий (учитель – учительница), социального статуса (крестьянин – крестьянка), общественной деятельности (комсомолец – комсомолка), определённого места, занимаемого тем или иным лицом в конкретной ситуации (пациент – пациентка), но употребляются они крайне непоследовательно. Об актуальности темы свидетельствует широкое использование феминитивов-неологизмов типа *авторка, деканка, редакторка, профессорка, дизайнерка* в медиа-среде [1]. 3 марта 2019 года теме феминитивов была посвящена передача «Говорим по-русски».

К сожалению, российское общество психологически не готово к восприятию новых слов. Консервативная сила привычки очень сильна, хотя логика подсказывает, что если существуют *журна-*

листка, спортсменка, акушерка, лаборантка, аспирантка, студентка и т. п., то почему неудобоваримы *президентка, блоггерка, режиссёрка, директорка, дирижёрка*, несколько не противоречащие языковой норме? Решение вопроса о феминитивах представляется важным, так как имеет непосредственное отношение к грамматическим изменениям, происходящим в современном русском языке. Норма меняется: изменился род некоторых неодушевлённых существительных; совсем недавно заимствованные несклоняемые одушевлённые существительные типа *крупье* были словами мужского рода, так как эти профессии принадлежали исключительно мужчинам. Существуют профессии, исторически закреплённые за мужчинами: *президент, декан, ректор, директор*. Но ситуация изменилась, появились женщины – деканы, профессора, директора, даже ректоры, академики и президенты, и язык должен отреагировать на это явление, зафиксировать этот факт, а он молчит. Между тем, позволю предположить, что феминитивы-неологизмы способствовали бы обогащению языка.

Феминитивы образуются при помощи суффиксов с присоединением окончания женского рода. Перечислим основные, продуктивные и непродуктивные, суффиксы: *-к(а), -ш(а), -их(а), -ниц(а), -есс(а), -ис(а), -ин(я)*.

Наиболее древним суффиксом является *-ын(я)/-ин(я)*. Он используется для образования феминитивов от слов мужского рода, оканчивающихся на *-лог* и *-граф* (*графиня*), но не только (*княгиня, герцогиня, боярыня, богиня, монахиня, игуменья, инокиня, государыня, сударыня*). По данной модели могут быть образованы такие существительные как *филологиня, биологиня, геологиня*, которые уже успешно освоены разговорной речью. Ряд подобных этим феминитивов предпочитает другую словообразовательную модель: *телеграфистка, стенографистка* и *географичка, зоологичка*. Можем ли мы образовать феминитивы-неологизмы *маркетологиня* или *фотографиня*?

Среди заимствованных суффиксов назовём три. Это *-есс(а)*: *поэтесса, стюардесса, принцесса, баронесса*. Встречаются редкие профессии типа *клоунесса* и *критикесса*, могут быть образованы *авторесса, мэтресса*. Суффикс *-ис(а)* соотносится с мужскими профессиями на *-тор* и *-тер* – *актриса, директриса*. Суффикс относится к непродуктивным. Интернациональный суффикс *-ин(а)*

типа *синьорина* присутствует в существительном *балерина*, у которого нет пары в мужском роде, мы должны использовать «описательное выражение» [8, с. 200] в виде словосочетания *артист балета*.

Продуктивными являются суффиксы *-ш(а)* и *-их(а)*, присутствующие в существительных *генеральша* [5, с. 348], *майорша*, *профессорша*, *губернаторша*, *комиссарша*, *офицерша* [6, с. 771] или *купчиха*, *мельничиха*. Как правило, подобные слова обозначали жену *профессора*, *губернатора*, *купца*, *мельника*. Но *контролёрша*, *кастеляниша*, *кассирша*, *билетёрша*, *вахтёрша*, *лифтёрша* – названия женских профессий. Более того, среди них существует род деятельности, где работают только женщины: *маникюрша*, *педикюрша*. Имеют место быть и *бригадирша*, *кондукторша*, *секретарша*, *музыкантша*, с пометкой – просторечное или устаревшее. По поводу последнего слова приведём пример из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»: «Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец» [7, с. 20]. Здесь запечатлён сам процесс перехода, когда некие профессиональные обозначения зафиксированы в женском роде, при том, что музыкантша не жена музыканта, а другие – еще не возникли и род деятельности назван в мужском роде, но для XIX века это не было тенденцией, скорее исключением, необычным явлением, когда женщина занималась «мужским» трудом. Суффикс *-их(а)* часто имеет просторечно-разговорную окраску (*полковничиха*, *врачиха*), но встречается в профессиях *портниха* и *ткачиха*. В стихотворении для детей «А что у вас?» С. Михалков использует оба варианта названия профессий мам: «И спросила Нина тихо:/ Разве плохо быть портнихой?/ Кто трусы ребятам шьёт? /Ну, конечно, не пилот!»; «Вот у Коли, например, мама – милиционер! А у Толи и у Веры обе мамы – инженеры! А у Лёвы мама – повар! Мама – лётчик? Что ж такого!». Здесь *повар* стоит в мужском роде, а в «Сказке о царе Салтане ...» А.С. Пушкина действуют «ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой», где не *повар*, а *повариха*. *Ткачиха*, *шутиха*, *портниха*, даже *дворничиха* обозначают профессию, не имеют негативной стилистической окраски. Кроме того, *мельничиха* и *дворничиха* являются разговорными вариантами и могут называть как жену

мельника и дворника, так и профессию лица женского пола. Однако существительные с суффиксом *-их(а)* почти не используются в феминистских неологизмах.

Суффикс *-ниц* знаком по популярным профессиям *учительница, писательница*. С помощью продуктивного суффикса *-иц* образуются многочисленные слова – *царица, посадница, старица, разбойница, волшебница, кудесница, мастерица, рукодельница, красавица, девица кружевница, садовница, огородница, продащица цветочница, танцовщица, помещица, работница, колхозница, певица, ключница*.

Наконец, продуктивный суффикс *-к(а)* наиболее востребован для образования феминитивов-неологизмов. С его помощью образуются формы женского рода от существительных мужского рода на *-ец* (*комсомолка, партийка*); от основ бессуффиксных или имеющих суффикс *-ин* обозначений лиц мужского пола: *крестьянка, монашка, цыганка*, а также *националка, пролетарка, лютеранка, республиканка, беженка, выдвигенка, лишенка, содержанка; пастушка, славянофилка, наркоманка; иждивенка; -истк(а)* (соотносительно с *-ист*): *дантистка, пианистка, артистка, очеркистка, уклонистка, оппортунистка; -ар, -яр: доярка, свиноварка, знахарка; -ентк(а), -антк(а): курсантка, студентка, корреспондентка*. Наконец, непродуктивный просторечный суффикс *-ух(а)* имеет яркую экспрессивную окраску: *стряпуха, шлюха, потаскуха, повитуха, старуха* [4].

В лингвистике существуют два противоположных взгляда: равноправность существования феминитивов с мужскими коррелятами или употребление слов мужского рода в качестве «нейтральных» для именованья как мужчин, так и женщин. Согласно первой тенденции до XIX века традиционно существовало разграничение профессий по мужскому и женскому роду: собственные наименования в женском роде, присущие только женщинам (*няня, прачка, кружевница*), или парные профессии (*жнец – жница, гувернёр – гувернантка, швец – швея, лекарь – лекарка*). Присваивая собственные лексические наименования новым явлениям, возникающим в современном мире (*юристка, экономистка, инженерка, сценаристка*), разграничивая профессии по мужскому и женскому роду, мы поддерживаем историческую, традиционную тенденцию развития русского языка.

Вторая лингвистическая тенденция – употребление слов мужского рода в качестве «общего» профессионального обозначения – характерна для XX века и доминирует сейчас. Именно она зафиксирована во всех справочниках по стилистике и культуре речи. «Имена существительные мужского рода, обозначающие лицо по профессии, занимаемой должности, выполняемой работе, занятию, учёному или почётному званию и т. д., сохраняют свою форму и в тех случаях, когда относятся к лицам женского пола» [8, с. 198], а «параллельные названия для обозначения лиц женского пола закрепились в тех случаях, когда данная специальность (профессия, род занятий и т. д.) в равной мере связана и с женским и с мужским трудом» [8, с. 199]. Одной из причин лидерства данной тенденции называют обычно влияние официально-делового стиля с характерной для него «безличностью» и, следовательно, «бесполостью». И сейчас именно в официально-деловом стиле неуместно использование феминитивов. Конечно, мы живём в бюрократизированное время в бюрократизированном обществе, но всё-таки официально-деловой стиль не превалирует над другими. Более того, именно сейчас, в связи с демократизацией языка, доминированием разговорной речи вопрос о феминитивах-неологизмах становится всё более актуальным.

«Совершенно очевидно, что все новые слова или новые значения старых слов, появляющиеся для обозначения возникающих новых идей и понятий или их новых оттенков, ни в коей мере не деформируют язык, а лишь обогащают его, – писал Л.В. Щерба в 40-е годы и продолжал свою мысль. – Таковы и бесчисленные, появившиеся после революции новые слова, отражающие новую жизнь, новый быт, новое миропонимание нашей эпохи и в конце концов просто новую психологию» [12, с. 210]. Языковая ситуация в начале XX века и в начале XXI века очень похожи. Революционное время 1917–1926 годов, борьба женщин за эмансипацию, появление суфражистских организаций, различных женских общественных движений, активное участие женщин в общественной и политической жизни, расширение сфер применения труда женщин вызвали необходимость появления новых слов и понятий. Язык стремился отразить новое положение женщин в обществе двумя способами: известным – созданием феминитивов, которые тогда не имели этого имени, и новым – с использованием мужского рода с обобщённым

значением. Анализируя язык революционной эпохи, выдающийся языковед А.М. Селищев писал о продуктивности суффикса *-к(а)*: «Формы с этим суффиксом представляют теперь одно из трёх значений: 1) название лиц жен. пола; соответствующее название для мужчин имеет суф. *-ец*; 2) названия некоторых явлений и предметов; 3) уменьшительные названия предметов» [10, с. 174–175] и приводит примеры. Среди них *комсомолка, красноармейка, ленинка* (партийная работница), *партийка* (женщина-член партии), *пролетарка рабфаковка, шкрабка* (школьная работница) [10, с. 174–176]. «Для женщины, находящейся в связи с *непманом – нэпачем*, служат названия: *нэпманиха, нэпманша, нэпачиха*» [10, с. 176]. На рубеже веков появились существительные *телефонистка, телеграфистка, авиаторша*. «Если в этот период женский труд проникал в какую-либо область производственной или общественной жизни, то возникала потребность назвать женщину в её новой функции» [9, с. 192 - 193]. Сейчас считается, что существительные с суффиксом *-ша* имеют пренебрежительный оттенок, а век назад они «широко использовались в нейтральном стиле, не имея того сниженного стилистического оттенка, который они имеют в наши дни, и не смешиваясь с названиями женщин по мужу» [9, с. 193].

В начале XX века в русском языке появляется много феминитивов-неологизмов. Но в это же время заявляет о себе и активизируется вторая тенденция в лингвистике. «Исследователи советских канонов визуального искусства заметили, что в открытках, журналах, афишах, плакатах 1920-х – начала 1930-х гг. женские фигуры становятся более “мужеподобными” <...> подобное стремление привело к своеобразному стиранию границ между женским и мужским» [3]. Нечто похожее происходит и сегодня, только если в ранней советской культуре женское приравнивали к мужскому, то сейчас, наоборот, «уровнировка», стремление к «бесполости» происходит в обратном направлении, не столько в маскулинизации женщин, сколько в феминизации мужчин.

В современной русской литературе, в СМИ, в языке интернета и в современном кинематографе феминитивы используются всё активнее. Например, в романе «Вперёд и вверх на севших батарейках» автор Р.Сенчин часто обращается к феминитивам: *аптекариша* [11, с. 65], *литагентша* [11, с. 65], *врачиха* [11, с. 101], *критикесса* [11,

с.102], *начальница почты* [11, с. 296], *почтальонка* [11, с. 296], *дикторша* [11, с. 98], *приёмщица стеклотары* [11, с. 112]. Находит отражение проблема использования феминитивов и в кино: «Гадалка» (2019 г., режиссёр И. Казанков), «Артистка» (2007 г., режиссёр С. Говорухин), «Стряпуха» (1965 г., режиссёр Э. Кеосаян), а также «Домохозяин» (Россия – Украина, 2016 г., режиссёр В. Деветилов), «Акушерка» (2017, режиссёр Станислав Либин), «Училка» (2015 г., режиссёр А. Петрухин), фильмы, показанные 8 марта 2019 года – «Управдомша» (2018 г., режиссёр – В. Устюгов) и «Бомжиха» (2007 г., режиссёрки Ю. Волхонская, Н. Киракозова, режиссёр Ю. Осипов). Напомним, что если мужчина привлекался к исконно женской деятельности, мгновенно находилось слово. Например, *нянь*. В 1977 году режиссёр В. Грамматиков поставил фильм «Усатый нянь».

Таким образом, вопрос о феминитивах гораздо глубже и шире, чем кажется на первый взгляд. Быть или не быть феминитивам-неологизмам в современном русском языке – вопрос философский, время покажет, но он тесно связан с патриархальными стереотипами и культурой, с нашей ментальностью и языковой картиной мира.

Литература

1. Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. статей I Международной научно-практической конференции /Под общ. Ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – М.: РУДН. 2017. – С. 89-94.
2. Беркутова Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект [https // www.psyart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspect](https://www.psyart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspect) (дата обращения 21.02.2019).
3. Беркутова В. Феминитивы в русском языке: анализ исторической ситуации в конце XIX – первой половине XX в. // <http://www.psyart.com/istoriya-feminitivov> (дата обращения 22.02.2019).
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под редакцией Г.А. Золотовой. – М: Русский язык. 2001. – 720 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1. – М.: Русский язык. 1998. – 699 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.2 – М.: Русский язык. 1998. – 779 с.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 6. – М.: Художественная литература. 1957. – 736 с.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке/ Под ред. И.Б. Голуб. – М.: Рольф: Айрис-пресс. 1999. – 368 с.

9. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1986.
10. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). – М.: URSS ЛИБРОКОМ. 2017. – 250 с.
11. Сенчин Р. Вперёд и вверх на севших батарейках. – М.: Вагриус. 2008. – 304 с.
12. Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Скворцов Л.И. Основы культуры речи: Хрестоматия. – М.: Высш. шк. 1984. – С. 204–213.

СОСТАВНЫЕ АББРОКОНСТРУКТЫ С КОМПОНЕНТОМ «АВИА»: ФОРМАЛЬНОЕ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

А.О. Халабузарь

stebuki@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Целью предлагаемого исследования является описание формальных и ономаσιологических особенностей сложносокращённых слов¹⁹, содержащих составные абброконструкты (далее – СА) с препозитивным компонентом *авиа*. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) дать определение составного абброконструкта;
- 2) описать модели формальной эквивалентности для слов с составными абброконструктами, обнаруженных в аббревиатурной группе *авиа*;
- 3) описать ономаσιологические типы эквивалентности в рассматриваемой группе слов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления в синхронном модусе нового материала, представленного в картотеке составляемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации «ЭЛИТА» при кафедре русского языка ДонНУ Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка. **Материалом**

¹⁹ Сложносокращённые слова являются разновидностью аббревиатур, поэтому в данной работе термины «сложносокращённое слово» и «аббревиатура» употребляются как синонимы.

для исследования послужили слова с составным абброконструктом, содержащим препозитивный компонент *авиа*, выбранные из картотеки указанного словаря (сборщик материала – К.Ю. Емельянова).

Под сложносокращённым словом нами понимается единица, «связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом, то есть сокращённым эквивалентом какого-либо слова, например, *электро*, эквивалентный слову *электронная*, или *мед* – *медицинский* и т.д.). Сложносокращёнными словами, следовательно, являются частично сокращённые (*афрокосичка*, *биогаз* и т.п.) и слоговые (*адмур*, *колхоз* и т.п.) аббревиатуры, противопоставляющиеся инициальным аббревиатурам, абброконструкт которых равен одному звуку или букве (*ДПИ*, *вуз* и под.)» [3, с. 70]. **Составным мы называем абброконструкт, включающий в свой состав как минимум два простых абброконструкта.** Например, абброконструкт *авиа* входит в СА *авиа+X авиатех* (*авиатехбаза*), *авиаспорт* (*авиаспортклуб*), *авиахим* (*авиахимпрополка*) и под. Отнесение слова к той или иной аббревиатурной группе, то есть к группе слов, имеющих одинаковый абброконструкт, осуществляется по препозитивному абброконструкту. В силу этого слова с СА *авиа+X* относятся к абброгруппе *авиа*.

Отметим, что нами осуществляется синхронный подход к выделению и анализу сложносокращённых слов, который предполагает анализ не отношений диахронной производности, а отношений актуальной эквивалентности. Эквивалентом сложносокращённого слова мы, вслед за В.И. Теркуловым, считаем словосочетание, компоненты которого формально и семантически эквивалентны конструктам аббревиатуры. Под эквивалентом конструкта при этом мы понимаем «единицу, полностью или частично совпадающую с данным конструктом на уровне формы и имеющую с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущую заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения её значения» [2, с. 87]. Например, эквивалентным аббревиатуре *авиахимпрополка* явля-

ется словосочетание *авиахимическая прополка*, поскольку его компоненты являются эквивалентами абброконструктов *авиа-* (*авиахимическая*), *хим-* (*авиахимическая*) и *прополка*. При этом слово и словосочетание используются в текстах как синонимы: *Широкое внедрение в республике получила авиахимическая прополка и обработка кустарников гербицидами – В колхозах и совхозах Бурятии в 1963 г. на 11420 га зерновых провели борьбу с сорняками путём авиахимпрополки гербицидами* [1, с. 38].

При синхронном подходе констатируется, что эквивалентность не вступает в корреляцию с отношениями производности: эквивалентами аббревиатуры на актуальном срезе языка являются как словосочетания, бывшие производящими для слова, так и словосочетания, возникшие на его базе в результате вторичного псевдоунивербализационного развёртывания (о псевдоунивербализации и принципах её обнаружения см. [2, с. 78–86]). Как показывают исследования «ЭЛИТА», появление в текстах эквивалентов аббревиатуры во многом объясняется действием используемых носителями языка дешифровальных стимулов – стереотипов расшифровки аббревиатуры. Часто у одного конструкта отмечается несколько дешифровальных стимулов, что мотивирует возникновение множественности эквивалентов, формирующих вместе со сложносокращённым словом гнездо его эквивалентности. Так, например, в гнездо эквивалентности слова *авиахимобработка* входят словосочетания *авиахимическая обработка*, *авиационно-химическая обработка*, *авиационная химическая обработка*, *авиационная химобработка*.

В связи с этим при составлении словаря возникла необходимость моделирования и прогнозирования отношений эквивалентности, которые осуществляются в двух направлениях: структурно-формальном и семантико-ономасиологическом.

Важную часть структурно-формального метода составляет определение схем дешифровальных стимулов для эквивалентов аббревиатуры. Для таких схем используются следующие символы: *у* – базисный компонент, *х* – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, *ад* – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие)²⁰, *предл* – предлог, *а* – компонент

²⁰ Если какой-то из компонентов схемы является существительным, рядом с ним маркеры не ставятся.

сложного слова, дополняющий стимул *x*, *z* – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, входящее в состав составного эквивалента. Для слов с составным абброконструктом нами обнаружены следующие схемы дешифровальных стимулов: *x(ад)-а-у*: *авиахимобработка* – *авиационная химобработка*; *x-а(ад)-у*: *авиатехколледж* – *авиатехнический колледж*; *у-х-а*: *авиаспортклуб* – *клуб авиаспорта*; *x(ад)-z(ад)-у*: *авиационная химическая обработка*; *z(ад)-у-х*: *авиаспортклуб* – *спортивный клуб авиации*, *у-х(ад)-z*: *авиатехбаза* – *база авиационной техники*, *х-а(ад)-z(ад)-у*: *авиаспортклуб* – *авиатехнический спортивный клуб*; *у-z-а(ад)-z*: *авиаспортклуб* – *клуб любителей авиационного спорта*.

Ономасиологический метод предполагает определение ономазиологических моделей, на основе которых формируются отношения эквивалентности. В ономазиологической модели определяются отнесённость слова и его эквивалента к той или иной лексико-семантической группе (ономазиологический базис, репрезентируемый главным словом эквивалентного словосочетания) и ономазиологический признак, представленный в зависимых словах эквивалента. Для сложносокращённых слов с составным абброконструктом с пропозитивным компонентом *авиа* нами отмечаются следующие ономазиологические базисы:

1) учреждение: *авиаспортклуб* (базис: *клуб*), *авиатехколледж* (базис: *колледж*), *авиаметеослужба* (базис: *служба*) и под.

2) мероприятие: *авиахимпрополка* (базис: *прополка*), *авиаметеобеспечение* (базис: *обеспечение*), *авиахимработы* (базис: *работы*) и под.;

3) приспособление: *авиахимбомба* (базис: *бомба*).

В качестве ономазиологического признака в рассмотренных нами словах выступают:

1) квалификатив – прилагательное, осуществляющее признаковую квалификацию объекта:

а. отрасль: *авиаметцентр* – *авиационный метцентр*;

б. медиатив (указание на используемое средство): *авиахимобработка* – *авиационная химическая* (медиатив – при помощи химических средств) *обработка*;

в. дестинатив (указание на цель деятельности): авиамет-служба – *авиационная метеорологическая* (дестинатив – осуществляющая метеорологические прогнозы) *служба*;

2) посессив – существительное, указывающее на принадлежность референта кому-либо/чему-либо или на референтов, формирующих некоторое объединение объектов или субъектов: *авиаклуб – клуб любителей* (посессив – принадлежащий любителям, объединяющий любителей) *авиационного спорта*;

3) дестинатив – существительное, указывающее на цель деятельности: *авиаклуб – клуб авиаспорта* (цель – занятия авиаспортом).

На основе полученных данных осуществляется построение дешифровальной матрицы гнезда эквивалентности. Например, для гнезда *авиаспортклуб* матрица имеет следующий вид:

х-а(ад)-у, «учреждение + квалификатив (дестинатив)»: *авиационно-спортивный клуб*;

х(ад)-z(ад)-у, «учреждение + квалификатив (отрасль) + квалификатив (дестинатив)»: *авиационный спортивный клуб*;

х-а(ад)-у, «учреждение + квалификатив (дестинатив)»: *авиаспортивный клуб*;

z(ад)-у-х, «учреждение + квалификатив (дестинатив) + посессив»: *спортивный клуб авиации*;

х-а(ад)-z(ад)-у, «учреждение + квалификатив (отрасль) + квалификатив (дестинатив)»: *авиатехнический спортивный клуб*;

у-х(ад)-z, «учреждение + квалификатив (отрасль) + дестинатив»: *клуб авиационного спорта*

х(ад)-а-у, «учреждение + квалификатив (отрасль)»: *авиационный спортклуб*;

у-х-а, «учреждение + квалификатив (отрасль) + дестинатив»: *клуб авиаспорта*;

у-z-а(ад)-z«учреждение + посессив + квалификатив (отрасль) + дестинатив»: *клуб любителей авиационного спорта*.

Итак, для слов с составным аббреоконструктом, содержащим препозитивный компонент *авиа*, нами обнаружено три схемы дешифровальных стимулов и три ономаσιологические модели. В дальнейших работах мы предполагаем определить все существующие формальные и ономаσιологические модели для слов, входящих в аббревиатурную группу *авиа*.

Литература

1. Карначев С.А. Экономическое и социальное развитие села Бурятии в 60-е годы XX века : дисс ... к.ист.н. – Улан-Удэ, 2006. – 180 с.
2. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
3. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 69–80.

«КТО МОГ БЫ ПЕСНЮ СПЕТЬ ОДНУ?»: ЧАСТИЦА *БЫ* В РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Т.Е. Шаповалова

tshapovalova@gmail.com

Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
(Москва)

Аннотация. В статье представлена темпорально-персуазивная семантика русского предложения, содержащего частицу *БЫ*. Применяя структурно-семантический метод анализа синтаксических конструкций, извлечённых методом сплошной выборки из поэтических текстов М.Ю. Лермонтова, автор описывает способы и средства презентации в них модального и временного значений. Исследованию подвергаются разные по коммуникативной функции двусоставные и односоставные предложения, передающие семантику временной неопределённости. Доказывается, что в лирических произведениях поэта темпоральная семантика неотделима от модального значения предложения.

Актуальная сегодня в современной лингвистике антропоцентрическая парадигма предполагает подробное описание темпорально-персуазивной семантики русского предложения – значений, которые диктуются языковой личностью, или говорящим. В своих грамматических исследованиях В.В. Виноградов акцентировал мысль о том, что «в конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения гово-

рящего лица. Но сама эта точка зрения характеризуется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении “отрезку”, “кусочку действительности”» [2]. В задачу настоящих заметок, которые являются продолжением цикла статей [9], входит структурно-семантический анализ синтаксических конструкций с частицей *бы*, извлечённых методом сплошной выборки из поэтических текстов М.Ю. Лермонтова [4], описание способов и средств презентации в них модального и временного значений. Мы не рассматриваем использование частицы *бы* в структуре разных типов сложного предложения. Этой проблеме будет посвящено специальное исследование.

Уделяя первостепенное значение форме предложения, поскольку «опора на форму даёт возможность выявить и учесть значения, выражаемые именно в данном языке во всей сложности, в их непредсказуемом многообразии» [7], мы выяснили, что поэт использует

- двусоставные предложения с разными типами сказуемого, называющего предикативный признак подлежащего, например: *Я стал бы летать над мечом и щитом И смахнул бы я пыль с них крылом; И арфы шотландской струну бы задел. И по сводам бы звук полетел; Внимаем одним, и одним пробуждён, Как раздался, так смолкнул бы он* (с. 213); *Я б хотел забыться и заснуть!* (с. 85); *Но не тем холодным сном могилы... Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь <...>* (с. 86); *Кто мог бы песню спеть одну?* (с. 94); *Беспокойство и прохлада Были б вечный мой закон* (с. 271);

- безличные, например: *Погулял я на просторе, Отдохнуть пора бы мне* (с. 43);

- инфинитивные конструкции, например: *Умереть бы уж мне в этой клетке <...>* (с. 53).

Темпорально-персуазивная семантика сказуемого и всего двусоставного предложения складывается из нескольких элементов смысла: значения времени, которое получает оформление путём указания на отнесённость обнаружения признака к моменту речи, а также комплекса разноаспектных модальных значений –

оттенков объективной, субъективной, внутрисинтаксической модальности (модальности предиката) – и выражается аналитическим способом.

В двусоставном предложении с простым глагольным сказуемым предикативный признак подлежащего специализирован: его семантическая и грамматическая составляющие объединены и получают свою конкретную реализацию в сочетании глагола, в морфемной структуре которого есть суффикс *-л-*, с частицей *бы* (*б̄*), например: *Как бы шумно я катился Под серебряной луной, О! как страстно я лобзал бы Золотистый мой песок, Как надменно презирал бы Недоверчивый челнок; Всё, чем так гордятся люди, Мой набег бы разрушал; И к моей студёной груди Я б страдальцев прижимал; Не страшился б муки ада <...> Не искал бы я забвенья В дальнем северном краю <...>* (с. 270 – 271). Речевой материал подтверждает замеченную В.В. Виноградовым особенность, что частица-морфема *бы* (*б̄*) может отделяться от форм на *-л-* [1]. Глагольная форма сослагательного наклонения называет возможное, предположительное действие, не связанное с моментом речи, и передаёт отнесённость этого действия к субъекту-подлежащему, от которого зависит и с которым согласуется сказуемое, а также модально-временное значение этого главного члена двусоставного предложения и всей конструкции в целом. *Я* говорящего живёт вне времени, не замечает действительных событий, происходящих в настоящем; вероятно, воспоминания о прошедшем не позволяют довольствоваться тем, что состоялось, и поэтому его прельщают воображаемые искушения, допускающие совершение таких активных физических действий, как *катиться, лобзать, разрушать, прижимать* и ментальных актов или состояний: *презирать, страшиться, искать*. Частица *как* сообщает конструкции эмоциональную окраску. Семантика ирреальной модальности коррелирует со значением временной неопределённости, проявляется в конструкциях, где нет соотнесённости с моментом речи, эксплицируется частицей *бы* и реализуется в значении вневременности [8].

Типичные значения внутрисинтаксической модальности устанавливаются на фоне семантики объективной ирреальности и временной неопределённости в структуре двусоставного предложения с формой составного глагольного сказуемого, называющего предикативный признак подлежащего:

- значение возможности, например: *Полмиру дать ты счастье б могла <...>* (с. 232); *О если б вы умели угадать В его очах, что хочет он скрывать!* (с. 146);

- значение волеизъявления с оттенком желательности действия, например: *<...> Я же, напротив, Только завидую звёздам прекрасным. Только их место занять бы хотел* (с. 227); *В простом не видя совершенства, Он не привык прекрасное ценить, Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу, Кто силится купить страданием своим И гордою победой над земным Божественной души безбрежную свободу* (с. 196);

- значение волеизъявления с оттенком готовности, решимости совершить действие, например: *О нет! я б не решился проклянуть!* (с. 212); *И кто сказать бы смел, что чёрт тебе не брат?* (с. 292).

Предикативная частица *бы* (*б*) в составе вспомогательного модального компонента сказуемого является формальным знаком ирреальности, или гипотетического наклонения [1], и временной неопределённости.

Это же наблюдение распространяется и на аналитические неспециализированные формы составного глагольного сказуемого, например: *Но верьте мне, душевно рад Я был бы вовсе не браниться <...>* (с. 56); *Был бы волен от рожденья Жить и кончить жизнь мою!* (с. 270 – 271). Именной член выражает грамматическую семантику модальности предиката: субъективно-эмоциональная оценка действия (*вовсе не*) *браниться* передана кратким прилагательным *рад*, действий *жить* и *кончить* – именем *волен*. Формальные показатели *-л-* + *бы* по-прежнему «отвечают» за темпорально-персуазивное значение конструкции.

В составном именном сказуемом, значительном фрагменте грамматической системы русского языка, представленном в поэтических текстах М.Ю. Лермонтова, специализированная связка *быть*, передающая «значение подлинности» [6], заключающееся в констатации предикативного признака, обладания им, усиливает связь факта с объективной ирреальностью. Связка в форме сослагательного наклонения вступает «в противоречие с семантикой отождествления, предполагающей определённость, основанную на знании, реальность факта тождества» [3], например: *Его ничто не испугает, И то, что было б яд другим, Его живит, его питает*

Огнём язвительным своим (с. 219); <...> *Расстаться казалось нам трудно, Но встретиться было б трудней!* (с. 267); *Подарок твой подарок был бы славный, Но новизна царица наших дней* <...> (с. 176).

В осложнённых формах составного именного сказуемого всегда появляется новое модальное значение, например: *И я бы мог быть счастлив* <...> (с. 232). Осложняющий элемент – модальный глагол *мог* с частицей *бы* – выражает значение гипотетической возможности. Связка уже не выражает грамматических значений синтаксической модальности в объективном аспекте и синтаксического времени. Облекаясь в форму инфинитива *быть*, она сохраняет лишь модально-оценочную функцию обладания предикативным признаком *счастлив*. А презентация значений двух предикативных категорий: синтаксической объективной модальности ирреальности и синтаксической временной неопределённости – передаётся модальному глаголу в форме сослагательного наклонения. Он же выражает грамматическую зависимость сказуемого от подлежащего.

В поэтических текстах М.Ю. Лермонтова представлены, главным образом, безличные предложения связочно-модально-инфинитивной разновидности, например: *Отца и мать мою едва ль Застанешь ты в живых... Признаться, право, было б жаль Мне опечалить их* <...> (с. 69); *Тебе открыть мне было б больно, Как жизнь моя пуста, черна* (с. 262). «Бесподлежащность» таких предложений, как считает А.М. Пешковский, «не случайное явление, а составляет самую их сущность» [5]. Безличная форма связки *было б* оценивает перцептивно воспринимаемое состояние как гипотетическое. М.Ю. Лермонтов реализует в лирических произведениях возможность использования нулевой формы связки *быть*, например: *Смешно же сердцем лицемерить Перед собою столько лет; Добро б ещё морочить свет!* (с. 62); *Вы не знавали князь Петра; Танцует, пишет он порою, От ног его и от пера Московским дурам нет покою; Ему устать бы уж пора, Ногами – но не головою* (с. 297). Редки случаи использования поэтом связочно-именной разновидности безличного предложения, например: *Читал я. Мелкие нападки На шрифт, виньетки, опечатки, Намеки тонкие на то, Чего не ведает никто. Хотя б забавно было свету!..* (с. 55).

Связка в безличной форме формирует главный член односоставного глагольного безличного предложения, выражает ирреальную модальность в объективном аспекте и семантику временной неопределённости, а также нейтральное значение констатации факта в аспекте предикатной модальности.

Собственно инфинитивное предложение, главный член которого представлен сочетанием независимого инфинитива с частицей *бы*, передаёт грамматические предикативные значения ирреальности и вневременности, сочетающиеся с оттенками модальности предиката – нежелательностью и возможностью совершить потенциальное действие, например: *Для добра или зла (я слышал не один, И не мне бы о том говорить), Когда возвратился тех мест господин, Он никак не хотел уходить* (с. 167); *Оставь напрасные заботы, Не обнажай минувших дней: В них не откроешь ничего ты, За что б меня любить сильнее!* (с. 262).

Итак, в лирических произведениях М.Ю. Лермонтова темпоральная семантика неотделима от многоаспектных модальных значений, выражаемых аналитическим способом в разных типах сказуемого двусоставных и главных членах односоставных глагольных предложений – безличных и инфинитивных.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. – С. 602.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. – С. 268.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. М., 2012. – С. 61.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Изд-во «Художественная литература», 1983. Т. 1. Стихотворения. Вст. ст. и комм. И.А. Андронникова. – 446 с. В тексте статьи цитируемая страница данного издания указана в круглых скобках.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935. – С. 305.
6. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка: монография. Архангельск, 2012. – С. 87.
7. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М., 2013. – С. 15.

8. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика местоимённых собственнно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. – С. 43–48.

9. Шаповалова Т.Е. БЫ в структуре русского предложения // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. – С. 132–135.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА С КОМПОНЕНТОМ *КИНО* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Ярошенко

nyaroshenko@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Для современной лингвистики, несмотря на довольно давнюю традицию исследования, по-прежнему актуальным является комплексное изучение номинаций лица, которые, отличаясь структурно-семантическим разнообразием, занимают одно из ключевых мест в любом языке. В целом лексико-семантическая группа «человек» является не только динамичным, но и открытым участком языковой системы. Не случайно исследователи вполне оправданно называют процесс постоянного появления неоминаций лица одним из показателей так называемого неогенного бума. При этом отмечается, что «около 40 % неологизмов со значением лица составляют словесные единицы, включающие в свой состав две и более корневые морфемы» [2, с. 104].

В свою очередь при комплексном изучении сложных номинаций в целом и композитных наименований лица в частности дискуссионным остаётся вопрос о статусе в их структуре регулярно повторяющихся пре- и постпозитивных компонентов, для обозначения которых в лингвистике используются разные термины (*аффиксоиды, абброморфемы, полуаффиксы, словоэлементы* и др.).

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе номинаций лица с компонентом *кино*- (в том числе и неоминаций), представленных в современном русском языке.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки из толковых и специализированных словарей современного

русского литературного языка, в том числе и из словарей, непосредственно отражающих номинации лица современного русского языка новейшего времени (словари О. В. Григоренко, Е. А. Зайцевой, Н. В. Исаевой, О. И. Литвинниковой, Е. И. Главацкой). Как источники фактического материала также использовались многочисленные выпуски серии «Новое в русской лексике: Словарные материалы» и серии «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы ...» (70-х, 80-х и 90-х годов). Для выборки материала исследования и подбора контекстов в числе прочих источников привлекался «Национальный корпус русского языка», а также источником материала являются специализированные тематические группы и форумы в таких социальных сетях, как «ВКонтакте» и «Facebook», и детективный телесериал «След».

Картотека фактического материала включает 115 сложных номинаций лица с компонентом *кино-* (в данной статье мы не рассматриваем юкстапозиты/биномины типа *киновед-советолог*, *кинорежиссёр-сатирик*, представленные в нашей картотеке) и два композита с компонентом *кинем-* (*кинематографист*, *кинематографистка*). Отметим, что в работе придерживаемся широкого понимания термина *комполит*, в связи с чем в сферу нашего внимания попали все номинации лица, в состав которых входит более одного корня (независимо от того, в каком виде (полном или сокращённом) этот корень представлен в сложном слове).

В толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова компонент *кино-* трактуется как первая часть сложных слов, имеющая следующие значения: **1.** Обозначает кинопродукцию (кинофильмы) какого-л. назначения или свойства. *Кинобалет*, *кинобиография*, *киноверсия* и др. **2.** Обозначает отнесённость чего-л. к кинофильму. *Киноактёр*, *киноанонс*, *киногероиня* и др. **3.** Обозначает отнесённость к кинематографии; кинематографический. *Кинобаза*, *кинобизнес*, *киногород* и др. **4.** Обозначает связь с просмотром и обсуждением кинофильмов. *Киновесна*, *киновечер*, *киногод* и др. [1, с. 427]. Другими словами, компонент *кино-* в целом передаёт значение 'имеющий отношение к кинематографу, кинематографии'. Также в лексической системе русского языка в качестве самостоятельной лексической единицы представлено несклоняемое существительное среднего рода *кино*: **1.** Кинематография, киноискус-

ство. *Немое к. Звуковое к. Работники российского к. 2. Разг. Кино-театр. Ходить в к. 3. Разг. Кинофильм. Какое сегодня к. идёт?* [1, с. 427].

Факт функционирования в языке единицы **кино** в качестве самостоятельной лексемы позволяет на первом этапе анализа предположить, что номинации лица с компонентом **кино-** образованы по схеме «неизменяемое существительное + существительное в И. п. ед. числа»: *киномастер, киносталевар, киноделяга, киноколлега, киношишка, киноубийца, кинопсихоаналитик* и др.

На основе анализа семантических структур для номинаций лица, зафиксированных в различных лексикографических источниках, и контекстов использования для неониминаций, не отраженных в словарях, представленные в нашей картотеке сложные номинации лица с компонентом **кино-** мы систематизировали по 15 подгруппам на основе общности лексических значений:

Номинация того, кто профессионально снимается в кино, т. е. является актёром/артистом кино: *киноактёр, киноартист, киномодель, кинорребёнок₁* и др.

Номинация артиста/актёра или режиссёра кино, с указанием на то, что он является профессионалом в этой сфере, эталоном и образцом для подражания (либо воспринимается в таком качестве): *кинобогиня, кинодива, кинозвезда, киноидол, кинокудесник, киноклассик, кинознаменитость, кинофаворит* и др. Такие номинации можно квалифицировать как аксиологические.

Номинация лица (в том числе и лирического) по той роли, которую актёр исполняет в кинокартине: *киноковбой, киносталевар, кинохулиган* и др.

Номинация того, кто вообще работает в сфере кино, имеет отношение к этой сфере без детализации его профессиональных обязанностей: *киноработник, кинодеятель, кинолицо, киноколлега, кино-единица, киноэнтузиаст* и др.

Номинация того, кто снимает, производит кино: *кинорежиссёр, киносъёмщик, киноделатель*.

Номинация того, кто занимается кино как бизнесом, для кого сфера киноиндустрии является источником прибыли: *кинобизнесмен, киноделец, киноделяга, киномагнат, кинопредприниматель, кинокоммерсант, киноторговец*.

Номинация того, кто занимается незаконным распространением кинофильмов, незаконным прокатом кино: *киновидеопират, кинопират*.

Номинация того, кто занимает в сфере кино руководящую должность: *кинобосс, киностудия, киностудия, киногенерал, киноруководитель, киношник* и др.

Номинация лица по конкретному виду профессиональной деятельности в сфере кино (помимо номинаций собственно актёров и режиссёров кино): *киноведущий, кинокаскадёр, кинодублёр, киномеханик, киноменеджер, киносценарист, кинопродюсер, кинодизайнер* и др.

Номинация того, кто работает в сфере кино, с указанием на жанровую детализацию кинофильма или в целом направления в сфере кинематографа: *кинодокументалист, кинодраматург, кинопублицист* и др.

Номинация лица по его основному виду деятельности, по основному занятию, которые в конкретной ситуации реализуются в сфере кино: *кинопсихоаналитик, киномыслитель, киноэкстрасенс* и др.

. Пейоративная номинация того, кто снимает кино, пишет сценарии для кинофильмов, в целом имеет отношение к сфере кино: *кинографоман, кинобюрократ, киноремесленник, киноловкач, киношестёрка, киноубийца₂* и др.

Номинация того, кто воспринимает кино, является зрителем: *кинозритель, кинозрительница, киночитатель*.

Номинация того, кто владеет информацией в сфере кино, оценивает кино, судит о кино как профессионал либо считает себя таковым при оценке кино: *киновед, кинокритик, кинорецензент, кинообозреватель*.

Номинация того, кто любит кино, является поклонником и даже фанатом кино как вида искусства: *кинолюбитель, кинолюб, киногурман, киноман₁, кинофан, кинофанат, киновидеолюбитель, кинофотолюбитель* и др.

Среди рассматриваемых лексем обращают на себя внимание сложные номинации лица, один из компонентов которых связан с именем собственным: *киноман₂* (< группа «Кино»), т. е. фанат, особо ревностный поклонник этой музыкальной группы (ср. *киноман₁*, т. е. страстный любитель кино как вида искусства), и *кино-Грей* (< имя собственное *Грей* – герой повести А. Грина «Алые паруса»). Также

в нашем материале представлены омонимы *киноребёнок*₁ со значением ‘ребёнок-артист’ и *киноребёнок*₂ ‘ребёнок из семьи артистов, детство которого проходит на съёмочной площадке’.

Рассматривая ономаσιологические особенности сложных номинаций лица, опираемся на базовые положения работ М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова, посвящённые проблематике описания производных единиц через призму понятия ономаσιологической структуры и её компонентов [3; 5; 7; 8]. В частности, используем предложенную В. И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса [8, с. 232]. Важным также является установленное В. И. Теркуловым принципиальное различие на уровне ономаσιологических моделей между универбализационными и деривационными композитами и разграничение квазикомпозитов (см. [8, с. 186–215]).

Среди рассматриваемых номинаций представлены те, которые можно охарактеризовать как универбализационные композиты, являющиеся результатом чистой композиции метатезного типа: *киноактёр* = актёр кино, *киноартист* = артист кино, *киногерой* = герой кино, *киноработник* = работник кино, *кинорежиссёр* = режиссёр кино, *кинофанат* = фанат кино, *кинолюбитель* = любитель кино, *кинооператор* = оператор кино, *кинозвезда* = звезда кино, *кинобогиня* = богиня кино, *киноклассик* = классик кино, *кинодеятель* = деятель кино, *кинокритик* = критик кино, *кинорецензент* = рецензент кино и др.

В то время как, например, даже такие дериваты, как *киномодель*, *киноребёнок*₁, которые входят вместе с композитами *киноактёр*, *киноартист* в одну семантическую группу, не тождественны по значению словосочетаниям **модель кино*, **ребёнок кино*, а требуют для интерпретации их внутренней формы добавления структурообразующего компонента, построения широкого контекста: *киномодель* = модель, работающая в сфере кино, *киноребёнок*₁ = ребёнок, работающий в сфере кино. Ср. *кинодебютант* = дебютант в сфере (в отрасли) кино; *киноэнтузиаст* = энтузиаст в сфере кино; *кинобизнесмен* = бизнесмен в сфере киноиндустрии; *киномагнат* = магнат в сфере киноиндустрии; *киночиновник* = чиновник в сфере киноиндустрии; *кинопират* = пират в сфере киноиндустрии; *кинофаворит* = фаворит в сфере кино; *киноидол* = идол в сфере кино и др. Также, например, *киноведущий* — это не ведущий кино, а изначально, как отмечается в словаре НРЛ–1991, это ‘тот, кто комментирует фильм,

рассказывает об особенностях киноискусства' (см. [4, с. 208]). В настоящее же время *киноведущий* = *телеведущий*, т. е. 'работник телекомпании, диктор, актёр, который ведёт телевизионные программы, передачи', другими словами, *киноведущий* = *ведущий в сфере кино, телевидения*. Также дополнительный конструктор и даже широкий контекст требуется для интерпретации таких номинаций, как *киносталева* = *актёр, который играет сталева в кино* (в конкретном фильме); *кинохулиган* = *актёр, который играет хулиганов в кино*; *киногурман* = *зритель, который ценит хорошее кино*; *кинографоман* = *режиссёр, который снимает слишком большое количество кинофильмов* и др. Следует отметить, что для композита *киногурман* отмечаются контексты с эквивалентным словосочетанием только в косвенном падеже: *Если ты считаешь себя гурманом кино, Саммит приглашает тебя на сеанс доброго, поучительного и просто замечательного фильма «Раз в неделю»* (<https://www.facebook.com/rzhangyru/photos/a.129937597767550/147513972676579/?type=1&theater>); ... помочь нам подобрать фильмы для тех, кто не считает себя гурманом в кино (<https://afisha.tut.by/news/reviews/470110.html?crnd=12612>).

Анализ семантических структур, контекстов использования ряда номинаций лица с компонентами *кино-*, факт отсутствия эквивалентных (и по структуре, и по семантике) словосочетаний типа *идол кино* для композита *киноидол* и под. позволяют утверждать, что такие номинации, как, например, *киноребёнок₁*, *киноребёнок₂*, *кинохулиган*, *киногенерал*, *киношишка*, *киноэкстрасенс*, *киноловкач*, *киношестёрка*, *киноколлега* и др. можно квалифицировать как квазикомпозиты, которые образуются в результате действия закона аналогии при необходимости компактно обозначить лицо, имеющее отношение к сфере кино, детализируя с помощью компонентов сложных антрополоксем те или иные параметры этого лица. Как отмечает В. И. Теркулов, квазикомпозиты могут быть образованы «по моделям конечной структуры деривационных композитов и по моделям конечной структуры универбализационных композитов» [8, с. 205].

При образовании номинаций типа *кинокудесник*, *киноталант*, *киногрешник*, *кинопират*, *кинокаскадёр*, *киношишка*, *киноарбитр* и под. по всей видимости по закону аналогии происходит присоединение к простому слову иноязычного компонента *кино-*, за счёт которого возникает семантическая соотнесённость таких номинации лица со сферой кино, киноиндустрии, кинематографа.

Вопрос о квалификация иноязычных компонентов типа *кино-* в составе композитов является одним из дискуссионных. Не вдаваясь

в историю вопроса, отметим, что среди разных подходов к определению статуса этих элементов в качестве основных можно назвать характеристику их или как аффиксоидов, полуаффиксов, или как аброморфем, или как корневых морфем.

Компонент **кино-**, как уже отмечалось, в русском языке используется в качестве самостоятельной лексической единицы, а также принимает активное участие в образовании неолексем, в том числе и номинаций лица, относящихся к сфере киноискусства, киноиндустрии, при этом обладая стабильным лексическим значением. Очевидно, при анализе номинаций лица с компонентом **кино-** в их составе статус этого элемента можно определять по-разному: а) **кино-** как корневая морфема для универбализационных композитов (*киноактёр* = *актёр кино*, *кинооператор* = *оператор кино*, *кинофанат* = *фанат кино* и под.); б) **кино-** как аффиксоид для квазикомпозитов с ассоциативной семантикой (*кинофаворит*, *киноидол*, *кинохулиган*, *киноколлега* и под.) (ср. [9]). Другими словами, статус компонента **кино-** базируется не сугубо на критерии его частотности, повторяемости, а определяется прежде всего характером отношений эквивалентности композита и его компонентов в контексте.

Систематизация и анализ фактического материала свидетельствуют, что среди номинаций лица композитного типа с компонентом **кино-** представлены такие основные обобщённые ономаσιологические модели:

1. «Профессия + отрасль»: *киноактёр*, *киноартист*, *киномодель*, *киноребёнок₁*, *кинопродюсер*, *кинорежиссер*, *кинооператор*, *кинодраматург*, *киносценарист*, *кинохудожник*, *киновидеотехник*, *кинобизнесмен*, *кинокоммерсант*, *киноарбитр*, *киноэкстрасенс* и др. Условно к этой модели примыкают номинации типа *киноковбой*, *киносталевар*, *кинохулиган*, *киногерой*, *кино-Грей* и др.

2. «Статус субъекта + сфера реализации этого статуса»: *кинобогиня*, *кинодива*, *кинозвезда*, *кинознаменитость*, *киноидол*, *кинокудесник*, *киноклассик*, *киномагнат*, *киногенерал*, *кинобосс*, *киношишика*, *киношестёрка*, *кино-единица*, *киноколлега*, *киноребёнок₂*, *кинодебютант* и др.

3. «Агент + фактитив/финитив», которую также можно определить как «профессия + объект деятельности»: *киносъёмщик*, *киноделатель*, *киноделец*, *киноделяга* и др.

4. «Агент + аллатив»: *кинопредприниматель*, *киноторговец*, *ки-*

нообозреватель, кинокритик, кинолюбитель, кинолюб, киноvideолю-
битель, кинофотолубитель, кинозритель и др.

5. «Субъект + сфера его пристрастия»: *киноман₁*, *киноман₂*, *кинофан*, *кинофанат* и др. (ср. *кинолюбитель*, *кинолюб*, *киновидеолю-
битель*, *кинофотолубитель*, где номинация лица как деятеля тоже
связана со сферой любви, интереса к чему-то, что заложено в семан-
тике производящего опорного глагола *любить* и в значении зависи-
мого компонента сложного слова – ср. [6, с. 81-82]).

Представить комплексный анализ сложных номинаций лица с
инойязычными компонентами в их составе на более широком матери-
але – следующая задача нашего исследования.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистиче-
ских исследований; сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. –
1536 с.

2. Григоренко О.В. Аффиксоидальные неологизмы-компози́ты со значе-
нием лица в современном русском языке / О.В. Григоренко // Вестник Пятигор-
ского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 4. –
С. 104–108.

3. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроиз-
водства: резюме (на русском языке) / М. Докулил. – Прага, 1962. – 114 с.

4. Новое в русской лексике: Словарные материалы – 91 / РАН, Ин-т линг-
вистических исследований. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 606 с.

5. Кубрякова Е.С. Номина́тивный аспект речевой деятельности / Е.С. Куб-
рякова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.

6. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности /
Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 322 с.

7. Селиванова Е.А. Когнитивная оно́масиология / Е.А. Селиванова. – К.:
Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

8. Теркулов В. И. Композиты русского языка в оно́масиологическом ас-
пекте: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. –
472 с.

9. Теркулов В.И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур
/ В.И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного социально-педа-
гогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.

ОНОМАСИОЛОГИЯ. ЛИНГВОКРЕАТИВ В СФЕРЕ ГОРОДСКОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

ИСТОЧНИКИ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОЭТОНИМОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В.М. Калинин

kalinkin.valeriy@mail.ru

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького»
(Донецк)

Признание самостоятельности поэтонимологии как научной дисциплины, исследующей поэтику собственных имён в художественных произведениях, сегодня уже может быть вынесено “за скобки” филологических дискуссий. Однако остаётся множество вопросов, ответы на которые должны окончательно утвердить специфику объектов и предметов изучения, методов их исследования, способов представления полученных результатов, метаязыка дисциплины, а также обозначить демаркационные параметры научного направления. Грани и границы поэтонимологии с особой отчётливостью выявляются в процессе поиска истоков преобразования собственных имён различных разрядов в средства фигуративности, компоненты тропов, коннотонимию, поэтонимию художественной литературы и, в конечном итоге, в символы и вторичные мифы национальных и мировой культуры. Изучение функционирования собственных имён в разнообразных сферах и областях речи, а в каждой из них в текстах различного назначения, привело к дифференциации и специализации исследовательских усилий, определило составные части поэтонимологии.

Нет необходимости доказывать, что древнейшими текстами, известными человечеству, были мифы, первоначально, естественно, существовавшие в устной традиции, сохранявшиеся и передававшиеся от поколения к поколению не только как способ сохранения знаний о мире, но и как сакральное средство. Мифы “сохранили и донесли до наших дней ростки складывавшегося в сознании носителей языка понимания имени как средоточия содержательной сущности объекта и как инструмента, позволяющего

передать эстетические свойства называемого или определяемого именем предмета” [4, с. 25], поскольку мифологическое сознание в духе архаического реализма воспринимало собственное имя как некую внутреннюю сущность обозначенного им объекта. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский утверждали, что “именно в сфере собственных имен происходит то отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений и признаком которого являются, с одной стороны, всевозможные табу, с другой же – ритуальное изменение собственных имен” [7, с.529]. Со временем, измеряемым не годами и десятилетиями, а тысячелетиями, синкретическое мифологическое сознание претерпело кардинальные перемены и на грандиозной арене “битвы” мировых религий, уступив место христианству, превратилось в совокупность метафорических текстов-легенд, оплодотворивших культуры народов Европы, в первую очередь, древних Греции и Рима. Формирование античного театра способствовало закреплению за образами мифоперсон и их трансформаций символических черт, метафор и олицетворений, развитию синонимии и перифрастических оборотов, в том числе, с использованием собственных имён. Рост гибкости языка стал плодотворным “удобрением” почвы, на которой стала произрастать поэзия.

Ещё одним источником сохранения и развития культуры, закреплению за именем “богатого” содержания были сакральные действия, вне всякого сомнения, предшествовавшие карнавальному и театральному осмыслению мифической обрядовости. Миф и обряд в древних культурах составляли словесное и действенное единство. Сфера сакральных действий, охватывавшая все важнейшие стороны жизни древнего человека, диктовавшая ритуализованные формы поведения, определявшая обряды и церемонии наречения именем, законы их табуирования и эвфемизации, актуализировавшая веру в харизматическую (защитную) силу онимов, способствовала развитию символических и метафорических функций проприальных единиц речи и, что немаловажно, формировала в языковом сознании представление о социально-разграничительных возможностях онимии. Так обстояло дело с развитием онимных пространств человеческой культуры в первоначальный период её развития. Не вдаваясь в подробности научных споров о первенстве или взаимоотношениях мифопоэтической и логико-

научной ветвей культуры, согласимся с наиболее взвешенным представлением: “поэзия, как и наука, сопутствовала человечеству на всём его культурном пути” [7 с. 542].

Обобщение опыта осмысления сущности и свойств собственных имён в сохранившихся до наших дней философских отрывках, пересказах и целостных произведениях античной древности, в получивших развитие в более поздние времена риторических трактатах, теориях и манифестах начального периода развития литератур, дают возможность от гипотетических построений относительно участия собственных имён в формировании культуры поэтического мышления перейти к поиску праистоков, направлений и течений филологической мысли, приведших к зарождению в функциональной ономастике интереса к онимии литературных произведений и, в конечном итоге, появлению поэтонимологии. На эту базу оперлось первое из осмысливших свою самостоятельность направлений поэтонимологической мысли – теория поэтонима.

Наиболее известными трудами с зачатками идей, которые непременно следовало учесть и даже особо отметить теорией поэтонимологии, были некоторые диалоги Платона, в первую очередь «Кратил» [8], и книги Аристотеля «Поэтика» [1] и «Риторика» [2], содержащие отдельные замечания, касающиеся использования имён с эстетическими целями. В них зафиксированы первые рефлексии на имя в мифах, речевой практике, философских трактатах и дискуссиях. И хотя они не остались краеугольными камнями новой теории, их значение имеет непреходящую ценность.

Анализ исторических предпосылок формирования особого статуса собственных имён в языке и культуре стал первым в ряду теоретических поисков в поэтонимологии, ибо без осознания и повсеместного учёта специфики имён, функционирующих в художественной литературе, изучение проприальной лексики оставалось по преимуществу чисто лингвистическим (по слову М. М. Бахтина, “гистологическим”), что в значительной мере сужало поиск, “отсекало” или минимизировало функциональный аспект и лишало поэтономию семантических особенностей и “семиотической привлекательности”. Изучение феноменологии поэтонимов До-

нецкой ономастической школой (ДОШ) началось ещё в конце прошлого века [6]. Над онотологическими аспектами осмысления имени в филологической традиции в последние годы плодотворно работает Н. В. Усова [См. 9, 10 и др. её работы]. В кругу теоретических проблем, помимо ретроспективного рассмотрения генезиса имён в древнейших текстах мифологического и сакрального характера обозначилась проблема семантики собственных имен в специфической области языка художественных произведений.

Теория поэтонима как фундаментальное направление исследований не только первой “оформилась” в поэтонимологии, но и породила специальную отрасль – поэтоимогенез. Она непосредственно примыкает к теории поэтонима, является её продолжением, однако осмыслила свою особенность при решении задач поиска специфических черт поэтонима как функциональной единицы художественной речи, включённой в контексты разного уровня сложности, начиная от элементарных и заканчивая широким контекстом культуры. В последнем случае имеются в виду факторы, влияющие на семантику и поэтику литературных онимов, но не являющиеся структурными элементами художественного произведения. Они, пребывая за “физическими” пределами конкретного текста, могут иметь существенное значение для его свойств как художественного целого. В первую очередь это касается тех онимов, которые уже обладают некоей “исторической памятью”, несут в себе коннотации, связанные с прежними употреблениями в текстах других литературных произведений и поэтому обязательно окружены ореолом *иных* художественных миров. Именно *иномирность*, как правило, является основанием для включения их в создаваемое автором своё (новое) художественное произведение. На этом пути начинается сближение с литературоведческой и теоретико-литературной проблематикой, именуемой интертекстуальностью. Лингвистические и поэтонимологические вопросы взаимодействия онимов с их “культурной памятью”, сосредоточенной в межтекстовом пространстве, и поэтикой данного художественного произведения, к сожалению, остаются за пределами должного внимания филологов, а в последнее время, увы, замещаются малопродуктивным для задач поэтонимологии опытом описания так называемых (с логической точки зрения, ошибочно) “прецедентных” имён. Что касается проблематики, обозначенной

нами термином “поэтонимогенез”, то она в настоящее время уже отчётливо осознаётся как особое направление поэтонимологии, в котором исследуется “поведение” поэтонимов в неминимальных (фрагментальных, сверхфразовых и прочих) контекстах, определяющих приращения в коннотативную сферу имени, а также осуществляется разработка метаязыка и методов описания поэтики собственных имён в контекстах разного уровня протяженности и сложности. Это направление в ДОШ продуктивно и новаторски исследуется Т. А. Ерохиной. В настоящее время к защите представляется её диссертация «Поэтика собственных имён в творчестве М. А. Волошина». Опыт включения поэтики онимов в Жизнь способом изучения последовательно расширяющихся контекстов, начиная с минимальных и заканчивая широчайшим контекстом культуры Серебряного века, с внимательным отношением к “культурным последствиям” творческого преобразования онимии поэтом является попыткой интертекстуальности как феномена семиосферы культуры.

Результатом изучения функционирующих в литературно-художественных текстах поэтонимов, помимо углубления представлений об их семантике и поэтике, стало рождение ещё одного направления исследований. В поле зрения поэтонимологов ДОШ оказался специфический конструкт, сложно организованная система проприальных единиц, в которой компоненты разных уровней в результате взаимодействия в тексте художественного произведения порождают качественно новое с точки зрения семантики и лингвистической поэтики образование – поэтонимосферу. Методики, применённые М. В. Бувеской, не только позволили трактовать поэтонимосферу как целостность, но и выявить полиструктурные свойства и иерархические отношения между компонентами, доказать, что главным её свойством является системность, что “конечным итогом взаимодействия между элементами поэтонимосферы являются интегрированные цепи-связи и отношения, которые представляют собой результат синергии семантики фрагментов контекста с поэтонимами <...>, а также конгенерации поэтики соответствующих элементов художественного целого” [3, с.251].

Заслуживает представления и направление, уже существовавшее как потенциальная энергия еще испытывавшей “родовые

муки” поэтонимологии – поэтонимография. Уже более 20 лет оно формирует теорию и совершенствует практику составления словарей собственных имен художественных произведений. Предопределено его появление двумя обстоятельствами: 1) принципиальным мнением основателя ДОШ Е. С. Отина о том, что словарь является главным, единственным и лучшим отчётом ономаста о проделанной работе и 2) сложившимся в филологии XX века отношением к собственным именам в художественной литературе как к “маргинальному” ономастическому материалу, достойному разве что послетекстовых комментариев или подстраничных сносок. О пренебрежении поэтонимией я писал в [6] и возвращался к этому вопросу неоднократно. Сегодня можно утверждать, что в этом отношении вопреки всему сделано уже немало. Накоплен некоторый опыт составления разнообразных словарей поэтонимов. Наиболее же серьёзный вклад в развитие поэтонимографии в последние несколько лет внесла К. С. Федотова. В конце 2016 года она опубликовала монографию [11], а в 2018 г. защитила диссертацию «Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилёва)».

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1013–1112. (Классическая философская мысль). – 1392 с.
2. Аристотель. Риторика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С.739–1012. (Классическая философская мысль). – 1392 с.
3. Бувевская М. В. Поэтонимосфера художественного текста / М. В. Бувевская. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 288 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
5. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
6. Калинин В. М. Феноменология поэтонима сквозь призму «Философии имени» А. Ф. Лосева / В. М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск шестой. Сборник научных трудов. – Донецк: Донеччина, 2000. – С.11–28.
7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.–Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – С.525–542.

8. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. – Т.1. – М.: АН СССР. Изд-во “Мысль”, 1990. – С.613–681.
9. Усова Н. В. Осмысление онтологии имени в филологической традиции / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск пятнадцатый. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – С.66-75.
10. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры: монография /Н. В. Усова. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 385 с.
11. Федотова К. С. Собственное имя в поэзии Николая Гумилёва: Материалы к словарю языка писателя. – Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 216 с.

ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОНОМАСИОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

Т.В. Калугина

tvkalug@mail.ru

ГБОУВО РК «Крымский
инженерно-педагогический университет»
(Симферополь)

В XXI в. происходит всплеск интереса к «наблюдательной» лингвистике и повторное открытие ономазиологии, что определяется высокой практической значимостью ономазиологических исследований при создании электронных словарей и систем перевода. Для методики преподавания русского языка как иностранного и как неродного ономазиологический подход также является более актуальным, чем семасиологический, так как показывает основы формирования мысли и отражает динамический аспект реализации языковых единиц. На это в первую очередь обратили внимание именно методисты РКИ: «Прежде чем объяснить, как образуется форма грамматического явления, надо обратить внимание на его значение, т. е. идти от значения (смысла) к форме» [1; с. 131].

Д. Хэйраартс обратил внимание на 5 основных различий в современных ономазиологических исследованиях: между структурной и прагматической ономазиологией; между количественным и качественным аспектами лексических структур; между референциальными и нереференциальными типами значения; между лек-

сикогенетическими механизмами и социолексикологическими механизмами; между синхронной и диахронной ономаσιологией [16, перевод – Т. К.].

Цель статьи – определить перспективные подходы к развитию ономаσιологии в XXI веке. В связи с этим необходимо описать подходы к ономаσιологическим исследованиям, применявшиеся на различных этапах развития науки.

Заявив о себе в 1903 году в работах А. Цаунера при описании частей тела в романских языках, ономаσιология выделилась в самостоятельное направление в рамках традиционного словоцентричного подхода. Методология исследования заключалась в том, что за исходный пункт бралось понятие, а далее устанавливалось, какое обозначение, наименование имеет язык для выражения данного понятия. Основной задачей представлялось научно обосновать, почему язык употребляет то или иное название для обозначения того или иного понятия [17, р. 349].

На развитие ономаσιологии оказали влияние традиции лексической семантики: доструктуралистской семантики, 1870–1930 гг. (Г. Пауль, М. Бреаль, А. Дармстетер, В. Вундт); структуралистской семантики, 1930–1960 гг. (Й. Трир, Л. Вайсгербер, Э. Косериу, Дж. Лайонз); генеративистской и неогенеративистской семантики, 60-е гг. (Дж. Дж. Катц, М. Бирвиш, Дж. Лич, Дж. Пустейовский); когнитивной семантики, 80-е гг. (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми).

Современная трактовка ономаσιологии опирается на «Тезисы Пражского лингвистического кружка» (1967) и монографию «Языковая номинация. Общие вопросы» (1977). С конца 60-х годов XX века ономаσιология подразделяется на семантико-структурную и функциональную. Ш. Балли предложил брать за исходную точку логические категории и отношения, которые живут в сознании всех носителей данного языка, с целью определить средства, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих для выражения каждого из этих понятий, категорий и отношений [2, с. 296]. В активной грамматике Л.В. Щербы рассматривается, как отражается определенный «кусочек действительности» [14, с. 184].

Вместе с переходом от словоцентристской к антропоцентрической модели в работах В. Н. Никитевича и В.Н. Мигирова были сделаны попытки осознать объем и типы расчлененных единиц

именования. В. Н. Мигирин выделил несколько типов номинации: 1) прямую и косвенную; 2) узуальную и окказиональную; 3) лексическую, синтагматическую и фразовую [6, с. 190–200]. В предложенной В. Н. Мигириным отображающей грамматике одним из важнейших положений является то, что язык отображает явления действительности в особых знаках, кодируя эти явления (слово), категоризируя (форма слов) и моделируя их (предложение, текст). Это приводит к мысли о том, что изучать языковые явления целесообразно в направлении от содержания к форме.

Важным этапом была теория языковых смыслов Наталии Юльевны Шведовой [12; 13]. По теории Н. Ю. Шведовой, смысловая система языка существует как иерархическая, сужающаяся организация: «... Во главе ее стоят самые общие понятия – смысловые исходы; из этих исходов вычленяются (ими порождаются и ими же интегрируются) частные смысловые категории» [12, с. 34].

Собственную теорию языковых смыслов создала Е.Н. Сидоренко, которая предложила классификацию языковых смыслов и единиц именования в монографии «Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения» (Симферополь, 2008) [8].

Ономаσιология тесно связана с теорией номинации. Коммуникация и номинация являются двумя сторонами одного и того же процесса, суть же языковой номинации заключается в том, что в процессе коммуникации мы определяем пути перехода от замысла речи с ее развивающим содержанием к языковым формам реализации речи, речевому произведению, дискурсу, тексту [5, с. 35]. На основе теории номинации устанавливается отношение знаков к объективной действительности, дается прогноз о возможных путях перехода от заданных значений к их выражению равноуровневыми средствами [11, с. 113].

В связи с развитием когнитологии произошло выделение отдельного когнитивно-ономаσιологического направления. В России такие исследования выявляют закономерности отображения в ономаσιологических структурах пропозициональной информации (Е.С. Кубрякова). В работах С. А. Жаботинской ономаσιологические структуры рассматриваются как концептуальные схемы, элементы которых наделены обобщенным (схематическим) значением, соответствующим категориям мышления [4].

В исследованиях Е. И. Селивановой объектом ономаσιологии является номинативная подсистема языка и ее тексто-дискурсивные продукты, анализ которых обеспечивает интерлингвистическую направленность данной отрасли [7, с. 11].

М. А. Бородина и В. Г. Гак отмечали, что ономаσιологические исследования выводят нас к исследованию лексической группы слов, близких по значению. Подобные группы слов, как известно, часто называют лексико-семантическими полями (ЛСП) [3, с. 83].

В деривационной ономаσιологии (С. М. Васильченко, О. А. Габинская, А. А. Исаева, З. Е. Коротких, М. С. Малеева, И. С. Торощев, И. А. Устименко) объектом изучения является словопроизводственный процесс воплощения идеального содержания, типичного для лексических единиц, в языковой материи, характерной для лексических единиц [10, с. 12].

Несмотря на то, что изучение ономаσιологии в основном проводится в синхронном плане, в конце XX века началось формирование диахронной ономаσιологии. К западноевропейской школе когнитивной диахронной ономаσιологии относятся работы бельгийского исследователя Д. Хэйраартса, немецких ученых П. Коха и А. Бланка. По их мнению, объединение диахронной лексикологии с ономаσιологией и использование ее для более чем одного языка даст возможность показать эмпирически, какие представления свойственны одному языковому сообществу, а какие можно считать универсальными и такими, которые отвечают биологической настройке человека на восприятие мира [15, с. 11].

«Историческая ономаσιология пока не получила широкого распространения, она только начинает развиваться как одно из направлений теории языковой номинации» [9]. Продуктивность диахронного подхода к описанию производных предметных наименований старорусского делового языка показала Т. Г. Трофимович, которая установила, что выделяется пять основных типов единиц, сгруппированных по характеру ономаσιологического признака: акциональный, объектный, нумерально темпоральный, посессивный, локативный [9].

С точки зрения «наблюдательной» лингвистики, важную роль в эмпирическом исследовании словообразования, семантики и прагматики играет понятие «единицы именованя». Смысловая категория, по мнению Н. Ю. Шведовой, формализуется лексикой,

падежными формами, предложно-падежными сочетаниями, целыми синтаксическими конструкциями, текстовыми последовательностями, идиоматикой [12; с. 35].

В современном функциональном анализе английского языка термин «единица именованя» и аббревиатура NU(ЕИ) заменяют термины «слово», «лексема», «лексическая единица», «сложное слово» и «словосочетание».

Таким образом, современный период ономазиологии характеризуется переходом от изучения номинативной функции только имен существительных к рассмотрению всех полнозначных частей речи, от отдельных полнозначных знаков – к комбинаторике знаков и их соединению в границах единиц различной структуры, от изучения процесса образования новых названий – к анализу обозначения целых ситуаций и к рассмотрению единиц, которые характеризуются предикативностью.

Можно сделать вывод о том, что современные ономазиологические исследования представлены широким спектром направлений в рамках антропоцентрической научной парадигмы – когнитивным, функциональным, структурно-семантическим. Перспективным как для синхронной, так и для диахронной ономазиологии является переход от исследований на отдельных уровнях – деривационном, лексическом, морфологическом и синтаксическом – к интеграционному исследованию ономазиологических единиц в ономазиологических рядах с полной характеристикой набора дифференциальных признаков, формирующих понятие.

Литература

1. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. Курсы, 2008. – 256 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностран. лит., 1961. – 394 с.
3. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований: (на материале лексики французского языка) / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1979. – 232 с.
4. Жаботинская С. А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С. А. Жаботинская // С любовью к языку. Сборник научн. трудов. – М.–Воронеж: Ин-т языкознания РАН, Воронежский ГУ, 2002. – С. 115–123.

5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 157 с.
6. Мигириин В. Н. Язык как система категорий отображения / В. Н. Мигириин. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 237 с.
7. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология : [монография] / Е. А. Селиванова. – К.: Изд-во укр. фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
8. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения : [монография] / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымчпедгиз, 2008. – 128 с.
9. Трофимович Т. Г. Типы производных предметных наименований в языке старорусской деловой письменности : [монография] / Т. Г. Трофимович. – Минск : УИЦ БГПУ, 2003. – 212 с.
10. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании: пособие к спецкурсу «Актуальные проблемы современного словообразования» / И. А. Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
11. Хомяк Н. В. Онтологические свойства языка / Н. В. Хомяк // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. Філологічні науки. Ч.І. – 2011. – № 9 (220). – С. 108–114.
12. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
13. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 120 с.; табл. 10.
14. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Известия Академии наук СССР, 1945. – Т. IV. – Вып. 5. – С. 173–186.
15. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition / ed. by A. Blank, P. Koch. – Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 61–90.
16. Geeraerts D. The scope of diachronic onomasiology. In Vilmos Agel, Andreas Gardt, Ulrice Hass-Zumkehr & Thorsten Roelcke (red.) / Dirc Geeraerts // Das Wort. Seine structurelle und kulturelle Dimension. Festschrift für Oskar Reichmann zum 65. – Tübingen, : Niemeyer, 2002. – P. 29–44. – Режим доступа : www.ling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPublications/02Thescopeofdiachronic.pdf. (Дата обращения: 26.02.2019).
17. Zauner A. Die romanischen Namen der Körperteile. Eine onomasiologische Studio. PhD Thesis, Universität Erlangen / A. Zauner // Romanische Forschungen, XIV, 2. – Berlin, 1903. – P. 339–530.

ГЕНЕЗИС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

В.И. Мозговой

towi48@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Вопрос о происхождении собственных имён (СИ) давно стал риторическим, ответ на который общество не получило до сих пор.

На начальном этапе под ним подразумевалось время их появления. Понимая, что определить это невозможно, философы обосновали теорию о божественном происхождении номинаций, внедряя в сознание обывателя понятие ономатета (от [др.-греч. ὀνοματοθέτης](#) – «творец наименований»). Представление о нём ввёл Пифагор, полагающий, что только Бог или Учитель мог дать предметам имена, которые неразрывно связаны с ними и даже могут заменять друг друга.

На втором этапе тема происхождения СИ заинтересовала учёных, подменивших её историей их изучения, сопровождающейся поиском статуса [1; 3], значения [7] или описанием грамматических форм и функций в языке и речи [5; 6]. Не отрицая ценность подобных исследований, заметим, что в таком случае СИ возникли якобы из имён существительных, когда на них обратили внимание стоики, т. е. в III в. до н. э. [10]. В такой трактовке главным казался вопрос, от каких слов они образованы и как их классифицировать, учитывая структуру, значение, этиологию или этимологию [2]. Разумеется, что результаты исследований напрямую зависели от ситуативных интересов учёных в конкретный момент времени. Это вполне объяснимо, учитывая психологию человека, направленную на собственное существование. Глубинная сущность открывается потом, когда номинативная нестабильность повторяется в разных социальных контекстах и становится нежелательной.

Вариативность появляющихся в этом случае ответов указывает на недостатки самого акта номинации, который всё настойчивее даёт о себе знать в современном номинативном процессе. «Одним из главных парадоксов, определяющих судьбу новейшей ономастики, является, с одной стороны, рост её популярности, связанный с поиском национального «я» в условиях глобализации, а с другой, пренебрежение номинаторов (собственников) к традици-

онным способам именованию объектов и нормам функционирования собственных имён» [4, с. 59]. В поисках истоков происхождения СИ существенным поэтому является не факт его «рождения» или лицо, давшее имя, а социальные условия, в которых созревают определённые способы именования, стимулирующие, в свою очередь, новый виток структуризации общества. **Этот взаимообусловленный и обоюдонаправленный процесс предопределяет деление онимной истории на три этапа: доисторический (дописьменный), исторический (письменный) и постъязыковой (правовой).**

Условность такой периодизации определяется сознанием человека, представляющего древний мир абстрактно. Настолько абстрактно, что три миллиона лет, которые отделяют доисторический этап от исторического (т. е. около 5 тыс. лет назад), кажутся ему равнозначными. Между тем в разных социальных ситуациях не может быть одинаковых дат появления того или иного разряда СИ. Они несопоставимы, но тем не менее нивелируются стандартами регионов, которые, не соответствуя мировым, могут быть более объективными. Это убедительно доказывает история номинативного сознания на территории древней восточнославянской общности, опыт которой ценен не только для анализа русского онимного процесса, но и для характеристики первобытных племён, встречающихся в виде анклавов в современной цивилизации. Первобытное общество в таком контексте отнюдь не синоним дикости. Скорее, это символ первичности, в которой просматриваются все метаморфозы с СИ, учитывая диалектику осмысления, освоения и присвоения конкретных предметов окружающей человека действительности.

1. Ситуативное выделение конкретного субъекта первобытной общности невербальными средствами. Первичное существование человека было связано со структуризацией семьи, проживающей в ситуации «первобытного коммунизма» на ограниченной территории и не превышающей численности десяти человек. В донеандертальской культуре такие общности возникли около двух млн. лет назад, когда их существование диктовалось необходимостью в добыче пищи и защиты от агрессивной внешней среды. Минимизация потребностей и отсутствие собственно-

сти рождала примитивную форму общения на довербальном (концептуальном) уровне [9, с. 340], в котором конкретный язык не имел значения: он мог меняться при миграции и ассимиляции с другими сообществами.

В роли объекта для коммуникации выступал собственный опыт для обучения трудовым навыкам членов семьи, сопровождающийся жестами и междометным звукорядом, с помощью которых копировались и превращались в узаконенный ритуал образцы для подражания. Для первобытного человека мир в сегодняшнем понимании не существовал, как не существует он у младенца, выхватывающего новорождённым сознанием только необходимую для выживания абстракцию, попадающую в поле зрительного и чувственного восприятия. Но, не выделяя неведомое, он признаёт её как NOMEN ABSOLUTE.

2. Устноречевое выделение объектов при актуализации человека и природы в условиях разноязычных родоплеменных отношений. Диалогический характер их взаимодействия предполагал использование более совершенных форм привлечения внимания: первичная уникальность предметов и явлений «очеловеченной» природы стремилась к её вербализации в именах-символах (NOMEN UNICUM). В ограниченном ареале они создавали общую картину древнего мира с расширением нарицательных имён (*гора, река, поле, лес*) до уровня ситуативно собственных: осет. *Don* «река»; серболуж. *Rěka*, нем. *Fluß*; шведск. *Sund* «залив»; норв. *г. Bergen* (нем. *Berg* «гора»); укр. *Полонина* (сербохорв. *sljète* «вершина горы»).

При начинающихся позже языковых контактах и неизбежной миграции населения (V – X вв.) оставшиеся от прежних языковых носителей слова-термины воспринимались уже как топонимы, имеющие вполне определённые денотаты. Кажущаяся примитивность социализации запустила механизм совершенствования структуры человеческого самоутверждения – от семьи, стада до рода и племени.

На территории Дикого поля, например, первичные коллективы сформировались 150 тыс. лет назад, но сразу же достигли уровня рода и общины. Процесс структуризации ускорил неолитическую революцию, которая состоялась здесь 10 – 15 тыс. лет назад. В это время появляются зачатки религиозных верований,

связанных с охотой, культом зверя и природой. Тотемизм становится обрядовой основой кочевых племён, имеющих уже свои названия (*киммерийцы, скифы, сарматы, гунны*). Связь между ними мотивирует диалектический симбиоз тюрков и славян, полувоенного, полупромышленного и сельского уклада их жизни. Первобытная ячейка, сплотившаяся на основе общественной собственности, достигает уровня общины численностью до 30-ти и более человек.

3. Языческая антропонимизация мира у славян. Протогосударственные союзы восточнославянских племён, названные впоследствии Русью, возникли при общем осознании языческой культуры, требующей закрепления традиций в новых формулах именования:

1) В этнонимизации племенных союзов и территорий, активно распространившейся в VI в. и зафиксированной позже в «Повести временных лет» в качестве основы будущей хоронимии: *анты, славяне, руси, меря, мурома, весь, морьдва, угре, литва, варяги, свеи, немцы, бужане* (от р. Буг), *полочане* (от р. Полота), *поморяне* – от Балтийское море), *моравляне* (от р. Морава), *радимичи, вятичи, кривичи* (от основателей рода), *дреговичи* («жители болот, дрегвы»), *поляне* («жители полей»), *деревяне* («жители лесов, деревья») и т. п.

2) В антропонимизации окружающего мира. Психология обожествления природы сопровождала любого «язычника», так или иначе присутствуя практически во всех сюжетах онимной практики:

а) в условной «гидронимии»: *Вольга, Волховъ* (от «влага»); *Дунай, Днепр, Днестр* (от осет. *don* – «река, вода»); *Илмерь* (фин. *Ilmajärvi* «небольшое озеро»); *Припять* («при реке»); *Семь* (авест. *Suāta* «тёмная река»); *Сула* (норв. *søula* «ил, топь»);

б) в названиях древних русских городов от имён основателей или гидронимов: *Киев, Новгород, Изборск, Полоцк, Ростов, Муром, Ладога, Белоозеро, Смоленск, Любеч, Житомир, Псков, Переяславль, Чернигов, Пересечен, Углич, Вышгород, Искоростень, Витебск, Перемышль, Мстиславль, Ростиславль.*

3) В теонимизации природы. Славянское язычество использовало формы, основанные на мифологии и магии, смысл которых

охватывал онимную действительность и после принятия христианства. Зародившись более полутора тысячи лет назад, оно свидетельствовало о переходе общества из первобытного состояния в феодальное. При этом язычество не повторяло традиций греческой мифологии, «переболев» характерной для неё болезнью соподчинения.

Во-первых, иерархия между богами славянского Олимпа устанавливалась не по уровню их «властных полномочий», а на основе сужения функций: *Перун* – бог неба, огня, грома, молний и дождя, который карает и греет, уничтожает и дает жизнь; *Сварог* – бог небесного простора и земной тверди со своими спутниками Солнцем и огнем; *Дажьбог Сварожич* (сын Сварога) – бог Солнца, бог домашнего тепла и огня; *Хорс* – бог Солнца в его вечном круговороте.

Во-вторых, в основе ритуальных действий был заложен языческий культ природы и предков. Их неизменным атрибутом являлся огонь – символ вечности и изменчивости, который присутствовал во всех языческих обрядах: прыжках через огонь на *Ярила* и *Купала*, сожжении *Кострубоньки* на второй день после праздника (похоронные мотивы), а на *Ярила* – встреча солнечного луча как символа жизни и т. п.

В-третьих, религия славян не была остановлена христианством. Она вплелась в каноны православия, связанные с празднованием Троицы, Спаса и с ритуалом языческих по своей сути обрядов.

В-четвёртых, язычество по сравнению с религиями других народов, где обязательным атрибутом были жертвоприношения, дворцы и жрецы, отличалось на Руси своей простотой и доступностью. Жрецом у славян был сначала старший рода, а затем князь. Достаточно было ему установить идолов на природе, и всё было готово для выполнения обрядов. Этим воспользовался князь Владимир, учредивший «официальный» языческий пантеон и подготовивший почву для христианизации: *Перун* – громовержец, покровитель князя и дружины (сменился Ильёй-пророком); *Хорс* – олицетворённое солнце; *Дажьбог* – замыкает зиму и отмыкает весну, покровитель свадеб; *предок* русских людей от князя до земледельца; *Стрибог* – божество ветра; *Семаргл* – вестник между

небесным и земным миром; *Мокошь* – покровительница прядения (сменилась *Параскевой-Пятницей*).

Это был сознательный государственный акт, укрепивший единство восточных славян, но подчёркивающий их особое мировосприятие. Характерно, что этот акт совершили «норманны», принявшие язычество и ставшие его апологетами: они устанавливали уже русский, а не норманнский вектор Русского государства. Их культовая философия совпала поэтому со стратегией развития восточнославянского общества, построенного на принципах социальности («мир», вече, община), свободы (отсутствие рабства и притеснения других народов и религий) и коллективной морали.

4. В формировании традиций социальной и сословной вариативности имён. Суть славянского многобожия объективно была перенесена в языческий народный именослов, дополнивший его структуру «светской традицией». Причины вариативности обычно связывают с отсутствием реестра языческих имён. Однако это правда лишь отчасти. **Анархию в языческом имянаречении разрушило право обычая как основы будущей русской государственности:**

а) тотемно-предметное, перенесшее первобытные коннотации, связанные с природой, животными или растениями, на имя человека: *Мороз, Ворон, Буран, Волк, Плющ, Борщ* (позже они превратились в фамилии *Морозов, Буранов, Волков, Плющин, Борщов* и т. п.);

б) индивидуально-оценочное, подчёркивающее качества человека, тщательно скрывающиеся от чужих людей: *Улыба, Будилко, Любим, Храбр, Добр, Ждан, Любава, Малуша, Голуба, Стоян, Умник, Хитр* (имена варьировались в зависимости от ситуации и социального контекста: *Добрыня, Голуба* для семьи, а для мира *Некрас, Ленея*);

в) семейно-иерархическое, фиксирующее порядок рождения ребёнка (*Первушка, Третьяк, Семко, Девятой, Меньшак*), которое, оторвавшись позже от значения слов, стало основой официальных фамилий *Первушин, Третьяков, Семк`о, Девятко, Меньшов* и т. п.

г) культовое – для почитания языческих божеств *Ярило, Влас, Лада, Кощей, Леля*. При этом были табуированными имена из языческого пантеона князя Владимира: *Перун, Даждьбог, Стрибог, Мокошь, Хорс, Семаргл* (возможно, ещё *Сварог* и *Род*).

Таким образом, культура имянаречения у древних славян естественным образом вплелась в канву языческой полифоничности природы. Это отразилось на функциональной вариативности богов и на социальной основе личных имён. В этом смысле процессы, происходящие в обожествлении «очеловеченной» природы славянами, отличались от первобытного мышления племен индейцев. Имена у древних славян принадлежали не собственнику, а номинаторам, т. е. семье, природе, волхвам или общине. Они не могли быть собственными потому, что в славянской общине собственности в современном её понимании не существовало. Скорее, имя представлялось природой конкретного человека, которая могла меняться.

Во-первых, потому что сущность родившегося человека поразному оценивалась членами общины (они пользовались именами-оберегами, типа *Безнос, Беспят, Крив*) и семьёй, нарекающей ребенка тайными и известными только ей именами: *Орел, Лебедь, Любава, Ждан, Хорошайло, Боян, Храбр*.

Во-вторых, у славян использовалось, как минимум, два имени. Первым нарекали ребёнка в младенчестве для защиты от злых духов, (*Найдён, Беспят, Ненаш, Безрод, Подкид, Неупокой, Мёртвый, Продан, Дурак, Худаш* – впоследствии они стали фамилиями *Найдёнов, Беспяткин, Ненашев, Безродный, Подкидышев, Неупокоев, Мертваго, Проданец, Дураков, Худашев*), а вторым пользовались после обряда посвящения, примерно с семи лет, с учётом «позитивной перспективы» ребёнка: *Лев, Смел, Вера, Любовь, Веселин, Семил, Горазд* и т. п.

Впрочем, вариативность на заключительном этапе язычества имела уже абсолютно другой смысл. Княжеский именовослов подчёркивал значимые социально-нравственные признаки, являясь средством сословного выделения. Имена *Ратибор, Добромysl, Гостомysl, Богдан, Огневед, Мирослав, Владимир, Вячеслав* и т. п. давались уже не стихийно, в семье, а волхвами с учётом «заслуг»

их обладателей. Они при этом не скрывались, а наоборот, выпячивались, что свидетельствовало о возможном переходе в состав календарных, используемых в качестве своеобразных фамилий. Их повторяемость и элитность предполагала чёткое разделение на три разряда:

1. Двусоставные языческие имена: первая основа которых устанавливала степень «элитности» (*свят-, влад-, яр-, остр-, суд-, все-, буд-, меч-* и др.), а вторая – предполагала оценку его обладателя при помощи повторяемых морфем *-слав, -полк, -мир, -волод, -мудр, -зар, -бор, -люб, -дан*: *Святослав, Мирослав, Ярополк, Владимир, Мечислав, Судиполк*. О том, что это были особые имена, свидетельствовали их усечённые конструкции, типа *Святоша, Добрыня, Тишило, Ратиша, Путята, Ярилка* и т. п.

2. «Обрусевшие» скандинавские имена: *Олег* (сканд. *Хельг* – «святой, священный»), *Ольга* (сканд. *Хельга* – «святая»), *Игорь* (сканд. *Ингвар* – «защитник, охранник бога Ингве»), *Глеб* (сканд. *Гудлейфр* – «потомок бога»). Ими подчёркивали особую кастовость, но вписанную в русскую культуру, исключаящую «варяжские» корни.

3. Отчества для женищин княжеского сословия, которые приближали их к черте правовой фиксации рода. Дело в том, что для них официальные имена были условностью: «В лето 6488 (980). Владимир же бе побежден похотию женскою... От нея же роди 4 сыны, *Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода* (все имеют имена – *В. М.*), и дщери две (имён нет – *В. М.*). [8, с. 24]. Вот почему, чтобы подчеркнуть их княжеское происхождение и обеспечить заключение брака с «царственными» особами, «простые» женские имена дополнялись отчествами (вспомните «*Плач Ярославны*»).

Выводы. К концу X в. на территории Руси сформировались внешние и внутренние предпосылки для её позиционирования как государства. Внешние были связаны с тем, что с племенами под названием *Русь* стали считаться в Константинополе и на Востоке, а внутренние были отмечены одинаково понимаемой языческой культурой, которая формировала чувство равенства и общинный характер хозяйствования, но приводила к делению общества на классы.

Об этом свидетельствовало появление сословно-вариативных форм СИ, которые создали условия для их превращения в официально-календарные. С них после внедрения христианства начался исторический этап развития Русского государства, права и ономо-сферы.

Литература

1. Зубко, А. М. Українська ономастика: здобутки та проблеми / А. М. Зубко. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – 2007. № 15. – С. 262–281.
2. Мозговой, В. И. Типологія власних назв у мові і мовленні: проблеми і перспективи / В. И. Мозговий. // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского: Научный журнал. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). № 2. Часть 1. – Симферополь, 2010. – С.133–138.
3. Мозговой, В. И. Главная проблема правовой ономастики / В. И. Мозговой. // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность : VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 189–198.
4. Мозговой, В. И. О судьбе ономастики в связи с процессами трансформации собственных имен в условные номинации / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 59–64.
5. Ономастика и грамматика: Сб. статей. / Отв. ред. Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1981. – 272 с.
6. Отин, Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и её отражение в словаре коннотонимов / Е. С. Отин // Этимология, 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубочёв. – М. : Наука, 1986. – С. 186–191.
7. Плешков, Е. С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема / Е. С. Плешков. // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. Т. 14. № 3. – С. 71–75.
8. Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Л. : Наука, 1977. – 249 с.
9. Стернин, И. А., Розенфельд, И. Я. Слово и образ : монография; 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 398 с.
10. Столяров, А. А. Стоя и стоицизм / А. А. Столяров. – М. : Ками Групп, 1995. – 445 с.

АНАЛИЗ ФАНТАЗИЙНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов

timur@radbil.ru; sudexpert2011@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

В работе рассматривается проблема лингвистического экспертного исследования так называемых фантазийных наименований в роли словесных обозначений товарных знаков.

Для современного состояния теории и практики речеведческих экспертиз отмечается существенное расширение объектов лингвистического экспертного исследования. В частности, сегодня формируется особое направление судебной лингвистической экспертологии, связанное с вопросами правоприменения в сфере арбитражного и патентного законодательства по вопросам юридической защиты товарных знаков. Как показала современная отечественная правоприменительная практика, значительную роль в выявлении и экспертной квалификации фактов, имеющих доказательственное значение в этой области, играет заключение специалиста-лингвиста.

Товарный знак – это особый символ товарной собственности, обозначающий, кому принадлежит исключительное право распоряжаться данным товаром, получать прибыль и нести убытки за поставку некачественного товара [11]. При этом обозначение может считаться товарным знаком лишь тогда, когда оно в установленном порядке зарегистрировано. Товарные знаки могут быть словесными, изобразительными, объемными, комбинированными и др. Они представляют собой оригинальные названия или слова, художественные композиции и рисунки в сочетании с буквами, цифрами, словами или без них и т. п. [4]. Товарные знаки изучает недавно сложившееся интердисциплинарное научное и практическое направление под названием **нейминг** – теория и практика создания и разработки названия для товарных знаков, торговых марок и т. п. [1].

Во избежание нарушения указанных в Статье 1483 Части 4 Гражданского кодекса РФ требований к товарному знаку, чтобы

название не порождало определенных ассоциаций к определенному товару (не содержало характеристики конкретного товара или услуги) или чужой торговой марке (не воспринималось как тождественное или сходное до степени смешения с другим знаком), рекламисты и товаропроизводители прибегают к созданию так называемых **«фантазийных» наименований**. Это придуманное наименование, слово или группа слов, которые созданы по несуществующим в системе языка моделям образования или с нарушением существующих моделей; данные наименования могут выступать в роли товарных знаков, торговых марок и пр. [1]. Создание подобных наименований подчиняется в принципе общим закономерностям неологии и вписывается в основные модели активных процессов, происходящих в национальном языке [5].

Экспертный лингвистический анализ подобных наименований имеет свою специфику, потому что данные словесные обозначения не имеют узуальной языковой семантики, но тем не менее порождают определенные смысловые ассоциации у потребителя (иными словами, мы в этой ситуации сталкиваемся с необходимостью анализировать непрямую, имплицитную информацию ассоциативной природы). Однако современная лингвистическая экспертиза выработала определенные исследовательские механизмы выявления и квалификации указанной имплицитной информации – см., например, работы [8; 10], которые сегодня успешно применяются и в экспертизе словесных обозначений товарных знаков.

В основном на разрешение эксперта-лингвиста в экспертизе словесных обозначений товарного знака ставится три класса вопросов:

1. выяснение признаков наличия / отсутствия тождества или сходства до степени смешения анализируемого словесного обозначения с каким-либо иным словесным обозначением ранее зарегистрированного другого товарного знака;

2. выяснение потенциала охраняемости (охраноспособности) данного словесного обозначения в плане наличия / отсутствия различительной способности, т. е. его возможного совпадения с какой-либо разновидностью общеупотребительного термина, сложившегося и общепринятого наименования какого-либо продукта и / или услуги (т. е. магазин нельзя назвать «Магазин»);

3. выяснение наличия / отсутствия, в соответствии с принятым законодательством, элементов, характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта (т.е. коньяк нельзя назвать «Коньяк»).

По сути, эти вопросы являются лингвистической интерпретацией требований к товарному знаку, изложенных в новой редакции «Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков» (прин. на осн. Приказа Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 842).

Для разрешения этих вопросов применительно к экспертному анализу именно фантазийных наименований используется довольно сложный научный инструментарий. Его сложность обусловлена комплексным характером применяемой экспертной методики и технологии. Лингвистический аспект для решения данного вопроса имеет первостепенное значение, так как наличие / отсутствие тождества словесных обозначений или их сходства до степени смешения, совпадения с общеупотребительными наименованиями или указания на характеристику конкретного товара является комплексной проблемой, решаемой посредством выявления наличия или отсутствия общих существенных **фонетических, графических и семантических признаков** у сравниваемых обозначений. Иногда дополнительно используется и **стилистический анализ** для выявления оценочности, наличия экспрессии, применения средств языковой выразительности или языковой игры в целях повышения привлекательности обозначаемого товара в глазах потребителя.

Правоприменительная практика последних лет по делам, связанным с определением тождества товарных знаков до степени смешения, согласно положениям, изложенным в работе [12], предполагает в экспертном заключении лингвиста учитывать и **прагматический** критерий того, как влияет внеязыковая информация, связанная с типом использования продукта, сферой его употребления и пр., на восприятие товарного знака аудиторией в целом и его опорных компонентов в частности. Именно данные лингвопрагма-

тического анализа позволяют решить вопрос о возможном функционировании словесного обозначения или его элементов в речевой практике социума и, соответственно, в зоне адресата – потенциального потребителя в качестве сложившегося и общепринятого наименования какого-либо продукта и / или услуги, не ассоциирующегося с продукцией и / или услугами какой-либо организации, что способствует квалификации указанных явлений в качестве общеупотребительных, и следовательно, имеющих слабый потенциал для возможной дифференциации именно данной организации, для формирования отличительных языковых признаков словесного обозначения в сфере потенциальной охраняемости / не-охраняемости данного словесного обозначения.

В случае с фантазийными наименованиями мы не можем применять стандартный лексико-семантический анализ, поэтому нам приходится анализировать семантический потенциал других уровней языкового выражения, в частности, использовать этимологический, словообразовательный и грамматический анализ. Кроме того, при использовании в нейминге иноязычных компонентов, в том числе интернационального характера, может понадобиться исследовательский инструментарий сопоставительной лингвистики [2]. Иногда также требуется установить культурные фоновые знания, стоящие за наименованием: в этих случаях необходим научный аппарат концептуального анализа и лингвокультурологии [6; 7; 9].

В качестве примера рассмотрим реальную лингвистическую экспертизу фантазийного словесного обозначения торговой марки ECOWALD на предмет наличия или отсутствия в нем языковых признаков, свидетельствующих о возможной охраноспособности или неохраноспособности данного наименования. **Предметом лингвистического исследования** являлось установление наличия или отсутствия в значении, смысловых ассоциациях, графической и / или фонетической форме словесного обозначения ECOWALD информации, указывающей на характеристику каких-либо товаров, в том числе включающей указание на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта. На разрешение специалиста-лингвиста были поставлены следующие **вопросы**:

1. Какой способ словообразования использован для создания

словесного обозначения «ecowald»? Является ли этот способ словообразования активным и продуктивным с точки зрения моделей словообразования, характерных для современного русского языка?

2. Какое лексическое значение имеет словесное обозначение «ecowald» в современном русском языке?

3. Имеет ли словесное обозначение «ecowald» фонетическое и / или графическое сходство с какими-либо реально существующими словами в современном русском языке, в том числе заимствованными из других языков?

4. Может ли словесное обозначение «ecowald» рассматриваться как слово, вошедшее во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида?

5. Содержит ли семантика словесного обозначения «ecowald» характеристику каких-либо товаров, в том числе указание на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта?

6. Может ли словесное обозначение «ecowald» порождать смысловые ассоциации с какими-либо товарами, в том числе указывающие на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта?

Было установлено, что, несмотря на то, что по отдельности элементы этого словесного обозначения имеют определенный смысл (ЕСО – элемент интернациональной лексемы, означающий ‘что-то имеющее отношение к экологии или экологическому’; WALD – корень немецкого по происхождению слова со значением ‘лес’ [3]), в целом данное именование не имеет в русском языке общеупотребительного значения, не имеет фонетического и / или графического сходства с какими-либо реально существующими словами в современном русском языке, в том числе заимствованными из других языков, не входит во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида. В силу вышесказанного данное словесное обозначение не может содержать указание на вид товаров или услуг, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта. Иными словами, фантазийное словесное обозначение ECOWALD вообще не имеет возможности порождать смысловые

ассоциации с какими-либо товарами. Оно обладает достаточными различительными признаками, свидетельствующими о потенциальной охраноспособности данного словесного обозначения торговой марки в случае его регистрации в таком качестве.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
2. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 25. Контрастивная лингвистика / Сост. В.П. Нерознак, В.Г. Гак. М.: Прогресс, 1989. – С. 5–17.
3. Лепинг Е.И., Филичева Н.И. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. М.: Дрофа, 2010. Т. II. – 1440 с.
4. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013. – 98 с.
5. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон. / под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.
6. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. Вып.13. – С. 137–153.
7. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. №1 (11). – С. 77–100.
8. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. № 6. – С. 146–149.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.
10. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. № 3(2). – С. 18–21.
11. Соболева Т.Д., Суперанская А.В. Товарные знаки / отв. ред. В.П. Нерознак. – М.: Наука, 1986. – 171 с.
12. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 535 с.

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ГОРОДСКОЙ НОМИНАЦИИ

Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова

remchukova@pochta.ru, tsokolova58@mail.ru

Российский университета дружбы народов
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
(Москва)

В статье представлены результаты научного проекта, объектом которого являются коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности. Материалом исследования послужил урбанонимикон российских мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга и Казани).

Целью нейминга, под которым понимается речевая деятельность, направленная на создание оригинального и запоминающегося названия для компании, предприятия, товаров и услуг, является создание наименования, априори рассчитанного на узуализацию [6].

Сегодня в городах России активно развивается целый пласт внутригородской ономастической лексики – коммерческие урбанонимы (названия кафе, ресторанов, столовых, магазинов, салонов красоты, жилых комплексов, фитнес-центров, рекламных и туристических агентств, аптек, клиник) [1; 3].

Урбанонимы этой группы, несмотря на их недолговечность, обладают лингвистической ценностью: в них находят отражение общие для коммуникативного пространства России, активные языковые процессы (словообразовательные, лексико-семантические, грамматические), а также наиболее характерные для современной сферы номинации коммуникативные стратегии и тактики [5].

Нейминг в городском пространстве можно отнести к такому типу дискурсивной практики, отличительными чертами которой является игровая стратегия коммуникации, интердискурсивность и поликодовость [4]. Эти свойства, а также публичность, диалогичность, повышенная информативность, экспрессивность сближают коммерческие имена с такими мини-текстами, как заголовки и слоганы, что позволяет рассматривать сферу номинации как *особую разновидность медиадискурса*. Эти коммерческие урбанонимы относятся к сфере *массового лингвокреатива*, под которым

понимается интенсивная лингвокреативная деятельность русской языковой личности за пределами художественного текста, характеризующаяся перераспределением ролей между функциями языка. Лингвокреативность в современных урбанонимах подчинена реализации коммуникативной и волюнтативной функций языка. Лингвокреативные составляющие медиадискурса (полисемантическая, трансформации различного типа, потенциальное слово- и формообразование, использование прецедентных феноменов и прецедентных текстов) в полной мере проявляются и в зоне коммерческой номинации. Сфера искусственной номинации является динамично развивающейся разновидностью медиадискурса, в котором выявлены разнообразные креативные тенденции [7].

Удивителен тот факт, что в сфере жилых комплексов (ЖК) достаточно широко распространены прецедентные имена высокой культуры в качестве прямой номинации. Так, например, ЖК «*Маяковский*» встречаются не только в Москве, но и в Пензе, Рязани: антропоним *Маяковский* входит в когнитивную базу любого среднего члена российского лингвокультурного сообщества, так как связан с широко известными хрестоматийными текстами, а также с ситуациями, в большей или меньшей степени известными носителям языка. Так, номинация кафе «*Маяковский. Желтая кофта*» (Казань) выходит за пределы прагматики прецедентного онима: актуализируется ситуация из жизни поэта, связанная с его футуристическим творчеством и эпатажным поведением [8].

Определенная специфика в развитии сферы городской номинации в России состоит в интенсивном креативном использовании языковых средств, что обуславливает особое место урбанонимов в многообразной креативной речевой деятельности в рамках современного коммуникативного пространства России [2].

Выбор или изобретение наименования коммерческого городского объекта не только зависит от общих правил нейминга, но и обусловлен лингвистическими, культуроведческими и профессиональными компетенциями конкретной языковой личности – номинатора. Обоснование этого выбора в форме метаязыкового высказывания представлено на сайтах кафе, ресторанов, жилых комплексов, салонов красоты. Их анализ свидетельствует об обще-

культурных и лингвистических компетенциях создателя коммерческого имени: о его склонности к языковому творчеству, языковой игре, приверженности определенной сфере прецедентности.

Проанализированные урбанонимы (общим количеством около 5 000) – названия городских объектов мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани), крупных городов (Екатеринбурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода и др.), средних и малых городов (Воронежа, Самары, Ярославля, Королёва, Ивантеевки, Калуги и мн. других) – были выделены путем сплошной выборки из специальных источников (например, Интернет-сайты, блоги, форумы, справочники, журналы «Resto. Все рестораны Москвы», «Недвижимость и цены», и т.д.), а также собраны в результате наблюдений.

Это позволило выявить общность лингвопрагматических тенденций в нейминге и говорить о «единстве регионов» в сфере коммерческой городской номинации. В то же время в ономастическом ландшафте представлен индивидуальный характер города. Специфическая культурная и лингвистическая ситуация, сложившаяся в многонациональном населенном пункте, находит прямое отражение в его урбанонимиконе. Например, своеобразие урбанонимов Казани (кафе «Чак-Чак», «Туган авылым» – ‘родная деревня’, сеть магазинов «Бахетле» – ‘счастливый’) обусловлено национально-культурной спецификой всего Татарстана, с одной стороны, и поликультурным характером Казани как мегаполиса, с другой.

Общей чертой всего современного коммуникативного пространства России является тенденция к латинизации, что связано с процессами глобализации, широким распространением Интернета, активным использованием английского языка как рабочего во многих отраслях и на всем российском коммуникативном пространстве [11].

Безусловно, здесь важную роль играет «языковая ксенофилия» – мода на иноязычные элементы [10]. В сфере коммерческой номинации латинская графика обладает большим коммуникативным потенциалом и часто ее использование вполне оправданно (*Art Cafe*, кафе *Burger Brothers*, *Grey's* и мн. другие), однако еще чаще она выполняет лишь декоративную или аттрактивную функцию. Такой примитивный креативный ход нередко вызывает негатив-

ную реакцию и «наивного», и профессионального лингвиста, особенно в тех случаях когда латиница внедряется в русское слово, разрушая присущий ему орфографический облик: например, фермерский ресторан «OGONĚK» во Владивостоке. В целом графогибридизация, как прием смешения кириллической и латинской графики, является феноменом взаимопроникновения «своего» и «чужого», но наиболее частотна в коммерческой номинации асемантическая графогибридизация: аттрактивная замена кириллических букв или буквосочетаний соответствующими латинскими: ресторан «*Ваниль*», ЖК «*Новорижский*», кафе «*СкаZка*», ресторан «*Золотой Век*», магазин «*Мир Заколок*» и др.

Тенденции к латинизации в сфере городской номинации противостоит устойчивая тенденция к активизации целых пластов исконно русской лексики или русских продуктивных словообразовательных моделей. О том, что городская номинация – одна из сфер лингвокреативной деятельности русского человека, свидетельствует активно протекающий процесс квазионимизации, в основе которого лежит потенциал продуктивного словообразования. Среди квазионимов наиболее частотными являются русские квазифамилии, создающие национальный колорит исконно русского стиля, и квазитопонимы, выполняющие такую же коммуникативную задачу, например, магазин обуви «*Месье Башмаков*», мясной ряд «*Беконово*», отель «*Постоялов*», салон красоты «*Маникюрофф*» и многие другие.

В сфере номинации частотны русские диминутивы, широкое распространение которых объясняется общей для современной русской речи тенденцией – активизацией эмоционально-прагматического потенциала узуального словообразования. Последняя в целом характерна для названий популярных у горожан небольших бюджетных магазинов, в том числе детских, эконом-класса. Таковы наименования «*Монетка*», «*Корзинка*» – оценочные существительные женского рода с уменьшительным значением; «*Пятерочка*» – с ласкательным. В них актуализируется прагматический компонент «дешевизны», а в названии «*Корзинка*» он дополняется компонентом «количества» – определенного набора дешевых товаров, ассоциирующихся с терминологическим словосоче-

танием «*потребительская продуктовая корзина*». Эта ассоциативность обусловлена именно «прозрачностью» словообразовательной производности (*корзина – корзинка*).

Таким образом, внедрение заимствований и латиницы в городскую среду не создает серьезного дисбаланса между «своим» и «чужим», так как активность исконно русской лексики, в частности разговорной, в этой сфере также высока. Смещение латиницы и кириллицы в рамках одной номинации – активный процесс, реализующийся в разнообразных формах. Структурное и семантическое усложнение урбанонима, в частности с помощью латиницы, направлено именно на усиление его креативности.

В последнее десятилетие значительно возросло число конфликтогенных коммерческих урбанонимов – названий, которые способны породить конфликтные ситуации в социуме, вызвать негативную реакцию части горожан или определенной социальной группы, а также спровоцировать столкновение интересов правообладателей (владельцев коммерческого заведения). Конфликтогенные урбанонимы вовлекаются в сферу гражданско-правовых отношений, что обусловило появление нового вида судебной лингвистической экспертизы – нейминговой экспертизы, юридико-лингвистического исследования на основе специальных знаний в области лингвистики, ономастики и судебной экспертологии [9].

Литература

1. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: монография. Волгоград: Перемена, 2017. 329 с.
2. Голомидова М. В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 63-72.
3. Замалетдинова Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук / РУДН. М., 2016. 204 с.
4. Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London, 2010; Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, Уральский гос. пед. ун-т, 2014. 343 с.
5. Naming in different areas of communication field: Collective monograph. Ottawa: Carleton University, Centre for Governance and Public Policy. 2018. 122 p.

6. Sjöblom P. Commercial names. In *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. Oxford, 2016. P. 453-464.
7. Ремчукова Е. Н., Замалетдинова Л. Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности // *Ценности и смыслы*. 2016. № 6 (46). С. 87–96; Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 286 с.
8. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Замалетдинова Л. Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // *Ценности и смыслы*. 2017. № 6. С. 94-108.
9. Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эспатаже? // *Актуальные проблемы топонимики. Вопросы географии*. Сб. 146. М.: Издательский дом «Кодекс», 2018. С. 179-190.
10. Титаренко Е. Я. Графогибридизация: языковая игра или манипуляция? // *Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018)* / отв. ред. Е. Я. Титаренко: сб. науч. статей. Т. 1. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С. 147-159.
11. Шмелева Т.В. Кириллица – латиница – гражданица: Коллективная монография. НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. 340 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭРГОНИМ: ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ

И.Н. Пономаренко

irnik20@mail.ru

ФГ БОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

Имена городских объектов, какой бы термин – городской топоним, урбаноним, эмпороним, эргоним и др. – при этом ни использовался, активно изучаются с конца 60–х годов прошлого века. Несмотря на насчитывающий несколько десятков лет интерес к исследованию эргонимов и имена ставших классиками (М.В.Голомидова, Т.А.Васильева, Р.Ю.Намитоква, А.В.Суперанская, В.И. Супрун, Т.В. Шмелева и др.) и молодых (Ф.Ф.Алистанова, О.В. Врублевская, О.Д. Дмитриева, Г.Б. Мадиева, В.А. Крыжановская и др.) ученых, все же остаются объекты и проблемы, которые или не подвергались описанию, или не получили полного освещения.

Цель нашей работы – описать новые тенденции в именовании городских объектов Краснодара, которые предлагают кофе. Это многочисленные кафе и кофейни, сетевые киоски «Coffee Go» и

мобильные установки, стоящие на улицах и в скверах. Соперничать по количеству с ними в городе могут только заведения, торгующие шаурмой. Борьба за потенциального клиента в этом сегменте рынка услуг вынуждает идти по пути создания новых и новых эргонимов.

Известно, что эргоним как вид онима и рекламной коммуникации может быть охарактеризован с нескольких сторон: это, с одной стороны, рекламное имя, а с другой – способ воздействия на потенциального клиента, инструмент манипулирования им. Актуальной социокультурной ситуации отвечает не только графическая креолизация формы, но и отмечаемое в последнее время усложнение структуры эргонима.

В настоящее время эргоним является одним из перспективных объектов исследования разных дисциплин гуманитарного цикла: социологии, культурологии, маркетинга и, конечно, лингвистики. Современный этап изучения городского эргонимикона обнаруживает несколько тенденций, фиксирующих определенное изменение акцентов описания особенностей и функций данных единиц в расширительном аспекте. Сюда мы относим исследование не только вербальной составляющей [6], но и невербальных знаков [2], участвующих в образовании новой, креолизованной формы; не только активизации лингвокультурного компонента в составе, но и прагматического подхода к его изучению; не только формы, но и структуры эргонима как единицы языка. Ярко выраженная прагматика современного эргонима органично вписывает его в актуальную парадигму процесса передачи информации, направленной на получение запланированного лингвистического эффекта, который должен обернуться продвижением в сфере маркетинга.

Предварим собственно лингвистический анализ краткой культурно-исторической справкой. Принято считать, что кофе появился в России в 1665 году, когда придворный лекарь Самюэль Коллинс прописал его царю Алексею Михайловичу почти как лекарственное средство. Первые настоящие кофейни в России появились после Отечественной войны 1812 года. Кофе стали подавать в гостиных столицы, а чуть позже открылись настоящие кофейни, которые посещала только светская публика.

После Октябрьской революции о кофе почти совсем забыли: в советские времена кофе всегда был одним из самых дефицитных

товаров. Однако в торгово-промышленной рекламе В. Маяковского можно найти рекламирующий этот напиток текст:

Далеко не ходите!

Во мгновенье ока

здесь

купите

кофе Мокко.

Основанный в 1793 году Краснодар (до 1920 г. – Екатеринодар) статус города получил в 1867 году. Сейчас в Краснодаре 350 ресторанов, около 400 кафе и 64 кофейни, не считая сетевых кофейных точек *Von Capuccino, Coffeeshop Company, Donuts Coffee, Starbucks* и др.

Существовавшие после развала Советского Союза кафе и кофейни не отличались оригинальными названиями: кафе *Юность*, кафе *Русь*, кафе *Центральное*. Постепенно стали появляться единицы с различными видами графической трансформации: кафетерий *Чайkoff*, кафе *Про100кофе*, *Pro кофе*, *Bar ist, iCafe* и мн. др.

Квалифицируя подобные эргонимы с точки зрения соотношения с уровнями языка, можно спорить о том, имеют ли они статус назывного предложения, но в любом случае представлены они лексемами и реализуют номинативную функцию.

В качестве эргонимов начинают выступать словосочетания: *Кофейный дом*, *Дом кофе*, *Вкусный кофе*, *Библиотека кофе*, *Кофейный алкоголик*, *Культ кофе*, *Правда кофе* и мн. др. Они могут включать прецедентные феномены: кафетерий *Дядя Дёнер*, *Ruffkin's Профитроль*, *Пар Культуры* и др.

Потом наступает время появления односоставных предложений глагольного типа: кофейня *Зацени кофе*, *Выпей кофе* и др. – и, наконец, двусоставных предложений: кафе *Крендель*, *я тебя люблю*; *Кофе – это фрукт*; *Не в кофе дело*. Основной признак двусоставного предложения – наличие двух главных членов (подлежащего и сказуемого), которые обозначают предмет речи (субъект, носитель предикативного признака) и его предикативный признак (действие, состояние).

«В настоящее время достаточно большое внимание уделяется прагматическому аспекту предложения, которое обладает большим потенциалом. Язык предоставляет говорящему (пишущему)

разнообразные возможности выразить в предложении свое отношение к предмету речи, к ситуации, о которой сообщается, к адресату. Эта прагматическая триада, реализующаяся в разных предложениях или полностью, или в какой-то своей части и взаимодействующая с его семантической структурой, делает предложение языковой единицей, обладающей глубоким и неоднотупенчатым смысловым строением <...> Предложению свойственны особые синтаксические связи, отличные от связей в словосочетании. Между подлежащим и сказуемым – главными членами двусоставного предложения – возникает взаимонаправленная синтаксическая связь, которая называется координацией. Координация отличается от согласования, характерного для словосочетания. Согласование – односторонняя связь, поскольку форма прилагательного целиком зависит от формы существительного, а не наоборот» [1].

Синтаксический статус единиц, выступающих в функции имен городских объектов, уже был в ономастике предметом исследования. Согласно точке зрения Л.Н. Омельченко, восходящей к мнению А.М.Пешковского и полностью поддержанной В.В. Бабайцевой, названия предприятий и учреждений, наряду с названиями книг, журналов, относятся к номинативным предложениям. В соответствии с приведенным определением: «номинативные предложения – это именные односоставные предложения с общим значением бытия предмета речи (мысли)», исследователь утверждает, что «названия учреждений, торговых предприятий («Трикотаж»; «Книгомир»; «Спортландия»; «Жасмин»; «Орхидея»; «Верхнеудинск») соответствуют такому определению, поэтому квалифицируются нами как номинативные предложения», хотя отмечает, что не все лингвисты разделяют приведенную точку зрения [4, с. 392–393].

Наблюдения Л.Н. Омельченко, вслед за Н.Д. Арутюновой, позволяют выделить два типа номинаций: экзистенциальную и предикатную. «Понятно, что экзистенциальная номинация присутствует в каждом названии магазина, однако в одних случаях она является основной, в других – сопутствует иной, предикативной номинации, что ведет к синкретизму семантики. Использование определения (согласованного или несогласованного) при экзистенциальном имени, безусловно, переводит номинацию в разряд предикатных: «Живые цветы»; «Модные шторы»; «Мебель

для вас»; «Сувениры Бурятии». Прагматическая функция реализуется именно в предикатной номинации [там же, с. 394]», – пишет автор.

Таким образом, понятия синтаксиса уже привлекались для описания современного эргонимикона, но мы возьмем на себя смелость утверждать, что эргонимы *Кофе – это фрукт*, *Не в кофе дело*, *Правда кофе* – это не синтаксические единицы, это уже текст.

Хотя в лингвистике так и не решен вопрос о дефиниции термина «текст» и выделении параметра, положенного в основу такой дефиниции, считаем, что в современной исследовательской парадигме актуально определение Н.Л.Мышкиной. Она считает текстом «любое двустороннее образование (от одной графемы или одного слова до целостного множества предложений-высказываний), имеющее смысл и обладающее свойствами спонтанности, системности и синергии, функционирующее как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система» [3, с.17].

Эргонимы *Не в кофе дело* и *Кофе – это фрукт* могут оцениваться как реплики, как приглашение к диалогу или его продолжение. Они целостны и системны в условиях актуального лингвокультурного контекста. Прагматика подобных эргонимов-текстов всей своей семантикой, подбором языковых средств, структурным членением передает информацию о внешнем мире (объекте коммуникации), определенным образом характеризуя участников коммуникативного акта. То есть прагматическая характеристика текста не в объяснении того, из чего состоит высказывание и что является его смыслом, а в ответе на вопрос, в какой ситуации, с какими намерениями осуществляется коммуникация и достигла ли она своей цели.

В ономастике большое внимание уделяется многоаспектному исследованию эргонимов. Чаще изучается современная креолизованная форма данных единиц, но особый интерес вызывает их изучение в собственно лингвистическом аспекте – с точки зрения внутрисистемной языковой квалификации.

Эргонимикон современного города представляет собой сложную многоуровневую динамическую систему, процессы в которой обусловлены факторами лингвистического и экстралингвистиче-

ского характера. Система постоянно пополняется новыми единицами. Еще не решен вопрос о внутриуровневом языковом статусе эргонимов, представленных лексемой или словосочетанием, а уже зафиксировано появление единиц, которые имеют структуру не только односоставного, но и двусоставного предложения, и даже могут быть квалифицированы как текст.

Литература

1. Беловольская Л.А. Синтаксис словосочетания и простого предложения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2.htm> (Дата обращения 2.02.2019).
2. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф. дисс...канд. фил. наук / В.А. Крыжановская. – Краснодар, 2017. – 26 с.
3. Мышкина Н.Л., Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. – 177 с.
4. Омельченко Л.Н. Семантические типы номинации и функционирование эмпоронимов в полиэтническом регионе // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа : проблемы и перспективы. Майкоп : Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – 584 с. – С. 392–396.
5. Ремчукова Е.Н., Замалетдинова Л.Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности // Ценности и смыслы. 2016. Т.1 № 6 (46). – С.87–95.
6. Титаренко Е.Я. Графогибридизация : языковая игра или манипуляция? // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 552 с. – С. 147–159.

«ДИЗАЙН-КОД» СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Е.Я.Титаренко

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского
(Симферополь)

Ономастика Крыма, в частности, язык города в сфере нейминга – наименований коммерческих предприятий (эргонимы, прагматонимы) – постоянно привлекает внимание ученых факультета славянской филологии и журналистики КФУ имени В.И.Вернадского. Результаты исследований крымских ученых представлены в публикациях Т.А.Яценко и Сунь Юйминь [9], Е.Л. и В.П.

Ачиловых [1], Е.Я.Титаренко [7], А.А. Ховалкиной [8, с.352-353] и др. В этих работах представлен детальный анализ прагматикона г.Севастополя, Бахчисарая, Евпатории [9] и Симферополя [1]. Наше внимание в данной статье, как и в предыдущей [7], направлено не на все вывески (эргоурбонимы) города Симферополя и других населенных пунктов Республики Крым, а на те, в которых использованы различные приемы языковой игры – как положительные, так и (увы, гораздо чаще!) отрицательные, в первую очередь, графические игры: применение латиницы, цифр, различных знаков, букв старого русского алфавита и т.п. Работа продолжает тематику, поднятую на заседании Круглого стола «Лингвистика креатива. «Гибридизация» русской графики», состоявшегося в рамках симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» в 2018 г.

Известный исследователь лингвистики креатива Е.Н. Ремчукова отмечает, что злоупотребление латиницей в городской номинации вызывает естественное отторжение как профессиональных, так и «наивных» лингвистов [5; 6]. Смешение кириллических букв с латинскими буквами, цифрами, знаками @ & ' и т.п. в научной литературе принято называть графогибридизацией (*БуЛка; VSE; PADOCTЬ, 4ROOM*). Это явление детально исследовано и описано в научной литературе. Так, на Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», прошедшем в МГУ имени М.В.Ломоносова в марте 2019 г., обсуждались актуальные проблемы нейминга и формирования городского ономастикона. И.В. Бугаева отметила, что в российском городском ономастиконе выделяются такие явления, как «кириллическая латиница, латинизированная кириллица и графогибриды» [8, с.338]. И.Н. Пономаренко и Е.Н. Ремчукова рассматривают тенденции в современной коммерческой номинации как реализацию внутренних ресурсов и потенциальных возможностей языка, как «потенциал системы русского языка, позволяющей адаптироваться к многочисленным заимствованиям. Но это еще и общий культурный код, включающий ценности как русской (бытовой и книжной), так и мировой культуры, но воспринятой глазами русскоязычного человека» [8, с.347]. Ученые отмечают тенденцию к появлению онимов-предложений (примеры И.Н. Пономаренко, г. Краснодар: «Дети в моде»; «Время есть шашлык»;

«Счастье в ботинках» и т.п. [8, с.346]), разговорных фраз, имитирующих «общение» города с его жителями (примеры Е.Н. Ремчуковой, г. Москва: «Мама, я на паре»; «Дорогая, я перезвоню!» и т.п.).

Как отмечает И.Н. Пономаренко, «современный городской ономастикон обнаруживает, с одной стороны, достаточную устойчивость и стабильность, с другой – характеризуется гибкостью и способностью адекватно отражать тенденции современного этапа развития языка» [8, с.347]. Е.Н. Ремчукова считает, что «коммерческая номинация русских мегаполисов является национально ориентированной в значительно большей степени, чем принято думать» и что поиск «гармоничного равновесия» между национальным и универсальным (интернациональным) «является одной из важных тенденций городского коммерческого нейминга» [8, с.347]. К сожалению, данная тенденция пока не проявляется в городе Симферополе.

Широкое (я бы сказала – агрессивное!) внедрение латиницы в городскую среду объясняется стремлением владельцев коммерческих заведений привлечь как можно больше посетителей, а тенденция к латинизации представляется как общая черта всего коммуникативного пространства России, связанная с процессами глобализации, широким распространением Интернета и английского языка в разных сферах жизни современного общества. Явление это не новое – об употреблении латиницы в русском тексте В.Г. Костомаров писал как в 90-е годы [3], так и сейчас [4].

Общеизвестно, что английский язык вышел «на роль главного иностранного языка в мире и в российском обществе. Здесь он вступил, – по мнению В.В. Борисенко, – в отношения билингвизма или, по крайней мере, диглоссии с современным русским языком» [2, с.181]. С последним утверждением, вероятно, соглашаться пока преждевременно, однако с мнением автора о том, что «демократизация нашего языка превратилась в плебеизацию языка» [2, с. 180] трудно спорить.

К сожалению, в городе Симферополе обилие вывесок на иностранных языках и с применением латиницы за последний год не сократилось, а скорее увеличилось. По моим наблюдениям, только одна вывеска была заменена – вместо наименования магазина «mirclimata.ru» теперь написано по-русски «Мир климата». Другая

вывеска дорогого магазина в центре города с французским названием «Monet» заменена (с наименьшими затратами – буквы написаны в том же стиле) английским словом «Most». Третья – «Ulichnaya eda» снята. Зато появилось много новых: Diskonty (магазин скидок), Halva чайхана grill караоке; Verloga coffee (кофейня, причем не в подвале, как можно было бы предположить по ассоциации со словом «берлога»), dorogoidom (магазин красок, декоративной штукатурки и проч.), PERSONA GRATA (кафе) и др.

Студенты факультета славянской филологии и журналистики КФУ имени В.И.Вернадского в ходе работы над проектом «Латиница на улицах города: креатив или негатив?» обошли улицы города и сделали фотографии тех вывесок (наружной рекламы), которые включали латиницу и знаки, не имеющие отношения к современной русской графике, а также креативные наименования и вывески с использованием кириллицы. В ходе этой работы студенты разговаривали с владельцами некоторых заведений, выясняя причины появления конкретного наименования, а также со случайными прохожими, выясняя их отношение к подобным явлениям на улицах города Симферополя. Результаты этого мини-опроса (разумеется, не претендующего на научный социологический опрос) представляют, как мне кажется, определенный интерес.

Из 200 человек (возрастом от 14 до 74 лет) 67% ответили, что обратили бы внимание на вывеску, написанную с применением латиницы (23% ответили отрицательно). При этом одобряют такие вывески только 34% информантов, а не одобряют 40% (остальные 26% затруднились ответить). Половина опрошенных (51%) ответили, что им непонятно, что представляет из себя заведение, вывеска которого написана на латинице (в Симферополе случаи транслитерации и графогибридизации составляют меньшинство, тогда как прямые заимствования, т.е. написанные на иностранном языке без перевода вывески составляют более 75% [7]).

В то же время в ответе на вопрос «Как вы относитесь к латинице на городских вывесках?» голоса разделились поровну: 48% «плохо» и столько же «хорошо». Более 90% опрошенных обращали ранее на это свое внимание; креативными считают вывески с латиницей 72% из них, негативными – 26%. Те же 72% полагают, что если бы на вывесках нашего города была использована только

одна кириллица, это было бы «скучно», «неинтересно», «однообразно», и только 27% хотят, чтобы на улицах латиницы не было вообще, потому что «слишком мало вывесок на кириллице».

Однако самый неожиданный, по-моему, ответ мы получили на вопрос «Считаете ли вы, что местным властям надо обратить внимание на эту проблему?»: 66% категорически против вмешательства власти в сферу городской номинации, полагая, что чиновники должны заниматься «более глобальными проблемами», и только одна треть (33%) считает, что «возможно, стоит, во имя сохранения русского языка».

Интересно также следующее наблюдение студентов: чем ближе район или улица расположены к центру города или маршруту движения больших скоплений людей, тем реже встречаются вывески на национальных языках (русском, крымскотатарском, украинском).

Т.П. Соколова утверждает, что в исследовании городских вывесок необходим междисциплинарный подход, соединяющий лингвистический и юридический аспекты, этот подход уже реализуется в новом направлении – «нейминговой экспертизе» [8, с. 351]. Она отмечает наметившуюся с 2010 года тенденцию к разработке дизайн-кода конкретного города. Свой дизайн-код разработан у Москвы (студией А.Лебедева в 2013 г), Владивостока, Хабаровска [8, с. 351]. Идея, как представляется, весьма плодотворная и актуальная для всех крымских городов, особенно для города Симферополя, в котором на вывесках и баннерах царит полный цветовой и «вкусовой» хаос, нагромождение аляповатых картин, фотографий, разных шрифтов и размеров, смешение языков и алфавитов, «красоты» и «богатства» бутиков, соседствующего с уродством осыпающейся штукатурки (см. фото 1: PERSONA boutique), безвкусица и безграмотность (см. фото 2: уже знакомое по предыдущей публикации заведение *Булка&Coffee* повесило 3 (!) баннера с текстом «ВСЁ кофе по 60 руб»). На фото 2, кроме того, пример той самой аляповатости, нагромождения разношерстных и разномастных вывесок на одном здании, расположенном в самом центре города.

фото 1

фото 2

«Нейминговая экспертиза обеспечивает защиту прав владельцев коммерческого обозначения и в то же время защищает права жителей на комфортную окружающую среду» [8, с. 351]. Пока у нас нет специалистов по нейминговой экспертизе, представляется правильным действовать методами убеждения, просвещения, воспитания эстетического чувства и языкового чутья, привлекая внимание широкой общественности к проблеме лингвистической экологии родного города. Местной же власти в каждом конкретном городе следует думать о его самобытности и «дизайн-коде».

Литература

1. Ачилова Е.Л., Ачилова В.П. «Речевая одежда» улиц Симферополя // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. монография. Кн. 2. / [под ред. Г.Ю.Богданович]. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. – С.17-42.
2. Борисенко В.В. Современные тенденции грамматической перестройки в лексике русского языка // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018) : сб. научных статей / отв. ред. Е.Я.Титаренко. В 2-х т. Т.1 – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 176-182.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
4. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. С-Пб. : Златоуст, 2015. – 138 с.
5. Ремчукова Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового креатива» // Труды Института русского языка имени В.В.Виноградова. 2016. Т.7. № 7. С.157-168.

6. Ремчукова Е.Н., Страхова А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: Лингвокреативный и гендерный аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2016. 216с.
7. Титаренко Е.Я. Графогибридизация: языковая игра или манипуляция? // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018) : сб. научных статей / отв. ред. Е.Я.Титаренко. В 2-х т. Т.1 – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 147- 159.
8. Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 20-23 марта 2019г.): Труды и материалы / под общ. ред. М.Л.Ремневой и О.В.Кукушкиной. – М. : Изд-во Московского университета, 2019. – 610 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Trudy-i-materialy_RLC2019.pdf (дата обращения 29.03.2019)
9. Яценко Т.А., Сунь Юйминь Прагматонимы как отражение языковой картины мира крымчанина // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. монография. Кн. 1. / [под ред. Г.Ю.Богданович]. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017. – С.68-89.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ НОМИНАЦИИ ВНУТРИГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА

И.А. Герасименко

iragerasimenko@mail.ru

Горловский институт иностранных языков

(Горловка)

Процессы глобализации, охватившие мир в к. XX – н. XXI вв., развитие деловых и культурных контактов между разными странами, взаимопроникновение языков и культур, как в зеркале, отразились в современном русском языке. Социально-экономические и политические изменения в жизни общества сказались на состоянии языка, нашли отражение во всех областях его функционирования, в том числе и в сфере эргонимии.

Эргонимия Донбасса – это сплав универсального и специфического, сочетание общих и отличительных черт номинации внутригородских объектов. Современные эргонимы донецкого края маркируют культурные представления проживающих в нём этносоциумов, ценностные стереотипы общества, сведения об истори-

ческих фактах, политических предпочтениях, эстетических вкусах, о традициях и устоях населяющих регион народов и народностей. Эргонимы современного Донбасса также отражают языковую моду и орфографические вкусы эпохи. Цель работы – рассмотреть языковые средства актуализации эргонимного ландшафта донецкого края и указать на возможные негативные последствия, вызванные языковой модой, экспансией иноязычных заимствований и орфографической свободой носителей русского языка. Материалом исследования послужили номинации городской среды Донецка, Горловки, Макеевки и Енакиева.

Современный Донбасс как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен существует в когнитивном контексте (ментальном пространстве, по Дж. Лакоффу), отображённом «в знаменитых слоганах *Слава шахтёрскому труду* и *Донбасс никто не ставил на колени*» [2, с. 47].

Концептуализация Донбасса как шахтёрского и свободолюбивого края через механизмы репликации существует во множестве текстов общего регионального пространства. Среди них слоганы *Шахтерскому труду – почёт; Славься, шахтёрский труд; За свободный Донбасс; При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз*. Концептуализация Донбасса, шахтёрской славы и свободы связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна, шахтёрского труда и борьбы за свободу своего края. Концепты донбасского и шахтёрского кластеров явились «ономасиологическим основанием» для формирования его эргонимикона. Среди них *гостиница «Шахтарочка», ТРЦ «Декор-Донбасс», стадион «Донбасс Арена», кинотеатр «Шахтёр», Дворец культуры «Кочегарка», ансамбль народного танца «Шахтёрские огоньки», заслуженный ансамбль народного танца «Горняк»*.

Эргонимный ландшафт Донбасса связан и с процессом глобализации, охватившим все сферы современной жизни и проявившим себя в семиотическом пространстве региона, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в онимах *ТЦ «Green Plaza»; пиццерия «New York Street Pizza»; спортивный клуб «My fitness»; магазин обуви «Step»* и др. К нетранслитерованным эргонимам Донбасса

также принадлежат иноязычные наименования *Донецкий аквапарк «Aquasferra»*; магазины *«Colin's»* и *«Zoo land»*; магазин одежды *«Glamour»*. Данные номинации характеризуются тем, что являются оригинальными языковыми знаками, которые перенесены из языка-источника в том виде, в котором существуют в момент заимствования, поэтому полностью соответствуют своим иноязычным эквивалентам в языке-источнике. Их использование является манипулятивным и представляет, по мнению учёных, реальную опасность в поликультурном мире.

Иноязычные заимствования занимают значительное место в эргонимиконе Донбасса. Они представлены единицами разной степени освоенности. Так, существуют номинации, оформленные кириллицей и латиницей. Ср. примеры гибридизации: *Васелёк Tech* (студия веб-дизайна); *Лидер Group* (рекламное агенство). Как заметил В. Г. Костомаров, «громадную роль в определении нынешнего орфографического вкуса следует приписать рекламе и в целом масс-медиа. Формируясь на рубеже лингвистических и графических, точнее – всех изохудожественных средств (вплоть до цвета и звука), они принципиально переплетают языковую и внеязыковую стороны, что и вызывает органическую потребность в новых типах письменного оформления текста» [3, с. 281-282].

В Донбассе, как и в других регионах, понятие «иностранный» зачастую ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними разработками. Поэтому одна из тенденций современного эргонимикона донецкого края – оформление средствами латиницы освоенных русским языком иноязычных слов. К таким транслитерованным эргонимам относятся номинации, графическое оформление которых реализовано средствами русской графики. Ср.: ТРЦ *«Донецк Сити»* (от англ. *city*), кинотеатр *«Фунтура синема»* (от англ. *cinema*), магазины *«Киндер»* (от нем. *kinder* ‘дети’) и *«Фокс»* (от англ. *fox* ‘лиса’).

Графическое оформление эргонимов Донбасса также реализуется путём транслитерации русских и украинских слов средствами латиницы. Ср. номинации, которые, на наш взгляд, крайне отрицательно сказываются на экологии родного языка, формируют у молодого поколения неадекватное восприятие иноязычных

слов как «модных», «престижных», «повышающих статус» коммерческого заведения: *Dondass Palace* (гостиница), *Shakhtar Plaza* (гостиница), магазины «*Обувноу*» и «*Tuffelka*».

В языке современного Донбасса активно употребляются ретро-номинации, включающие элементы дореволюционной орфографии: рестораны «*Багратионъ*» и «*Трактиръ*»; магазин «*Булкинъ*». Использование буквы Ъ вызвано стремлением следовать письменной архаике и воссоздать колорит старины, которые ассоциируются со стабильностью, традициями и историей Российской империи. Как пишет В. Г. Костомаров, «любование упразднёнными буквами старой азбуки есть, конечно же, проявление крайности моды на книжность» [3, с. 280].

Одним из популярных способов образования эргонимов является трансонимизация – переход онимов из одного подряда имён собственных в другой. Путём трансонимизации образована номинация популярного в Донецке паназиатского ресторана «*Адачи*». Когнитивным контекстом, который стоит за данным именем и «претендует» на его понимание, является название японского сада-музея, в котором растения выступают его основными экспонатами; в свою очередь, этот сад-музей назван по имени его основателя – Адачи Дзенко.

В эргонимиконе Донбасса встречаются также номинации, образованные от мифонимов – названий вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства, восходящих к мифам и сказкам. Так, в названии *сети магазинов «Геркулес – МоЛоко»* (с «необоснованным чередованием кириллицы и латиницы в одной лексической единице или номинации» [5, с. 121]) использовано имя древнегреческого мифологического героя, символизирующего силу и здоровье.

Расширение ономастического пространства современного Донбасса стало возможным и в результате введения в его поле названий, имеющих в своей основе элементы рифмы. Появление в современном русском языке рифмованных сложных слов типа *супер-пупер, танцы-шманцы, муси-пуси, ширли-мырли, фигли-мигли, шурум-бурум, трали-вали, штучки-дрючки, тары-бары-растабары* привело к возникновению следующих эргонимов: рестораны «*Ёксель-моксель*», «*Кухен-Игрукен*», «*Абра-кадабра*», «*Ё-Моё*». В этих словах-гендиадисах второй компонент представляет

собой фонетическую трансформацию первого, повторяющую его с изменением начального звука или группы начальных звуков. Как пишет Е. А. Земская, к слову прибавляется рифмованное эхо, слово-отзвучие, что создаёт экспрессивный эффект. При этом «эхо-конструкции могут выражать разного рода смысловые и экспрессивные оттенки, а могут быть лишены какой-либо семантики, выступая лишь в роли шуточной рифмовки» [4, с. 193]. В эргонимиконе словагендиадисы обеспечивают установку «на привлечение внимания потенциальных потребителей посредством необычности самой эргонимической конструкции, демонстрирующей лингвокреативную деятельность номинатора, а также выступающей вербальным инструментом воздействия, манипулирования сознанием посредством слова, что способствует повышению спроса к рекламируемому товару» [1, с. 49].

Итак, проанализированные эргонимы как языковые знаки внутригородских объектов отображают лингвокультурную полифонию донецкого края, его облик и эстетические предпочтения. Однако бесспорным является тот факт, что онимы современного Донбасса функционально, семантически, структурно и орфографически находятся в контексте влияния вкуса эпохи на языковую жизнь общества. Донбасс – знаковый континуум, содержательная сторона которого создаёт информационное пространство, и в нём образ региона прорисовывается в различных смысловых модальностях. Эргонимикон – это лишь один из ценностных источников информации, отражающий морально-этические принципы общества, его традиции, картину жизни и быта, этноспецифические характеристики языкового коллектива. Поэтому включение иноязычной лексики и элементов латинского алфавита в коммерческую номинацию должно быть более взвешенным и оправданным. Названия коммерческих заведений не должны определяться языковым произволом, так как это расшатывает графические, орфографические и лексические нормы русского языка. Данная проблема требует дальнейшего изучения. Что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Литература

1. Багирова Е.П., Гаврилова Э.О. Языковой имидж современного города (на материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). – С. 43-55.

2. Герасименко И.А. Эргонимикон современного Донбасса как социокультурный феномен // XII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (19 сентября 2018 г.): Материалы конференции / Гл. ред. А. В. Петров ; Отв. ред. В. М. Калинин. Симферополь, 2018. – С. 47-50.

3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа; изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

4. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. – 239 с.

5. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография]. М.: Гнозис, 2010. – 293 с.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЛИНГВОКРЕАТИВ: ВЗГЛЯД ИЗ ДОНБАССА

В.И. Ковалёв

kovalev477@gmail.com

Луганский национальный университет имени Владимира Даля
(Луганск)

Обобщение трудов ведущих специалистов этого направления (Т.А. Гридиной, Г.Р. Добровой, Н.А. Купиной, Б.Ю. Нормана, Е.Н. Ремчуковой, В.З. Санникова, В.К. Харченко, Т.В. Шмелёвой) даёт основания для следующей гипотезы. Отечественная лингвистика креатива уже вышла на тот уровень, который позволяет организовать системное внедрение её теоретических результатов в учебный процесс школы и вуза. Среднестатистический носитель языка может получить представление об основных приёмах креативного его использования и уметь применять эти приемы в своей повседневной прагматической деятельности. Лингвокреативная компетенция должна войти в состав общей коммуникативной компетенции каждого выпускника.

Наш школьный опыт в этом направлении был представлен на предыдущем ялтинском симпозиуме [3]. В настоящей статье мы опишем методику и результаты обучения студентов-филологов 2-го курса созданию **актуальных окказионализмов**, которое проводилось в ходе преподавания предмета «Современный русский язык (словообразование)», с опорой на разработанные нами принципы **попутного (спутникового) обучения**. Они предусматри-

вают: малую временеёмкость (лаконичность), операционную простоту, полифункциональность (в идеале один и тот же дидактический материал используется для достижения и программных и сверхпрограммных целей), акцент на домашнюю и самостоятельную работу, повышенную эмоциональную привлекательность и прагматическую направленность заданий.

В теоретическом плане мы ориентировались на идеи Г.Б.Вершининой о развитии коммуникативной компетенции студентов в процессе преподавания базовых дисциплин [1, с. 86–87] и [2, с. 67–68]. В этом отношении определённую ценность представляют и наблюдения А.В. Петрова над речетворчеством крымчан [4, с. 60–67].

На этапе планирования обучающего эксперимента мы учли позитивные и негативные итоги исследования Т.А. Шароглазовой [6]. Оно показало, что уже школьники старших классов могут без длительного обучения создавать окказионализмы с заданной семантикой и коннотацией. Правда, качество таких новообразований невысоко. К примеру, для наименования напряжённого времени перед экзаменом были предложены не только экспрессивные *многочитайка, напряжум, стрессодни, учиночка*, но и смыслонепроницаемые *ЕЕШ* (ещё есть шанс), *персульт* (период консультаций) *муперэк* (мучения перед экзаменом), а также функционально неудобные *страхбольожидайчик, предэкзаменныйкнигогрыз, товкену* (гоТОВ К экзаМЕНУ), *перогэ* (перед ОГЭ)... [6, с. 46–47]

Ещё больший процент окказиональных неудач отмечен в задании – заменить заимствованное существительное *патриот* синонимами, которые опирались бы на русские корни: *историот* (*история+патриот*, но ещё ассоциации с *идиот, Искаротиот*), *родинолюбот* (*Родина+любить+патриот*, но и нежелательные связи с *любой, бот*), *уважот* (*жжёт*), *отжирод* (ОТдать ЖИЗнь за РОДину, но провоцирует ассоциацию с *жир*), *живстранкотлюб* (ЖИТЬ В СТРАНе, КОТорую ЛЮБишь), *гордоку* (ГОРдость ДОстижениями КУльтуры) [6, с. 48–50].

Вместе с тем следует признать перспективным апробированный Т.А. Шароглазовой метод подготовки учащихся к самостоятельному словотворчеству. Для этого красноярская учительница использовала эвристическую беседу, в процессе которой давались ориентиры по семантической структуре будущего слова.

По нашим наблюдениям, невысокое качество окказиолексем упомянутых старшеклассников объясняется, во-первых, низким уровнем знаний о семантике и коннотациях аффиксов. А во-вторых, отсутствием в установочной беседе информации о коммуникативных интенциях, которые призвано решить новое слово. Мы постарались восполнить эти недостатки следующим образом.

Лингвокреативные задания давались по завершении изучения раздела «Морфемика». Работа над каждым окказионализмом проходила в четыре мини-этапа.

1) В конце очередной лекции проводилась установочная беседа, в процессе которой разъяснялась **актуальная лексическая пустота** («Есть новое явление – нет точного названия для него»), обсуждались семантика и коннотация будущего слова, а также перспективные жанры и каналы коммуникации, где оно может использоваться с определённой целью.

2) Сразу после этого студенты самостоятельно сочиняли варианты требуемой лексемы и в письменном виде сдавали преподавателю.

3) Малая часть ближайшего практического занятия выделялась для рецензирования этих новообразований. При этом учитывалась не только семантико-оценочная адекватность, а ещё и функционально-прагматические аспекты: насколько употребление данного окказионализма удобно и целесообразно в запланированных контекстах и каналах общения? По итогам обсуждения студенты получали интеллектуальные и эмоциональные импульсы для совершенствования своих произведений прагматичной словесности.

4) Аудиторная креативная работа №2, проводившаяся сразу после рецензирования, приносила, как правило, гораздо больше полноценных окказионализмов. Студенты сдавали их в письменном виде и получали оценку как за лабораторное занятие.

Разумеется, на словотворчество влияет и коммуникативный опыт каждого студента. Ведь общественно актуальные темы всегда вызывают оживлённую рефлекссию в интернет-комментариях и обсуждениях – в результате быстро появляются экспрессивные окказионализмы. Однако мы уверены, что в учебном процессе не следует гнаться за оригинальностью и установлением авторства.

Гораздо важнее развитие лингвокреативной компетенции, фундаментом которой служат 1) устойчивая потребность в творческой реакции на изменения в общественной и речевой среде; 2) опыт применения знаний о системе современного русского языка для решения прагматических (нелингвистических и неучебных) задач.

Лучшие темы для лингвокреатива берутся из наблюдений за окружающей действительностью. Так, в октябре 2018 г. автор статьи обратил внимание на ремонт в парикмахерской, расположенной на первом этаже соседнего дома. Из разговора с хозяйкой заведения стало понятно, что оно меняет профиль: из универсального, эконом-класса становится стильной детской парикмахерской, рассчитанной на семейное посещение. Уже был придуман основной слоган: «Здесь стрижка не потеря времени, а праздник!». Однако название пока не было выбрано...

Мне удалось убедить хозяйку прийти на лекцию и обратиться к студентам с предложением – придумать название заведения, максимально привлекательное для потенциальных клиентов (мам с детьми дошкольного и младшего школьного возраста). Такой подход потребовал дополнительного времени, зато продемонстрировал студентам прагматическую ценность и этого конкретного задания, и всего курса морфемки и словообразования.

В результате был обеспечен необходимый эмоциональный стимул для словотворчества и, как следствие, большой выбор удачных названий: «Дюймовочка», «Причесульки», «Подстригульки», «Весёлый парикмахер», «Мульти-чик», «Маленький принц», «Сказочный модник», «Сказки моды», «Сказка», «Маленькие стилиаги», «Страна красоты», «Стильный модник», «Праздник на голове», «Модняшки», «Миледи & Милорд», «К и С» (красивые и счастливые), «М и С» (модные и счастливые)... Кроме того, получено несколько названий, основанных на интересной визуализации отдельных букв. А хозяйка из всех предложений избрала «Стильняшки».

Показательно, что победный вариант родился в ходе обсуждения работ, полученных на 1-м этапе. Тогда же сами студенты аргументированно забраковали: «Антошка», «Ирокезики» (чрезмерное сужение семантики); «Празпарикдет», «Детовлас», «Эксклюзив», «Модерн», «Файерстриж», «Хайперская» (заумно); «Фея»,

«Принцесса» (не учтён гендерный фактор); «Стиляжки», «Волосатые ребята» (неблагозвучная ассоциация); «Паричок», «Минус волосы» (отрицательная коннотация). Кроме того, в работе №2 были исправлены «Улыбнуля» на «Улыбняша» и «Подстрижульки» на «Постригульки».

Как видно, саморедактирование на основе обсуждения благотворно сказывается на качестве нейминга.

Более сложной задачей является заполнение лакун в общественно-политических наименованиях.

На этапе установочной беседы внимание студентов было привлечено к тому, что даже российские журналисты высокого уровня употребляют для обозначения разрушительных и деструктивных субъектов на Украине слова *активист* и *патриот*. Эти лексемы имеют положительную коннотацию, но от такого применения как бы загрязняются. Возникает опасность, что с ними случится то же, что с *демагогами* и *демократией*. Потом совместными усилиями припоминаются и критически осмысляются синонимы: *укропы*, *бандеровцы*. Первый неудачен из-за омонимии с полезным растением, а второй просто неточен, так как фамилия идола украинских националистов – *Бандера*, и он не имеет никакого отношения ни к *Остану Бендеру*, ни к приднестровскому городу *Бендеры*. Варианты *лже-патриот*, *псевдо-активист* были отвергнуты, поскольку тоже предполагают употребление положительных корней для резко отрицательных наименований.

Финальная установка заключалась в следующем. Придумать оценочные наименования, которые удобно выявляли бы лживую и разрушительную сущность деятельности этих людей. При этом рекомендуется использовать корни тех слов, которые обозначают важные для горе-активистов понятия: *бандеровщина*, *национализм*, *майдан*, *АТО*, *Шухевич*...

В конечном итоге были получены оригинальные и перспективные для общественно-политического дискурса окказионализмы: *нацюки* (экспрессивность усиливает ассоциация с укр. *пацюки* (рус. «крысы»)), это новообразование впоследствии дважды использовал в публичных заявлениях глава ЛНР), *АТОрвоты*, *АТОшнюки*, *АТОриоты*, *бандервоты*, *бандероботы*, *бандерофаны*, *бандериоты*, *майданарбайтеры*, *майданоботы*, *майданофаны*, *салооты*, *салоукраинцы* (от их политического клича «Слава

Украине!»), *славосалы*, *понадусеры* (от девиза *Україна понад усе!* – кальки немецкого лозунга «Германия превыше всего!»).

Некоторые менее удачные окказионализмы были усилены в процессе редактирования: *разрушенцы* (придуманно по аналогии с *самовыдвиженцы*), *разрушанцы* (по ассоциации с *самозванцы*), *негативисты*, *переворотчики*, *свидомиты*, *варвариоты*.

Вместе с тем студенческому лингвокреативу свойственны, хотя и в значительно меньшем количестве, недостатки, отмеченные в работах учеников Т.А. Шароглазовой: незапланированные коннотации (*деструктуралисты*, *деконструкторы* (нежелательная связь с популярными *реконструкторами*), *бандеристы* (близко к *бандуристы*), *патриотнутые*) и функциональные неудобства (*мания патриотизма*, *укроразрушители*, *активиум головного мозга*).

На момент написания статьи наиболее свежей лингвокреативной темой, резко актуализированной в конце 2018 – начале 2019 гг., стала попытка отделения от канонического Православия. Её предприняла часть украинских священнослужителей, по наущению президента П.А. Порошенко и при агрессивной рекламной кампании в прокиевских СМИ, которая спровоцировала девятый вал осуждения и обсуждения в российском медиапространстве. На лексическом уровне ключевыми понятиями этой гипершумной акции стали *томос* (важный указ православного предстоятеля) и *автокефалия* (независимость церкви). Примечательно, что даже после получения желанного томоса апологеты новой структуры в публичных речах допускали колебания в её наименовании: то СЦУ (Святейшая церковь Украины), то ПЦУ (Православная церковь Украины).

Таким образом, выявились следующие проблемные места в общественно-политическом лексиконе. Как обозначать новозданную квазицерковную структуру? Как называть собирательно и в отдельности её сторонников? На сложность ответов указывает тот факт, что президент России В.В. Путин в интервью сербским СМИ предпочёл описательные выражения: «Попытка легализовать под юрисдикцией Стамбула существующие на Украине раскольничьи общины» и «новая церковная структура» [5].

В установочной беседе было сосредоточено внимание на семантике корней в существительных *томос* и *автокефалия*. Задача заключалась в сочинении окказионализмов, которые остроумно, но не грубо выявляли бы мишурный блеск упомянутой кампании и её результатов. Созданные лексемы должны подходить для использования в публицистическом дискурсе. По нашему мнению, этим требованиям соответствуют следующие студенческие нововобразования.

Для обозначения организации: *Киево-стамбульская церковь*, *фальшивая церковь*, *томос-цирковь*, *Украинская вместоцерковь*, *как бы церковь*, *автокефальня*, *автораскольня*, *томосарня*.

Для номинации её приверженцев: *томосовцы*, *томосовка*, *томокефалы*, *томоснюки*, *томосяне*, *томосявки*, *томосеки*, *томосята*, *томокефалии*, *томомайданцы*, *томосоны*, *томосончики*, *томосиоты*, *стамбуляне*, *томософаны*, *томосирующие*, *томософилы*, *автокефалисты*, *кефаличане*.

Как видно, на прагматическую ценность студенческих окказионализмов положительно влияют: опора на базовые знания по морфемике и словообразованию, чёткое описание общей экстралингвистической ситуации и коммуникативной интенции, а также предоставление «второго шанса» непосредственно после рецензирования. Будущие филологи могут не только анализировать продукты чужого речетворчества, но и создавать свои лексемы и фраземы с заданной семантикой и коннотацией. Лингвокреативная теория имеет большую прикладную перспективу.

Литература

1. Вершинина Г.Б. Культура речи или педагогическая риторика? (К вопросу о содержании вузовской подготовки бакалавров и магистров) // Педагогическое образование и наука: Научно-методический журнал. 2016. №1. – С. 86-89.
2. Вершинина Г.Б. Культура речи или педагогическая риторика? (К вопросу о коммуникативной компетенции бакалавров и магистров образования) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. №1. – С. 64-68.
3. Ковалёв В.И. Лингвистика креатива и коммуникативная компетенция личности // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) /отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х тт. Т.1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 117-124.

4. Петров А.В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн. 1. Симферополь, 2017. – С. 45-67.
5. Полный текст интервью Владимира Путина сербским СМИ // Российская газета. 2019. 16 января.
6. Шароглазова Т.А. Лингвокреатемы в творческих работах современных школьников: Магистерская диссертация. Красноярск: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2017. – 108 с.

КВАЗИРЕМОТИВАЦИЯ КАК ВИД ГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭРГОНИМА

В.А. Крыжановская

valentina91_91@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

Актуальный эргонимикон отвечает основным запросам потребителя, поэтому элементы ономастического пространства города полностью или частично отражают языковые тенденции, которые отличаются относительной нестабильностью. Это определяет необходимость изучения названий предприятий: эргоним является отражением языковой моды, проявляющейся в активном заимствовании, архаизации, использовании пиктографических элементов и т.д. Среди видов графической трансформации, наиболее часто используемых при создании эргонима, можем выделить обратную транслитерацию, двойную графику, ретро-номинацию и включение интернет-символики. Все это позволяет создать наиболее успешный эргоним, способный привлечь внимание потенциального потребителя и вызвать у него ряд ассоциаций. Однако полное или частичное изменение формы не всегда предполагает семантизацию эргонима, в ряде случаев используемые средства не актуализируют дополнительные смыслы, являются асемантическими.

Тем не менее в последнее время отмечается возникновение эргонимов, семантически трансформированных посредством включения элементов языковой игры. Так, современная языковая ситуация, предполагающая активное использование номинаторами элементов графической трансформации в единицах ономастического пространства, подразумевает возникновение поликодового,

многозначного эргонима, отличающегося мотивированностью. Как отмечает А.П. Журавлев, «тенденция к мотивированности есть проявление в мире знаков всеобщей диалектической закономерности – стремления содержания и формы к взаимосоответствию. Но если бы эта тенденция превратилась в жесткую связь, знаковая система потеряла бы возможность саморазвития. Отсюда вторая тенденция – к произвольности как стремление к свободе развития. Диалектическое противодействие этих двух тенденций во многом определяет развитие и функционирование разных видов знаков» [1, с. 21-22]. Так, в периферийной ономастике появляются мотивированные и немотивированные эргонимы.

Особый интерес представляют онимы с элементами ремотивации и графической квазиремотивации, под которой подразумевается вид графической деконструкции, предполагающий изменение слова в процессе омонимических и паронимических сближений [3]. Подобных эргонимов становится все больше, в современном ономастическом пространстве мы выявили 75 единиц, что составляет 6% от общего количества [2, с. 145]. Мы выделяем несколько типов графической квазиремотивации.

1. Графическая квазиремотивация, включающая элементы двойной графики. Так, эргоним *МойCar* может трактоваться как «мойка» (омонимическое сближение лексических единиц) и как «моя машина» (car в пер. с англ. «автомобиль, машина») именно благодаря сочетанию русского и иноязычного компонентов. В эргониме *Kat-in* двойная графика вызывает у потребителя, с одной стороны, ассоциацию с лексемой «камин», подразумевающей домашний уют, с другой, – с омофоничной фразой «come in», (в пер. с англ. «заходи»). Таких эргонимов большинство: антикафе *FreeДом*, бар *LaBaui*, бильярдный клуб *ШарMan*, караоке-клуб *Zаной*, магазины женской одежды *BESTия*, *La пуля* и мн.др. В эту же группу отнесем редкие случаи обратной транслитерации, влияющей на мотивированность слова (к примеру, название фитнес-клуба *Арм Стронг*).

2. Графическая квазиремотивация, включающая капитализацию отдельных графем или буквосочетаний. Так, в названии антикафе *ТерраКот* заглавная буква *К* позволяет потребителю «перевести» его, как «территорию котов»: в это кафе можно прийти с домашним животным. Подобных примеров значительно

меньше: магазин *МастерОК*, магазин медтехники *АрхиМед*, солярий *ЗагаРай*, столовая *Уха Жор*, антикафе *СейЧас*. В редких случаях номинаторы используют полную капитализацию. Интересным примером является название паста-бара PAST PERFECT, которое можно перевести, как «идеальная паста», что соотносится с направлением заведения.

3. Графическая квазиремотивация, предполагающая намеренное нарушение норм русской орфографии (реже пунктуации): концертный зал *ПиРОК!*, магазин *БИГзуди*, магазин *БаиМаг*, парикмахерская *ШИКолад*, центр детского досуга *Профи-Троль*. «Ошибки» позволяют номинатору создать поликодовый эргоним: название салона женского белья *СчастлиФчик* подсказывает потребителю особенность продукции магазина.

4. Графическая квазиремотивация, включающая пиктографические элементы, компоненты интернет-символики и синграфемки: сайт автошколы *prav.net*, сайт больших скидок *РАВНОДУШНЫХнет!*, салон автомобилей напрокат *nepeshkom.ru*, прачечная *Грязи.net*, рекламное агентство *Le`MoN*, ресторан *Art&Shok*, магазин нижнего белья *BELL`ё*, магазин *К`мод*, кальянная *ДУНЬ`ка*. Подобные элементы в эргонимах создают необычный графический образ, что влияет на его судьбу в ономастическом пространстве.

Эргонимы с элементами графической квазиремотивации не только реализуют аттрактивную функцию, привлекая внимание потенциального потребителя. Они иллюстрируют основные тенденции языковой моды, указывающие, в первую очередь, на клиентоориентированность, а также на стремление номинаторов создавать неоднозначные, сложные именованья, которые на сегодняшний день можно считать символами нашего времени.

Литература

1. Журавлев А. П. Типы значения слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: КГУ, 1976. С. 20-25.
2. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: диссертация на соискание степени кандидата филологических наук (10.02.01). Краснодар, 2017.
3. Рябкова Н.И. Языковая игра в рекламном тексте// Культура и сервис: взаимодействие, инновации, подготовка кадров: Материалы 1 межрегиональной научно–практической конференции. – СПб: Изд-во СПб ГУСЭ, 2009.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ. СЕМАНТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТЫ

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В МАРКЕТИНГОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.В. Бугаева

bugaevaiv@mail.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева»
(Москва)

Описание активных процессов, происходящих в лексике современного русского литературного языка, включает такие явления, как архаизация, деархаизация, десакрализация, деидеологизация, появление неологизмов и окказионализмов, сужение и расширение лексического значения, семантические сдвиги, развитие полисемии и омонимии и др. [1, 2, 5, 6, 7].

Десакрализация лексики – процесс, встречающийся не только в русском языке, но и в других европейских языках, поскольку связан «с ослаблением и утратой христианского мировоззрения, секуляризацией культуры и картины мира» [6, с. 239]. В России этот процесс был обусловлен также активной атеизацией общества после революции 1917 года вплоть до конца XX века.

Л.Е. Малыгина по результатам проведенного исследования делает вывод о том, что использование прецедентных феноменов библейского происхождения, цитат из Священного Писания, обыгрывание названий таинств, «с целью создания комического эффекта» в телевизионных промороликах приводит к «десакрализации современного языкового сознания» [5, с. 68]. Трудно с этим выводом согласиться, так как религиозное сознание граждан России активно разрушалось под воздействием агрессивной атеистической пропаганды и массовых репрессий верующих в послереволюционный период. Наоборот, на рубеже XX–XXI вв. начинается постепенная сакрализация сознания определенных социальных групп, приверженцев разных конфессий и религий. Другое дело, что комическое обыгрывание сакральных понятий приводит к

коммуникативным неудачам журналистов и сценаристов и тормозит воцерковление новоначальных.

Ранее мы описывали динамические процессы, которым подверглась религиозная лексика на рубеже XX–XXI вв. [1, 2].

В данной работе на примере лексем-терминов «икона-иконка», «IT-евангелист», «IT-проповедник», «технологический евангелизм» опровергается высказываемый многими исследователями тезис о том, что все религиозные лексемы в светском дискурсе подвергаются десакрализации. В маркетинговой терминологии, заимствованной из английского языка, семантический сдвиг произошел у английских религиозных лексем. Именно они утратили сакральную сему и были восприняты русским языком как термины в своем новом значении. Эта гипотеза подтверждается проведенными нами исследованиями. Так, на примере лексемы *икона*, дефиниция которой в большинстве словарей современного русского литературного языка представлена однотипно как ‘живописное изображение бога или святых, являющееся предметом почитания у христиан; образ’, мы показали истоки и причины появления новых значений, например, ‘икона стиля’. В современной русской речи часто встречается слово *икона* в одном из новых значений: ‘кумир’, ‘идол’, ‘символ’, ‘значок’, ‘пиктограмма’. Новые «нерелигиозные» значения заимствованы русским языком из греческого языка через посредничество английского языка со значениями ‘символ’, ‘знак’, ‘пиктограмма’, что приводит к появлению омонимии. Переводы трудов Ч. Пирса и его последователей на русский язык ввели употребление лексемы *икона* как семиотического и лингвистического термина. «Хронологически раньше, во второй половине XX века, появляется значение «идол, кумир». В английском слове *icon* отсутствует религиозная сема, только православие и католицизм сохранили сакральное значение иконы как атрибута христианского вероучения. В английском языке религиозное значение слова *icon* маркировано графикой. В большинстве европейских языков развитие получили другие значения многозначного древнегреческого слова *εἰκόνα*, которые в последние десятилетия заимствуются русским языком» [3, с. 20].

Рассмотрим причины появления нового значения у лексемы *евангелист*.

Первым IT-евангелистом считается американский маркетолог Гай Кавасаки, который ввел этот термин, работая в компании Apple и отвечая за продвижение компьютера Macintosh. Практически он занимался тем, что убеждал людей перейти на новые технологии. Г. Кавасаки выделил главную особенность новой профессии: евангелизм отличается от классического маркетинга тем, что в центре внимания находятся не товар и прибыль, а вера в то, что предлагаемый товар и люди, которые им пользуются, могут сделать мир лучше [4].

IT-евангелист не имеет отношения к религии, но его работу можно сравнить с работой миссионера: он пытается донести до людей преимущества продвигаемой программы. Идеальный IT-евангелист – это эксперт в области информационных технологий, умеющий заинтересовать целевую аудиторию новыми технологическими решениями. В пример можно привести Илона Маска, который в прямом смысле проповедует глобальные изменения в мире путем внедрения новых технологий, предлагаемых компаниями Tesla Motors или SpaceX.

Газета «Ведомости» пыталась разобраться в новом явлении, проведя заочный «круглый стол». Так, бывший IT-евангелист компании «Суп» А. Носик сказал: «Евангелизм – это новый вид PR, который продвигает ценности технологической платформы. Разница в том, что PR-менеджер за деньги транслирует текст заказчика, а евангелист сам досконально разбирается в предмете и своим примером заражает людей». Другой участник заявил: «Евангелист – это популяризатор технологий. Один человек технологию изобрел, а другой о ней рассказал. Похожей деятельностью занимались евангелисты – последователи Христа» [<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2011/02/10/>].

У данного термина есть синоним – IT-проповедник, второй компонент которого также относится к религиозной сфере. Например, *IT-евангелист (IT-проповедник) отвечает за продвижение программных продуктов. Он профессионально занимается пропагандой в сфере информационных технологий; В будущем IT-проповедники будут расширять свое влияние, выходя в «народ»; IT-проповедник должен обладать экспертными знаниями в области инфор-*

мационных технологий, уметь обучать, выступать с яркими речами и интересовывать аудиторию
[<https://postupi.online/professiya/it-evangelist/>].

В России термин получил дальнейшее развитие, выйдя за рамки IT-индустрии. В других бизнес-сферах говорят об *евангелистах* как самостоятельной должностной позиции, которая совмещает обязанности PR-специалиста, маркетолога, рекламиста, журналиста, пресс-секретаря, бренд-менеджера, специалиста по SMM-продвижению. Например, *Мы уже год как считаем, что у нашей небольшой компании есть евангелисты; Евангелист – это человек, который, в первую очередь, находится посередине между тем, что вы бы назвали «бренд», и внешней аудиторией; Евангелист — это проводник в обе стороны; Слово «евангелист» довольно точное: главное, что от вас требуется, — это вера в то, что это действительно очень крутая вещь, которая изменит мир (потому что если это не изменяет мир, то зачем оно вообще нужно?) и знание, глубокое знание того, что эта штука делает, как же она работает — и почему она работает; Евангелист – это не должность, это роль; Если вы сами не в состоянии быть евангелистом своего продукта, если вы сами не готовы рассказывать о нем на каждом углу, то зачем вы им вообще занимаетесь?*
[<https://habr.com/ru/company/tceh/blog/291572/>].

Следовательно, значение современного маркетингового термина можно определить следующим образом: **евангелист** – это создатель идеологии для компании и коммуникатор с внешним миром, профессионально занимающийся пропагандой.

Маркетологи придают продажам и прибыли практически «сакральное» значение, что не противоречит протестантской морали.

В Америке такое религиозное название должности ни у кого не вызывает удивления, но в нехристианских странах фирмы вынуждены подбирать другие термины для наименования подобных специалистов.

В нашей стране нашлись те, кто пошел дальше американских маркетологов и начал употреблять этот термин в религиозном значении. Так, в Санкт-Петербурге зарегистрирована Ассоциация IT-евангелистов, председатель правления которой П. Левушкан считает свою организацию консалтинговым агентством, помогающим свя-

щенникам расширить паству за счет использования новых технологий, и заявляет: «Мы обучаем протестантских пасторов проповедовать идеи Христа через интернет и другие средства связи, например, смартфоны. Для этого они должны владеть IT-технологиями» [<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2011/02/10/>].

Сравнительно недавно в России появился термин “бизнес-ангел” от английских выражений *business angel*, *angel investor* в значении ‘частный венчурный инвестор, обеспечивающий финансовую и экспертную поддержку компаний на ранних этапах развития’. Приведем примеры: *Известно, что десятки компаний с мировым именем на начальном этапе развития были проинвестированы именно бизнес-ангелами, например, Amazon, Google, Yahoo, Intel; Ангелы-предприниматели являются успешными бизнесменами, готовыми к вложению крупных денежных сумм в перспективные идеи для формирования своего инвестиционного портфеля.*

Из статьи на сайте InvestingNotes мы узнаем, что в России есть 52 бизнес-ангела [<https://investingnotes.trade/biznes-angely.html>], другими словами, самых известных частных инвестора. Несколько лет назад была создана Национальная ассоциация бизнес-ангелов Angel Relations Group [<http://rusangels.ru>], а в бизнес-школе «Сколково» существует Клуб ангелов.

Употребление слова «ангел» в сочетании с бизнесом и предпринимательством для верующего христианина является кощунственным. Понятна мотивация выбора данного слова: ангел-хранитель, который всегда поможет. Но в религиозном значении Ангел-Хранитель защищает и помогает спасти душу для жизни вечной. В коммерческом значении наоборот приводит к поклонению золотому тельцу, к появлению «новой религии».

Таким образом, считаем неправомерным относить использование лексем *икона, евангелист, евангелизм, проповедник, ангел* в иных коммуникативных ситуациях помимо религиозной как результат десакрализации русской религиозной лексики. В данном случае произошло заимствование компьютерных и маркетинговых терминов из английского языка, появление нового значения религиозных лексем произошло сначала в американском варианте английского языка, что допускалось протестантской моралью, и в этом новом

значении было воспринято русским языком через профессиональный сленг IT-специалистов и маркетологов в бизнес-коммуникациях.

Литература

1. Бугаева И. В. Динамические процессы в религиозной лексике // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире: Сб. науч. тр. – Брно: Университет св. Кирилла и Мефодия, 2014. – 49–54.
2. Бугаева И.В. Семантические процессы в религиозной лексике в XX веке / Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. // Отв. ред. В.Р. Тимирханов. Вып. 26. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2016. – С. 69–77.
3. Бугаева И.В. Концепт икона в русской языковой картине мира // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». – 2016. № 3 (20). – С. 13–20.
4. Кавасаки Г. Стартап. 11 мастер-классов от экс-евангелиста Apple / Пер. с англ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. – 240 с.
5. Малыгина Л.Е. Проблема десакрализации современного языкового сознания (на примере телевизионного промодискурса) // Мир русского слова. – 2017. № 1. С. 68–71.
6. Петрухина Е.В. Процессы десакрализации лексики в русском языке: роль словообразовательных формантов // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 238–247.
7. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 210 с.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМ МЕНТАЛИТЕТ И МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

Л.И. Жуковская

lara_nn@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В работе рассматриваются грамматические признаки «аккультурации» концепта «менталитет/ ментальность» в современном

русском языковом сознании, которые находят свое выражение в грамматических преобразованиях соответствующих лексем *менталитет* и *ментальность*.

В наши дни в среде действия активных процессов в современном русском языке [6] отмечается тенденция, которая в работах Т.Б. Радбиля характеризуется как «культурная апроприация заимствований» [9], на концептуальном уровне выступающая отражением культурного освоения инокультурных концептов в современном русском языковом сознании.

Особое место в ряду социально-значимых концептов сегодняшней России занимает концепт «менталитет / ментальность», который является удачным обобщающим обозначением таких давно воспринятых в культурной традиции, но не имеющих единой и общепринятой терминологической номинации понятий, как «дух народа», «народное мировоззрение / мироощущение», «национальный характер» и пр. [7]. В наших предыдущих исследованиях мы рассматривали процесс культурного освоения этого концепта в национальной концептосфере наших дней [3; 4]. В настоящем исследовании мы подробнее остановимся на некоторых примечательных языковых признаках этого процесса. В качестве теоретической базы исследования выступают идеи и принципы лингвокультурологического анализа национальных кодов культуры на лингвокогнитивной основе, обоснованные в трудах А. Вежбицкой [2], а также теория языковой концептуализации мира, заложенная Ю.Д. Апресяном [1] и развитая в работах [7; 10; 11].

В работах Т.Б. Радбиля выделяются разноуровневые **параметры**, по которым можно судить о степени культурной освоенности заимствований — *лексико-семантические, словообразовательные, грамматические* и *коммуникативно-прагматические* [9: 107–115]. В наших работах были последовательно рассмотрены лексические и словообразовательные параметры культурного освоения концепта «менталитет / ментальность» [3; 4]. Цель настоящего исследования — осветить рефлекс культурного освоения лексем *менталитет* и *ментальность* на уровне **грамматики (морфологии и синтаксиса)** русского языка. Материал исследования — данные Национального корпуса русского языка и проведенного автором Интернет-мониторинга.

На морфологическом уровне признаки культурной освоенности для лексем *менталитет* и *ментальность* заключаются в приобретении ими грамматической оформленности по законам русской морфологии, т.е. категоризация по русским морфологическим категориям рода, числа, падежа и пр. Применительно к интересующим нас случаям культурной освоенности анализируемых слов это проявляется в приобретении ими возможности изменяться по числам (в норме слова *менталитет* и *ментальность* являются *Singularia Tantum*, т.е. закономерно, будучи лексемами абстрактного терминологического характера, не имеют множественного числа). Ниже представлены контексты грамматической категоризации по множественному числу для лексем *менталитет* и *ментальность* из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и контексты из интернет-коммуникации (URL).

(1) Для лексемы *менталитет*:

Впрочем, это же справедливо относительно наших соотечественников, занимающихся исследованиями менталитетов других народов и наций (НКРЯ — А.А. Григорьева. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ). Томск, 2008);

Разница менталитетов мешает отношениям (URL: <http://www.psychologies.ru/story/raznitsa-mentalitetov-meshaet-otnosheni-iam/>);

В базе данных будут представлены научные тексты и иная, имеющая непосредственное отношение к предмету, информация, касающаяся особенностей национальных менталитетов народов разных регионов мира, их проявления в различных сферах жизни общества (в экономике, политике, культуре, языке и т.д.) (URL: <http://national-mentalities.ru>).

(2) Для лексемы *ментальность*:

Однако я собираю свидетельства о русской ментальности и хотел бы выразить коренные ее особенности в наивозможно полном виде. А сравнения с ментальностями других покажет только, как близки мы друг другу и почему нам не нужно vzdorиться (НКРЯ — В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006);

История ментальностей фокусируется не на войнах, великих людях, и политике, которые были объектом большинства европейских историографий с древних времен, а, наоборот, на мышлении в культурах и социальных группах прошлого https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9 - cite_note-1. Термин можно также рассматривать в качестве эквивалента или гипонима для истории культуры (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_ментальностей).

На синтаксическом уровне это проявляется в сочетаемости слов менталитет и ментальность с количественными числительными. *Менталитет* или *ментальность* в этих случаях выступают в роли конкретно-считаемых объектов:

В фокусе внимания нашего исследования два менталитета: русский и французский (НКРЯ — М.К. Голованивская. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М., 2009);

Две ментальности. Гордыня, граничащая с пещерностью, и "второсортные" народы (URL: <https://www.krugozormagazine.com/show/jamala.3106.html>).

К грамматическим признакам культурной освоенности иноязычных по происхождению лексем также следует, на наш взгляд, относить и их участие в моделях **синтаксической деривации** (термин Е. Куриловича). К синтаксической деривации относятся отношения производности, при которых лексическое значение производных слов тождественно значению производящих, а различия между ними чисто грамматические (разная частеречная принадлежность и пр.) [5]. И.А. Ширшов выделяет для русского языка следующие группы синтаксических дериватов: отвлеченные отглагольные существительные: *резать* - *резьба*, *петь* - *пение*; отвлеченные отадаъективные существительные: *красный* - *краснота*, *свежий* - *свежесть*; относительные прилагательные (обозначают общее неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой): *лес* - *лесной*, *медь* - *медный*; качественные наречия: *смелый* - *смело*, *свежий* - *свежо* [12].

Лексемы *менталитет* и *ментальность* также порождают синтаксические дериваты — окказиональные относительные прилагательные *менталитетный* и *ментальностный*. См., например, название одного учебного пособия: «*Менталитетные свойства*

русской языковой личности в зеркале словаря, грамматики и морфемной структуры слова: Программа спецкурса» (URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_166.shtml), а также такие словоупотребления в Интернете, как **менталитетный** аспект, **менталитетная** сфера и пр.

Имеется это слово и в научном гуманитарном дискурсе: *Инструментарий данного ответвления новой риторики позволяет существенно углубить дискурсный анализ разнообразных текстов, придав ему историко-менталитетный характер* (НКРЯ — Валерий Тюпа, «Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике»).

Примечательно, что неологизм **менталитетный** встретился нам и в художественной речи: *Менталитетный выбор: дорожке — значит лучше* (НКРЯ — Сергей Абрамов, «Мертвые не плачут»).

Отметим, что данное потенциальное слово образовано уже по стандартной продуктивной суффиксальной модели: МЕНТАЛИТЕТ-Н-ЫЙ ← МЕНТАЛИТЕТ (как *приоритетный* от *приоритет*), что делает его адекватным выразителем требуемого для признаковой абстрактной научной лексемы комплекса смыслов.

На следующей ступени словообразования на базе **менталитетный** закономерно образуется еще одно потенциальное слово — **менталитетность**, также выступающее как синтаксический дериват:

МЕНТАЛИТЕТНОСТЬ *и, м. mentalité f. окказ. То же, что менталитет. А некий максималист (если уж делать, то побольше), родил менталитетность. ЛГ 24. 6. 1998* (Исторический словарь галлицизмов русского языка. — URL: <https://gallicismes.academic.ru/24288/менталитетность>).

Интернет-мониторинг выявил также ряд вхождений для еще одного словообразовательного неологизма — слова **ментальностный**: *Чтобы переломать многовековой ментальностный уклад в России, нужно (всего-навсего) лет этак 50 внешнего управления...* (Мониторинг времени. — URL: <http://www.hegel.ru/monitoring.html>);

В гуманитарных науках существует несколько подходов к изучению фобий, обозначим их как ментальностный, психоаналитический, бихевиористский и, наконец, функциональный

(URL:<http://www.dslib.net/teorja-kultury/fobii-v-rossijskoj-predprinimatel-skoj-kulture-kulturologicheskij-analiz.html>);

Комплексный страноведческий анализ. "Ментальностный" и "идентичностный" подходы (URL: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oor/53702.pdf>).

И это потенциальное слово тоже образовано по стандартной продуктивной суффиксальной модели, но уже от слова *ментальность*: МЕНТАЛЬНОСТ-Н-ЫЙ ← МЕНТАЛЬНОСТЬ (как *личностный* от *личность*).

В заключение отметим, что выявленные грамматические рефлексии культурной апроприации концепта «менталитет / ментальность» демонстрируют значительное разнообразие морфологических и синтаксических преобразований окказионального характера, которые осуществляются в речевой практике интернета по моделям исконно русских слов, что, впрочем, характерно и для рефлексии культурной апроприации данного концепта и на других уровнях — лексическом, словообразовательном и коммуникативно-прагматическом, что показано нами в работе [4]. Все это как раз и является свидетельством его значительной концептуальной освоенности в отечественном культурном пространстве наших дней.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. М.: Наука, 1986. Вып. 28. — С. 5–33.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В Падучевой. М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
3. Жуковская Л.И. Концепт «менталитет/ментальность» в активных процессах современной русской речи: рефлексии окказионального словообразования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. — С. 200–204.
4. Жуковская Л.И. Проблема культурной апроприации лексем *менталитет* и *ментальность* в языковой объективации концепта «менталитет / ментальность» в современной русской речи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). — С. 60–67.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005. — 224 с.
6. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. — 304 с.

7. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. — С. 137–153.
8. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. — 328 с.
9. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. — С. 107–115.
10. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. — URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
11. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (26). — С. 5968-5971.
12. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2004. — 1024 с.

«КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АНТОНИМИЯ» КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ»

Н.В. Наговицына

nagov@list.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

Работа продолжает предпринятое нами исследование особенностей языковой экспликации социально значимого концепта «патриотизм» в современной русской речи. В соответствии с принятой концепцией исследования под анализом языковой экспликации понимается изучение синтагматических, парадигматических и словообразовательных связей и отношений, в которых находятся лексем-репрезентанты указанного концепта [6; 270–277]. В данном исследовании рассматриваются особенности парадигматических отношений, а именно, «концептуальная антонимия» лексем *патриотизм*, репрезентирующей соответствующий концепт в системе языка и в ее речевой реализации.

Цель исследования. В работе исследуются отношения «кон-

цептуальной антонимии», в которые вступает лексема *патриотизм* как базовый репрезентант одноименного концепта в системе языка и в ее речевой реализации. Исследование основывается на идеях и принципах теории языковой концептуализации мира, представленных в работах [1; 8; 9; 11] и методах анализа культурных концептов [3; 12; 13]. Анализ осуществлен на материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и проведенного автором интернет-мониторинга.

Под «концептуальной синонимией» и «концептуальной антонимией» (иногда используются термины «концептуальная квазисинонимия» и «квазиантонимия») в работах Т.Б. Радбиля понимаются отношения сближения и расхождения единиц на концептуальном уровне, которые проявляются в дискурсе, в речи, но при этом в языковой системе указанные единицы могут в качестве синонимов или антонимов не фиксироваться. При этом единицы, являющиеся синонимами на уровне языка, могут на концептуальном уровне антонимизироваться («концептуальная квазиантонимия»), и наоборот, единицы, не являющиеся синонимами в языке, проявляют синонимические сближения в концептосфере, в языковой картине мира («концептуальная квазисинонимия») [7; 10]. С другой стороны, синонимия или антонимия на концептуальном уровне может как бы «наследоваться» единицами на языковом уровне, в этом случае синонимия или антонимия языковая выступает как частный случай, как проявление синонимии или антонимии концептуальной.

Концепт «патриотизм» относится к социально значимым концептам русской культуры, которые отличаются повышенной идеологической маркированностью. Эти лексемы имеют свою специфику, связанную с терминологическим происхождением слова *патриотизм*, с его политизированным и идеологизированным характером, поэтому характер смысловых сближений и расхождений очень показателен в том плане, что может продемонстрировать специфику политических взглядов общества. Все это подтверждает и проведенное нами исследование «концептуальной антонимии» лексем, формирующих концепт «патриотизм».

Антонимические отношения, характерные для языковой экспликации концепта «патриотизм», моделируются в нашей работе на основании толковых словарей [2; 4] и классических словарей

антонимов [5]. В проанализированном языковом и текстовом материале для лексемы *патриотизм* мы по структурному основанию выделяем три группы антонимов с учетом того, что на концептуальном уровне в антонимические отношения со словами могут вступать и словосочетания-коллокации, обозначающие единое цельное нечленимое понятие:

(1) однокоренные антонимы: *антипатриотизм*;

(2) разнокоренные антонимы: *космополитизм, либерализм, интернационализм, мультикультурализм, глобализм*;

(3) составные наименования: *ненависть к отечеству, ненависть к отчизне, ненависть к родине*.

Наиболее показательны для описания концептуального содержания «патриотизм» антонимические отношения лексем *патриотизм – антипатриотизм*.

В словарях *антипатриотизм* трактуется как 'враждебное чувство к отечеству' [3]. Примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) регулярно дают контексты реализации этой лексемы в негативно-оценочном регистре, что вполне ожидаемо: *Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылутился самый вульгарный и пошлый антипатриотизм* (НКРЯ – С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)); *Поэтому он отвечал не за антипатриотизм или саботаж, а за недисциплинированность или, как говорили в аппарате Берии, за хулиганство* (НКРЯ – А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983-1989)); *Обратите внимание: пока речь не идет о навязывании патриотизма. Наоборот, нам навязывают антипатриотизм. Вообще, я глубоко убежден, что любовь к Родине настолько сильное и глубинное чувство, что оно и само восстановится, только не надо мешать людям быть патриотами* (НКРЯ – Неверов Александр. Юрий Поляков: Не навязывайте антипатриотизм // Труд-7, 2005.07.27).

Эта негативная оценочность наследуется и другими субстантивными и адъективными дериватами: *антипатриот, антипатриотический (антипатриотичный)* и пр.

Важно, что по параметру негативно-оценочного противопоставления подлинному патриотизму с антонимом *антипатриотизм* сближаются и синонимы (точнее, «квазисинонимы») *урапатриотизм* и *ультрапатриотизм*.

Ура-патриотизм: 'Показной и шумный патриотизм' [4]; 'Безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм' [2]. Ср. характерный контекст из Национального корпуса русского языка: *Ура-патриотизм, конечно, сплачивает нацию, но смерть молодых соотечественников вдали от родины нужно как-то оправдывать* (НКРЯ – Олег Шевцов, Максим Чижиков, Евгений Умеренков, Андрей Кабанников. Буш разворошил иракский «муравейник» // Комсомольская правда, 2004.03.22).

Ультрапатриотизм: 'Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм' [2]. Это отражается и в примерах из Национального корпуса русского языка: *Я никак не националист, русский «ультрапатриотизм» отвратителен, от эмиграции – первой, второй, третьей, какой угодно, – меня часто мутит* (НКРЯ – А. Д. Шмеман. Дневники (1973–1983)).

Получается, что, будучи синонимами на уровне языка, лексемы *ура-патриотизм* и *ультрапатриотизм* выступают на концептуальном уровне как антонимы по отношению к лексеме *патриотизм*.

Аналогично ведет себя синоним *квазипатриотизм / псевдопатриотизм*, который в концептуальном отношении выступает как антоним («квазиантоним») по отношению к лексеме *патриотизм*. Об этом свидетельствуют примеры из интернета:

Но информационная война против России продолжается, и русофобы просто сменили тактику. На смену откровенной русофобии приходит псевдопатриотизм (Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/84725-psevdopatriotizm-opuhol-na-tele-patriotizma.html/>).

Свел к нулю квазипатриотизм: эксперт прокомментировал отказ Усика от звания «Героя Украины» (Политэксперт. URL: <https://politexpert.net/115563-svel-k-nulyu-kvazipatriotizm-ekspert-proko-mentiroval-otkaz-usika-ot-zvaniya-geroya-ukrainy/>).

Обобщенным выражением указанных смыслов является коллокация *ложный патриотизм*, которая также выступает одновременно и как концептуальный синоним к лексеме *патриотизм* и как концептуальный антоним (противопоставление по признаку подлинность – ложность, мнимость): *Из всех щелей вылезли*

клопы и собрались под знамя ложного патриотизма, ложного монархизма, ложного национализма, а на самом деле – под знамя подхалимства, наживы и хулиганства... (НКРЯ – С.М. Волконский. Мои воспоминания. Том 2 (1923–1924)).

Что же касается концептуальной антонимизации лексемы *патриотизм* и коллокаций *ненависть к отечеству, ненависть к отчизне, ненависть к родине*, то эта группа отражает, на наш взгляд, уточненную дефиницию, экспликацию семантики *антипатриотизм* и в этом случае непоказательная. Иными словами, эти коллокации представляют собой своего рода расшифровку концептуального содержания *антипатриотизма* как антиномического репрезентанта концепта «патриотизм».

Как было сказано в начале работы, антонимические отношения для слова *патриотизм* подчеркивают идеологическую зависимость его семантики от субъекта высказывания, его политических пристрастий. В наиболее полном виде понятию *патриотизм* противостоит идея *космополитизма* и *интернационализма*.

Космополитизм: 'Идеология, заключающаяся в отказе от национальной самобытности, национальных традиций и культуры, в пренебрежении собственными национальными интересами и выдвигающая идеи единого мирового государства и гражданства' [4]. Эту семантику подтверждают материалы Национального корпуса русского языка: *Основные «догматы» либеральной веры – приоритет свободы, индивидуализм, космополитизм, мелиоризм – могут быть оценены и интерпретированы, с христианской точки зрения, как крайне негативно, так и вполне позитивно* (НКРЯ – Александр Кырлежев. Либеральные тенденции в русском православии: к постановке проблемы (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11).

Интернационализм: 'Идеология и политика межнациональной, международной солидарности, основанные на равенстве и сотрудничестве всех народов' [4]. Ср. в Национальном корпусе русского языка: *Не интернационализм, а беззаветная борьба русских за свою независимость воодушевила другие народы СССР на борьбу с расистским национал-социализмом Гитлера* (НКРЯ — Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008).

Приведенный анализ позволяет внести важное уточнение в

специфику семантического наполнения концепта «патриотизм» с позиций особенностей концептуальной антонимии лексем – его репрезентантов. Носители русского языка в целом неоднозначно оценивают патриотизм, не воспринимая порою ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства. Но при этом практически всегда негативно оцениваются его противоположности («концептуальные антонимы и квазиантонимы») по любым смысловым основаниям.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. М.: Наука, 1986. Вып. 28. – С. 5–33.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В Падучевой. М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. – 1084 с.
5. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1985. – 384 с.
6. Наговицына Н.В. Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 270–277.
7. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.
8. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. – С. 137–153.
9. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. №1 (13). – С. 239–265.
10. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.
11. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. 2006. №1 (11). – С. 77–100.
12. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (26). – С. 5968–5971.

13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

КОМПОНЕНТЫ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

М.В. Пименова

pimenova-vgpu@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(Владимир)

Необходимо отметить, что под **коннотацией**, «ср.-лат. *connotatio*, от *connoto* – ‘имею дополнительное значение’» [10, с. 236], исследователи чаще всего понимают *сопутствующее* значение языковой единицы («добавочное» со-значение к денотативному (или информативному, или предметно-логическому, или рациональному, или объективному, или дескриптивному) – Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, О. А. Ахманова, Ш. Балли, Е. Бартминьский, Л. Блумфилд, М. Блэк, А. Вежбицкая, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Т. Г. Винокур, Е. М. Вольф, И. Р. Гальперин, В. И. Говердовский, Б. Ю. Городецкий, В. Н. Гридин, Е. И. Диброва, Дж. Лакофф, Л. Ельмслев, В. А. Звегинцев, И. М. Кобозева, Г. В. Колшанский, Н. Г. Комлев, Н. А. Лукьянова, В. А. Маслова, Д. Миллер, Л. А. Новиков, А. Б. Пеньковский, О. Г. Ревзина, Г. Н. Складская, В. Н. Телия, Б. Тошович, С. Ульман, В. К. Харченко, В. И. Шаховский, Л. В. Щерба, Д. Н. Шмелев и др. При указании на дополнительное значение в лингвистических работах встречаются также следующие термины: *ассоциативные признаки, добавления, добавочные значения, «добавки» к основному значению, дополнительные наслоения, окраски, окрашенность оттенки, прагматическое значение, прибавочный элемент слова, приращения смысла, сверхзначения, семантические ассоциации, элементы* и др. Многообразие терминологии свидетельствует о «размытости» стоящего за термином **коннотация** понятия и о его недостаточной разработанности, поскольку «...данный аспект значений слова стал объектом пристального внимания исследователей сравнительно недавно, в связи с общей переориентацией лингвистических исследований – переходом от анализа как

системы знаков к анализу функционирования этой системы в речевом общении» [2, с. 87-88].

Мы полагаем, что лексико-семантическое коннотативное значение является **синкретичным** ('нерасчлененным', от греч. συνκρητισμός – 'соединение', 'объединение', 'связывание'), поскольку это субъективное «со-значение», которое совмещается / синтезируется с объективным (денотативным) значением (подробнее см. [7]).

Следует отметить, что современные лингвисты, как правило, отождествляют **коннотацию** с семантикой **эмоциональности, экспрессивности, образности, стилистической маркированности**, не отграничивая их друг от друга. Рассмотрим данные смежные, но все-таки разнородные лингвистические явления.

Оценочность – отражение в семантике слова **логико-философской категории ценности**, проявляющейся в выражении субъективного отношения (положительного – отрицательного) к объективной ценности того или иного предмета (явления), которое воспринимается говорящим/слушающим как его статичный или динамичный признак/свойство/качество/состояние. Например: **общеоценочное** значение (*хороший – плохой*), **частнооценочные** значения (*душистое мыло – неприятный запах, сладкий вкус – горькое лекарство, умный совет – неразумный поступок, прекрасный лоб – безобразная внешность, нравственный человек – непристойные ругательства, полезный труд – вредные примеси, дорогая вещица – грошова безделка* и др.) [11, с. 42]. Здесь и далее значения лексических единиц даются по словарю С. И. Ожегова [4].

Эмоциональность (франц. *emotion*, лат. *emovere* – 'волновать') – отражение в значении слова **психологических категорий** (эмоций, чувств, настроений), проявляющихся в выражении эмоционального отношения субъекта (говорящего или пишущего) к объекту, вызывающему у него позитивные/негативные чувства ('удовольствие' – 'неудовольствие', 'принятие' – 'отталкивание'). Например: **междометия** (*ай-ай, ага, ах, ба, боже, браво, гм, ой, ох, увы, тьфу, фи, эх, эх-ма* и т.д.), **деминутивы** (*бабуся, бабулька, бархатец, буренка, голубчик, городишко, делишки, доченька, дочечка, дровишки, дружок, душенька, зимушка, котенька, ладушка, лебедушка, людишки, мамочка, мамуля, мыслишки, народишко,*

папочка, папуля, пастушок, письмишко, пичужечка, реченька, снежок, старикашка, сынишка и т.п.).

Экспрессивность (лат. *expressio* – ‘выражение’), как мы полагаем, это присутствие в семантике слова интенсивного компонента значения, наличие семы ‘очень’ (‘в сильной, высокой степени’), например (примеры Н. А. Лукьяновой): «*шандарахнуть* – ‘очень сильно ударить кого-либо’; *трескун* – ‘очень сильный мороз’; *уработаться* – ‘чрезвычайно устать в процессе работы’; *жахнуть* – ‘очень сильно ударить’; *умопомрачительный* – ‘чрезвычайный, необычайный по силе, степени’» [3, с. 57].

Образность – присутствие в семантике слова «сжатого сравнения» (отличающегося опущенным признаком), одновременная связь значения с **двумя денотатами** (номинальным или названным и уподобляемым ему реальным/имеющимся в виду), причем именно этим – связью с двумя денотатами – образность отличается от прочих обсуждаемых лексико-семантических явлений. Например: *лиса* (‘хитрый, льстивый человек’), *базар* (‘шум, говор, крик’), *балаган* (‘шутовство’), *винегрет* (‘смесь’), *калейдоскоп* (‘быстрая смена чего-либо’), *карикатура* (‘искаженное подобие чего-либо’), *попугай* (‘человек в яркой, пестрой одежде’, ‘тот, кто, не имея собственного мнения, повторяет чужие слова, подражает кому-либо или чему-либо’), *рыцарь* (‘благородный, самоотверженный человек’) и др. [8, с. 53, 60, 64].

Стилистическая характеристика предполагает указание на функциональное назначение лексической единицы, ее принадлежность к той или иной сфере (книжной – разговорной, нейтральной – высокой – низкой), а также к тому или иному стилю (научному, публицистическому, официально-деловому, художественному, обиходному и др.). Например: ‘принимать пищу’: (нейтр.) *есть*, (книжн., высок.) *трапезничать*, (устар.) *снедать*, (в формулах вежливого приглашения к еде) *кушать*, (разг., прост., вульгар., жарг.) *жрать*, *лопать*, *наворачивать*, *поглощать*, *поедать*, *пожирать*, *рубать*, *сметать*, *трескать*, *убирать*, *уминать*, *уничтожать*, *уписывать*, *усиживать*, *хавать*, *шамать* и др. [9, с. 136].

Мы понимаем коннотацию в узком смысле, включая в это понятие выражение эмоционального или рационального отношения говорящего к объекту (**оценочность** и **эмоциональность**), исключая из него **экспрессивность/интенсивность** (как выражение значения

‘очень’, то есть как проявление не качественного, а количественного отношения, входящего, на наш взгляд, в денотативное значение), а также **функционально-стилистическую характеристику**, относящуюся не к семасиологической, а к социолингвистической сфере, хотя функционально-стилистическая характеристика, безусловно, в большинстве случаев сопровождает коннотативное значение. Что касается **образности**, то это явление связано с семантической деривацией, с производством переносных значений, поэтому, на наш взгляд, не относится к коннотации (к «со-значениям»), хотя и выступает одним из **средств** порождения коннотации (оценочности и зачастую сопутствующей ей эмоциональности).

Следует отметить, что **оценочность**, хотя и выступает как базовый компонент коннотации, шире этого понятия, поскольку в случаях **рациональной**, или **предметно-логической**, оценки лексические единицы обладают **собственно оценочным** значением (не относящимся к «со-значению» и коннотации). Например: *мелодичный – грубый* голос, *приятный – неприятный* цвет, *понятный – невразумительный* ответ, *изящные – неизящные* движения, *каллиграфически – коряво* писать, *приличные – неприличные* манеры, *совестливо – бессовестно* поступать, *здоровый – нездоровый* образ жизни, *желательная – нежелательная* пища, *тщательно – небрежно* сделать что-л., *к лицу – не к лицу* одеться, *эффективный – неэффективный* труд, *целесообразность – нецелесообразность* и т.д. [11, с. 41-42].

В качестве коннотативного компонента значения оценочность выступает в тех случаях, когда оценка «накладывается» на денотативное значение и выражается нерасчлененно с ним – это выделяющиеся по характеру коммуникативной функции **синкретичные денотативно-коннотативные** значения (в другой терминологии – дескриптивно-прагматические, информативно-прагматические и т.п. [1, с. 90], связанные с одним денотатом, но двумя «разноплановыми» сигнификатами: предметно-логическим (дескриптивным) и прагматическим (выражающим эмоциональное или рациональное и/или мелиоративное/пейоративное отношение субъекта речи к предмету сообщения).

Приведем примеры лексических единиц, у которых денотативное значение выражается синкретично с коннотацией – оценочным отношением говорящего/пишущего.

Прямые значения: «*голословный* (‘не подтвержденный доказательствами или фактами’ + ‘это плохо’: пример И.А. Стернина, который для определения того, где находится оценочная характеристика: в денотативном или коннотативном содержании лексической единицы, предлагает использовать прием подстановки выражения «и это хорошо/плохо» [5]); *авантюрный* (‘рискованный и сомнительный’ + ‘это плохо’), *банда* (‘разбойная, преступная группа, шайка’ + ‘это плохо’), *бедолага* (‘бедняга, неудачник’ + ‘это плохо’), *взбучка* (‘грубый выговор, нагоняй или побои, выволочка’ + ‘это плохо’), *доподлинный* (‘точный, верный’ + ‘это хорошо’), *верховодить* (‘распоряжаться, руководить, заставляя подчиняться своей воле’ + ‘это плохо’), *плестись* (‘идти медленно, вяло, тащиться’ + ‘это плохо’) и др.

Примеры переносных значений: *агрессия* (‘открытая неприязнь, вызывающая враждебность’ + ‘это плохо’), *аморфный* (‘бесформенно-расплывчатый’ + ‘это плохо’), *апогей* (‘высшая степень, расцвет чего-н.’ + ‘это хорошо’), *апостол* чего? (‘последователь и распространитель какой-н. идеи’ + ‘это хорошо’), *ас* (‘мастер своего дела’ + ‘это хорошо’), *байбак* (‘неповоротливый, ленивый человек’ + ‘это плохо’), *баламутить* (‘вызывать беспокойство, волнение среди кого-нибудь’ + ‘это плохо’), *сидеть барином* (‘бездельничать’ + ‘это плохо’), *венец* чего (‘успешное завершение чего-нибудь как награда за труды, старания’ + ‘это хорошо’), *времени вагон* (‘очень много’ + ‘это хорошо’), *гавкать* (‘говорить грубо и злобно, ругаться’ + ‘это плохо’), *скудный паек* (‘ограниченное количество чего-л.’ + ‘это плохо’), *философ* (‘человек, который разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, к её невзгодам’ + ‘это хорошо’) и т.д.

В заключение необходимо отметить, что случаи лексико-семантической коннотации, на наш взгляд, входят наряду с другими синкретичными явлениями в особую лексико-семантическую категорию – **синкретсемию** (‘нерасчлененность значений’, от греч. $\sigma\upsilon\kappa\rho\eta\tau\iota\sigma\mu\text{?}\sigma$ – ‘соединение’, ‘объединение’, ‘связывание’ и $\sigma\eta\mu\alpha$ – ‘знак’) [6], требующую дальнейшего изучения в плане как синхронии, так и диахронии.

Литература

1. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: МГУ, 2009. – 352 с.
3. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Издательство «Истоки», 2007. – 226 с.
6. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
7. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. – С. 19-48.
8. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: СПбГУ, 2004. – 165 с.
9. Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Наука, 1975. – 648 с.
10. Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 236.
11. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: ЛГУ, 1979. – 134 с.

КОНЦЕПТ ‘ОБЩЕСТВО’ ПО ДАННЫМ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

Т. В. Романова

ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Нижний Новгород)

Концепт ОБЩЕСТВО, если его содержательно ограничить до понимания ‘народ’, тесно связан с концептом ВЛАСТЬ, оба концепта относятся к группе национально-значимых концептов, связанных с социальными отношениями [3]. Власть, как правило, противопоставляется обществу, народу. Анализ концепта ОБЩЕСТВО позволит выявить его признаки, а также проверить, есть ли в их ряду те, что основываются на противопоставлении с другими концептами, отождествляется ли общество и народ в целом или же это

разные концепты. Анализ содержания данного концепта осуществлялся на основе выявления обыденного представления носителей русского языка о сфере социальных отношений.

Обыденная картина мира (КМ), или наивная, характеризуется такими признаками, как прагматичность, т.е. ориентированность на получение и структурирование знаний, непосредственно связанных с повседневным опытом человека, и целостность, т.е. стремление сформировать универсальную модель мира, дать ответы на все вопросы, интересующие членов данного общества.

Согласно теории В.Б. Касевича, существенной остается функциональная разница между научной и наивной КМ. «Задача наивной КМ заключается в том, чтобы служить своего рода базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений. Что касается научной КМ, то она является результатом действия внутренней логики развития науки, которая не может удовлетвориться получением ответа, достаточного для практических целей и психологической комфортности, и стремится к полноте – пределу, к которому можно приближаться неограниченно, и уже поэтому целостность научной КМ постоянно нарушается» [2, с. 77]. Для обыденной же картины мира большее значение имеет ее целостность, поскольку без нее она теряет свою главную, прагматическую функцию: противоречивая «база знаний» не может служить основой для приспособления к миру, для принятия жизненно важных решений. В отличие от ученого, анонимные создатели наивной картины мира не склонны определять границы актуального знания. Их критерием выступает не логическая непротиворечивость и реализуемость следствий, а, скорее, сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта, однако, претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут отличаться от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука [2].

Целью исследования был анализ концепта ОБЩЕСТВО в русской языковой обыденной картине мира, выявление его содержания и основных способов репрезентации в речи на основе употребления ключевых лексем-репрезентантов концепта.

Известно, что концепт как ментальное образование отражает не только логически выделяемые признаки какого-либо объекта

действительности, но и ассоциации, оценки, дополнительные знания о нем, обусловленные культурным и языковым опытом отдельного человека и общества в целом. В современном гуманитарном знании принимаются следующие инвариантные признаки концепта: минимальная единица человеческого опыта, вербализуемая с помощью языка и имеющая полевою структуру; основная единица обработки, хранения и передачи знаний; концепт имеет подвижные границы, его содержание может меняться с течением времени; основная «ячейка» культуры.

Источником речевого материала для исследования послужили Интернет-ресурсы, содержащие высказывания различных представителей общества – наиболее популярные (по данным forumrate.ru) форумы sibmama.ru, forums.drom.ru, e1.ru, uaplakal.com. Собранный материал отражает актуальное для современных носителей русского языка представление о власти и обществе, а именно: веб-форумы обеспечивают мгновенный обмен информацией на интересующие граждан темы (экономика, автомобили, политика, семейные отношения и др.). Главным критерием для выбора данных сайтов служила их популярность среди русскоговорящих пользователей, количество участников (от 360 000) и сообщений (от 50 000 000) по статистике forumrate.ru. Методом сплошной выборки с каждого сайта было отобрано 60 комментариев, содержащих лексемы-репрезентанты концепта ОБЩЕСТВО. В итоге получился корпус из 240 сообщений.

В первую очередь, исследуя концепт ОБЩЕСТВО, мы проанализировали актуальные словарные дефиниции его ключевого слова-репрезентанта, так как в семантике ключевой лексемы, как правило, находит выражение часть основной концептуальной информации. Для этого был выбран один из наиболее современных и часто используемых толковых словарей – Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, согласно которому *общество* – это:

1. «Совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни. *Человеческое общество. История общества*».

2. «Круг людей, объединенных общностью происхождения, положения, интересов. *Современное общество. Крестьянское общество*».

3. «Группа людей, проводящих вместе время. *У нас соберется небольшое общество*».

4. «Среда, окружение. *Приятное общество*».

5. «Объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи. *Добровольное спортивное общество*» [1, с. 692].

Словарные дефиниции позволяют сделать предположение, что в ядро концепта могут войти такие признаки, как ‘объединение людей’, ‘общность истории, интересов, поставленных задач’.

Для выявления концептуальных признаков, актуализированных в речи, мы обратились к собранным данным. С помощью программы AntConc был проведен анализ частотности слов, лексической сочетаемости ключевого слова, контекстуальных синонимов. В результате анализа материала были выделены следующие концептуальные признаки:

1. Сложная совокупность людей, объединенных каким-либо общим признаком (общей историей, проживанием на одной территории в определенный промежуток времени).

Данный признак входит в ядро концепта. Для представителей русскоязычного социума общество, прежде всего, *российское, современное, наше*. В свою очередь, общество в целом делится также на определенные группы (*ячейка общества*), объединенные общими интересами, целями, как обширные по объему, включающие в себя другие группы и подгруппы, так и небольшие, локальные (*театральное общество, общество науки, общество рыболовов*).

2. Главный субъект оценки происходящего в мире как ‘нормального’ и ‘ненормального’, ‘правильного’ и ‘неправильного’: *об этом беспокоится, думает общество; Илон Маск приобрел уважение и высокую оценку своей деятельности со стороны общества*. Этот признак закреплён в устойчивых сочетаниях *общественная мораль, общественное мнение*.

Как в человеческом обществе в целом, в обществе конкретной полит- и лингвокультуры (*российское, общество США*), так и в каждом частном обществе выработана своя совокупность правил, моделей поведения, которые оцениваются как норма и играют ключевую роль в формировании взглядов представителей данного общества, их оценок по отношению к реальным ситуациям и действиям других людей: *Ребенку нужно вкладывать нормы поведения в обществе. В США является нормой приглашать на какое-*

либо мероприятие пары, а не супругов по отдельности. Любой нормальной женщине это не понравится...

3. Участник ситуации, чьи интересы каким-то образом затронуты в процессе её осуществления, получающий от неё пользу или вред (бенефактив).

В интересах общества должен действовать каждый из членов общества: польза для общества является критерием оценки действий и поведения человека. Для характеристики членов общества используются слова с противоположной оценочной семантикой – можно быть *полноценным, полезным членом общества*, когда человек *работает на благо общества*, а можно быть *лишним, преступным*.

4. Постоянное развитие, стремление к идеалу.

Один из самых важных принципов, на которых должно строиться идеальное общество, обозначен словом нравственно-оценочной семантики *справедливость*.

5. Отношения иерархии.

Данный признак в речи репрезентирован сочетаниями *слои, низы общества*, метафорой *сливки общества* в значении 'лучшая, привилегированная часть общества'.

6. Взаимодействие с властью, государством.

Отношения между государством и обществом рассматриваются как отношения взаимной обязанности – нормальное взаимоотношение общества и государства возможно при соблюдении с обеих сторон своих обязательств и уважении прав другого. С одной стороны, представители общества осознают свою ответственность перед государством, существование обязанностей, которые следует соблюдать (*Закон обязателен для исполнения всеми членами общества*). С другой стороны, и действия государства должны быть направлены на улучшение жизни граждан, общества (*...одной из сторон процесса преобразований является коренное изменение взаимоотношений между гражданином, обществом и государством, которое должно найти свое выражение и в самом серьезном обновлении принципов деятельности служб здравоохранения и санэпиднадзора, поскольку становится все более очевидным, что традиционные решения далеко не всегда срабатывают в нынешних ситуациях*).

Стоит отметить, что когда речь идет о противопоставлении власти, государства и общества, народа, то слово *народ* чаще используется в значении 'простые обыватели', а слово *общество* в значении 'наиболее активная, сознательная часть общества/народа', поэтому следует разграничивать данные понятия, и, возможно, соотносить их с разными концептами.

Структуру концепта ОБЩЕСТВО можно представить в виде поля, где концептуальные признаки 'объединение людей' и 'субъект оценки' относятся к ядру концепта, а признаки 'взаимодействие с государством, властью', 'иерархическая структура' и 'развитие, стремление к идеалу' – к ближней периферии.

Итак, содержание концепта ОБЩЕСТВО, выявленное по исследованному материалу, отличается от трактовок ключевого слова данного концепта в толковых словарях. Концепт ОБЩЕСТВО репрезентируется широким ассоциативным полем, включающим в себя компоненты оценочно-прагматического содержания.

Представление об обществе в обыденной русской языковой картине мира – это, прежде всего, представление о нем как о совокупности людей, объединенных общей историей, культурой, местом проживания, интересами, целями. Важной функцией общества является формирование норм поведения, общепринятых для всех его членов, и формирование мнений-оценок событий, происходящих в мире и стране.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка/ Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Спб.: «Норинт», 1998.–1536 с.
2. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. // Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
3. Романова Т. В. Концепт ВЛАСТЬ по данным русскоязычных интернет-форумов // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С. В. Черновой: межвузовский сборник научных трудов с международным участием. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2018. – С.243–250.
4. <https://forums.drom.ru/> (дата обращения 10.03.2018).
5. <http://www.e1.ru/talk/forum/> (дата обращения 10.03.2018).
6. <https://forum.sibmama.ru/> (дата обращения 10.03.2018).
7. <https://www.yaplakal.com/> (дата обращения 10.03.2018).

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ ЛЕКСЕМЫ *ГРЕХ* В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В.В. Сайгин

secretar@ahch.unn.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

В работе освещается роль окказиональных дериватов лексемы *грех* в языковом воплощении одноименного концепта в современной русской речи.

Изучение концептов национальной культуры в последнее время становится знаковым трендом в парадигме современного гуманитарного знания. Идея А. Вежбицкой о том, что самые важные концепты культуры кодируются именно в естественном языке [2], получает конкретно-языковую конкретизацию и дополнительные обоснования в новейших стратегиях научного поиска. Теоретической основой подобных исследований выступают принципы исследования языковой концептуализации мира, заложенные в трудах Ю.Д. Апресяна [1] и развитые в работах [6; 7; 9]. Национально-специфичные модели языковой концептуализации мира сохраняют свою валидность на протяжении многих столетий духовной эволюции этноса, как отмечается в работе Т.Б. Радбиля «Основы изучения языкового менталитета» [8]. Все вышесказанное справедливо и для интересующего нас концепта «грех».

Понятие греха входит в число тех ключевых идей русской культуры, которые издавна определяют вектор ее духовной эволюции. Сформировавшись в русле религиозно-христианского, православного мировоззрения, это понятие во многом обуславливает специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок [4, 59–73]. Однако при этом следует отметить, что на уровне обыденного употребления языка непосредственно религиозный смысл этого понятия зачастую уступал место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишенных христианской окраски [3, 90–96]. В наших

предыдущих исследованиях этот процесс характеризуется как тенденция к десакрализации религиозно-христианских концептов в современном языковом сознании [10].

В настоящей работе мы рассмотрим рефлексы указанной десакрализации в явлениях окказиональной деривации на базе лексем *грех*, которые проявляются в современной русской речи. Материалом для исследования являются данные интернет-коммуникации как наиболее активной и динамично развивающейся сферы речевой практики современных носителей русского языка.

Языковым механизмом этого процесса является окказиональная именная префиксация и префиксоидизация посредством иноязычных аффиксальных показателей, а также образование сложных слов с постоянными продуктивными иноязычными компонентами (типа *теле-*, *кино-*, *фото-*, *авто-* и пр.), которые присоединяются к исконно русскому корню. Сами по себе указанные явления вообще выступают как наиболее распространенные активные процессы в русском языке последних лет, на что, в частности, указано в коллективной монографии «Новые тенденции в русском языке начала XXI века» [5]. Когда лексема *грех* включается в указанные активные процессы окказиональной деривации, мы наблюдаем значимые семантические и стилистические явления, которые вполне вписываются в указанную выше тенденцию к десакрализации.

В нашей монографии [10] выделяется два направления в смысловых и коннотативно-оценочных преобразованиях лексем –репрезентантов концепта «грех» в современной русской речи: (1) расширение семантического объема за счет появления новых сфер приложимости концепта «грех», применительно к которым раньше нельзя было мыслить в терминах греха; (2) коннотативно-оценочные и эмоционально-оценочные приращения смысла, в том числе изменения знака оценочности с плюса на минус, иронически-сниженная и / или шутливая, игровая актуализация лексем —репрезентантов этого концепта в дискурсе и пр. Далее мы покажем, как эти инновационные тенденции проявляются в двух типах явлений окказионального словообразования на базе лексем «грех».

I. Префиксальные и префиксоидальные новообразова-

ния на базе лексемы *грех*. В современной интернет-коммуникации зафиксирована продуктивная модель иронически-сниженного образования новых слов на базе лексемы *грех* посредством именной префиксации с участием размерно-оценочных префиксов иноязычного происхождения: *супер-*, *гипер-*, *архи-*, *ультра-*, *мега-* и пр. Нетрудно видеть, что данные префиксы не столько обозначают значительный объем или размер, а также повышенную степень чего-либо, сколько выражают особое эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к объекту номинации – иронически сниженную позицию, его несколько несерьезное, «игровое» восприятие:

У них возникают сомнения: может быть, травля России тоже проистекает вовсе не из реальных каких-то «супергрехов» России (Наталья Нарочницкая. Сосредоточение России. Битва за русский мир. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5040002068>);

*И тут не только это, что называется: «Сломанная подкова звонче (хвастливей) звенит», по латышской поговорке – тут некий **архигрех**, «коллективное бессознательное» прямо по Юнгу, а скорее всего – «бессознательное», идущее напрямую от самого Денницы (Киляков Василий Васильевич. «Инония» или «Кто у Бога жив» (из заметок писателя). URL: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_6/article_82/);*

*Сдавайте его и возьмите вот лучше со скидкой **Ультрагрех-А666!** Да, можно и в рассрочку, вот тут подпишитесь... Эта схема может повторяться (БОГ И САТАНА: МАРКЕТИНГ – Одноклассники: Христианский портал. URL: <https://ok.ru/group53015198367862/topic/66406665964406>);*

*... действие происходит в старой Франции, люди очень консервативные, праздность для них это грех, шоколад вообще **мегагрех**, а магазин они открыли в пост, и местный пастырь всячески пытался их изгнать... (Ум красоте не помеха: Форум. URL: <https://kaliningrad-room.ru/um-krasote-ne-pomeha-70252/>);*

*Для цитирования: Соколов Б.Г. Пост-, транс-, **гипергрех** // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34 (СПбУ: Официальный портал. URL: <https://Pureportal.Spbu.Ru/En/Publications/Пост-Транс-Гипергрех>).*

Колебания в дефисной или слитной орфографической реализации указанных неолексем свидетельствуют о недостаточной культурной освоенности этой модели в сознании носителей языка. В ряде случаев встречаем закавыченную передачу этих слов. С одной стороны, кавычки выступают как знак автоцитации, когда говорящий подчеркивает неологичность созданного им слова. С другой стороны, в некотором контекстном окружении (...*вовсе не из реальных каких-то «супергрехов»* ...) можно говорить и об «иронических кавычках».

В целом данные контексты демонстрируют оттенок определенной несерьезности, шутливого отношения говорящего к данному понятию, наличие игровой «карнавализации», даже стёба в рецепции греха, что изначально было недопустимо в традиционной религиозно-христианской трактовке греха как крайне серьезного, тяжелого повреждения духовной сущности человека.

Схожие явления мы видим и в префиксоидальных новообразованиях уже, напротив, со значением малого размера или объема, малой степени чего-либо (префиксоиды *мини-*, *полу-* и пр.):

Олимпийцы: Мини-юбка толкнула отца Кирилла на мини-грех (КВН-МОСКВА. URL: <http://moskvn.ru/interesnoe/rep/item/1358-m.html>);

Так себе, полугрех. В общем, и смех, и грех, как говорится. Ну а если без этих нюансов я всё же предпочту знать, угодно ли это Богу, ... (Евангелие: Христианский портал. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t141596-3.html>).

В соответствии с принципами религиозно-христианской рецепции данного концепта «грех», разумеется, не бывает *мини-* и *полу-*, т. е. он не может мыслиться в большей или меньшей степени. Несерьезное, шутливое отношение к объекту номинации зачастую усиливается и за счет контекстного окружения (*Так себе, полугрех. В общем, и смех, и грех, как говорится*).

II. Сложные новообразования (компози́ты) с постоянными продуктивными иноязычными компонентами на базе лексем *грех*. Значительной активностью в языке Сети отличаются модели окказионального образования сложных слов-компози́тов, в которых к корню *грех* присоединяются иноязычные постоянные компоненты интернационального характера – типа *теле-*, *фото-*,

кино-, авто- и пр. Участие лексемы *грех* как репрезентанта одноименного концепта в указанных активных процессах русского окказионального словообразования демонстрирует еще одну тенденцию в смысловых и коннотативно-оценочных преобразованиях этого слова в речевой практике носителей русского языка нашего времени, а именно – существенное расширение сферы приложимости концепта «грех», распространение возможности реализации репрезентирующих его лексем применительно к таким областям жизни, где раньше, в традиционном понимании греха, это было немислимо:

Подписывайтесь! Регулярные выпуски киногрехов. Выпуски каждые выходные! Идея взята у Sinema Sins... (Киногрехи: Портал любителей кино. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC9PGv4bua5LU35Pc3w8WDoQ>);

ОСАГО – на измене: за автогрехи расплатятся по-новому (Собеседник.ru: Официальный портал. URL: <https://sobesednik.ru/avto/20150403-osago-na-izmene-za-avtogrehi-rasplatyatsya-po-novomu>);

Эшли Хесселтайн из Атланты не отстаёт от Ани и публикует в свой Instagram пародии на женские фотогрехи (Bros Being Basic: мужчины-ТП в Instagram. URL: <https://ekb-room.ru/bros-being-basic-muzhchiny-tp-v-instagram-59227/>);

Телегрех. Порочная жизнь франчайза «Города грехов» не закончится с выходом сиквела (Телегрех - КГ-Портал. URL: <https://kg-portal.ru/comments/14685-telegreh/>).

Можно видеть, что в современных контекстах лексемы, репрезентирующие концепт «грех», существенно расширяют сферы своей возможной контекстной актуализации в сравнении с исконными принципами их употребления. В контексте интересующей нас проблемы десакрализации эти явления можно трактовать как осмысление в терминах «греха» таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо – сфера кинематографа, телевидения и фотографии, автомобилей и пр. Получается, что в современном мире возможны телевизионные, кинематографические, фотографические, автомобильные и др. грехи, что опять же противоречит традиционному пониманию этого понятия.

Подводя итоги, выскажем следующие соображения. Исследо-

вание показало, что идея греха по-прежнему обладает крайней активностью и существенной значимостью в национальном языковом сознании, о чем свидетельствует стремление говорящих по-русски интерпретировать в терминах греха самые разные области общественной, культурной и внутренней жизни. Однако при этом сама рецепция греха в речевой практике современных носителей языка отличается определенным выхолащиванием религиозно-христианского содержания этого концепта, характеризуется несерьезным, облегченным, шутливым и иронически сниженным отношением к греху. Мы можем утверждать, что как само образование подобных неолексем, так и специфика их функционирования в интернет-коммуникации свидетельствует о дальнейшей десакрализации концепта «грех» в языковом сознании современных носителей русского языка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. – М.: Наука, 1986. Вып. 28. – С. 5–33.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90–96.
4. Козина О.Н. Грех // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. – С. 59–73.
5. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон / под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.
6. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. – С. 137–153.
7. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. №1 (13). – С. 239–265.
8. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 328 с.
9. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. 2006. №1 (11). – С. 77–100.
10. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – 258 с.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ *ЛЕШЕГО* И *РУСАЛКИ*)

Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко, А.А. Мищенко

Natasha-segal@mail.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

В статье проводится анализ прецедентных единиц со сферой-источником «славянская мифология». На примере персонажей «низшей мифологии» славян выявляется метафорический потенциал образов *лешего* и *русалки* при их репрезентации в массмедийных текстах. Предлагается характеристика семантико-прагматического и ассоциативного потенциала исследуемых прецедентных единиц. Закрепившаяся в славянском мифологическом сознании положительная или отрицательная оценка того или иного мифологического персонажа в медиатекстах транслируется на поведение определенного политического субъекта, его нравственные качества, поступки и действия. Мифологические сюжеты, выполняющие аллегорические, эстетические, художественные функции, становятся инструментом для привлечения внимания к значимым современным реалиям.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные единицы, славянская мифология, метафорический потенциал, медиатексты.

Мифологические представления древних славян являются отражением знаний о прошлом, о традициях предков, их поступках и семейном укладе. Изучение славянской мифологии осложнено отсутствием специальных источников, описывающих народные верования и традиции. Это вызвано отчасти тем, что христианство боролось со всеми языческими «пережитками», дедовскими традициями, народными праздниками, имеющими языческие корни. Запретив языческий пантеон богов, христианство не могло запретить почитание персонажей «низшей мифологии», вера в которых сохранялась у славянских народов вплоть до XX века.

Одной из отличительных особенностей славянского мифологического сознания является множество персонажей «низшей мифологии». Термин «низшая мифология» был введен в научный обиход немецким этнографом В. Маннгардтом, который включал в систему представителей «низшей мифологии» прежде всего духов растительности, связанных с годовым циклом умирающего и

воскресающего растительного мира. Однако в славянском мифологическом сознании их функции значительно обширнее. Данный тезис обуславливает тот факт, что для лучшего понимания нашей собственной истории и традиций необходимо знание этого пласта славянской культуры.

Цель предлагаемой статьи заключается в выявлении семантико-прагматического и ассоциативного потенциала прецедентных единиц со сферой-источником «славянская мифология» (на примере образов *лешего* и *русалки*). Именно данные образы, как показал анализ русскоязычных медиатекстов, являются наиболее яркими репрезентантами славянских мифов в русскоязычном медиапространстве.

В толковых словарях русского языка акцентируется внимание на принадлежности лексемы *леший* к славянским мифам и дается следующее определение: «В славянской мифологии: человекообразное сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям» [4, с. 799]. При реализации данной единицы в массмедийных текстах происходит трансформация денотативного компонента ‘живущий в лесу’ в компонент ‘имеющий отношение к лесу’, при этом зачастую наблюдается негативная коннотация: *Пионерка почувствовал себя «Лешим» и завладел 15 гектарами леса с животными* (<https://ru.tsn.ua>, 07.03.2014).

В мифологических рассказах *леший* предстаёт в многообразии образов, ему приписывают различные черты и способности. В массмедийных текстах происходит сравнение политических субъектов с мифологическим персонажем, наделенным новыми характеристиками: *Литвина Балашов сравнивает с лесным Лешим. По мнению эксперта, это тот человек, который может присоединиться к любой из сторон, так как у Лешего нет никаких обязательств* (Главред, 18.10.2010). Описания внешнего облика лешего в славянской мифологии довольно разнообразные, поэтому узнать лешего по его внешности не представляется возможным. Именно данный факт, на наш взгляд, лежит в основе номинации *леший*, которую получил специальный камуфляж снайперов: «*Лешие*» с винтовкой и выстрел в «яблочко»: один день со снайперам. В зарослях золотарника на территории Седьмой российской военной базы ЮВО в Гудауте затаились «*лешие*». Такое «сказочное»

название получил специальный камуфляж снайперов (<https://news.rambler.ru>, 14.12.2017).

Широко известные стихотворные строки А.С. Пушкина «У лукоморья дуб зеленый...», пролог к поэме «Руслан и Людмила», стали источником распространения крылатых выражений и прецедентных образов. Значимой при этом является языковая игра, которая строится на трансформации конструкции «Там чудеса: там леший бродит...» и порождении нового смысла: *Там чудеса, там пеший бродит. Проект моста в Сити приспособили для пешеходов* (<https://www.mk.ru>, 05.04.2017).

Не менее частотным образом для ассоциирования является русалка, также непосредственно связанная со славянскими мифами. Появление русалок, девушек и женщин, умерших преждевременной смертью или утонувших, связано с водной стихией. *Русалка*, в лексикографических источниках определяемая как «существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом, живущее в воде» [4, с. 1724] транслируется и в медиатексты. Характерно, что реализация данной единицы в денотативном значении в медиатекстах является малоактивной, зачастую образ *русалки* также связан с фрагментом «Русалка на ветвях сидит...» из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Данная сюжетная линия в текстах СМИ разворачивается в метафорические сценарии, характеризующие современные политические реалии: *Тот факт, что Дональд Трамп получает информацию не только из реального, но и из параллельных миров, давно установлен научно и ни у кого не вызывает сомнения. Там, в параллельных мирах, давно побежден и прекратил существование ИГИЛ. Там сотни террористов из разных ближневосточных стран съехались в охваченный гражданской войной Гондурас, чтобы собрать по всей стране самых отъявленных головорезов и убийц для двух-трех месячной пешей прогулки до Американской границы. Там гражданам США требуется паспорт для покупок в универсаме. И каких чудес там только не бывает. Наверняка, где-то там бродит и недружелюбно настроенный к Америке леший, а вот русалок уже всех вывезли живым товаром на Ближний Восток* (РеЛевант, 09.01.2019).

При репрезентации образа *русалки* активной является языковая игра, которая строится на различных языковых фактах:

А) порождении нового значения с помощью фразеологизма *присесть на уши* – рассказывать о чем-либо; лгать кому-либо, обманывать [6, с. 256]. Так, в медиатекстах основной метаофривизации является следующий контекст: *Русалка на ушах сидит... Но этот персонаж мифов, легенд, сказок и преданий неожиданно привлек внимание вполне серьезных ученых. Журнал «Биология моря», издающийся во Владивостоке, опубликовал материалы «Круглого стола» по проблеме происхождения русалок»* (Тихоокеанская звезда, 15.03.2012). Данный контекст показывает интерес СМИ к изучению и распространению малоинтересной или неправдивой информации о происхождении русалок.

Б) замещении компонентов прецедентной конструкции и аббревиации: *Русалка на руках сидит. Ведь именно благодаря не желающим душить свои творческие порывы кинологам мы буквально на днях обрели совершенно новую собаку – РУССКУЮСАЛОННУЮ, или сокращенно – русалку* (Коммерсант, 10.02.2017).

Образ *русалки* в массмедийных текстах реализуется на основе ассоциаций с денотативным значением лексемы: образом красивой девушки с длинными волосами, обитающей в воде. При этом в текстах СМИ могут преобладать те или иные элементы образа:

1. О спортсменках водного вида спорта: *Русалка и просто красавица. Ищенко ушла из спорта в политику* (<https://www.sport-express.ru>, 05.04.2017); *Украинская русалка Жаркова установила рекорд мира по фридайвингу. Наталья Жаркова установила два мировых рекорда, нырнув без снаряжения на глубину 70 и 89 метров на ЧМ по фридайвингу в Турции* (<https://news.liga.net>, 09.10.2018).

2. О неудачном костюме: *Это надо видеть: «русалка» Меркель произвела настоящий фурор на красной дорожке Байрётского музыкального фестиваля. Перед фотокамерами она появилась во всем зеленом: элегантном платье макси, поверх которого надела жакет без воротника (любимый элемент одежды Меркель), и туфлях на каблучке* (Политека, 25.07.2018).

3. О недостатках внешности (неудачной прическе, лишнем весе): *Престарелая русалка: в сети высмеяли новый имидж Тимошенко* (<https://m.znaj.ua>, 24.03.2018); *«Русалка уже не та»: Наташа Королева удивила поклонников складочками на животе*

(<https://www.kp.ru>, 03.09.2018). Отметим, что певицу Наталью Королеву часто сравнивают с русалкой из-за известной песни «Дельфин и Русалка», спетой в дуэте с Игорем Николаевым. Строка из песни «Дельфин и русалка они, если честно, не пара, не пара, не пара...» являются интересной для ассоциирования в медиатекстах: *Дельфин и русалка: разлад между Турцией и Евросоюзом* (Русская весна, 25.05.2016).

Таким образом, апелляция к мифологическим образам и сюжетам расширяет и дополняет систему образных средств, влияющих на прагматический потенциал медиатекстов. Они транслируют образы персонажей «низшей мифологии» славян не только в значении, закреплённом в славянском языковом сознании, но и на уровне вторичной номинации, включающей различные виды языковой игры (трансформацию фразеологизма, расширение семантики, аббревиацию), значимые для характеристики актуальных событий. Такого рода взаимопроникновение мифологической реальности в современный мир позволяет выявить семантико-прагматический и ассоциативный потенциал прецедентных единиц со сферой-источником «славянская мифология» в русскоязычном медиадискурсе, привлечь внимание к значимым социально-политическим реалиям и культурным событиям.

Литература

1. Ашукин Н.С. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.
3. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: А Темп, 2013. – 2314 с.
5. Сегал Н. А. Фразеологические трансформации в масс-медийных текстах (на примере конструкции «между Сциллой и Харибдой») / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко // Русский язык в поликультурном мире: сб. статей / под ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Изд-во Ариал, 2016. – С. 81–87.
6. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2008. – 828 с.

СОСТАВНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ С АТТРИБУТОМ «ДУХОВНЫЙ» КАК МАРКЕР ДИСКУРСА И.А. ИЛЬИНА

С.Н. Стародубец

starodubets.madam@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

(Брянск)

Этнолингвистика последних лет активно исследует этно-оценки, этнообразы, этностереотипы. По мнению Т.А. Сироткиной, «выделяются следующие функции стереотипа – когнитивная: состоит в генерализации при упорядочении информации, аффективная: постоянное выделение «своего» в противовес «чужому», социальная: разграничение «внутригруппового» и «внегруппового» [6, с. 49]. В этой связи стереотип как социальное явление презентуется в индивидуальном сознании носителя языка.

На наш взгляд, одним из стереотипов русского национального сознания, реализующих функцию генерализации, является «стремление к высшим формам опыта», религиозному, нравственному, эстетическому, восприятию чужой душевной жизни, интеллектуальной интуиции [1, с. 115].

Такое «стремление к высшим формам опыта» можно определить как русский этностереотип, т. е. «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос» [5, с. 103].

В дискурсе русского религиозного философа И.А. Ильина названный этностереотип эксплицирован составным наименованием *духовный опыт*: «Личный духовный опыт философа в глубине своей связан *происхождением, подобием и взаимодействием* с опытом его родного народа; ему удастся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа» [4, с. 43]; «<...> *духовный опыт* и *духовное видение* делают человека таким, что его личная страсть напрягается и горит только от прикосновения к божественному (ибо именно дух есть творец науки и прекрасного искусства)» [2, с. 149–150].

Как мы установили ранее, дискурс И.А. Ильина представляет собой «мифический образ *события Бога и человека*, мифологему

события Бога и человека, в котором текст есть воплощение духовного в разных его проявлениях (ипостасях), т. е. актуализирован в дискурсе как духовно-энергонасыщенный текст» [7]. При этом мифема «Дух/дух» – символ-доминанта дискурса, обеспечивающая энергостяжение смысла в единый синкретичный смыслообраз посредством динамического «задания» функторных единиц – элементов первичной и вторичной символических систем. Кроме того, мифема «Дух/дух» является энергетическим «сердцем», механизмом, обеспечивающим «работу» символической программы.

В этой связи атрибут *духовный*, базовый функтор дискурса И.А. Ильина, является ключевой полисемантической языковой единицей (= русский, христианский) [10], репрезентирующей идеологические и этнокультурные пристрастия автора посредством оценочности и коннотации «духовность» в лексическом значении и обеспечивающей когезию дискурса [9].

Продуктивность и частотность атрибута *духовный* в дискурсе является следствием духовной рефлексии субъекта дискурса.

Фиксируем следующие составные наименования с атрибутом *духовный*: *духовный акт, духовный кризис, духовный коллектив, духовный опыт, духовный Предмет/предмет, духовный личный центр, духовный нигилизм, духовный позитивизм* и др.

Составные наименования с атрибутом *духовное*: *духовное бытие, духовное делание, духовное самобытие, духовное развитие, духовное самоуправление, духовное задание, духовное терпение, духовное искусство, духовное обновление, духовное созерцание, духовное единство, духовное творчество* и др.

Составные наименования с атрибутом *духовная*: *духовная интуиция, духовная личность, духовная любовь, духовная воля, духовная свобода, духовная беспочвенность, духовная власть, духовная очевидность, духовная культура, духовная жизнь, духовная ценность* и др.

Составные наименования с атрибутом *духовные*: *духовные права, духовные обязанности, духовные единства*.

«<...> *духовная культура* возникает лишь из того и благодаря тому, что человек не ограничивает себя чувственно-внешним опытом, не отводит ему ни исключительного, ни хотя бы преимущественного значения, но, напротив, признает основным и руководящим *духовный опыт*, из него живет, любит, верует и оценивает все

вещи... <...> Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является *любовь*» [3, с. 103–104].

Составное наименование с атрибутом *духовный* необходимо отличать от сочетаний, которые являются следствием вторичного дефинирования, т. е. расширенного толкования значения опорного компонента, как то: *духовное начало, духовное значение, духовное задание, духовное состояние*.

Кроме того, составное наименование с атрибутом *духовный* (-ая, -ое, -ые) необходимо отличать от метафоризированных атрибутивных сочетаний, в которых названный атрибут реализует переносное значение: *духовный расцвет, духовный язык (инстинкта), духовный вкус, духовный полёт, духовный орган; духовная анестезия, духовная слепота, духовная сила, духовная симфония, духовная язва, духовная зараза; духовное пение, духовное горение, духовное очищение, духовное разложение* и др.: «<...>духовная слепота есть признак умственной зрелости и бескрыло разлюбивших *духовный полет. Человечество перестало испытывать, видеть, любить и творить главные, священные, зиждущие предметы; оно не верит в их объективную реальность, в их изследимость, в их сущую прекрасность, в их самоценность, в их жизненную силу, в их спасительность*. И отсюда всеобщая смута, всеобщая шатость, *духовное разложение; подлинное горе от мнимого ума*» [4, с. 47].

Таким образом, составное наименование с атрибутом *духовный* в дискурсе И.А. Ильина имеет статус идеологического терминологического сочетания, для которого характерна устойчивость состава, воспроизводимость в дискурсе, оценочность и/или коннотация «духовность» (см. подробнее о разграничении [9, с. 36]). Семантика СН с атрибутом *духовный* детерминирована концептуальной соотнесённостью с мифемой *Дух/дух*, как правило, не складывается непосредственно из значения компонентов (*духовная свобода* ≠ свобода духа, *духовный позитивизм* ≠ позитивизм духа и т. п.), имеет поверхностный (собственно терминологический) и глубинный (макротекстуальный) план содержания в дискурсе И.А. Ильина. В этой связи атрибут *духовный* есть ключевая лексическая единица, помимо СН в составе метафоризированных и вторично дефинированных сочетаний нетерминологического харак-

тера, а также в сложных образованиях типа: *духосозерцание, духовно-инстинктивный, духовно-религиозный, духовно-политический* и т.п.), которая отражает содержание текста в компрессированном виде, т.е. является маркером дискурса языковой личности И.А. Ильина.

Литература

1. Воробьёв В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. – 336 с.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Им. указ. О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. – 576 с.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления // И.А. Ильин Собрание сочинений в 2-х томах. Т.2. М., 1994. – С. 75–305.
4. Ильин И.А. Религиозный смысл философии // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М., 1994. – С. 7–75.
5. Крысин Л.П. О русских этностереотипах в их языковом выражении // Лексикология и лексикография. М., 2006. Вып. 17. – С. 103–108.
6. Сироткина Т.А. К вопросу о когнитивной категории этничности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. – С. 47–52.
7. Стародубец С.Н. Изоморфизм структуры символа и текста в дискурсе И.А. Ильина // Филологические науки. 2009. № 1. – С. 81–88.
8. Стародубец С.Н. Системно-структурная организация инвариантного символа Дух/дух в дискурсе И.А. Ильина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12. СПб.: Изд-во «Книжный дом». – С. 272–280.
9. Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3 (39). – С. 33–43.
10. Стародубец С.Н. Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». М: Издательство Московского государственного областного университета. 2008. №3. – С. 100–106.

РУССКАЯ ДУША В НАЗВАНИЯХ РУССКИХ ПРОДУКТОВ ЗА РУБЕЖОМ

С. Томасик

s.tomasik@yandex.ru

Университет Казимира Великого
(Быдгощ, Польша)

Русская душа – это, как пишет В.А. Луков, стереотип, происходящий из русской литературы и истории [4, с.11]. Это отражение совокупности черт характера людей, проживающих на данной территории. Особенности русской души удивляют многих иностранцев, прежде всего жителей так называемого западного мира.

Согласно словам Лукова, понятие «русская душа» появилось в XIX веке благодаря мировоззрению ведущих русских писателей, произведения которых пользовались огромным интересом во многих странах западной Европы – Фёдора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого. В их произведениях читатель находил особую душевность [4, с.11].

Как замечают Л. М. Майданова и Э. В. Чепкина, в советские времена данный термин употреблялся реже, но во время перестройки получил широкое распространение [5, с.182]. Очень часто использованием термина «загадочная русская душа» объясняются вызывающие удивление иностранцев менталитет россиян и особенности их жизни. Как пишут учёные, это понятие является орудием, с помощью которого легче объяснить исключительность страны и народа [5, с.182].

Цель настоящей работы – выявить семантические поля, чаще всего употребляемые в названиях русских продуктов, продаваемых в польских магазинах. Настоящая работа является началом большого исследования торговых названий русских продуктов за рубежом.

На польском рынке присутствует очень много российских фирм, продукты которых доступны для всех потребителей. Однако важно заметить, что для проведения данного анализа были взяты лишь торговые наименования продуктов, которым были присвоены названия, ассоциирующиеся с русской культурой, с менталитетом русского человека. Нами были выбраны торговые названия продуктов широкого употребления, таких как: продукты питания, спиртные напитки, косметика.

Анализ торговых названий указанных продуктов российского производства показал отражение некоторых черт характера русского человека. Во-первых, это восхищение красотой родины, её неповторимостью, достопримечательностями, просторами России. Эти характеристики нашли отражение в таких названиях как: *Балтика* (пиво), *Волжские просторы* (конфеты), *Little Siberia* (косметика), *White Siberia* (косметика), *Tuva* (косметика). Можно перечислить и другие названия, указывающие на красоту, чистоту и силу русской природы, например: *Белочка* (конфеты), *Белуга* (водка), *Золотой улей* (мёд), *Красный мак* (конфеты), *Сибирский петушок* (сладости), *Сила оленя* (косметика), *Сила медведя* (косметика), *Arctic Rose* (косметика), *Beluga Allure* (косметика), *Frozen Berries* (косметика), *Oblepikha* (косметика), *White Cedar* (косметика). Элемент «русской души» легко найти также в следующих названиях, указывающих на высокое русское или советское качество, достижения человека: *Столичная* (или *Stolichnaya*, водка), *Russian Vodka* (водка), *Русский стандарт* (водка), *Спецмазь* (мазь), *Москвичка* (конфеты), *Московские* (пельмени), *Сибирские* (пельмени), *Омские* (пельмени), *Советское игристое*, *Caviar de Russie* (косметика), *Caviar*. Мы нашли также следующие названия, указывающие на русскую культуру и историю: *Gzel* (косметика), *Мишка косолапый* (конфеты), *Княжеские* (конфеты), *Царская золотая* (водка), *Красная шапочка* (конфеты), *Carska* (водка), *Золотая звезда* (лекарство), *Балет* (косметика). Такие названия тоже включаем в проектируемую нами категорию названий, отражающих русский менталитет и русскую душу. Наш список (пока) закрывают названия онимы, относящиеся к важным для россиян семейным ценностям. Здесь необходимо обратить внимание на следующие названия: *Семейный* (порошок для зубов), *Бабушка Агафия* (шампунь для волос), *Бабушкина аптечка* (бальзам для волос), *Белая Агафия* (крем для тела), *Банька Агафии* (косметика), *Алёнка* (шоколад), *Ксюша* (конфеты), *Визит* (конфеты).

Интересно заметить, что для оформления торговых названий номинаторы выбирали как латиницу, так и кириллицу. Такой подход можно рассматривать с двух точек зрения. Употребление кириллицы можно понимать как желание подчеркнуть, что предлагаемый продукт является традиционным русским продуктом, и в то же время экзотичным, необычным для польского потребителя.

Употребление латиницы позволяет сблизить покупателя с новой культурой, т.е. культурой, которой он почти не знает, помимо того, что по географическим меркам, культура и менталитет россиян близки польскому потребителю. Благодаря использованию латиницы польский покупатель может свободно прочитать, произнести и свободно пользоваться названием в повседневной языковой коммуникации.

Интересно также заметить, что употребление английского языка (при подготовке продукта для продажи на польском рынке) является довольно естественным и современным решением. Использование французского языка в названии косметического изделия, возможно, помогает подчеркнуть более высокое качество и сделать его похожим на французскую продукцию, одновременно указывая на русское происхождение продукта.

Кажется, что благодаря латинскому алфавиту польский потребитель (потребитель молодого поколения, который не владеет русским языком) как будто понимает, что Россия не экзотичная, непонятная страна (многие воспринимают кириллицу как исторический, трудный и экзотический алфавит, напоминающий египетские иероглифы), а современная европейская страна.

Как замечает Войтех Томасик, в Польше Россию очень часто воспринимают неправильно, т.е. как непонятную, непредсказуемую страну. Учёный задаёт вопрос, почему в Польше многие так относятся к России. Он утверждает, что данная непредсказуемость вытекает из исторического страха и культурной разности. К сожалению, данную разность очень часто «кормят», подчёркивают, выдвигают журналисты, телеведущие, и даже переводчики русской литературы, неправильно понимающие Россию [3, с.28].

Здесь очень интересно было бы напомнить слова Фридриха Шлейермахера, который рассматривал способы подбора эквивалентов в процессе перевода текста. В данной ситуации выбор способа записи торгового названия (латиницей или кириллицей, на русском, английском, польском или на французском языке) очень напоминает выбор эквивалента нужного для текста перевода. Учёный писал: «Либо переводчик, насколько это возможно, оставит в покое автора и поведёт к нему читателя, либо, насколько это возможно, оставит в покое читателя, чтобы вести к нему автора» [2, с.17]. Можно к этому отнести и процесс подготовки торгового

названия. Номинатор, будучи автором текста (или его «перевода»), решает, как в конечном итоге будет оформлено торговое название именуемого им продукта. Интересны также слова Малгожаты Лукасевич, которая обращает внимание на вопрос окончательного решения, принятого автором (названия) – доместиковать или форенизовать [1, с. 96].

Подводя итоги, следует отметить, что номинаторы русских продуктов старались показать менталитет россиянина, как человека любящего и уважающего свою страну, но и уважающего культуру других народов, в т.ч. и западноевропейских. В проанализированных названиях видна любовь к родине, её красоте, природе и к русской традиции. Некоторые названия указывают на высокое качество российской продукции, а также уважение традиционных ценностей, выработанных другими народами. Хорошо подобранные торговые названия, на наш взгляд, могут служить межкультурными мостами.

Литература

1. Łukasiewicz M., Pięć razy o przekładzie, Kraków, 2017. – С. 96.
2. Schleiermacher F., O różnych metodach tłumaczenia, tłum. P. Bukowski // Przekładaniec. 2008. № 21. – С. 17.
3. Tomasiak W., Rozkład jazdy, Bydgoszcz, 2018. – С. 28.
4. Луков В. А. Загадочная русская душа // Знание. Понимание. Умение. — 2008. № 4. С. 11.
5. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Стереотип «Загадочная русская душа»: от журналистского штампа к художественной загадке // Стереотипность и творчество. — Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией М.П. Котуровой; Пермский государственный университет. Пермь, 2010. С. 181-189.

ПЕРЕВЕСТИ НЕПЕРЕВОДИМОЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

О.Б. Трубина

olga.palladio@mail.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»
(Москва)

Важной тенденцией развития современного дискурса является расширение его интертекстуальности, при этом использование

прецедентных текстов становится его яркой чертой. Прецедентный текст мы будем понимать как текст, являющийся элементом культурной памяти как отдельной личности, так и социума, всего этноса, а также межэтнического языкового пространства. Обращение к такому тексту является многократным и регулярным в других текстах. Ю.Н. Караулов понятие прецедентного текста сформулировал следующим образом: это тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 215]. То есть, выделяются следующие основные характеристики прецедентности языковых единиц: значимость, известность, авторитетность. Рассматривая прецедент как объект действительности, можно выделить такой феномен, как «культурный прецедент», а под термином «прецедентный феномен» в таком случае понимают единицу языка, которая отражает тот или иной культурный прецедент и включает в себя понятия: собственно прецедентного текста (например, произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.д.); прецедентного высказывания (цитаты, название произведения, полное воспроизведение текста, представленное одним или несколькими высказываниями); прецедентной ситуации (некие эталонные ситуации с определенными коннотациями); прецедентного имени (имена собственные, связанные либо с прецедентными текстами, либо прецедентными ситуациями). В.В. Красных выделяет три вида прецедентных феноменов: социумно–, национально– и универсально-прецедентные феномены [2, с. 50–51]. Анализируя возможность перевода прецедентных текстов, можно сравнить общие подходы к переводу А. Нойберта и Ю. Найды. А. Нойберт выдвигает следующий критерий прагматической адекватности перевода: для переводчика важна аутентичность коммуникативного эффекта оригинала и перевода: реакция реципиента на перевод должна соответствовать реакции реципиента на оригинал. Таким образом, в силу неизбежности культурных различий между текстами оригинала и перевода переводчику необходимо обращаться к некоторым прагматическим адаптациям [4, с. 180–202]. При этом применяют следующие приемы адаптации: **затекстовые комментарии**

(они обычно даны в конце книги): указывается первоисточник – предикатный текст, время и обстоятельства его появления, а также другая культурно значимая информация; **постраничные сноски с комментарием «примечание переводчика»** или без него; **сочетание постраничных сносок с затекстовым комментарием; добавление переводчиком слов как писал N «...», «как сказал N...», указывающих на источник предикативного текста.** Ю. Найда в своей работе подчеркивает актуальность стремления к минимизации изменений, вносимых в текст с целью обеспечить читателю понимание текста перевода. В данном случае используются различного рода примечания, сноски, культурологические комментарии [5, с. 90–97]. Таким образом, выделяются два основных пути перевода текстов, содержащих культурно значимые и национально-специфические элементы: *адаптация и пояснение*, которые в свою очередь осуществляются с помощью различных переводческих приемов и решений.

Выбор приемов перевода зависит от нескольких причин: тип прецедентного текста, тип вторичного текста (проза/поэзия; стиль и жанр текста, тип адресата текста). При этом важную роль играет интенция самого переводчика и его «уровень вхождения в иную культурную среду».

Как известно, прецедентные тексты делят на несколько типов: **социумно-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума; **национально-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества, **универсально-прецедентные** – феномены, которые известны среднему современному человеку и, следовательно, те которые входят в «универсальное» когнитивное пространство. Универсально-прецедентные тексты, на наш взгляд, часто требуют простого буквального перевода, например: *Me ne lavo le mani* (буквально: я умываю руки. Цитата из Библии. Согласно Евангелиям, эти слова римского наместника Понтия Пилата, который пытался спасти Иисуса от казни, не видя за ним особой вины, но вынужден был отдать решение о судьбе Иисуса на откуп его врагам. Евангелие от Матфея (гл. 27, ст. 24): «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред

народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы»). Некоторые из прецедентных текстов этой группы вовсе не требуют перевода и используются с сохранением исходной графики, например: *dolce vita* (название фильма Феллини), *italiano vero*, (из песни А. Челентано). Имена собственные, зафиксированные в художественной литературе, в широком межнациональном культурном контексте, становятся прецедентными не только в языке-источнике, они становятся «золотым фондом» многих культур и часто не требуют перевода и комментария, например: *Ромео, Джульетта, Казанова, Альфонс, Отелло, Донжуан* и др. (У каждого поэта есть своя *Лаура*, своя **Беатриче**, а у рыцаря - **Дульсинея** (В. Слипенчук, НКРЯ); *Нет, я вам не скажу. Вы ревнивец. Нельзя быть таким **Отелло** (Ильф, Петров). Мы по **Эсам** да по **Мариенбадам** воду пить ездим (Салтыков-Щедрин). Я русский и поэтому имею право презирать эти **ренессансы** (Куприн). На нее жадно и с любопытством смотрел **Артынов**, этот известный **донжуан** и баловник. (А. Чехов).* Имена собственные, не входящие в группу универсально-прецедентных текстов, конечно, требуют другого переводческого решения. Например: *Иванушка-дурачок – Giovanni-citrullo*, *Емеля-дурак – Emiliano lo sceto*, *Баба-Яга – Baba Yaga*, *Кощей Бессмертный – Scheletto Senza Morte* (букв. *Скелет без смерти*), *Царевна - Несмеяна – La principessa Senza Sorriso* (букв. *Царевна без улыбки*) [3]. В этом случае используют такие приемы: транслитерация (побуквенное уподобление); создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для номинации требуемого феномена на основе языковых элементов и морфологических отношений, существующих в языке перевода (перевод описательный, перифрастический); использование слова, обозначающего близкое понятие, хотя и не тождественное (уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста).

Особого внимания переводчика требуют устойчивые выражения, особенно в том случае, если они прецедентны по своей природе. В этом случае допустим либо перевод семантический (уподобляющий) с аналогичным или близким устойчивым выражением, существующим в том языке, на который они переводятся, или буквальный перевод с комментарием переводчика, или простой описательный перевод. Например, в итальянском языке существует выражение **Testa di turco** - буквальный перевод: «*Голова*

турка» (несчастный человек, который всегда виноват во всём), семантический аналог – «стрелочник»; возможный комментарий: в период средневековья рыцари для военной подготовки упражнялись на вращающихся манекенах, голова которых напоминала обобщенный образ врага – турка в тюрбане. Также долгое время во всех балаганах Европы в качестве мишени для стрельбы использовали образ «зловещего турка», следует отметить, что до наших дней в Италии сохранилось восклицание, которым выражают страх или ужас: «*Mamma li turchi!*». Выражение ***avere fegato*** или ***avere del fegato*** – буквальный перевод: иметь печень (быть смелым, отважным человеком). В английском языке о смелом человеке используют идиому – *to have guts* (иметь внутренности, т.е. кишки), во французском – *avoir de l'estomac* или *avoir bon estomac* (иметь желудок), а в русском существует выражение с антонимичным значением – *кишка тонка*. Различие в характере образа, заложенного в основу устойчивого выражения, объясняется тем что для итальянского языка выражение ***avere fegato*** имеет прецедентную основу: в нем заложена память о подвиге титана Прометея (*Prometeo*), защитнике людей от произвола богов. Согласно древнегреческой мифологии, Зевс приказал приковать Прометея к двуглавному Эльбрусу, каждый день орёл расклёвывал его печень, которая со временем отрастала. Комментарий переводчика позволит передать культурно значимую информацию, заложенную в устойчивом выражении. В итальянском языке существует выражение ***avere le gambe (ginocchia) che fanno Giacomo Giacomo*** – буквальный перевод: иметь ноги (колени), которые делают «Джакомо Джакомо» – т.е. шататься, едва держаться на ногах от страха, усталости, изнеможения. Существует несколько версий происхождения этой идиомы, все они связаны с некой прецедентной ситуацией: с физически трудным и крайне опасным паломничеством, примерно в XI веке, к могиле апостола Иакова (Джакомо – Иоанна Богослова, который принял мученическую смерть в 44 г.), именующимся как «Путь Святого Иакова»; названием участников Жакерии (*Jacques*) – самого крупного в истории Франции крестьянского восстания (1358 г.): крестьяне носили куртки «*la jacque*», скрепленные металлической проволокой, это вызывало у дворян насмешку – «*Jacques bon hotte*» «Жак-

просто-так», от названия этого вида одежды крестьян стали называть «простаками», а после жестокого подавления восстания и кровавой резни – «трусливыми», «презренными», используя звукоподражание: имитацию звука хруста коленного сустава при волочении ног (сіас сіас, гіас гіас...). В этом случае оправдано использование переводчиком комментария к тексту.

Другая трудность перевода – перевод окказионального прецедентного высказывания. В этом случае либо создается авторское выражение, придуманное переводчиком, либо используется близкое по эмоциональной оценке и образности уже существующее в языке перевода высказывание или слово. Например: в романе А.Мандзони «Обрученные» есть герой (юрист Лекко), названный *Azzescagarbugli* (буквально: *затевай путаницу*), перевод прозвища этого героя – Крючкотвор – создает, на наш взгляд иной образ персонажа.

Таким образом, можно сказать, что перевод прецедентного текста – это «перевод непереводаемого», но это интересная лингвистическая задача и способ передать смысл культурно значимого концепта, существующего в другом языке и другой культуре.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов: электрон. книга. – М.: Изд-во ЛКИ. – 2010. – 264 с. – URL: <http://www.superlinguist.com>
2. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных: электрон. книга. – М.: Гнозис. – 2002. – 284 с. – URL: <http://www.scribd.com>.]
3. Лиходкина И. А. Особенности передачи мифонимов из русских народных сказок на английский, французский и итальянский языки // Молодой ученый. — 2015. — №10. — С. 1417-1420. — URL <https://moluch.ru/archive/90/18687/> (дата обращения: 03.03.2019).
4. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Отв. ред. В.Н.Комиссаров : сборник статей. – М.: Междунар. отношения, 1978. — 232 с. – С. 180-202.
5. Nida E.A. Linguistics and Ethnology in Translation-Problems / E.A. Nida // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology. – New York: Harper & Row, 1964. – P. 90-97

КОЛОРАТИВНАЯ КАРТИНА МИРА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ–ЖЕНЩИН

Н.А. Туранина

ldb@bgiik.ru

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Обобщенная национальная цветовая картина мира воплощена в произведениях фольклора и художественной литературы, зафиксирована в словарях и выявляется через сопоставление с другими национальными цветовыми картинами мира.

Цветовая картина мира писателя формируется на основе национальной, которая преломляется и видоизменяется в соответствии с авторским мировидением. Так как восприятие цвета – процесс во многом субъективный и результаты его часто не совпадают, национальная цветовая картина мира формируется на основе индивидуальной цветовой картины мира, но может иметь принципиальные отличия.

Автор, с одной стороны, в созданном тексте реализует свою цветовую картину мира. С другой стороны, в процессе порождения текста писатель осмысляет свое представление о цветовом континууме и текст помогает автору категоризировать и концептуализировать имена цвета, то есть – формировать свою цветовую картину мира. Взаимоотношения текста и читателя тоже характеризуются взаимной активностью: деятельность читателя направлена на реконструкцию авторской цветовой картины мира, но, обладая творческой активностью, читатель вносит в текст собственные представления о цветовом универсуме.

Функционально–прагматический подход в изучении цветономинаций, интегрирующий достижения таких наук, как коммуникативная лингвистика, функциональная стилистика, прагмалингвистика, лингвистика текста, когнитивные науки, требует пристального внимания. Данный подход нашел свое отражение в ряде исследований и статей, посвящённых изучению семантики и прагматики цветочных слов в индивидуально-авторском художественном мире.

Объединяющим началом всех работ по исследованию цветовой семантики в художественном тексте является принцип последовательности: от лексического значения слов, имеющих цветовую характеристику, к их индивидуально-авторскому эстетическому значению. Такой многоаспектный подход к изучению наименований цвета определяется многими особенностями лексики этого типа: разнообразие ее состава и путей образования, ее сочетательными свойствами (валентностью), стилистическими возможностями, авторскими новациями. При исследовании колоративной лексики ученые используют различные методики (компонентный анализ, контекстуальный анализ, статистический и т. д.), предполагающие наиболее полное описание состава колоративов, особенностей их употребления и восприятия.

Современная женская проза имеет свои традиции и особую специфику в создании цветовой картины мира. Палитра цвета по-разному представлена в текстах авторов-женщин: у одних присутствует весь цветовой спектр и многообразие оттенков в прямом и образном значениях, у других – только излюбленные цвета и оттенки.

Из общего числа колоратив «**синий**» – один из самых употребительных в текстах К. Букши, Л. Володиной, И. Головкиной, М. Ионовой, М. Кучерской, О. Кучкиной, М. Метлицкой, И. Муравьевой, Л. Петрушевской, И. Поволоцкой, Д. Рубиной, Н. Серединой, О. Славниковой, М. Степновой, В. Токаревой, Т. Толстой, Л. Улицкой, М. Шараповой – 2148 единиц (42%), затем белый – 1209 единиц (24%), красный – составляет 1099 единиц (21%), черный – 687 единиц (13%). Наряду с цветоименованиями, обозначающими белый, красный, черный, именно синему принадлежит ведущее место в колоративной гамме произведений всех перечисленных авторов. Менее употребительными в художественной прозе исследованных писателей являются колоративы зеленый и желтый.

Особый интерес представляют колоративы, используемые женщинами – писателями в переносном значении: в составе эпитетов, метафор, сравнений. В роли эпитета: **голубой** трепет радости (Н. Середина), **сине-зеркальные** покрывала воды (Д. Рубина); в составе метафоры: в волшебной **синеве** четы (В. Сычева). Необходимо отметить доминирование номинации группы синего цвета

и его оттенков в произведениях Д. Рубиной – 13%, Л. Улицкой – 12 %, И. Муравьевой – 11%, В. Токаревой – 10%, О. Славниковой – 8%, О. Кучкиной – 6%, М. Метлицкой – 5%, у остальных авторов номинация синего цвета составляет менее 5 %.

Колоратив **белый** и его оттенки являются тоже частыми в составе тропов. Чаще это эпитеты: **снежно-белый** огонь (И. Муравьева), использование и в составе метафоры: **белые** алмазы в эйфории (И. Муравьева) или сравнения: сверкала, как **алмазные** веки **кристально-белых** глаз воды (В. Токарева).

Колоративы присутствуют в художественном дискурсе К. Букши, Л. Володиной, И. Головкиной, М. Ионовой, М. Кучерской, О. Кучкиной, М. Метлицкой, И. Муравьевой, Л. Петрушевской, И. Поволоцкой, Д. Рубиной, Н. Серединой, О. Славниковой, М. Степновой, В. Токаревой, Т. Толстой, Л. Улицкой, М. Шараповой, М. Трауб и многих других как способ отражения эмоционально-психологических ощущений участников художественной коммуникации. Цветонаименования, помимо прямого информирования, несут большую коммуникативно-изобразительную нагрузку, авторы используют основные и оттеночные цветообозначения.

Литература

1. Туралина Н.А. Современная женская проза: взгляд лингвиста. – Белгород, 2012.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕМ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Э.Д. Аудинова

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского
(Симферополь)

В современной лингвистике вопросы, связанные с изучением фраземики – «ядра национального сознания, мерила духовности русского народа» [6, с. 251], обретают особую актуальность. С конца XX – начала XXI вв. в центре исследований находятся вопросы лингвокультурологического подхода к анализу фразеологических единиц (Л.Л. Касаткина, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко,

В.Н.Телия и др.), идеографической классификации (Т.Г.Никитина), выделения фразем в языковой картине мира (Н.Ф.Алефиренко), а также выявления особенностей функционирования фразем в художественном тексте (Ю.В.Архангельский, А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко, Н.Н.Захарова, Т.А.Яценко и др.). Вербализуя ключевые аксиологические установки художественного текста, фраземы отражают особенности «мировосприятия и миропонимания в категориях и формах родного (русского) языка», то есть в категориях ментальности, что репрезентирует интеллектуальные, духовные и волевые качества русской языковой личности [4, с. 61].

Цель исследования: выявить особенности реализации национально-культурной специфики фразем в художественных текстах В.М.Шукшина. Под **фраземами** понимаются «устойчивые сочетания слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [1, с. 62]. **Материалом** исследования послужила «малая проза» В.М.Шукшина. Общий объем исследованных текстов – 305 страниц.

Методы исследования: общенаучные (наблюдение, описание, индукция); логико-философские (закон причинно-следственных отношений, закон всеобщей связи явлений); лингвистические (дискурсивный анализ, дистрибутивный анализ, компонентный анализ семантики слова, контекстологический анализ), а также лингвокультурологическое комментирование.

Творчество В.М.Шукшина, являясь ярким выражением высокой духовности, стало предметом изучения как в литературоведческих (В.А.Апухтина, В.Ф.Горн, В.И.Коробов и др.), так и в лингвистических (Н.Н.Захарова, Л.В.Серикова, Т.И.Цурова, Т.А.Яценко и др.) работах. На сегодняшний день «глубоко осмыслена идейно-философская проблематика его произведений, изучены особенности языка и стиля, исследовано своеобразие шукшинской поэтики» [5, с. 14]. Показательно, что активное использование фразем в художественных текстах В.М.Шукшина формирует лингвопоэтику русского духовного возрождения (Е.Вертлиб, В.К.Сигов, Е.В.Черносвитов). В связи с этим при изучении образной составляющей фразем в рассказах В.М.Шук-

шина целесообразным представляется «обращение исключительно к плану содержания ФЕ, так как план выражения у единиц разных языков различен по определению» [2, с. 260]. Для иллюстрации особенностей реализации национально-культурной специфики фразеологизмов в художественном дискурсе В.М. Шукшина обратимся к рассказу «Письмо», где в полной мере раскрывается самобытность художественного почерка писателя.

Главной героине рассказа, старухе Кандауровой, приснился сон, очень взволновавший ее: будто молится она в пустом углу *без иконы* и при этом удивленно вопрошает: *Да где же у меня бог-то?* [11, с. 483]. Задумавшись над содержанием сна, женщина начинает волноваться: *Не с дочерью ли чего?* [11, с. 483]. Терзаемая переживаниями, она отправляется к бабке Ильичихе, чтобы та помогла истолковать сон. Узнав, что Кандаурова держит икону в шкафу, поскольку боится осуждения партийного зятя, Ильичиха укоряет ее: *Не гневи бога, Кузьмовна, не гневи. Кому какое дело!* [11, с. 483]. Семантика фраземы *не гневи Бога* направлена на раскрытие важной религиозно-философской и аксиологической составляющей: спрятав икону, то есть сокрыв лик святого Спасителя, героиня как бы прерывает духовную связь с Богом и ткань, связующая земное и неземное, истончается, становясь ускользающе-призрачной и неуловимой. В.М. Шукшин показывает, что через сакрально-предметный мир – в данном случае через икону – человеку открывается нечто всеобъемлющее, настраивающее его на особый созерцательно-возвышенный лад и позволяющее душой прикоснуться к скрытому лику жизни.

Заметим, что схожая идея развивается и в рассказе В.М. Шукшина «Крепкий мужик», где главным героем – Николаем Шурыгиным была разрушена церковь семнадцатого века. Это событие вызвало сильное негодование односельчан и родных: *Руки чесались у дьявола... Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу! Дьявол зудил руки...* и др. [11, с. 273-274]. Фраземы (*руки чесались (у дьявола)*, *грех-то какой взял на душу*, *дьявол зудил руки*), будучи подвергнуты индивидуально-авторскому преобразованию (расширение компонентного состава, использование каузативного глагола), объединены общим мотивом – мотивом «дьявольской разрушительной силы», побудившей героя совершить греховный поступок – разрушить церковь. Показательно, что

фразема *руки чешутся* отражает не только «острое желание совершить что-то нехорошее» [9, с. 390], но и указывает на стремление «сделать что-либо доброе» [9, с. 391]. ФЕ *взять грех на душу* – «нести ответственность за предосудительные поступки, совершаемые по принуждению или по своей воле» [9, с. 80], указывает на сближение человека с нечистой силой, ибо по свидетельству Св. Писания, начало греха идет от дьявола – падшего ангела, восставшего, по причине гордости, против Бога и в результате утратившего свое высокое ангельское достоинство: *«Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил»* (1Ин.3:8). Немаловажно, что столь резкое обвинение, адресованное Николаю (*грех-то какой взял на душу, дьявол зудил руки* и др.), в определенной мере нарушает его человеческое достоинство. Однако это можно объяснить тем, что «хворой матери» Николая больно не только из-за разрушенной церкви, но и безумно горько и стыдно за сына, который своим чудовищным поступком опозорил всю семью: *Ох горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди* [9, с. 390]. Показательно, что значимость церкви и веры, в противовес безверию и бездуховности, опустошающей и наполняющей мраком человеческую жизнь, отражена и в рассказе В.М. Шукшина «Мастер».

Возвращаясь к рассказу «Письмо», отметим, что между Кузьмовной и Ильичихой спор также разгорелся из-за религиозных воззрений, но затем перешел в ссору с взаимными обвинениями. Кандаурова, резкая и импульсивная по своей натуре, стремясь «отбить атаку», начала упрекать богомольную Ильичиху, что та *прокувала весь свой век, а теперь злится, что не ездит никто, оно и дела никому нет* [11, с. 483]. В основе фраземы *куковать век* – «жить одиноко без семьи» [7, с. 243] лежит образ одной из самых мифологизированных птиц – кукушки, которая имеет множество ипостасей в русском фольклоре. В народных легендах образ птицы обычно связывали с одинокой женщиной, а в мифологических представлениях бытовало мнение, что в облике кукушки душа умершего прилетает на землю, что отразилось в тексте похоронных причитаний («Прилетай же ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку») [8, с. 9-10].

Известно, что Душа и Сердце являются ключевыми концептами русской культуры, что очень выразительно проявилось и в

творчестве В.М. Шукшина [12, с. 327-334]. Так, главная героиня рассказа «Письмо», Кузьмовна, после ссоры с Ильичихой возвращается домой в тревожных думах о дочери: *Болела душа за Катьку. Неладно у нее, неладно – сердце чует* [11, с. 484]. Погруженность старухи в беспокойные мысли вызвана нежной любовью матери к родной кровинушке и смутными переживаниями о дочери, живущей с угрюмым и молчаливым супругом. Душа матери выступает *внутренним естеством* с особым утонченным мироощущением, улавливающим малейшие изменения в жизни дочери. Сердце же, являясь предвестником (*Неладно у нее, неладно – сердце чует*), выступает неким проводником, связывающим родственные души невидимыми нитями. Выходит, Душа матери ведет о переживаниях дочери, ибо Кандауровой *больно на душе*, а сердце, как чуткий резонатор, улавливает этот встревоженный строй чувствований и вторит душевному порыву. Чтобы снять камень с растревоженной души и облегчить свои страдания, женщина пишет «большое, поучительное письмо». Обращаясь к дочери, она дает ей совет: *Ты подскажи своему мужу, чтоб он был маленько поразговорчивей, поласковей. Ты скажи так: Коля, что ж ты (...) букой-то живешь?* [11, с. 485]. Лексема *бука*, то есть фантастическое существо, которым пугают детей, входит в состав трансформированной В.М. Шукшиным фраземы *глядеть букой* – «обнаруживать суровость, нерасположение, необщительность» [9, с. 183], что отражает угрюмый, неприветливый нрав зятя. Показательно, что диалектный (из сибирских говоров) глагол *букситься* (дичиться, коситься исподлобья, *от угрюмости или застенчивости*) указывает на возможные причины такого поведения. Таким образом, фразеологизм *глядеть букой* иллюстрирует, что такие черты характера как нелюдимость, угрюмость в русской языковой картине мира воспринимаются с непониманием или осуждением.

Продолжая письмо, мать советует зятю: *ты живи да радуйся, да других радуй* [11, с. 484]. В этих строках заключена философская сентенция, раскрывающая концепцию «живой жизни» по В.М. Шукшину: *живи да радуйся, да других радуй*. Немаловажно, что этот же афоризм («*Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй...*») в видоизмененной форме представлен в рассказе В.М. Шукшина «Мастер» [11, с. 128]. Таким образом, писа-

тель показывает, что вся полнота жизни сосредоточена внутри самого человека, в его жажде познать жизнь в ее необъятной полноте и разнообразии, в неистовом желании жить и приносить пользу окружающим.

Русская душа, будучи открытой (*душа нараспашку*) и при этом созерцательной от природы, наделена особой чувствительностью и, как следствие, неумемной жаждой любить и быть любимой: *Старуха вспомнила себя, молодую, своего нелюбимого мужа... Муж ее, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но бука несусветная* [11, с. 484]. Как видим, схожие нравы зятя и мужа разбередили, казалось бы, уже затянувшиеся раны на сердце матери и заставили почувствовать острую жалость к себе за годы, проведенные без ласки и любви. Искренне желая, чтобы дочь не повторяла ошибок матери и не сожалела об утраченных годах, прожитых без ободряющего слова, ласкового взгляда, мать в своем удивительном сочетании наивной серьезности, строгого добродушия и лукавого юмора дает совет-наставление дочке: *Ты, скажи [мужу], будешь думать, а я буду возле тебя сидеть – в глаза тебе заглядывать?* [11, с. 484]. Контекст, в который включена фраза *в глаза заглядывать*, подчеркивает искреннее желание матери видеть свою дочь по-настоящему счастливой и цельной личностью, которой не придется смотреть на мужа нарочито преданными глазами и иной раз заискивать перед ним. Желая дочери добра, мать начинает вести «имплицитный» диалог с зятем: *А не изменишь свой гыранитный характер – вон тебе дверь, выметайся! Иди на все четыре стороны* [11, с. 485]. Космогоническая теория четырех сторон света, отраженная во фразе *идти на все четыре стороны*, органично раскрывается в сочетании с ФЕ *гнать в три шеи* (*Дай ему месяц сроку: если не исправитца, гони в три шеи!* [11, с. 485]), где, по сравнению с менее экспрессивным фразеологизмом *гнать в шею/гнать взащей*, отражена втрое большая («в кубе») ярость и настойчивость. Далее Кандаурова сравнивает зятя с журавлем: *...попывали мы таких журавлей задумчивых (...)* *И чего ты, журавль, все думаешь-то* [11, с. 485], что находит отражение, во-первых, в паремиологическом наследии русского языка (*Лучше синица в руках, чем журавль в небе, Журавль в небе не добыча, Журавлиная походка не нашей стати*), во-вторых, упоминание о журавле встречается и в

других рассказах В.М. Шукшина («Срезал», «Стенька Разин»). Сходство с журавлем – длинноногой и длинношеей стройной птицей – наблюдается также при характеристике внешности зятя: *костлявый какой-то* [11, с. 485]. Показательно, что в славянской мифологии прилет журавлей – вестников из иного, небесного царства – ассоциировался с зарождением нового Солнца, а отлет курлычущих жалобно и заунывно журавлей возвещал о приближении холодов. Так, посредством метафорического переноса В.М. Шукшин наделяет мужа дочери такими чертами характера как задумчивость, замкнутость, погруженность в себя, что в контексте рассказа приобретает пейоративную окраску, а также указывает на внешние черты сходства с журавлем.

Изрядно посетовав на зятя, Кандаурова забывает о своей досаде и еще сильнее жаждет приезда детей и внуков: *Приезжайте, дорогие мои. Жду вас, как Христова дня* [10, с. 486]. Фразема *Христов день* – устар. Пасха [9, с. 563], будучи включенной в состав компаративного оборота, во-первых, отражает силу любви матери, которая с нетерпением ждет приезда родных, а во-вторых, что принципиально важно, свидетельствует о том, что мать окончательно признала право на *собственные*, ни от кого не зависящие, религиозные убеждения: лишь теперь в ее душе пробудилось Христово Воскресение.

Выводы. Проведенное исследование показало, что фраземы в художественном дискурсе В.М. Шукшина эксплицируют такие национально-культурные особенности русского этноса, как любовь-жалость, душевное сострадание, сопереживание, что формирует духовно значимые представления русского народа о любви, счастье, справедливости. Фразеологизмы с компонентами Душа и Сердце, особенно значимые для творчества В.М. Шукшина, соотносясь с ключевыми концептами русской культуры Душа и Сердце, отражают русское языковое сознание.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак: 2008. – 657 с.
3. Вертлиб Е.А. Василий Шукшин и русское духовное возрождение / Е.А. Вертлиб. –NewYork: Effect, 1990. – 269 с.

4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
5. Куляпин А.И. Проблемы творческой эволюции В.М. Шукшина: автореф. дис. на соискание уч. степени докт. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.И. Куляпин. – Барнаул, 2001. – 35 с.
6. Мокиенко В.М. Образы русской речи / В.М. Мокиенко. – Л., 1986. – 278 с.
7. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1968. – 543 с.
8. Никитина А.В. Образ кукушки в славянском фольклоре : монография. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 187 с.
9. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
11. Шукшин В. М. Рассказы / В.Шукшин. – М.: Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1986. – 556 с.
12. Яценко Т. А. Каузация в русском языковом сознании : монография / Т.А. Яценко. – Симферополь : «ДИАЙПИ», 2006. – 478 с.

ПОЭТИЧЕСКИЙ АГИТАЦИОННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

И.И. Чумак-Жунь

[*chumak@bsu.edu.ru*](mailto:chumak@bsu.edu.ru)

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(Белгород)

Когда речь заходит о манипуляции общественным сознанием и, как следствие, о языковых манипулятивных стратегиях, то в качестве основного носителя этих стратегий по умолчанию и вполне справедливо рассматривается публицистический дискурс (см. работы А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, В.З. Демьянкова – [1], [3], [4]). Во множестве лингвистических – филологических – работ именно публицистический дискурс анализируется как инструмент формирования и закрепления в массовом коммуникативном сознании идеологического компонента политической картины мира и как

инструмент создания идеологически маркированного стереотипа *свои/чужие*.

Этот аспект является популярным в современных исследованиях в немалой степени вследствие того, что подразумевает очень прозрачный с лингвистической точки зрения и выразительный публицистический материал – будь то статья на политическую тему или речи политических деятелей.

Однако публицистический дискурс – это лишь один из щупальцев громадного политического монстра, который выбрасывает в коммуникативную среду тщательно приготовленную языковую смесь, оформленную в разных текстовых разновидностях и в разных жанровых вариантах. Если перевести с языка метафоры, то описываемый монстр – очень показательный в аспекте полноценного диахронического исследования продуцирования подобных манипулятивных стратегий советский политический дискурс, ограниченный пространственно и во времени – 70 лет.

Можно назвать еще как минимум два сходных вездесущих «щупальца» – институциональные дискурсивные формации, которые в советское время планомерно реализуют манипулятивные стратегии дискурса власти – это дискурсы художественный и педагогический. Если политический дискурс – это лингвопрагматический исток манипулятивных стратегий, названные дискурсивные формации – путь для соответствующих идеологически заряженных текстов, то конкретный инструмент воздействия – текст, созданный по особым правилам. Сегодня мы обратимся к поэтическому – агитационному – тексту.

Выбор неслучаен – для него есть несколько причин:

1) поэтические тексты обладают огромной воздействующей энергией не только вследствие особой ритмико-графической и фонетической организации – ритмико-мелодической форме, но и благодаря особой – эстетической функции, которой обусловлено их существование;

2) поэтические тексты включаются как текстовый элемент в любую из названных дискурсивных формаций – органично функционируют как часть художественного дискурса и активно используются в педагогическом и публицистическом дискурсах;

3) за поэтическим текстом, как правило, стоит яркая языковая личность, непосредственно участвовавшая в формировании

социалистического имиджа, что определяет доверие адресата к информации, в этом тексте заложенной.

Стоит ограничить описание манипулятивного воздействия на сознание человека периодом когнитивной настройки (по Кравченко), суть которой заключается в том, что «организм постепенно встраивается в среду, вступая во все более расширяющийся круг разнообразных взаимодействий с компонентами среды, характеризующихся каузальной взаимообусловленностью» то есть именно в тот период, когда в сознании личности формируется базовый компонент идеологической картины мира. [2: 209]. Именно когнитивная настройка знаменует начало накопления опыта, по мере которого формируется прототипическая сложная репрезентация, или концепт.

Используя такие мощные социокультурные инструменты влияния, как система образования и масс-медиа, официальная идеология поощряет отдельных представителей художественной литературы участвовать в когнитивной настройке формирующейся личности и постулировании официальных практик властного субъекта эффективными средствами языка поэзии.

Поэтический дискурс является социальным феноменом, который, реализуясь в коммуникативной среде, испытывает влияние самых разнообразных экстралингвистических факторов, в частности, воздействие дискурса политического.

Одним из значимых инструментов дискурсивного воздействия является символическая политика – система средств влияния на получателя для создания необходимой идеологической картины мира.

Экстралингвистические факторы могут по-разному воздействовать на поэтический дискурс – как косвенно, например, вследствие изменения (идеологизации) семантики слова, которое включается в агитационные тексты, так и прямо – через использование в тексте идеологически окрашенной лексики и изменения структуры отдельных концептов.

В поэзии советского времени происходит трансформация концептосферы. Так, представление о святой Родине – Руси, России в «идеологически заряженных текстах» сменяется представлением о Советской Родине, имеющей соответствующую атрибутику.

Под влиянием политического воздействия нередко видоизменяется основная функция поэтического текста – традиционная эстетическая трансформируется (дополняется) в дидактическую.

Поэтическая рефлексия по отношению к политической ситуации занимает разное место в идиолектах поэтов советского периода. Особенно значима для формирования массового коммуникативного сознания идеологизация поэтических текстов детской литературы.

Властный дискурс использует поэтический текст как элемент воздействия на массовое коммуникативное сознание, пропуская его через идеологический фильтр. Наш междискурсивный подход предполагает системное описание закономерностей идеологизации текстов. На примере описания специфики функционирования одного из дискурсов – поэтического – мы попытались рассмотреть, каким образом дискурс власти оказывает влияние на массовое сознание.

Литература

1. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43. – URL: <http://www.infolex.ru>.
2. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Изд-во ОГУП, 2001. – 261 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Москва: Флинта, 2006. – 254 с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ. ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

- Яценко Т.А., Яценко Е.Л.* Креолизация как ядерный признак современного крымского краеведческого дискурса 3
- Уфимцева Н.В.* Власть и авторитет в языковом сознании и системе ценностей русских 10
- Пильгун М.А.* Семантическая эволюция понятия «власть»: диахронический аспект 15
- Балясникова О.В.* Применение психолингвистических методов для выявления пейоративности (на примере лексемы «чиновник») 18
- Гусейнова Р.Н.* О кризисе этнического самоопределения молодежи (по результатам ассоциативно-языкового эксперимента в Крыму) 23
- Коновалова Е.А.* Формирование языкового сознания крымчан (на примере концепта «Крымский мост») 28
- Черкасова Г.А., Филиппович А.Ю.* Русский региональный ассоциативный словарь: добавляем два новых региона – Крым и Донбасс 33
- Кириллова А.И.* Языковое сознание военного специалиста как предмет исследования в психолингвистике 40
- Дикарева С.С.* Мультимодальные семиотические ансамбли крымских web-сайтов 43

Мартынюк А.Я. Топонимика крымского региона:
лингвокультурологический подход 47

Никонова Л.И., Трибушинина С.Д., Охотина Т.Н. Язык
как способ хранения и передачи культурной информации:
на примере мордовской диаспоры в Крыму (по результатам
этноэкспедиции 2018 г.)..... 52

Нередкова С.С., Скиба И.Г. Языковая картина современного
Донбасса в условиях социальных потрясений (на материале
лингвистических экспертиз)..... 56

Стебунова А.Н. Слова-реакции на слово-стимул «учитель»
в речи донецкой молодежи 62

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

Войводич Д.П. Аспектуально-темпоральные парадоксы или
регулярные, контекстуально обусловленные употребления
видо-временных форм глагола в русском и других славянских
языках?..... 66

Андросюк Н.В. Двувидовые глаголы в русском, украинском
и словенском языках 72

Грачев М.А. Организационные аспекты при собирании
лексического материала для составления «Толкового словаря
живого великорусского языка» 76

Касьяненко Н.Е. Лексика медицины в переводных словарях
XVII в. (на примере «Лексикона латинского»
Е. Славинецкого) 81

Коннова М.Н. Русская праздничная культура в эпоху глобализации сквозь призму языка	88
Лещинская О.А. Лингвокультурологический анализ белорусских и русских фразеологизмов с общим значением ‘деньги’	94
Хамуркопаран Д. Структура словарной статьи в русско-турецком грамматическом словаре (презентация глагольной лексики) ...	100
Чекалина Е.М. Глаголы с возвратными показателями в русском и скандинавских языках.....	108
Войводич Д.Д. Конь/лошадь во фразеологических оборотах русского и сербского языков.....	115
Томасик П. Ономастика в личной (или ненаучной) жизни языковеда – ономаста. На примере <i>КЛУБНИКИ</i>	120
Пукас А.А. Особенности антонимических противопоставлений в русских и украинских пословицах тематической группы «добро – зло»	124
Черкашина Т.Т. Лингводидактическое сопровождение межкультурного диалога: презентация учебника «Язык деловых межкультурных коммуникаций»	129
Юрина Е.А. Принципы систематизации лингвистических баз данных в электронном «Полиязычном словаре метафор»	135
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современные российские лингвисты в зеркале РИНЦ: публикационная активность и индекс ХИРША	141

МЕДИАЛИНГВИСТИКА, ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Андрейченко О.И., Стамова Т.В., Щербачук Л.Ф.*
Гастрономическая метафора в сфере экономики 146
- Ачилова Е.Л., Регушевская И.А.* Ключевые особенности
современного медиалекта (на примере текстов спортивной
журналистики) 153
- Гладкая Н.В.* Стилистические средства создания комического
в креолизированных текстах интернет-дискурса 159
- Зюкина З.С.* Язык права и культура речи 165
- Павловская О.Е.* Жанрово-стилистические особенности
медиа текстов православной тематики в социальной
сети INSTAGRAM 171
- Петухов С.А.* Ретроспективный взгляд на язык российской
деловой прессы (на примере газет «Коммерсантъ»
и «Ведомости») 176
- Пономаренко И.Н., Мосьпан С.А.* Современный медиатекст
в аспекте формирования аксиологической модальности 182
- Прайд О.Ю.* Лексические инновации и семантический
апгрейд в правовом процессе 186
- Самыличева Н.А.* Новообразования как структурирующий
элемент смыслового пространства интернет-дискурса 191
- Соболева И.А.* Медиаполитический жаргон как современная
дискурсивная реалья 197
- Смеюха В.В.* Донские диалектизмы в региональных СМИ 201

Цыганкова А.В., Чудинов А.П. Лингвополитическая
персонология на современном этапе развития 207

Шемелева Т.В. Грамматические каноны и языковая игра
в современном газетно-публицистическом дискурсе 210

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Петрухина Е.В. Ключевые для современной эпохи
словообразовательные модели в русском языке 216

Маркова Е.М. Интернациональное и национальное
в глагольных новациях современного русского языка 223

Шарандин А.Л. Классификация морфем и их отражение
в разборе слова по составу 232

Теркулов В.И. Универбализация и смежные явления 237

Бровец А.И. Дешифровальный стимул аббревиатуры:
когнитивная, диахронная и синхронная трактовка 244

Валеева Л.В., Сушко К.А. Формально-семантическая
выраженность субстантивной собирательности
в современном русском языке 251

Емельянова К.Ю. Универбализационная и псевдоунивербализа-
ционная фальсификации: первый опыт описания 256

Ким Д.А. К вопросу об оценке процесса заимствования
в истории русского языка: ретроспективный взгляд 262

Крапотина Т.Г. Фразеологические единицы как средство
выражения модальных значений сквозь призму образности 268

Балацкая Ю.Ю. Видовая коррелятивность глагольных фразеологизмов.....	274
Курмакаева Н.П. Понятие поля в синтаксисе: теория и метаязык.....	278
Лялюк А.А. Особенности дешифровальных стимулов аббревиатурных наименований строений	285
Пляскина Е.И. Фразеологические единицы со значением характеристики ситуаций в одном забайкальском говоре.....	288
Стрельникова Н.Д. К вопросу о феминитивах.....	294
Халабузарь А.О. Составные абброконструкты с компонентом «авиа»: формальное и ономаσιологическое описание.....	302
Шановалова Т.Е. «Кто бы мог песню спеть одну?»: частица <i>бы</i> в русском предложении	307
Ярошенко Н.А. Ономаσιологические модели сложных номинаций лица с компонентом <i>кино</i> в современном русском языке ...	313

ОНОМАСИОЛОГИЯ. ЛИНГВОКРЕАТИВ В СФЕРЕ ГОРОДСКОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Калинкин В.М. Источники и составные части поэтонимологии как самостоятельной научной дисциплины....	321
Калугина Т.В. Этапы и перспективы развития ономаσιологии в XXI веке.....	327
Мозговой В.И. Генезис имени собственного	333
Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Анализ фантазийных наименований в лингвистической экспертизе товарных знаков	342

<i>Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П.</i> Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации	348
<i>Пономаренко И.Н.</i> Современный эргоним: от слова к тексту..	353
<i>Титаренко Е.Я.</i> «Дизайн-код» современного города	358
<i>Герасименко И.А.</i> Региональная практика в сфере номинации внутригородских пространственных объектов современного Донбасса	364
<i>Ковалёв В.И.</i> Студенческий лингвокреатив: взгляд из Донбасса	369
<i>Крыжановская В.А.</i> Квазиремотивация как вид графической трансформации эргонима	376

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ. СЕМАНТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТЫ

<i>Бугаева И.В.</i> Религиозная лексика в маркетинговой терминологии	379
<i>Жуковская Л.И.</i> Грамматические преобразования лексем <i>менталитет</i> и <i>ментальность</i> как признаки культурного освоения инокультурного концепта	384
<i>Наговицына Н.В.</i> «Концептуальная антонимия» как средство языковой объективации концепта «патриотизм»	390
<i>Пименова М.В.</i> Компоненты коннотативного значения.....	396
<i>Романова Т.В.</i> Концепт <i>общество</i> по данным русскоязычных интернет-форумов	401

Сайгин В.В. Окказиональные дериваты лексемы <i>грех</i> в языковом воплощении концепта ‘грех’ в современной русской речи	407
Сегал Н.А., Мищенко А.Н., Мищенко А.А. Мифологические сюжеты как источник прецедентности (на примере образов <i>лешего</i> и <i>русалки</i>).....	413
Стародубец С.Н. Составное наименование с атрибутом «духовный» как маркер дискурса И.А. Ильина	418
Томасик С. Русская душа в названиях русских продуктов за рубежом.....	422
Туранина Н.А. Колоративная картина мира в восприятии современных писателей–женщин	425
Аудинова Э.Д. Национально-культурная специфика фразем в рассказах В.М. Шукшина.....	431
Трубина О.Б. Перевести непере译имое: к вопросу о переводе прецедентных текстов	433
Чумак-Жунь И.И. Поэтический агитационный текст как средство манипуляции общественным сознанием	440

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ**

**Сборник научных статей
III Международного симпозиума**

(8 – 12 июня 2019 г.)

Том 1

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 26,27. Тираж 150 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru